ЧЕЛОВЕК И ПРАВО – XXI ВЕК

AN INDIVIDUAL AND THE LAW – XXI CENTURY

Альманах

Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

Saratov State Law Academy Institute of Prosecution

Almanac

Выходит 4 раза в год

2026

Выпуск 3

Issue 3

12+

ISSN 2949-1703

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

Электронная версия размещена на официальном сайте
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
по адресу: http://www.сгюа.рф/ru/xxi-vek

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 10 мая 2023 г. ПИ № ФС77-85274.

Распространяется по подписке. Подписной индекс ВН018764. Размещение в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» на сайте www.ural-press.ru. Цена свободная.

Адрес редакции: 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.
Телефон: (8452) 29-90-75
E-mail: almanahip@yandex.ru

Редакторы: *Н.С. Добротворская, Т.А. Поршакова, Е.А. Фешина, М.П. Яковлева*
Компьютерная верстка, дизайн обложки – *С.А. Епифанова*

Подписано в печать 02.11.2026. Дата выхода в свет 02.11.2026. Формат $70\times100^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Liberation. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,1. Уч.-изд. л. 20. Тираж 950 экз. Заказ № 402.

Издательство Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

ISSN 2949-1703

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2026

Главный редактор

Спесивов Н.В. директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

Заместитель главного редактора

Швецова И.В. заместитель директора Института прокуратуры по научной работе Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

Ильгова Е.В. ректор Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Мацкевич И.М. ректор Университета прокуратуры РФ, старший советник юстиции, д.ю.н., профессор;

Габов А.В. главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д.ю.н.;

Грибунов О.П. ректор Байкальского государственного университета, д.ю.н., профессор;

Соколов А.Ю. директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, заведующий кафедрой административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Бутба С.Р. председатель Верховного Суда Республики Абхазия (Республика Абхазия), к.ю.н.;

Гулягин А.Ю. прокурор Астраханской области, д.ю.н.;

Белоусов С.А. проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Гончаров М.В. первый проректор Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, к.ю.н., доцент.

Редакционная коллегия:

Абанина Е.Н.
заведующий кафедрой земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Акчурин А.В.
заместитель начальника по научной работе Академии права и управления ФСИН России, д.ю.н., доцент;

Амирбеков К.И.
заведующий отделом научного обеспечения организации прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 3-го класса, д.ю.н.;

Ананьева А.А.
заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, д.ю.н., доцент;

Антонян Е.А.
заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., профессор;

Аширбекова М.Т.
профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Афанасьев С.Ф.
заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, судья в отставке;

Блинов А.Г.
заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Боярская Ю.Н.
доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Бытко С.Ю.
профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Вавилин Е.В.
заведующий кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., профессор;

Варыгин А.Н.
заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Велиева Д.С.
заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, д.ю.н., профессор;

Воротников А.А.
профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Ворошилова С.В.
профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Дворянсков И.В.
главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, д.ю.н., профессор;

Дикарев И.С.
директор Института права Волгоградского государственного университета, д.ю.н., доцент;

Добробаба М.Б.
профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., доцент;

Залужный А.Г.
профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, д.ю.н., профессор;

Заметина Т.В.
заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Зацепин А.М.
директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., доцент;

Иванчина Ю.В.
профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д.ю.н., доцент;

Исаенкова О.В.
заведующий кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Истомина Е.А.
профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д.ю.н., доцент;

Клименко А.И.
начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессор;

Ковалева Н.Н.
руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н., профессор;

Комбарова Е.В.
доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Комкова Г.Н.
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, д.ю.н., профессор;

Кузбагаров А.Н.
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., профессор;

Лопашенко Н.А.
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Макаренко И.А.
заведующий кафедрой криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, д.ю.н., профессор;

Манова Н.С.
заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Мартыненко И.Э.
заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Беларусь), д.ю.н., профессор;

Меркурьев В.В.
главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму Научно-исследовательского института Университета прокуратуры РФ, д.ю.н., профессор;

Никитин А.А.
профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Покачалова Е.В.
заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Рахмон Д.С.
профессор кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета (Республика Таджикистан), д.ю.н., профессор;

Репьев А.Г.
заместитель директора по науке Юридического института Российского университета транспорта, д.ю.н., доцент;

Рогова Е.В.
директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., профессор;

Россинский С.Б.
главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, д.ю.н., профессор;

Рыбакова С.В.
главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д.ю.н., доцент;

Скаков А.Б.
профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказаний Костанайской академии МВД Республики Казахстан (Республика Казахстан), д.ю.н.;

Соловых С.Ж.
заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Соловьева Т.В.
профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Спесивов Н.В.
директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Чаннов С.Е.
заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Черкасов К.В.
профессор кафедры административного, финансового и информационного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д.ю.н., профессор;

Шапиро Л.Г.
заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Швецова И.В.
доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.

Editor-in-Chief

Spesivov N.V. Director of the Institute of the Prosecutor's Office, Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor.

Deputy Editor-in-Chief

Shvetsova I.V. Deputy Director for Research of the Institute of the Prosecutor's Office, Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor.

Editorial Council:

Ilgova E.V. Rector of Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor;

Matskevich I.M. Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Advisor of Justice, Doctor of Law, Professor;

Gabov A.V. Chief Research Fellow at the Sector of Civil and Business Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Law;

Gribunov O.P. Rector of Baikal State University, Doctor of Law, Professor;

Sokolov A.Yu. Director of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Butba S.R. President (Chairman) of the Supreme Court of the Republic of Abkhazia, Candidate of Law;

Gulyagin A.Yu. Prosecutor (Public Prosecutor) of the Astrakhan Region, Doctor of Law;

Belousov S.A. Vice-Rector for Research, Head of the Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Goncharov M.V. First Vice-Rector of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Candidate of Law, Associate Professor.

Full List of the Editorial Board Members

Abanina E.N
Head of the Department of Land and Environmental Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor;

Akchurin A.V.
Deputy Head for Research, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Doctor of Law;

Amirbekov K.I.
Head of the Department for Scientific Support of the Organization of Prosecutorial Activities, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law;

Ananyeva A.A.
Head of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor;

Antonyan E.A.
Head of the Department of Criminology and Penal Enforcement Law named after V.E. Eminov, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor;

Afanasyev S.F.
Head of the Department of Arbitration Procedure, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Ashirbekova M.T.
Professor of the Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor;

Blinov A.G.
Head of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Boyarskaya Yu.N.
Associate Professor of the Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor;

Bytko S.Yu.
Professor of the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor;

Vavilin E.V.
Head of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor;

Varygin A.N.
Head of the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Veliyeva D.S.
Head of the Department of Constitutional and International Law, Volga Region Institute of Management – Branch of RANEPA, Doctor of Law, Professor;

Vorotnikov A.A.
Head of the Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Voroshilova S.V.
Professor of the Department of History of State and Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Dvoryanskov I.V.
Chief Research Fellow of the Department for Development of Methodologies for Execution of Criminal Penalties without Isolation from Society, Center for Research on Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support for Professional Activities of Penal System Staff, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor;

Dikarev I.S.
Director of the Institute of Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor;

Dobrobaba M.B.
Deputy Head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Associate Professor;

Zaluzhny A.G.
Professor of the Department of Legal Support of National Security, Institute of Law and National Security, RANEPA under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;

Zametina T.V.
Head of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Zatsepin A.M.
Director of the Crimean Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor;

Ivanchina Yul.V.
Professor of the Department of Labor Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Law, Associate Professor;

Isaenkova O.V.
Head of the Department of Civil Procedure, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Istomina E.A.
Professor of the Department of Labor Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Law, Associate Professor;

Klimenko A.I.
Head of the Department of Theory of State and Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor;

Kovaleva N.N.
Head of the Department of Digital Technology Law and Biolaw, Faculty of Law, HSE University, Doctor of Law, Professor;

Kombarova E.V.
Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev, Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor;

Komkova G.N.
Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Dean of the Faculty of Law, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Doctor of Law, Professor;

Kuzbagarov A.N.
Professor of the Department of Civil Law Disciplines, St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;

Lopashenko N.A.
Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Makarenko I.A.
Head of the Department of Criminalistics, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor;

Manova N.S.
Head of the Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Martynenko I.E.
Head of the Department of Civil Law and Procedure, Yanka Kupala State University of Grodno, Doctor of Law, Associate Professor;

Merkuryev V.V.
Chief Research Fellow of the Department for Scientific Support of Prosecutor's Supervision and Strengthening of Law and Order in the Sphere of Federal Security, Interethnic Relations, and Countering Extremism, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;

Nikitin A.A.
Professor of the Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor;

Pokachalova E.V.
Head of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Rakhmon D.S.
Professor of the Department of Human Rights and Comparative Law, Faculty of Law, Tajik National University, Doctor of Law, Professor;

Repyev A.G.
Professor of the Department "Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure," Law Institute of the Russian University of Transport, Doctor of Law, Associate Professor;

Rogova E.V.
Director of the Irkutsk (Branch) Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;

Rossinsky S.B.
Chief Research Fellow of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor;

Rybakova S.V.
Chief Research Fellow of the Department of Financial, Tax and Budget Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor;

Skakov A.B.
Professor of the Department of Criminal Law and Organization of Execution of Sentences, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbaev, Doctor of Law, Associate Professor;

Solovykh S.Zh.
Head of the Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor;

Solovyeva T.V.
Professor of the Department of Civil Procedure, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Spesivov N.V.
Director of the Institute of the Prosecutor's Office, Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor;

Channov S.E.
Head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Cherkasov K.V.
Professor of the Department of Administrative, Financial and Information Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor;

Shapiro L.G.
Head of the Department of Criminalistics, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor;

Shvetsova I.V.
Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, Saratov State Law Academy, Candidate of Law, Associate Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

Манова Н.С.,
Лавнов М.А.,
Спесивов Н.В.
13 Предисловие к выпуску

Материалы Всероссийского круглого стола «Риск-ориентированная адаптация уголовного судопроизводства»

Гришина Е.П.
20 Риски цифровизации уголовного судопроизводства

Дармаева В.Д.,
Кузьмин Д.А.
27 Определение рисков при избрании меры пресечения

Дроздова Е.В.
34 Возможные риски потери идентичности при цифровизации уголовного судопроизводства

Лавнов М.А.
39 Прогнозирование внедрения риск-ориентированных технологий в правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности

Максуров А.А.
47 Риски отсутствия координации в уголовном судопроизводстве

Моругина Н.А.
54 Социально-правовая ценность правосудия в условиях цифровой транспарентности

Тутынин И.Б.
63 Прогноз и хеджирование рисков в принятии решений о мерах уголовно-процессуального принуждения имущественного характера

Шаталов А.С.
69 Позитивные и негативные аспекты риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве

Состояние и перспективы развития российского законодательства

Бакаева О.Ю.,
Тихоненко Ю.С.
75 Применение технологий искусственного интеллекта при использовании риск-ориентированного подхода в налоговом контроле

Баранова М.А.,
Золотова В.А.
82 Особенности производства следственных действий в условиях военного положения или в период проведения контртеррористической операции: проблемы обеспечения процессуальной безопасности

Блинов А.Г.
91 Уголовно-правовой запрет на воспрепятствование оказанию медицинской помощи: от идеи к реализации

Боярская Ю.Н.
100 Автономные и автоматизированные беспилотные транспортные средства: к вопросу о формировании единого понятийного аппарата

Герасимов А.М.
106 Сущность наказания и ее отражение в отдельных видах наказаний

Дорошок Л.С.,
Дорошок Т.С.
113 Стратегические цели и нормативно-правовой механизм поддержки инвестиций в России

Зарьков Д.С.
121 Консолидация как ответ на проблему «инфляции» нормативного материала в современной России

Кротов К.С.
126 Внутреннее содержание структуры процессуального законодательства об административных правонарушениях: возможные пути совершенствования нормативного регулирования

Кулачков В.В.
133 Специфика правового просвещения в первой трети XX века

Лапин Е.С.
141 Философская основа теории планирования расследования преступлений

Миронов В.Ю.
148 Пропорциональное регулирование как форма реализации риск-ориентированного подхода в нормотворчестве Банка России

Островская Н.Б.
154 Развитие альтернативных источников финансирования проектов субъектов малого и среднего предпринимательства на ранних стадиях развития: опыт Приволжского федерального округа

Савельева М.В.
161 От осмотра места происшествия к осмотру цифровых объектов: трансформация процесса осмотра в работах представителей саратовской криминалистической школы

Свистунов А.А.
170 Субъекты регионального государственного управления в области обеспечения инновационной деятельности

Соловьева Т.В.
178 Инновационный подход к примирению в направлении оптимизации гражданского судопроизводства

Францифоров Ю.В.
185 Место законности в системе принципов уголовного процесса и в теории уголовно-процессуального права

Ширяева К.А.
192 Заключение прокурора по делу в гражданском судопроизводстве: комплексное теоретическое представление

Взгляд молодых ученых

Блинов А.Г.
200 Административная ответственность за правонарушения в области деятельности субъектов естественных монополий

Гончарова Ю.А.
207 Конституционная идентичность как инструмент сдерживания международных институтов: сравнительно-правовой анализ моделей защиты в условиях полицентричного миропорядка

Кляндина Т.Ф.
215 Правовое регулирование самозапрета на получение потребительских кредитов в условиях цифровизации и проблемы злоупотребления правом

Матчонова О.А.
229 Понятие и признаки тайны как предмета правового регулирования и объекта охраны

Музалевская К.В.
235 Механизм конституционно-правового регулирования высшего образования в Российской Федерации

Риве Е.В.
244 Специальный инвестиционный контракт как средство государственного стратегического планирования

Храмков Р.П.
249 Основание отсрочки отбывания наказания больным наркоманией и его установление судами

Хугаев Г.Ц.
258 Субъекты Российской Федерации в контексте производительных заимствований

Шетогубов П.А.
266 Административная ответственность за нарушение порядка ограничения доступа к информации экстремистского содержания

CONTENT

Manova N.S.,
Lavnov M.A.,
Spesivov N.V.
13 Preface to the issue

Materials of the All-Russian round table "Risk-based adaptation of criminal proceedings"

Grishina E.P.
20 Risks of Digitalization of Criminal Proceedings

Darmaeva V.D.,
Kuzmin D.A.
27 Determining Risks when Selecting a Measure of Restraint

Drozdova E.V.
34 Possible Risks of Loss of Identity in the Digitalization of Criminal Proceedings

Lavnov M.A.
39 Forecasting the Implementation of Risk-Oriented Technologies into the Legal Regulation of Criminal Procedural Activity

Maksurov A.A.
47 Risks of Lack of Coordination in Criminal Proceedings

Morugina N.A.
54 Socio-Legal Value of Justice in the Contex of Digital Transparency

Tutynin I.B.
63 Forecasting and Hedging Risks in Decision-Making on Measures of Criminal Procedural Coertion of a Property Nature

Shatalov A.S.
69 Positive and Negative Aspects of the Risk-Oriented Approach in Criminal Proceedings

State and prospects for the development of Russian legislation

Bakaeva O.Yu.,
Tikhonenko Yu.S.
75 Application of Artificial Intelligence Technologies in Using the Risk-Oriented Approach in Tax Control

Baranova M.A.,
Zolotova V.A.
82 Specific Features of Conducting Investigative Actions Under Martial Law or During a Counter-Terrorist Operation: Problems of Ensuring Procedural Safety

Blinov A.G.
91 Criminal Law Prohibition on Obstructing the Provision of Medical Assistance: From Idea to Implementation

Boyarskaya Yu.N.
100 Autonomous and Automated Unmanned Vehicles: Towards a Unified Conceptual Framework

Gerasimov A.M.
106 The Essence of Punishment and Its Reflection in Certain Types of Punishment

Doroshok T.S.,
Doroshok L.S.
113 Strategic Goals and the Normative Legal Mechanism for Supporting Investment in Russia

Zarkov D.S.
121 Consolidation as a Response to the Problem of “Inflation” of Normative Material in Modern Russia

Krotov K.S.
126 Internal Contents of the Structure of Procedural Legislation on Administrative Offenses: Possible Ways of Improving Normative Regulation

Kulachkov V.V.
133 Specifics Features of Legal Education in the First Third of the 20th Century

Lapin E.S.
141 Philosophical Foundation of Crime Investigation Planning

Mironov V.Yu.
148 Proportional Regulation as a Form of Implementing the Risk-oriented Approach in the Rule-making of the Bank of Russia

Ostrovskaya N.B.
154 Development of Alternative Sources of Financing for Small and Medium-Sized Business at the Early Stages of Development: The Experience of the Volga Federal District

Saveleva M.V.
161 From the Inspection of the Scene to the Inspection of Digital Objects: Transformation of the Inspection Process in the Works of Representatives of The Saratov Criminalistics School

Svistunov A.A.
170 Subjects of Regional State Administration in the Field of Ensuring Innovation Activity

Solovyova T.V.
178 Innovative Approach to Reconciliation as a Direction for Optimizing Civil Proceedings

Frantsiforov Yu.V.
185 The Place of Legality in the System of Principles of Criminal Procedure and in the Theory of Criminal Procedural Law

Shiryaeva K.A.
192 Prosecutor's Opinion on the Case in Civil Proceedings: a Comprehensive Theoretical Conception

VIEW OF YOUNG SCIENTISTS

Blinov A.G.
200 Administrative Liability for Offences in the Field of Activities of Natural Monopoly Subjects

Goncharova Yu.A.
207 Constitutional Identity as an Instrument of Restraining International Institutions: A Comparative Legal Analysis of Models of Protection in a Polycentric World Order

Klyandina T.F.
215 Legal Regulation of Self-Ban on Obtaining Consumer Credits in the Context of Digitalization and Problems of Abuse of Right

Matchonova O.A.
229 The Concept and Features of Secrecy as a Subject of Legal Regulation and an Object of Protection

Muzalevskaya K.V.
235 The Mechanism of Constitutional Legal Regulation of Higher Education in the Russian Federation

Rive E.V.
244 Special Investment Contract as a Means of State Strategic Planning

Khramkov R.P.
249 The Grounds for Deferment of Serving a Sentence by a Drug Addict and Its Establishment by Courts

Hugaev G.C.
258 Subjects of the Russian Federation in the Context of Productive Borrowings

Shetogubov P.A.
266 Administrative Liability for Violation of the Procedure for Restricting Access to Information of an Extremist Nature

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ

Основной раздел третьего выпуска альманаха Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии «Человек и право – XXI век» (далее – Альманах) за 2026 г. посвящен результатам состоявшегося 26 марта 2026 г. в СГЮА Всероссийского круглого стола «Риск-ориентированная адаптация уголовного судопроизводства», организаторами которого выступили кафедра уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии и кафедра уголовного процесса Московской академии Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева.

Заседание прошло в смешанном формате: очно – на площадках в Саратове и Москве, а также с дистанционным подключением участников, в том числе представителей Луганской академии Следственного комитета РФ. В работе круглого стола приняли участие более 40 человек, среди которых 5 докторов юридических наук и 22 кандидата юридических наук, сотрудники судебных органов, прокуратуры, Следственного комитета РФ, МВД России, курсанты, магистранты и аспиранты. География участников охватила 19 юридических вузов России – от Южно-Уральского государственного университета до Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) и Университета прокуратуры РФ.

Мероприятие проводилось в рамках гранта Российского научного фонда № 25-28-01190 «Транспарентность уголовного судопроизводства в условиях цифровизации и информатизации». Этот научный проект, возглавляемый заведующим кафедрой уголовного процесса СГЮА доктором юридических наук, профессором Н.С. Мановой, стал концептуальной основой для многих выступлений и дискуссий.

С приветственными словами к участникам обратились заведующий кафедрой уголовного процесса Московской академии СК России им. А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент Ю.А. Цветков и заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии доктор юридических наук, профессор Н.С. Манова. Модераторами круглого стола выступили Н.С. Манова и доцент кафедры уголовного процесса СГЮА кандидат юридических наук, доцент М.А. Лавнов.

Открывая форум, Ю.А. Цветков представил доклад «Понятие и виды рисков в уголовном процессе». Выступающий предложил систематизацию рисков, сопровождающих уголовно-процессуальную деятельность,

и обозначил необходимость выработки единого понятийного аппарата в данной сфере. Доклад задал теоретический тон всей последующей дискуссии, сфокусировав внимание участников на многогранности самого феномена «риск» в правоприменительной практике.

Судья Верховного Суда РФ в почетной отставке доктор юридических наук Н.А. Колоколов в своем выступлении на тему «Уголовное судопроизводство – это всегда риск» развил эту мысль, подчеркнув, что риск является имманентной характеристикой любого правоприменительного акта. Он обратил внимание на то, что осознание неизбежности риска не должно парализовать волю судьи или следователя, но требует выработки механизмов его минимизации, прежде всего через совершенствование стандартов доказывания и процедур принятия решений.

Профессор кафедры судебной и правоохранительной деятельности Южно-Уральского государственного университета доктор юридических наук, профессор С.В. Зуев посвятил свое выступление доказательственному и иному значению электронных данных в уголовном процессе. В условиях тотальной цифровизации всех аспектов жизнедеятельности электронные данные становятся не просто вспомогательным, а нередко и основным источником доказательственной информации. Докладчик обозначил риски, связанные с обеспечением достоверности, целостности и допустимости электронных доказательств, и предложил конкретные механизмы их верификации.

Профессор кафедры уголовно-процессуального права им. П.А. Лупинской Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, доцент С.В. Бурмагин выступил с докладом «Риски принятия неправосудных решений в уголовном процессе». Он проанализировал причины судебных ошибок как объективного (несовершенство законодательства, недостатки доказательственной базы), так и субъективного (профессиональная некомпетентность, предвзятость) характера. В качестве одного из способов минимизации таких рисков докладчик предложил усиление механизмов судебного контроля и пересмотра дел.

Доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии кандидат юридических наук, доцент М.А. Лавнов представил доклад «Прогнозирование внедрения риск-ориентированных технологий в правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности». Выступление, подготовленное в рамках работы научно-образовательной лаборатории правового прогнозирования Саратовской государственной юридической академии, было посвящено методологическим основаниям прогнозирования правовых изменений. Докладчик аргументировал необходимость перехода от реактивного правотворчества к проактивному, базирующемуся на научно обоснованном предвидении возможных рисков.

Профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева доктор юридических наук, профессор Л.В. Бертовский в докладе «Соблюдение прав человека в условиях цифровизации уголовного судопроизводства» обратил внимание на риски, которые несет цифровая трансформация для фундаментальных прав участников процесса – права на неприкосновенность частной жизни, права на защиту персональных данных, права на справедливое судебное разбирательство. Он призвал к взвешенному подходу при внедрении цифровых технологий, не допускающему их использования во вред правам и свободам граждан.

Профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии доктор юридических наук, доцент А.Ю. Чурикова выступила с докладом «Риски цифровой трансформации уголовного судопроизводства». Исследование, выполненное в рамках гранта РНФ № 25-28-01190, было посвящено системному анализу рисков, порождаемых внедрением информационных технологий в уголовный процесс. Докладчик выделила риски технические (сбои, утечки данных), правовые (пробелы в законодательном регулировании) и социальные (цифровое неравенство, потеря доверия к правосудию).

Доцент кафедры прокурорского надзора Университета прокуратуры РФ кандидат юридических наук В.В. Игошин в выступлении на тему «Цифровизация уголовно-процессуального доказывания: возможности и риски» сосредоточился на трансформации доказательственного права под влиянием цифровых технологий. Он отметил, что цифровизация открывает новые возможности для собирания, проверки и оценки доказательств, но одновременно порождает риски, связанные с манипуляцией данными, сложностью их аутентификации и недостаточной квалификацией правоприменителей.

Профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева доктор юридических наук, профессор А.С. Шаталов в докладе «Позитивные и негативные аспекты риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве» дал сбалансированную оценку перспективам внедрения риск-ориентированной методологии. Признавая ее эвристический потенциал, он предостерег от абсолютизации этого подхода, способной привести к подмене юридических критериев оценки статистическими и управленческими показателями.

Профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева доктор юридических наук, доцент И.Б. Тутынин выступил с докладом «Прогноз и хеджирование рисков в принятии решений о мерах уголовно-процессуального принуждения имущественного характера».

Докладчик предложил рассматривать институт мер процессуального принуждения через призму риск-менеджмента, обосновав необходимость прогнозирования последствий применения таких мер как для имущественных прав обвиняемого, так и для интересов потерпевших.

Старший прокурор управления по поддержанию государственного обвинения и участию в апелляционной инстанции прокуратуры г. Астаны, юрист 2 класса М.Н. Оразалина представила доклад «Риски цифровизации в уголовном судопроизводстве: казахстанский опыт». Выступление вызвало особый интерес участников: докладчик поделилась практическим опытом внедрения электронного уголовного дела в Казахстане, обозначив как достижения (повышение эффективности документооборота, ускорение процессуальных сроков), так и сохраняющиеся проблемы (технические сбои, вопросы юридической силы электронных документов, кадровое обеспечение).

Заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Луганской академии Следственного комитета РФ кандидат юридических наук, доцент В.Д. Дармаева в докладе «Определение рисков при избрании меры пресечения» проанализировала факторы, которые должен учитывать суд при принятии решения о заключении под стражу или иной мере пресечения. Она обратила внимание на то, что прогноз поведения обвиняемого – один из наиболее сложных и рискованных элементов судейского усмотрения.

Начальник Уголовно-судебного управления прокуратуры Саратовской области, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии кандидат юридических наук А.Э. Арзуманян представил доклад «Риск-ориентированный подход к использованию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве». Выступление, подготовленное в рамках работы научно-образовательной лаборатории СГЮА «Доверенный ИИ для государства и бизнеса», было посвящено пределам допустимого использования систем искусственного интеллекта в правосудии. Докладчик отметил, что ИИ может быть эффективным инструментом вспомогательного характера (анализ больших массивов данных, прогнозирование судебных решений), но не должен подменять судейское усмотрение и человеческую оценку доказательств.

Доцент кафедры уголовного права и процесса Волгоградского государственного университета кандидат юридических наук, доцент Е.С. Азарова в докладе «Судейское усмотрение: право на риск» рассмотрела дискреционные полномочия судьи в качестве источника как профессионального риска, так и необходимой гибкости правоприменения. Она обосновала тезис о том, что разумный риск в рамках судейского усмотрения неизбежен и даже желателен, но должен быть ограничен четкими процессуальными гарантиями.

Советник Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ М.В. Скляренко в докладе «Обжалование, проверка и пересмотр судебных решений: риски реальные и гипотетические» проанализировала риски, сопровождающие апелляционное, кассационное и надзорное производство. Она отметила, что чрезмерное увлечение формальными основаниями для отмены приговоров может парализовать правосудие, тогда как недостаточный контроль чреват сохранением судебных ошибок.

Профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева А.М. Новиков завершил программу основных докладов выступлением на тему «Риски применения института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе». Докладчик обозначил риски, связанные с недобросовестным поведением обвиняемых, заключающих соглашение, с недостаточной проверкой их показаний, а также с возможным нарушением прав потерпевших.

В рамках дискуссии с краткими докладами и репликами выступили многие участники форума. Профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии доктор юридических наук, профессор М.Т. Аширбекова в выступлении «Заключение под стражу: новое законодательство и прежние риски» обратила внимание на то, что даже самое совершенное законодательство не способно полностью устранить риски ошибочного избрания этой исключительной меры пресечения. Доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии кандидат юридических наук, доцент М.А. Баранова в выступлении на тему «Ошибки при избрании заключения под стражу» конкретизировала данные риски, проанализировав типичные ошибки правоприменителей.

Главный научный сотрудник отдела по исследованию уголовно-процессуальных проблем НИЦ-5 ВНИИ МВД России доктор юридических наук, профессор В.Ю. Голубовский выступил с докладом «Теоретические основы и пределы применения риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве», в котором предложил концептуальное осмысление самого понятия риск-ориентированной адаптации и ее границ.

Доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии кандидат юридических наук, доцент В.Л. Григорян в выступлении на тему «Риски защиты и защитительной деятельности в уголовном судопроизводстве» рассмотрел риски, с которыми сталкивается сторона защиты – от риска неполучения доказательств до риска неверной оценки перспектив дела. Доцент Московского университета им. А.С. Грибоедова доктор юридических наук, доцент Е.П. Гришина выступила с докладом «Риски цифровизации уголовного судопроизводства», дополнив анализ рисков новыми аспектами.

Заведующий кафедрой управления и психологии следственной деятельности Московской академии Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции В.О. Захарова в выступлении на тему «О некоторых управленческих ошибках по уголовным делам о преступлениях с участием несовершеннолетних» обратила внимание на специфические риски при расследовании дел данной категории. Доцент кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции А.А. Ильюхов в докладе «Теоретико-правовые основы и направления применения систем искусственного интеллекта и информационных технологий в суде с участием присяжных заседателей» поставил вопрос о пределах использования ИИ в суде присяжных, где ключевую роль играет человеческий фактор.

Заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии доктор юридических наук, профессор Н.С. Манова в выступлении на тему «Теоретические основы и границы применения риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве» подвела теоретический итог дискуссии, обозначив контуры новой научной парадигмы. Она подчеркнула, что риск-ориентированный подход не отменяет традиционных ценностей уголовного процесса – законности, обоснованности, справедливости, но требует их переосмысления в новых технологических условиях. Исследование, как и многие другие выступления на круглом столе, выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190.

Доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России кандидат юридических наук, доцент Н.А. Моругина представила доклад «Электронное уголовное дело: положительный опыт Республики Казахстан, перспективы правовой регламентации производства», в котором на конкретном примере показала как достоинства, так и риски перехода на полностью электронный документооборот в уголовном процессе.

Директор Института прокуратуры, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии кандидат юридических наук, доцент Н.В. Спесивов в выступлении на тему «Транспарентность как средство минимизации рисков в достижении социального назначения уголовного судопроизводства» обосновал тезис о том, что открытость уголовного судопроизводства является одним из важнейших инструментов снижения рисков злоупотреблений и судебных ошибок. Доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии кандидат юридических наук, доцент Д.С. Устинов в выступлении на тему «Транспарентность уголовного судопроизводства: возможности и риски реализации» дополнил этот анализ, показав, что и сама

транспарентность может порождать риски, например риск разглашения данных досудебного расследования или вмешательства в процессуальную деятельность.

В обсуждении также приняли участие курсанты факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева – члены научного кружка Thema Probandi, магистранты и аспиранты, выступления которых свидетельствовали о живом интересе молодого поколения исследователей к проблематике форума.

Подводя итоги работы круглого стола, организаторы и участники отметили необходимость дальнейшего научно-практического взаимодействия по обозначенным вопросам. Вместе с тем они сошлись во мнении, что любые новации должны внедряться взвешенно, с учетом фундаментальных принципов уголовного процесса и гарантий прав участников.

Надеемся, что содержание статей, опубликованных в этом номере, станет ярким примером эффективного взаимодействия двух ведущих научных школ – Саратовской государственной юридической академии и Московской академии Следственного комитета РФ им. А.Я. Сухарева. Это подтверждает, что проблемы риск-ориентированной адаптации уголовного судопроизводства находятся в центре внимания как фундаментальной юридической науки, так и правоприменительной практики.

Н.С. Манова,
заведующий кафедрой уголовного процесса,
д.ю.н., профессор

М.А. Лавнов,
доцент кафедры уголовного процесса,
к.ю.н., доцент

Н.В. Спесивов,
главный редактор научного журнала
«Человек и право – XXI век»,
альманаха Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии,
директор Института прокуратуры,
к.ю.н., доцент

Материалы Всероссийского круглого стола «Риск-ориентированная адаптация уголовного судопроизводства»*

Е.П. Гришина,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Международного университета им. А.С. Грибоедова

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу и разрешению актуальной проблемы – рисков, вызванных общемировой тенденцией расширения перспектив внедрения достижений искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни, в том числе и в правоохранительную деятельность, внесшей коррективы и в уголовное судопроизводство. Акцентируется внимание на том, что цифровизация уголовного процесса, несмотря на своевременность и востребованность в практическом плане, сопряжена с определенными рисками юридического, в том числе нормотворческого, и этического характера, а это, в свою очередь, ставит задачу формирования универсального научного направления и жизнеспособной нормативной основы использования информационных технологий в судебной деятельности в целом и уголовном судопроизводстве в частности. Предмет исследования, результаты которого отражены в статье, представляет собой специфику цифровизации уголовного судопроизводства как в позитивном, так и в рисковом контексте, особенно когда речь идет о судебном разбирательстве уголовных дел. Цель работы заключается в обосновании приемлемой для правотворчества и правоприменения модели цифровизации уголовного судопроизводства, сводящей к минимуму возможные риски, вызванные неудачными попытками внедрения информационных технологий в судебную деятельность. В основу методологии исследования положен диалектический метод, позволивший представить цифровизацию уголовного судопроизводства как состоявшееся явление и перспективное направление преобразования правоохранительной и судебной деятельности, а также методы анализа, индукции, дедукции, сравнения, интеграции, обобщения, дифференциации, правового моделирования. Результаты исследования представлены в виде аналитических обобщений и выводов, ориентированных на ценностные доминанты уголовного судопроизводства, которые следует учитывать при внедрении в эту область деятельности достижений искусственного интеллекта. Полученные результаты обладают высокой востребованностью в правотворческой и правоприменительной деятельности. Таким образом: 1) реальные перспективы внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство должны определяться исходя из значимости подоб-

* Проведен за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190 «Транспарентность уголовного судопроизводства в условиях цифровизации и информатизации» (https://rscf.ru/project/25-28-01190/).

ной деятельности для модернизации и трансформации уголовного судопроизводства; 2) цифровизацию судопроизводства как особого вида государственной деятельности необходимо осуществлять продуманно, взвешенно, не пренебрегая нравственными и национально-историческими ценностями, сформировавшимися на основе многовекового опыта отечественного правосудия; 3) цифровые платформенные решения не должны приниматься для исполнения без должного контроля судьи – человека, наделенного разумом, совестью, высоким уровнем профессионального сознания.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация, уголовное судопроизводство, видеозапись, аудиопротоколирование, уголовное дело, уголовное судопроизводство, информационная среда, доказательства и доказывание.

E.P. Grishina,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Criminology and and Penal Law,
A.S. Griboyedov International University

RISKS OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article analyses and addresses a pressing issue – the risks arising from the global trend of expanding the prospects for the introduction of artificial intelligence achievements into all spheres of public life, including law enforcement, which has also adjusted criminal proceedings. Emphasis is placed on the fact that the digitalization of criminal proceedings, despite its timeliness and practical relevance, is associated with certain risks of a legal – including law-making – and ethical nature. This, in turn, sets the task of forming a universal scientific field and a viable regulatory framework for the use of information technologies in judicial activity in general, and in criminal proceedings in particular. The subject of the study, the results of which are reflected in the article, is the specific nature of the digitalization of criminal proceedings in both a positive and a risk-related context, especially when it comes to the trial of criminal cases. The purpose of the work is to substantiate a model of digitalization of criminal proceedings acceptable for law-making and law enforcement that minimizes possible risks caused by unsuccessful attempts to introduce information technologies into judicial activity. The research methodology is based on the dialectical method, which made it possible to present the digitalization of criminal proceedings as an established phenomenon and a promising direction for the transformation of law enforcement and judicial activity, as well as on the methods of analysis, induction, deduction, comparison, integration, generalization, differentiation, and legal modelling. The research results are presented in the form of analytical generalizations and conclusions oriented towards the value dominants of criminal proceedings, which must be taken into account when introducing artificial intelligence achievements into this area of activity. The obtained results have promising relevance for law-making and law enforcement activities. Thus: 1) the real prospects for introducing information technologies into criminal proceedings should be determined on the basis of the significance of such activity for the modernization and transformation of criminal proceedings; 2) the digitalization of proceedings as a special type of State activity must be carried out thoughtfully and prudently, without neglecting the moral and national-historical values formed on the basis of the centuries-old experience of domestic justice; 3) digital platform solutions must not be accepted for execution without due control by a human judge endowed with reason, conscience, and a high level of professional consciousness.

Keywords: information technologies, digitalization, criminal proceedings, video recording, audio recording, criminal case, information environment, evidence and proof.

Общемировая тенденция внедрения достижений научной мысли и инновационных технологий во все сферы общественной жизни, в том числе в уголовное судопроизводство, заложила основу прогрессивных трансформаций всех его стадий, включая судебную, посредством активного задействования в составляющих ее процедурах информационных технологий (IT).

Вместе с тем следует признать, что «проникновение информационных технологий в уголовное судопроизводство представляет собой достаточно сложный процесс не только с технической, но и с нормативной, а также доктринальной точек зрения» [1, с. 4], поскольку подобная деятельность сопряжена с рисками юридического, этического и практического характера.

В словарно-лингвистических источниках термин «риск» определяется как «возможность опасности, неудачи»[1].

В результате реформирования уголовного судопроизводства, в том числе посредством внедрения информационных технологий в судебный процесс по уголовным делам, с одной стороны, «отечественное уголовно-процессуальное законодательство приводится в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами, а с другой – сохраняется национальная специфика рассмотрения, разрешения и пересмотра уголовных дел, которая зависит от пространственно-временных, материально-технических, культурно-правовых и других особенностей государства» [2, с. 6].

Уголовный процесс ставит перед цифровым правосудием особые задачи, при решении которых требования процессуальной истины (пусть и отвергнутой обновленной моделью уголовно-процессуального законодательства, но признаваемой нравственным побудительным мотивом доказывания), объективности и достоверности, преломляясь через призму назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[2], далее – УПК РФ), наполняются новым содержанием.

Продвижение уголовного судопроизводства по пути цифровизации должно опираться на прочную нормативную основу, состоящую из международных документов и разработанного с учетом высказанных в них рекомендаций национального законодательства или союзных актов. В частности, программным международным нормативным актом, регламентирующим использование искусственного интеллекта в судебной деятельности, является Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (CEPEJ (2018) 14), принятая 3–4 декабря 2018 г. на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия (ЕКЭП/CEPEJ) [3] (далее – Хартия).

Примечательно, что в Хартии использование в уголовных делах алгоритмов с целью характеристики личности признано возможным с некоторыми оговорками, поскольку чисто статистический подход в ходе анализа не приводит к достоверным результа-

[1] Толковый словарь С.И. Ожегова. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/208358 (дата обращения: 18.02.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ст. 4921; 2026. № 30, ст. 4097.

там. Фактически это означает признание бесспорным того факта, что ИИ не в состоянии дать объективную оценку личности подсудимого и назначить ему справедливое наказание, несмотря на самое совершенное программное обеспечение.

Профессор Л.Ю. Грудцына, описывая современную ситуацию, связанную с внедрением систем электронного правосудия в Российской Федерации, справедливо отмечает: «Цифровизация судебных процессов способствует повышению эффективности и доступности правосудия, что особенно важно в условиях глобализации и увеличения объема судебных дел. Однако, несмотря на очевидные преимущества, процесс внедрения электронного правосудия сопровождается рядом противоречий и вызовов» [4, с. 72].

Цифровые технологии, занявшие устойчивые позиции в мировом пространстве, существенно модернизировали уголовное судопроизводство, при этом неоспоримым остается положение, согласно которому юнит искусственного интеллекта не может быть сравним в полной мере с человеком, поскольку не имеет души, интенциональности своих действий, сознания, чувств, интересов и свободной воли [5, с. 63].

В свете обсуждаемых проблем как никогда убедительно звучит мнение профессора В.М. Бозрова, утверждающего, что «отправление правосудия представляет собой особую специфическую деятельность мозга человеческого, основанную не только на знаниях закона, но и на эмоциях, эмоциональном опыте, культуре, ментальности, критериях добра и зла, традициях и многих других общественно значимых явлениях, результатом сложения которых является справедливое судебное решение. Проще говоря, как бы ни старались компьютерные программы копировать человеческое мышление, результаты этого копирования остаются вторичными по отношению к человеческому мышлению, в основе которого лежат перечисленные факторы. Бесспорно, искусственный интеллект может смоделировать эмоциональную реакцию, но это будет результатом различных цифровых манипуляций. То есть цифровое правосудие лишено “человеческого облика”» [6, с. 293].

Следует признать, что цифровое правосудие по уголовным делам, ставшее самой перспективной и популярной правовой парадигмой, несмотря на свою значимость и привлекательность для научных исследований, а также для реализации практических рекомендаций по внедрению IT в судебный процесс, не в полной мере согласуется с традициями отечественного правосудия. Остается неразрешенным ряд вопросов, в частности каким образом суд может постановить законный, обоснованный и справедливый приговор (ст. 297 УПК РФ) и достичь назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), исследуя преимущественно появившиеся относительно недавно и получившие распространение на практике новые источники доказательственной информации, имеющие электронную (цифровую) природу. С учетом современных реалий этот процесс ставит перед наукой вопрос о необходимости трансформации норм доказательственного права [7, с. 119], прежде всего посредством институционального признания таких категорий, как электронные доказательства, элек-

тронное дело, электронное доказывание, а также введения особого процессуального порядка принятия цифровых платформенных решений.

На сегодняшний день в УПК РФ упоминается только об особенностях изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ), а также о порядке использования электронных документов в ходе судебного производства (ст. 474.1 УПК РФ). В то же время Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1] содержит оговорку о том, что положения УПК РФ (в редакции настоящего Федерального закона) применяются при наличии технической возможности в суде (ст. 2).

В текущий момент самым востребованным видом деятельности с использованием информационных технологий в правосудии по уголовным делам является производство допроса и иных судебных действий с использованием систем видео-конференц-связи (ст. 240, 241.1, 278.1 УПК РФ), организационно-технические требования к которой введены Регламентом организации и применения видео-конференц-связи (ВКС) при подготовке и проведении судебных заседаний, утвержденным приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401[2]. Однако следует признать, что, используя в качестве отправной точки конституционное положение об открытом характере судебного разбирательства и его осуществлении на основе принципа состязательности и равноправия сторон (ст. 123 Конституции РФ[3]), законодатель проигнорировал такой важный момент, как применение видео-конференц-связи при допросе всех участников судебного разбирательства, в том числе эксперта.

Европейская комиссия по эффективности правосудия (CEPEJ) на 36-м пленарном заседании (Страсбург, 16–17 июня 2021 г.), учитывая специфику использования видео-конференц-связи в судебном заседании применительно к уголовному судопроизводству, указала на то, что предоставленная видеосвязь должна позволять обвиняемому видеть и слышать участников, судей, свидетелей и экспертов; насколько позволяет национальная правовая система, следует избегать давления или влияния на экспертов [8, p. 2, 5].

Полагаем, что препятствий для допроса эксперта в суде с применением видео-конференц-связи нет, поэтому необходимо дополнить ст. 282 УПК РФ частью 4 следующего содержания: «4. Эксперт может быть допрошен судом при использовании системы видео-конференц-связи».

Приведенное законодательное нововведение существенно упросит процедуру приятия решения о допросе эксперта при отсутствии ходатайства

[1] См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290106 (дата обращения: 22.08.2026).

[2] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 22.08.2026).

сторон либо собственной инициативы суда (ч. 5 ст. 241.1 УПК РФ).

Спектр рисков, вызванных внедрением информационных технологий в уголовно-судебный процесс, отчасти обусловлен и особенностями производства в суде с участием присяжных заседателей, которые в своем вердикте должны дать ответы на вопросы, указанные в пп. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, а также при признании подсудимого виновным указать в соответствии со ст. 339 УПК РФ, заслуживает ли он снисхождения.

В настоящий момент сложно оценить, насколько присяжные заседатели способны дать объективные ответы на вопросы, поставленные председательствующим в судебном заседании, если им была предоставлена возможность заслушать показания подсудимого и других участников процесса только с помощью систем видео-конференц-связи. Неясно и то, насколько условно «экранный» образ подсудимого или потерпевшего (жертвы) способен повлиять на личностное восприятие этих участников процесса присяжными заседателями, вызвать чувство сострадания, сформировать убежденность в оправданности применения к подсудимому суровой меры наказания (без налета презрения и мстительности) или возможности признать его заслуживающим снисхождения.

Для ответа на этот вопрос потребуется время, в течение которого граждане, возможно, окончательно адаптируются в цифровом пространстве и оно войдет в их жизнь в качестве обычного явления.

Соотношение возможностей принятия правильного решения искусственным интеллектом и процессуального риска искажения и даже утраты в этом процессе нравственных ценностей подробно описано И.Г. Смирновой, которая в результате исследования приведенной проблемы делает единственно правильный вывод, что должна остаться главная ценностная доминанта – неизменная роль личности в принятии процессуальных решений с сохранением альтернативы в выборе решений и действий правоприменителем, поскольку только в этом случае незыблемыми останутся нравственные начала уголовного судопроизводства [9, с. 240].

Выводы:

использование информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности является фактором повышения ее мобильности, качества и доступности, а также повышения авторитета судебной власти в сознании граждан;

следует поддержать разработку системы предиктивного правосудия с использованием IT для формирования предложений о содержании принимаемых решений в целях обеспечения единства судебной практики, проведения судебной аналитики и оказания консультативно-методологической помощи судьям при осуществлении правосудия по уголовным делам;

отдельное внимание следует уделить технической оснащенности и профессиональной подготовке кадров следственных и судебных органов;

процесс внедрения достижений искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство необходимо проводить единовременно с обновлением законодательной основы посредством включения в нее норм, в том числе дефинитивного характера, а также институтов, основными из которых являются электронные доказательства, электронное уголовное дело и электронное правосудие.

Библиографический список

1. *Мичурина О.В.* Дистанционный порядок производства по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2025. 176 с.

2. *Панокин А.М.* Концептуальные основы апелляционного производства по уголовным делам: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2025. 589 с.

3. Прецеденты Европейского Суда по правам человека: электронное периодическое издание. Спец. вып. 2021. № 10 (56). 108 с.

4. *Грудцына Л.Ю.* Электронное правосудие в странах Европейского Союза // Цифровое право. 2025. № 1. С. 72–75.

5. *Морхат П.М.* Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–72.

6. *Бозров В.М.* А.Ф. Кони: о судьях, об основных принципах правосудия и современность // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2025. Т. 66, № 1. С. 289–295.

7. *Яковлева Н.Г.* Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. 2024. № 4 (80) С. 117–126.

8. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). Guidelines on Videoconferencing in Judicial Proceedings. Strasbourg, 2021. 28 p.

9. *Смирнова И.Г.* Аксиологические риски цифровизации уголовного судопроизводства: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 3. С. 236–242.

Reference

1. *Michurina O.V.* Remote Procedure in Criminal Proceedings: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2025. 176 p.

2. *Panokin A.M.* Conceptual Foundations of Appellate Proceedings in Criminal Cases: dissertation for the degree of Doctor of Law. Moscow, 2025. 589 p.

3. Precedents of the European Court of Human Rights: Electronic Periodical. Special issue. 2021. No. 10 (56). 108 p.

4. *Grudtsyna L.Yu.* Electronic Justice in the European Union Countries // Digital Law. 2025. No. 1. P. 72–75.

5. *Morkhat P.M.* Artificial Intelligence Unit as an Electronic Person // Bulletin of Moscow State Regional University. Ser.: Jurisprudence. 2018. No. 2. P. 61–72.

6. *Bozrov V.M.* A.F. Koni: on Judges, on the Basic Principles of Justice and Modernity // Bulletin of Moscow University. Ser. 11, Law. 2025. Vol. 66, no. 1. P. 289–295.

7. *Yakovleva N.G.* The Use of Digital Evidence in Criminal Proceedings // Bulletin of Tver. State University. Ser.: Law. 2024. No. 4 (80). P. 117–126.

8. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). Guidelines on Videoconferencing in Judicial Proceedings. Strasbourg, 2021. 28 p.

9. *Smirnova I.G.* Axiological Risks of Digitalization of Criminal Proceedings: Problem Statement // Russian Criminological Journal. 2023. Vol. 17, no. 3. P. 236–242.

В.Д. Дармаева,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации

Д.А. Кузьмин,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКОВ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с определением рисков при избрании меры пресечения в ходе производства предварительного расследования. Установление оснований для избрания меры пресечения, учитываемых обстоятельств, обоснование и мотивировка процессуального решения требуют оценки как с точки зрения выполнения требований закона и соблюдения процессуального порядка, так и с позиции прогнозирования существующих рисков и их последствий. Предмет исследования составляют нормы уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие применение мер пресечения.

Целью работы является обобщение рисков в деятельности следователя, связанных с применением меры пресечения, классификация по вероятности наступления, области правоотношений. Предлагаемые методы прогнозирования позволят выявить причины и определить способы минимизации рисков. В выводах сформулировано, что в законе и судебной практике не содержится системы градаций нарушений меры пресечения, которые могут учитываться при изменении меры пресечения. Формирование стратегического мышления, умения прогнозировать, в том числе возможное поведение подозреваемого, обвиняемого, должно быть важной задачей в подготовке следователей. На постоянной основе необходимо изучать правоприменительную практику, позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ. Правоприменитель должен понимать тенденции, которые формируются в уголовно-процессуальной политике, а именно в применении мер пресечения.

Ключевые слова: предварительное расследование, мера пресечения, система рисков, прогнозирование, законность решения, обоснованность, мотивированность, риск-ориентированность, минимизация негативных последствий.

V.D. Darmaeva,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

D.A. Kuzmin,
Candidate of Law, Head of the Department of Criminalistics, Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

DETERMINING RISKS WHEN SELECTING A MEASURE OF RESTRAINT

Abstract. The article examines issues related to determining risks when deciding on the selection of a measure of restraint during preliminary investigation.

Establishing the grounds for selecting a measure of restraint, the circumstances to be taken into account, and the substantiation and reasoning of the procedural decision require assessment both from the standpoint of compliance with statutory requirements and observance of procedural order, and from the standpoint of forecasting existing risks and consequences. The subject of the study comprises the norms of criminal procedure legislation providing for the application of measures of restraint. The purpose of the work is to generalize the risks in the investigator's activity associated with the application of a measure of restraint; a classification is given by probability of occurrence and by area of legal relations. The proposed forecasting methods will make it possible to identify the causes and determine ways to minimize risks. The conclusions formulate that neither the law nor judicial practice contains a system of gradations of violations of a measure of restraint that could be taken into account when changing a measure of restraint. The formation of strategic thinking and the ability to forecast, including the possible behaviour of a suspect or accused, should be an important task in the training of investigators. It is necessary to study on an ongoing basis law enforcement practice and the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. The law enforcer must understand the trends emerging in criminal procedure policy, namely in the application of measures of restraint.

Keywords: preliminary investigation, measure of restraint, system of risks, forecasting, legality of the decision, validity, reasoning, risk orientation, minimization of negative consequences.

Вопросы, связанные с применением мер процессуального принуждения, всегда являлись актуальными при производстве по уголовным делам, что обусловило необходимость установления системы процессуальных гарантий и ответственности. Формирование риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве позволяет отнести данные процессуальные решения к наиболее сложным с точки зрения прогнозирования вероятных последствий, в том числе негативных. Как указывает Ю.А. Цветков, «прогноз, оценка и хеджирование рисков должны стать неотъемлемым элементом технологической культуры в профессиональной деятельности следователей и судей» [1, с. 664].

К рискам, связанным с решением вопроса об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, по большей части относят те, которые влекут негативные последствия для органов, осуществляющих расследование, и суда. Это поведение подозреваемого, обвиняемого, возможные нарушения наложенных запретов. Негативные последствия могут выражаться в возможных действиях, связанных с применением насилия или угрозой совершения незаконных действий в отношении потерпевших, свидетелей по уголовному делу, в сокрытии лица от органов предварительного расследования и суда и др. Таким образом, на практике сформировалась примерная система рисков, на которые ориентируются следователи при принятии решения о мере пресечения.

1. Риски, связанные с исполнением требований закона. Правоприменитель исполняет требования уголовно-процессуального закона, устанавливает основания, обосновывает решение, стремясь не допустить нарушения. Выполнение требований закона не исключает негативных последствий: риск может заключаться в выборе определенной меры пресечения при наличии формальных оснований для иной, «альтернативной»; отсутствии обоснования решения по мерам пресечения, которые применяются без судебного решения. Причины таких рисков кроются в информационной неопределенности, т.к. в силу объективных причин на момент принятия

решения не установлены все обстоятельства преступления, данные о личности подозреваемого или обвиняемого, и решение часто основывается на доводах, предположениях. Кроме того, уголовно-процессуальный закон содержит большое количество неопределенных категорий: «достаточные данные полагать, что может скрыться…»; «может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства», «иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу», «другие обстоятельства»[1]. Поэтому путь минимизации рисков заключается в совершенствовании правового регулирования мер пресечения. Такая деятельность проводится постоянно, последние изменения уголовно-процессуального законодательства были направлены на уточнение оснований, условий применения мер пресечения, совершенствование процедуры применения. Законодатель ограничил возможность применения заключения под стражу и по определенным субъектам, и по определенным составам и ввел ряд процессуальных гарантий[2]. С целью единообразия практики избрания мер пресечения, применяемых на основании судебного решения, Пленум Верховного Суда РФ дал подробные разъяснения в постановлении от 27 мая 2025 г. № 1[3].

2. Риски, связанные с поведением подозреваемого, обвиняемого в связи с избранием меры пресечения. Факт совершения преступления, обвинительный характер деятельности следователя формируют сомнения, связанные с последующими действиями подозреваемого, обвиняемого, которые могут проявляться в противодействии расследованию, а также в сокрытии от органов уголовного преследования. Такое прогнозирование крайне негативных последствий обусловлено отсутствием сведений или недостаточностью информации о личности, иных обстоятельствах преступления. Целесообразно формировать практику обобщения статистических данных по подозреваемым, обвиняемым, нарушившим меру пресечения и скрывшимся. По данным Генеральной прокуратуры РФ, около 40 тысяч лиц находятся в розыске, среди них не выделяют лиц, нарушивших меру пресечения.

Минимизации подобных рисков могут способствовать дополнительные процессуальные средства, которые необходимо ввести в уголовно-процессуальное законодательство, например возможность изъятия на период расследования и рассмотрения уголовного дела паспорта гражданина РФ, удостоверяющего личность гражданина РФ за пределами территории РФ (загранпаспорта). Действенным средством считаем наделение следователя полномочием по ограничению выезда подозреваемого, обвиняемого за пределы Российской Федерации, аналогичным

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ст. 4921; 2026. № 30, ст. 4097.

[2] См.: Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 25, ст. 4406; Федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 41, ст. 6065; Федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 9, ст. 842.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 “О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий”» // СПС «КонсультантПлюс».

полномочию судебного пристава-исполнителя[1].

3. Риски, связанные с интересами расследования (доказывания). Это ситуации, когда мера пресечения и связанные с ней ограничения используются как инструмент (средство) установления обстоятельств дела, получения доказательств определенного поведения подозреваемого, обвиняемого. Причины заключаются как в ошибках доказывания, тактики и методики расследования, так и в злоупотреблении полномочиями. С целью их преодоления установлены дисциплинарная и уголовная ответственность, а также система процессуального контроля и прокурорского надзора. На необходимость проверки и принципиальной оценки случаев необоснованного решения указывается в ведомственных нормативных актах[2].

4. Риски, связанные с интересами службы, или репутационные. Они могут быть обусловлены ложными представлениями о результатах деятельности ведомства: увеличением количества разыскиваемых лиц, ростом числа жалоб участников процесса, негативной оценкой руководителя следственного органа или лиц, осуществляющих процессуальный контроль. Данный фактор должен нивелироваться за счет профессиональной подготовки, обучения следователей.

5. Риски, связанные с изъянами в формировании внутреннего убеждения субъекта, принимающего решение. Основной способ нивелирования риска заключается в наделении реальной процессуальной самостоятельностью и вытекающей из нее процессуальной ответственностью. Полномочия по процессуальному контролю должны осуществляться в полном соответствии с законом. Так, руководитель следственного органа должен давать указания, в том числе об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, в письменном виде (ч. 3 ст. 39 УПК РФ). Решение должно инициироваться и приниматься следователем на основании изучения материалов дела, личности подозреваемого, обвиняемого, мнения сторон по делу, а не являться следствием устного указания руководителя или лиц, наделенных правом процессуального контроля. Только самостоятельность и персональная ответственность, без переложения ее на других лиц, способствуют получению навыков по формированию внутреннего убеждения. Отсутствие реальных гарантий самостоятельности приводит к различным отрицательным последствиям, например, когда следователь обращается в суд с ходатайством при отсутствии достаточных оснований только для того, чтобы суд принял решение об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения.

Далее хотелось бы указать на иные риски, которые по большей части правоприменитель не принимает во внимание при избрании меры пресечения, но они приводят к более опасным последствиям, связанным с нарушением основных прав и свобод личности.

[1] См.: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849; 2026. № 17, ч. 1, ст. 2157.

[2] См.: Приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 3 «Об организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств о продлении срока предварительного следствия, избрания и продления срока меры пресечения в виде заключения под стражу» (в ред. от 2 декабря 2011 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

1. Риски, связанные с нарушением права граждан на достойную медицинскую помощь, ограничением социальных, жилищных, трудовых и иных прав. Следователи должны их учитывать, т.к. на последствия этих рисков указывают надзирающие, судебные органы, общественность. Председатель Верховного Суда РФ И.В. Краснов, выступая на совещании судей 19 февраля 2026 г., отметил постоянный контроль за избранием судами меры пресечения в виде заключения под стражу и ее продлением[1]. Он обратил внимание на то, что по делам, где общественная опасность совершенного деяния невелика, судам следует внимательнее относиться к избранию меры пресечения, связанной с лишением свободы, в том числе по так называемым предпринимательским статьям. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. было рассмотрено 92 681 ходатайство об избрании меры пресечения, в удовлетворении 10 167 ходатайств было отказано[2]. Верховный Суд РФ проводит последовательную политику гуманизации и обеспечения справедливости, которая заключается в ограничении избрания заключения под стражу по ненасильственным преступлениям, применении в отношении несовершеннолетних и лиц, имеющих детей, альтернативных мер пресечения.

На чрезмерность применения самой суровой меры пресечения указывала Т.Н. Москалькова в ежегодном докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации[3]. Аппарат Уполномоченного по правам человека постоянно обращает внимание на случаи, которые становятся для органов следствия сигналом о чрезмерности применяемых мер пресечения, приводящих к крайне негативным последствиям. Так, широкой общественности стали известны последствия, связанные с применением по ходатайству следователя Истринским районным судом Московской области меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении гр. Алии Галицкой[4]. Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Е. Меркачева, комментируя самоубийство А. Галицкой, «призвала следователей, прокуроров и судей перестать отправлять в СИЗО людей, которые могли бы находиться под подпиской о невыезде или домашним арестом»[5]. Порой широкая огласка становится основанием для принятия решения об изменении законодательства. Так, случай с заболеванием блогера Чекалиной, находящейся под домашним арестом, послужил поводом для разработки законопроекта, в котором предлагается предоставить гражданам под домаш-

[1] См.: Состоялось ежегодное Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/35518/ (дата обращения: 01.07.2026).

[2] Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: Встреча с Уполномоченным по правам человека Татьяной Москальковой. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77247 (дата обращения: 01.07.2026).

[4] См.: Адвокат сообщил об отмене решения суда об аресте Алии Галицкой. URL: https://www.rbc.ru/society/18/02/2026/69958bfc9a79479318dd4130 (дата обращения: 01.07.2026).

[5] Член СПЧ Меркачева раскрыла обстоятельства самоубийства Галицкой. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/02/08/1174821-obstoyatelstva-samoubiistva (дата обращения: 01.07.2026).

ним арестом право на посещение врачей[1].

Исключению подобных негативных последствий, снижению уровня риска могут способствовать комплексные меры, включающие, помимо законодательных поправок, воспитание и обучение следователей, дознавателей, их руководителей. При проведении занятий со слушателями, курсантами, студентами преподавателю необходимо обучать их не только уголовно-процессуальному праву, но и навыкам формирования внутреннего убеждения, перспективного видения последствий. Как справедливо указывает М.А. Лавнов, целесообразно «формирование уже на этапе получения юридического образования у будущих правоприменителей взвешенного подхода к оценке и принятию рисков как текущих, так и будущих» [2, с. 548].

2. Риски, связанные с формированием преступного поведения, рецидива. Негативные последствия по большей части характерны при применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних. Психологические и криминологические исследования подтверждают то, что, оказавшись в местах заключения, несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые в силу возрастных и психологических особенностей становятся уязвимыми и подверженными насаждению преступного поведения. Законодательно закреплен запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, но на тяжкие и особо тяжкие преступления он не распространяется (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). К сожалению, специальная мера пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым редко применяется на практике.

3. Риски, связанные с изменением обстановки, ситуации. Если избрание меры пресечения происходило в условиях сокращенных сроков и неустановления существенных обстоятельств дела, влияющих на это решение, то при принятии решения о продлении срока меры пресечения должен использоваться более гибкий подход. Обстоятельства, установленные на момент принятия решения, могут существенно измениться, в том числе состояние здоровья в силу постоянного психологического давления, угрозы применения меры ответственности и иных последствий. Такие риски и последствия сложно рассчитать, но в ходе производства по делу необходимо проводить постоянный мониторинг.

На минимизацию этого риска были направлены изменения законодательства. В соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 543-ФЗ в УПК РФ были внесены требования о том, что в ходатайстве о продлении срока содержания под стражей должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения меры пресечения. Верховный Суд РФ неоднократно обращал на это внимание: продление срока содержания под стражей может иметь место только при подтверждении достаточными данными наличия предусмотренных законом оснований для дальнейшего применения данной меры пресечения, необхо-

[1] См.: Лица под домашним арестом смогут посещать врача. URL: https://pravo.ru/news/262943/ (дата обращения: 01.07.2026).

димо исследовать иные значимые обстоятельства[1].

Считаем, что следует конкретизировать основания для изменения меры пресечения. В законе и судебной практике не содержится системы градации нарушений меры пресечения, которые могут учитываться при ее изменении. Например, в отношении А. Караульных, которого обвиняют в хищении оружия и боеприпасов, была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Районный суд постановил изменил эту меру на меру пресечения в виде заключения под стражу, когда выяснилось, что А. Караульных дважды без законных оснований и разрешения следователя покидал жилье для прогулки. Иркутский областной суд отменил решение суда первой инстанции и оставил А. Караульных под домашним арестом. В обоснование этого решения судья указала на то, что в деле нет доказательств, что обвиняемый пытался скрыться от суда и следствия либо как-то мешал расследованию уголовного дела[2].

Формирование стратегического мышления, умения прогнозировать, в том числе возможное поведение подозреваемого, обвиняемого, должно являться важной задачей в подготовке следователей. На постоянной основе необходимо изучать правоприменительную практику, позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ. Правоприменитель должен понимать тенденции, которые складываются в уголовно-процессуальной политике, а именно в применении мер пресечения. При наличии оснований, позволяющих применить альтернативные меры пресечения, решение может быть определено не только характером совершенного преступления, но и социальной, правовой политикой государства на определенном этапе. Следует принимать во внимание информацию правозащитных организаций о состоянии тюремного населения, позицию Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Должно быть понимание того, что эти вопросы находятся под контролем гражданских общественных институтов, мнением которых нельзя пренебрегать.

Библиографический список

1. *Цветков Ю.А.* Прогноз и хеджирование рисков в принятии решений следователем и судьей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, вып. 3. С. 649–667.

2. *Лавнов М.А.* Уголовное судопроизводство в условиях риск-ориентированной парадигмы: новые вызовы и решения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 547–550.

Reference

1. *Tsvetkov Yu.A.* Prediction and Risk Hedging in Decision-Making by Investigators and Judges // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2023. Vol. 14, issue 3. P. 649–667.

2. *Lavnov M.A.* Criminal proceedings in the context of a risk-based paradigm: new challenges and solutions// Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 5. P. 547–550.

[1] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Определение Иркутского областного суда по делу № 22К-3468/2023. URL: https://судебныерешения.рф/77989767 (дата обращения: 26.08.2026).

Е.В. Дроздова,
старший преподаватель кафедры конституционного,
административного и финансового права
Орловского государственного
университета им. И.С. Тургенева,
мировой судья судебного участка № 1
Железнодорожного района г. Орла в отставке

ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ ПОТЕРИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Цифровая трансформация, охватившая все сферы общественной жизни, внедряется в парадигму уголовного судопроизводства. Автор обозначает риски, связанные с появлением такого направления цифрового развития российского уголовного судопроизводства, как изготовление судебных актов с помощью искусственного интеллекта. Актуальность проблемы выражена в том, что с ней правовая наука только начинает сталкиваться при развитии новых технологий и системной цифровизации. Предметом изучения являются перспективы и потенциальные проблемы внедрения искусственного интеллекта в изготовление судебных актов с помощью нейросетей. В статье анализируется практика применения цифровизации, указываются цели, достижение которых представляется возможным только с полным исключением цифровизации на некоторых стадиях судопроизводства. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, метод сравнительно-правового анализа законодательства и правоприменительной практики использования в уголовном судопроизводстве. С учетом обозначенных потенциально возможных негативных последствий некоторых способов цифровизации уголовного процесса предлагается возможный путь их преодоления – привитие культуры использования искусственного интеллекта и недопустимость применения программных продуктов на стадиях подготовки проекта судебного акта и нахождения в совещательной комнате. Подчеркивается необходимость сбалансированного подхода, сочетающего технологические инновации с основополагающими принципами судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, автогенерация, судебный акт, постановление, приговор, цифровизация, искусственный интеллект, идентичность, нейросеть, принцип этического регулирования, процесс генерирования текста.

E.V. Drozdova,
Senior Lecturer of the Department of Constitutional,
Administrative and Financial Law,
Orel State University named after I.S. Turgenev,
Retired Justice of the Peace of Judicial District No. 1
of the Zheleznodorozhny District of the City of Orel

POSSIBLE RISKS OF LOSS OF IDENTITY IN THE DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The digital transformation that has encompassed all spheres of public life is being introduced into the paradigm of criminal proceedings. The author identifies the risk trends of the emergence of a direction of digital development of Russian criminal proceedings in the drafting of judicial acts with the help of artificial intelligence. The relevance of the problem is expressed in the fact that legal science is only beginning to encounter such a problem in the development of new technologies and the systematic nature of digitalization. The subject of the study is the prospects and possible emerging problems of introducing artificial intelligence into the drafting of judicial acts with the help of neural networks. The article analyses the practice of applying digitalization, indicating the goals whose achievement appears possible only with the complete exclusion of digitalization from certain stages of proceedings. The methodological basis of the study comprises the dialectical method of cognition and the method of comparative legal analysis of legislation and law enforcement practice of use in criminal proceedings. Given the identified potentially possible negative consequences and certain methods of digitalization of criminal proceedings, a possible way of overcoming them is proposed – instilling a culture of using artificial intelligence and the inadmissibility of using software products at the stages of preparing a draft judicial act and while in the deliberation room. The necessity of a balanced approach combining technological innovations with the fundamental principles of proceedings is emphasized.

Keywords: criminal proceedings, autogeneration, judicial act, ruling, sentence, digitalization, artificial intelligence, identity, neural network, principle of ethical regulation, text generation process.

Научно-технический прогресс внедряется во все сферы жизни независимо от «очеловеченного» фактора и пытается вытеснить не только механизированный труд, но и труд ума, мысли и разума в судопроизводстве.

Специфическая форма деятельности в сфере уголовного процесса не исключает возможности внедрения современных цифровых технологий как в целях криминалистического обеспечения судебной деятельности по рассмотрению и разрешению уголовных дел, так и для рациональной организации таковой[1]. Безусловно, действующая модель уголовного судопроизводства в условиях имеющихся научно-технических возможностей уже является устаревшей и ресурсозатратной, однако не все направления в уголовном процессе возможно цифровизировать.

В настоящее время цифровизация уголовного судопроизводства – сложный процесс, обусловленный объективной реальностью. Внедрение технологий в уголовный процесс уже охватило электронную подачу заявлений, жалоб и обращений в правоохранительные органы и суды, цифровизацию материалов дела, применение видеоконференций и аудиопротоколирования судебного заседания. Кроме того, оно включает использование искусственного интеллекта для автоматизации действий, внедрение программного обеспечения в производство судебных идентификационных экспертиз и т.д. Одним из примеров правовой регламентации является то, что Министерство юстиции РФ в законопроекте предложило подозреваемым, обвиняемым, находящимся под стражей или домашним арестом, участвовать

[1] См.: *Цурлуй О.* Цифровизация уголовного судопроизводства: за и против. URL: https://zakon.ru/blog/2023/09/12/cifrovizaciya_ugolovnogo_sudoproizvodstva_za_i_protiv (дата обращения: 23.03.2026).

в судебных заседаниях по вопросу продления этих мер пресечения по видео-конференц-связи, чем породило новый теоретический спор о необходимости такого рода изменений[1].

Без научного обоснования цифровизация невозможна, поскольку требует точного предмета исследования и четко очерченного круга проблем. Однако государственная стратегия цифровизации должна учитывать необходимость обеспечения системы безопасности конфиденциальных персональных данных, достаточной верификации лиц и другие аспекты.

Цифровизация построена на искусственном интеллекте, который определяется как «способность технического устройства, управляемого компьютерной системой, выполнять задачи, подлежащие решению рациональным человеческим интеллектом. Такие устройства или системы должны обладать свойствами, характерными человеческому разуму, – способность мыслить, рассуждать, принимать решение, делать выбор и получать опыт на основе проделанной работы» [1, с. 50].

В настоящей статье не подлежат обсуждению государственные автоматизированные информационные системы (ГАС «Правосудие», АМИРС, ГАС «Правовая статистика»), видео-конференц-связь, электронный документооборот, изготовление решений в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, видеопротоколирование. Интерес представляют перспективы и возможные проблемы, связанные с внедрением искусственного интеллекта в процесс изготовления судебных актов с помощью нейросетей, т.е. обозначается проблема, с которой правовая наука еще не сталкивалась.

Политикой государства определен приоритетный принцип взаимодействия человека с искусственным интеллектом – этическое регулирование. Призывы и лозунги о том, что технологии искусственного интеллекта не подменяют процессуальных лиц в производстве по уголовному делу, а выступают только в качестве помощников, облегчающих ежедневную рутинную работу, с которой может справиться машина по поиску, обработке или анализу информации, с исключением возможных процессуальных ошибок, должны быть законодательно закреплены [2].

В силу разноплановых обсуждений способов и путей внедрения искусственного интеллекта в судопроизводство представляется необходимым указание в уголовно-процессуальном законодательстве запрета на использование программ искусственного интеллекта при составлении судебных решений, как целых, так и фрагментарных, в уголовном судопроизводстве. Можно сделать смелое предположение о том, что искусственный интеллект никогда не будет отвечать требованиям независимости и беспристрастности ввиду зависимости от разработчика и от того, кто финансирует воплощение в жизнь программы. Никогда никакой разработанной программой не будет создана система требований к искусственному интеллекту, аналогичных требованиям к кандидату на должность судьи при прохождении процедуры назначения.

[1] См.: Дайджест прессы: ежедневный бюллетень. 2026. 1 апр. № 56 (8039). URL: https://parlib.duma.gov.ru/information_products/daily_digest/?id_4=640&ttt=1 (дата обращения: 02.04.2026).

Построение идентичности уголовного судопроизводства многогранно. Одними из ее граней (оснований) служат принципы, деятельность всех участников судопроизводства и процессуальные акты.

Законность и обоснованность судебного акта характеризуется правильным применением норм материального и процессуального права, соответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела, исследованным в ходе судебного разбирательства. В случае, если текст судебного акта сгенерирован искусственным интеллектом, возникает красная граница допустимости и ее неперехода. Вообще использование при отправлении правосудия искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве должно служить цели соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Автогенерация при изготовлении судебного акта нарушает принцип законности, поскольку только суд обязан разрешать вопросы, которые должны найти отражение в приговоре, и именно суд обязан составить логически выверенный мотивированный приговор. Эти требования распространяются и на постановления.

Одной стороной данного запрета является соблюдение судьей тайны совещательной комнаты. В ней должны быть обеспечены конфиденциальность судебного совещания, регламентированный порядок выхода судьи без нарушений, влекущих в дальнейшем отмену постановления или приговора, запрет на рассмотрение иных дел и материалов, недопустимость обсуждения вопросов, подлежащих разрешению, с соблюдением гарантий независимости судьи. В связи с этим возникает вопрос: как в строгое соблюдение указанных принципов вторгается процесс генерирования текста в ходе оценки доказательств, квалификации преступного деяния, признания или непризнания смягчающих или отягчающих обстоятельств, изменения категории преступления на более мягкую, а также составления отдельных фрагментов постановления или приговора?

Вторая сторона такого законодательного запрета состоит в том, что он должен распространяться не только на судью, выносящего, подписывающего и оглашающего постановление или приговор (с сохранением персональной процессуальной ответственности за принятое решение, сгенерированное и написанное с помощью цифрового помощника), но и на помощника судьи, которому в силу должностных обязанностей может быть поручено написание проекта постановления или приговора.

Привитие культуры использования искусственного интеллекта и недопустимость применения подобных программных продуктов на стадиях подготовки проекта судебного акта и нахождения в совещательной комнате необходимы с учетом роли помощников судей, т.к. именно они составляют кадровый резерв для судейского корпуса.

Комбинированно составленные (с использованием в тексте судебного акта фрагментов, сгенерированных искусственным интеллектом) или написанные полностью искусственным интеллектом постановление или приговор подпадают под риск утери стилистики и навыков юридического письма, логики построения текста и тона официального документа, объективного

и всестороннего анализа документов, формирования доводов защиты и обвинения.

Поскольку порядок вынесения постановления или приговора должен соответствовать высоким стандартам прозрачности и справедливости, опыту судьи, его навыкам, профессиональным юридическим компетенциям и моральной честности, данные требования не должны вести к дегуманизации правосудия, выраженной в использовании программ искусственного интеллекта при составлении судебных актов.

Цифровизация в уголовном судопроизводстве является одним из возможных путей развития правоприменения и требует отдельного законодательного закрепления, без исключения человека как лица, выносящего окончательное решение, основанное на принципах правосудия [3, с. 94]. Курс на упрощение процесса не должен ухудшать положение участников судебного разбирательства, а «надевание мантии» на программу искусственного интеллекта должно быть полностью исключено.

Возможные риски цифровизации уголовного судопроизводства должны решаться путем создания продуманной и взвешенной правовой базы ее регулирования [4, с. 104]. Одним из рисков потери идентичности уголовного судопроизводства является создание судебного акта судом посредством программ искусственного интеллекта, что фактически означает отрицание фундаментальных принципов уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. *Ефимова С.А.* Развитие искусственного интеллекта // Цифровая наука. 2020. № 6. С. 49–58.

2. *Никурадзе Н.О., Мищенко Е.В., Марина Е.А.* Научный и практический взгляд на цифровизацию уголовного судопроизводства: российский и международный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, вып. 2. С. 514–527.

3. *Воскобитова Л.А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5. С. 91–104.

4. *Шереметьев И.И.* Использование современных цифровых технологий при судебном разбирательстве уголовных дел в дистанционном режиме // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 97–107.

Reference

1. *Efimova S.A.* Development of artificial intelligence // Digital Science. 2020. No. 6. P. 49–58.

2. *Nikuradze N.O., Mishchenko E.V., Marina E.A.* Scientific and practical perspective on the digitalization of criminal proceedings: Russian and international aspects // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2025. Vol. 16, issue 2. P. 514–527.

3. *Voskobitova L.A.* Criminal Procedure and Digital Technologies: Compatibility Issues // Lex Russica. 2019. No. 5. P. 91–104.

4. *Sheremetyev I.I.* The Use of Modern Digital Technologies in the Trial of Criminal Cases in Remote Mode // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGIUA). 2020. No. 10. P. 97–107.

М.А. Лавнов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Балаковского филиала
Саратовской государственной юридической академии,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Аннотация. В статье исследуются предпосылки и перспективы применения риск-ориентированного подхода в российском уголовном судопроизводстве. На основе доктринальных подходов и эмпирических данных обосновывается вывод о том, что присутствующие фактически элементы риск-ориентированного мышления без должной теоретической основы создают угрозу эффективной реализации назначения уголовного судопроизводства и могут привести к неправомерному ограничению прав личности.

Предмет анализа составляют нормы уголовно-процессуального законодательства при прогнозировании внедрения риск-ориентированных технологий в правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности.

Цель работы – обосновать этапы, принципы и критерии имплементации риск-ориентированного подхода как инструмента оптимизации, повышения эффективности и гуманизации уголовного судопроизводства.

Методами настоящего исследования являются общенаучные (диалектический, логический) и частнонаучные методы (формально-юридический, метод толкования правовых норм).

Автор прогнозирует модель трансформации уголовно-процессуальной регламентации, которая включает в себя такие этапы, как легализация оценочных критериев, «право на риск» и алгоритмизация управления рисками. Формулируются принципы и критерии внедрения риск-ориентированных технологий, обеспечивающие перевод подхода из сферы субъективного усмотрения в плоскость ответственной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: юридическое прогнозирование, риск-ориентированный подход, уголовное судопроизводство, трансформация правового регулирования, управление рисками, алгоритмизация, принцип целесообразности, меры пресечения, цифровизация.

M.A. Lavnov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
of the Balakovo Branch of the Saratov State Law Academy,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Saratov State Law Academy

* Исследование выполнено в рамках работы научно-образовательной лаборатории правового прогнозирования Саратовской государственной юридической академии (https://iz.ssla.ru/laboratory/pravovoe-prognozirovanie/).

FORECASTING THE IMPLEMENTATION OF RISK-ORIENTED TECHNOLOGIES INTO THE LEGAL REGULATION OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY*

Abstract. The article examines the prerequisites and prospects for applying a risk-oriented approach in Russian criminal proceedings. On the basis of doctrinal approaches and empirical data, the conclusion is substantiated that the elements of risk-oriented thinking actually present, without a proper theoretical foundation, create a threat to the effective implementation of the purpose of criminal proceedings and to the unjustified restriction of individual rights. The subject comprises the norms of criminal procedure legislation in the context of forecasting the introduction of risk-oriented technologies into the legal regulation of criminal procedural activity. The purpose of the work is to substantiate the stages, principles and criteria for the implementation of a risk-oriented approach as a tool for optimizing, enhancing the efficiency of, and humanizing criminal proceedings. The methods of this study are general scientific (dialectical, logical) and specific scientific methods (formal legal, method of interpretation of legal norms). The author forecasts a model of transformation of criminal procedural regulation, including the stage of legalization of evaluative criteria, the "right to risk", and the algorithmization of risk management. Principles and criteria for the introduction of risk-oriented technologies are formulated, ensuring the transfer of the approach from the sphere of subjective discretion to the plane of responsible professional activity.

Keywords: legal forecasting, risk-oriented approach, criminal proceedings, transformation of legal regulation, risk management, algorithmization, principle of expediency, measures of restraint, digitalization.

Исследованию проблем правового прогнозирования в нормотворческой и правоприменительной деятельности уделяется все большее внимание в юридической науке. По справедливому замечанию Р.С. Маркунина, именно юридическое прогнозирование открывает возможности определения приоритетных векторов правового развития, соизмерения рисков с общественными запросами и выстраивания научно обоснованного плана нормотворчества. Одновременно с этим прогностическая деятельность способствует подъему правовой культуры общества. Однако достижение названных целей немыслимо без выверенной научной концепции, позволяющей просчитывать последствия внедрения новых правовых институтов еще до их нормативного закрепления [1, с. 46–49]. Потенциал прогнозирования может ограничиваться такими факторами, как идеологизация правотворчества, ведомственные интересы, стереотипы и неспособность к риску [2, с. 73–74].

Уголовное судопроизводство – это сфера повышенных рисков, где за каждой ошибкой стоят не только жизнь и судьба человека, но и публичные интересы общества и государства. Отсутствие механизмов системного юридического прогнозирования и качественного прогностического обеспечения приводит к бессистемному правотворчеству и чрезвычайно высокой активности законодателя [3, с. 55]. В тесной взаимосвязи с институтом прогнозирования находится наука рискология, которая, по мнению Ю.И. Рягина, является наукой нового столетия [4]. М.М. Бабаев обоснованно указывает на то, что «рискология возникла как своего рода ответ на потребность в научном обеспечении противодействия нарастающему валу

* The article was prepared within the framework of the Research and Educational Laboratory for Legal Forecasting at Saratov State Law Academy (https://iz.ssla.ru/laboratory/pravovoe-prognozirovanie/).

возможных опасностей и реальных угроз, порождаемых негативными последствиями современных глобальных процессов» [5, с. 168]. Таким образом, юридическое прогнозирование может рассматриваться как методологическая основа для внедрения риск-ориентированного подхода. Юридическое прогнозирование, согласно позиции К.В. Агамирова, представляет собой системную работу по изучению будущего правовых явлений. В поле такого исследования попадают как общие направления эволюции законодательства, так и конкретные правовые отрасли, институциональные структуры и даже особенности правового поведения граждан [6, с. 11]. Такое понимание дает основание рассматривать риск-ориентированный подход как часть долгосрочной стратегии развития уголовно-процессуального права. Преимущество данного подхода заключается в способности ранжировать проблемы по степени их общественной опасности и вероятности наступления негативных последствий. Критерии оценки рисков, будучи адаптированными к уголовно-процессуальной сфере, позволяют дифференцировать возможные угрозы и вырабатывать адекватные меры реагирования. При этом нельзя не признать тот факт, что прогностическая деятельность в области уголовно-процессуального регулирования пока носит разрозненный, а не системный характер. А.Б. Диваев справедливо отмечает, что прогностическая деятельность ведомственной науки ограничивается рамками уголовно-процессуальных отношений, что препятствует поступательному развитию законодательства [2, с. 58].

Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования и судов объективно осуществляется в условиях информационной неопределенности, что обусловливает необходимость постоянной оценки вероятностных последствий принимаемых решений. Правовое регулирование, по мнению С.Л. Нуделя, призвано обеспечивать стабильность общественных отношений, в том числе и через уголовно-правовые механизмы. Однако на практике возникает множество явлений, влияющих на общественное развитие, и среди них особое место занимают риски как вероятные отклонения от законодательно установленных моделей поведения. Такие отклонения, влекущие негативные последствия, должны быть своевременно спрогнозированы, минимизированы или нейтрализованы [7, с. 56–57].

Одним из примеров неправильного понимания рисков наступления неблагоприятных последствий для уголовного судопроизводства является практика применения уголовно-процессуального принуждения (табл. 1), которая наглядно демонстрирует высокий процент удовлетворения ходатайств органов предварительного расследования и применения наиболее строгой меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам всех категорий, где особенно выделяются преступления небольшой тяжести. При этом статистика деятельности судов апелляционной инстанции показывает, что подобные решения довольно часто принимаются необоснованно (табл. 2).[1]

[1] См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (дата обращения: 30.06.2026).

Таблица 1

Сведения о рассмотрении судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

Категории	2024 г.			I полугодие 2025 г.		
	Рассмотрено	Удовлетворено	%	Рассмотрено	Удовлетворено	%
Всего	92 681	82 514	89,03	44 861	39 343	87,70
Особо тяжкие	33 579	31 784	94,65	17 485	16 493	94,33
Тяжкие	39 875	34 368	86,19	20 291	17 267	85,10
Средней тяжести	14 853	12 593	84,78	5 401	4 202	77,80
Небольшой тяжести	4 374	3 769	86,17	1 684	1 381	82,01

Таблица 2

Сведения о рассмотрении судами апелляционной инстанции жалоб на решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

Категории	2024 г.			I полугодие 2025 г.		
	Рассмотрено	Отменено	Изменено	Рассмотрено	Удовлетворено	Изменено
Всего	34 302	819	1 964	16 956	464	904
Особо тяжкие	12 421	204	636	6 505	107	298
Тяжкие	15 961	399	960	8 327	189	445
Средней тяжести	4 605	133	280	1 631	128	122
Небольшой тяжести	1 315	83	88	493	40	39

Данные цифры наглядно демонстрируют, что риски необоснованного ограничения конституционных прав личности наиболее высоки именно по делам небольшой тяжести, что является прямым следствием отсутствия научно обоснованных методик оценки рисков неправомерного поведения подозреваемых и обвиняемых.

В таком контексте особую ценность приобретают положения, сформулированные Г.Б. Петровой и Н.А. Кирдиной в их исследовании, посвященном обоснованию необходимости заключения под стражу. Развивая идеи профессора В.А. Михайлова, они отмечают, что процессуальное принуждение, связанное с изоляцией от общества, в наибольшей степени ограничивает права личности, ее свободы, честь и достоинство. В этих условиях «ставить решение вопроса об избрании меры пресечения в зависимость не от достоверных, а от вероятных, предположительных суждений… значит грубейшим образом нарушать конституционные гарантии прав личности» [8, с. 347]. Авторы обращают внимание на то, что в контексте мер процессуального принуждения категория «риск» нередко подменяет собой понятие оснований для избрания меры пресечения, что является недопустимым [Там же, с. 353–

354]. Важным шагом на пути к применению риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве является определение данного понятия. По мнению А.Ю. Чуриковой, риск-ориентированный подход представляет собой «выбор видов осуществляемых действий, объемов затрачиваемых ресурсов, содержания осуществляемых процессуальных действий, интенсивности их осуществления, а также перечня решений, которые могут быть приняты в зависимости от категории риска» [9, с. 249]. С нашей точки зрения, внедрение такого подхода в уголовное судопроизводство должно осуществляться в три этапа, каждый из которых имеет собственное прогностическое содержание.

Первый этап – доктринальная легитимация. На данном этапе требуется серьезная теоретическая разработка в области адаптации научных основ рискологии под сферу уголовного судопроизводства, исследование и систематизация потенциальных рисков. М.М. Бабаев справедливо указывает на то, что методологическая проработка способствует более глубокому осмыслению закономерностей использования научных знаний и технических средств в доказывании по уголовным делам [5, с. 168]. В проекции на риск-ориентированный подход это означает необходимость формирования понятийного инструментария, с помощью которого можно выявлять, систематизировать и оценивать процессуальные риски, а также применять необходимые инструменты и методики управления рисками. Особое внимание на данном этапе должно быть уделено разработке понятия «поле риска» как совокупности факторов, условий и обстоятельств, которые могут повлиять на результат принимаемого решения, создавая неопределенность или потенциальные негативные последствия [10, с. 349].

Второй этап – регламентация оценочных критериев (индикаторов риска). Этот этап предполагает создание правового поля для возможного учета, оценки и принятия рисков, определение целей рискованных действий и решений, выработку эффективных правил принятия решений и надлежащее информационное сопровождение указанной деятельности. По мнению Р.С. Маркунина, прогнозирование не ограничивается анализом текущего состояния правовой системы, а предполагает разработку новых направлений развития отраслей и институтов права, альтернативных сценариев законодательной эволюции, причем все это сопровождается оценкой их перспективности [1, с. 45]. В рамках второго этапа должны быть сформированы критерии, переводящие риск-ориентированный подход из сферы субъективного усмотрения в плоскость профессиональной, ответственной и контролируемой правоприменительной деятельности. К числу таких критериев, как представляется, относятся: законность (ст. 7 УПК РФ), обоснованность и мотивированность, соразмерность (адекватность ограничений прав охраняемым интересам), недопустимость злоупотребления правом, а также принцип целесообразности как правовая основа легитимации риск-ориентированного подхода.

Третий этап – автоматизация управления рисками. На данном этапе предполагается внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения, что открывает широкие возможности для прогнозирования и предупреждения рисков на основе

изучения больших объемов информации. Однако внедрение таких технологий требует предварительного решения фундаментальных вопросов для обеспечения прозрачности их функционирования и соблюдения прав личности [11, с. 57; 12, с. 125]. Отсутствие транспарентности процедур оценки рисков, особенно алгоритмических, может подорвать доверие участников процесса и общества в целом к системе правосудия. Как справедливо отмечает Н.В. Спесивов, транспарентность уголовного судопроизводства выступает не просто как информационная открытость, а как «процессуальная основа открытого, доступного и справедливого производства по уголовному делу» [13, с. 259], позволяющая обществу и личности реализовать контроль за деятельностью государственных органов. Именно транспарентность, по его мнению, коррелирует с достижением социального назначения уголовного судопроизводства и формированием доверия населения к правоохранительной и судебной системам [14, с. 720]. В условиях цифровизации и внедрения искусственного интеллекта для оценки рисков данный тезис приобретает особую остроту и значимость. Любое решение, основанное на технологиях ИИ, должно быть объяснимым и оспариваемым, а автоматизированные системы не могут подменять человеческое усмотрение при принятии решений, затрагивающих права и свободы личности [15, с. 430–431]. Таким образом, легитимация риск-ориентированного подхода невозможна без обеспечения транспарентности алгоритмов и формирования у граждан уверенности в их обоснованности и справедливости.

Применение риск-ориентированных технологий неизбежно ставит вопрос о пересмотре традиционной системы принципов уголовного судопроизводства. М.М. Бабаев обращает внимание на то, что в риск-ориентированном правосудии осознание потенциальных негативных последствий любого судебного решения – и малозначительных, и серьезных – сочетается с практической готовностью к реагированию на эти угрозы [5, с. 170]. Однако реализация данного подхода сталкивается с фундаментальным противоречием между императивной природой уголовного процесса, основанной на принципе законности (ст. 7 УПК РФ), и необходимостью для правоприменителей действовать в условиях неопределенности, оценивая вероятностные последствия своих решений [10].

Разрешение этого противоречия видится в переосмыслении содержания принципа законности. Представляется, что принцип законности при всей своей императивной природе на глубинном уровне содержит в себе не только запреты, но и рамки для легитимного усмотрения, т.е. возможность выбора оптимальной модели поведения для эффективного разрешения уголовно-правового конфликта и достижения назначения уголовного судопроизводства. Правовой основой для применения риск-ориентированной модели может стать принцип целесообразности в его системной связи с принципом законности [16]. М.П. Клейменов исходит из того, что правотворчество берет начало с анализа проблемных ситуаций, где прогнозирование выполняет ключевую функцию: оно позволяет определить очаги наиболее напряженных социальных конфликтов и оценить

риски для граждан, общества и государства [2, с. 74].

При этом важно учитывать тот факт, что риск-ориентированный подход не является самостоятельным методом в механизме уголовно-процессуального регулирования, а представляет собой технологию, позволяющую оптимально использовать традиционные методы (императивный и диспозитивный) путем точечного и обоснованного варьирования интенсивности правового воздействия. Таким образом, внедрение риск-ориентированного подхода в уголовное судопроизводство становится объективной необходимостью, продиктованной современными вызовами уголовной юстиции. Юридическое прогнозирование выступает методологической основой долгосрочной стратегии применения риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. *Маркунин Р.С.* Прогнозирование в праве как основа эффективного нормотворчества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 2 (163). С. 45–50.

2. *Клейменов М.П.* Прогнозирование и правотворчество в сфере борьбы с преступностью // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2025. Т. 22, № 3. С. 72–79.

3. *Диваев А.Б.* Юридическое прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 54–62.

4. *Рягин Ю.И.* Рискология: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 529 с.

5. *Бабаев М.М.* Риск-ориентированное правосудие // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 2. С. 167–180.

6. *Агамиров К.В.* Теоретико-методологические вопросы юридического прогнозирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 5–11.

7. *Нудель С.Л.* Уголовно-правовые риски: понятие и содержание // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 56–60.

8. *Петрова Г.Б., Кирдина Н.А.* Теорема обоснования необходимости заключения под стражу // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика: сб. на основе матер. междунар. науч.-практ. конф. к 90-летию со дня рождения проф. В.А. Михайлова. М., 2025. С. 346–355.

9. *Чурикова А.Ю.* Перспективы применения системы управления уголовно-процессуальными рисками в условиях цифровизации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 248–253.

10. *Лавнов М.А.* Оценка рисков в механизме принятия уголовно-процессуальных решений // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами: сб. тр. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 2023. С. 349–353.

11. *Скоблик К.В.* Влияние технологий на принятие решений в уголовном процессе: обзор зарубежных исследований // Право и политика. 2019. № 5. С. 56–64.

12. *Лавнов М.А., Спесивов Н.В.* Риски и угрозы применения технологий искусственного интеллекта в правосудии по уголовным делам // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 8. С. 120–133.

13. *Спесивов Н.В.* Цели и ценности российского уголовного судопроизводства // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 1. С. 256–261.

14. *Спесивов Н.В.* Транспарентность как сущностная характеристика современного уголовного судопроизводства в контексте нравственных начал // Уголовное право, криминология, криминалистика, уголовно-исполнительное право: сб. науч. тр. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2025. С. 715–721.

15. *Спесивов Н.В.* Транспарентность уголовного судопроизводства в условиях цифровизации и информатизации: международный и зарубежный опыт реализации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 428–432.

16. *Апостолова Н.Н.* Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 62 с.

Reference

1. *Markunin R.S.* Forecasting in law as a basis for effective rule-making // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2025. No. 2 (163). P. 45–50.

2. *Kleymenov M.P.* Forecasting and law-making in the field of combating crime // Herald of Omsk University. Series: Law. 2025. Vol. 22, no. 3. P. 72–79.

3. *Divaev A.B.* Legal forecasting and effectiveness of criminal procedural impact // Criminal Justice. 2024. No. 23. P. 54–62.

4. *Ryagin Yu.I.* Riskology: textbook for universities. Moscow: Yurait, 2025. 529 p.

5. *Babaev M.M.* Risk-oriented justice // Russian Journal of Criminology. 2021. Vol. 15, no. 2. P. 167–180.

6. *Agamirov K.V.* Theoretical and methodological issues of legal forecasting // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2021. No. 39. P. 5–11.

7. *Nudel S.L.* Criminal law risks: concept and content // Union of Criminalists and Criminologists. 2020. No. 1. P. 56–60.

8. *Petrova G.B., Kirdina N.A.* Theorem on substantiating the necessity of pre-trial detention // Criminal Procedure and Criminalistics: Legal Foundations, Theory, Practice, Didactics: Collection based on the materials of the international scientific-practical conference. To the 90th anniversary of Professor V.A. Mikhailov. Moscow, 2025. P. 346–355.

9. *Churikova A.Yu.* Prospects for the application of the criminal procedure risk management system in the context of digitalization // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 1 (150). P. 248–253.

10. *Lavnov M.A.* Risk assessment in the mechanism of making criminal procedural decisions // Modern global challenges and their neutralization by criminal law, criminological and criminal procedural means: Collection of works based on the materials of the All-Russian scientific-practical conference. Saratov, 2023. P. 349–353.

11. *Skoblik K.V.* The impact of technologies on decision-making in criminal proceedings: a review of foreign studies // Law and Politics. 2019. No. 5. P. 56–64.

12. *Lavnov M.A., Spesivov N.V.* Risks and threats of using artificial intelligence technologies in criminal justice // Journal of Russian Law. 2025. Vol. 29, no. 8. P. 120–133.

13. *Spesivov N.V.* Goals and values of Russian criminal proceedings // Legal Policy and Legal Life. 2026. No. 1. P. 256–261.

14. *Spesivov N.V.* Transparency as an essential characteristic of modern criminal proceedings in the context of moral principles // Criminal law, criminology, criminalistics, penal law: collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference. Saratov, 2025. P. 715–721.

15. *Spesivov N.V.* Transparency of criminal proceedings in the context of digitalization and informatization: international and foreign implementation experience // Law and State: Theory and Practice. 2026. No. 1. P. 428–432.

16. *Apostolova N.N.* Expediency (discretion) in Russian criminal proceedings: Abstract of diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2010. 62 p.

А.А. Максуров,
кандидат юридических наук, доцент,
преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
Ярославского государственного университета

РИСКИ ОТСУТСТВИЯ КООРДИНАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Актуальность темы заключается в формировании представления о новом типе правовых рисков, малоизученных в юридической литературе, но существенно влияющих на эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Предмет анализа – правовые риски в уголовном судопроизводстве, связанные с отсутствием согласованности в действиях субъектов при реализации ими процессуальных полномочий. Цель статьи – установление содержательных характеристик координационных рисков в уголовном процессе. Методологией исследования стали методы и приемы формальной логики, метод системного анализа, а также частнонаучные приемы правовых исследований (обобщение достижений доктрины, анализ законодательства и др.). По результатам работы показаны возможности выявления и учета координационных рисков посредством количественного и качественного анализа на основе существующих критериев согласованной процессуальной деятельности в целях их дальнейшей минимизации и диверсификации. Предлагается построение идеальных моделей работы с рисками отсутствия координации в уголовном судопроизводстве, в том числе путем адаптации моделей и алгоритмов, применяемых в сфере юридической медиации. Полученные выводы могут быть использованы в правоохранительной практике и нормативном регулировании уголовно-процессуальной деятельности уполномоченных субъектов права. В итоге в статье впервые описана природа координационных рисков в уголовном судопроизводстве, что имеет значение как для теории, так и для практики.

Ключевые слова: риски, координация, уголовный процесс, медиация, судебный контроль, количественный анализ, качественный анализ, минимизация, диверсификация, модели.

A.A. Maksurov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Lecturer of the Department of Theory
and History of State and Law,
Yaroslavl State University

RISKS OF LACK OF COORDINATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The relevance of the work lies in forming an understanding of a new type of legal risks that are poorly studied in legal literature but significantly affect the effectiveness of criminal procedural activity. The subject of the study is legal risks in criminal proceedings associated with the lack of consistency in the actions of subjects when exercising their procedural powers. The purpose of the study

is to establish the substantive characteristics of coordination risks in criminal proceedings. The research methodology comprises the methods and techniques of formal logic, the method of system analysis, as well as specific scientific techniques of legal research (generalization of doctrinal achievements, analysis of legislation, and others). Based on the results of the work, the possibilities of identifying and taking into account coordination risks through quantitative and qualitative analysis on the basis of existing criteria of coordinated procedural activity are shown, with a view to their further minimization and diversification. It is proposed to construct ideal models for dealing with the risks of lack of coordination in criminal proceedings, including by adapting models and algorithms used in the field of legal mediation. The obtained conclusions can be applied in law enforcement practice and in the normative regulation of the criminal procedural activity of authorized subjects of law. Ultimately, the work is the first to describe the nature of coordination risks in criminal proceedings, which is significant both for theory and for practice.

Keywords: risks, coordination, criminal process, mediation, judicial control, quantitative analysis, qualitative analysis, minimization, diversification, models.

Одной из разновидностей правовых рисков в уголовном судопроизводстве выступают риски несогласованных действий в уголовном процессе, или координационные риски [1]. Понимание сущности координационных рисков основано на теории координационной технологии, основные положения которой сводятся к следующим моментам.

Прежде всего механизм правового регулирования является согласованным механизмом правового воздействия [2], иначе право не сможет выполнять социальные функции [3] либо их выполнение будет неэффективным [4, 5]. По общему правилу, благодаря координации действий достигается синергетический, т.е. дополнительный, эффект от совокупного воздействия, когда результат такого воздействия больше, чем сумма результатов разрозненных действий и операций [6, с. 19]. Такой эффект наблюдается, например, при заключении досудебного соглашения непосредственно с посредником во взяточничестве после его задержания в целях дальнейшего использования данного лица для изобличения взяткодателя и (или) взяткополучателя в рамках ОРМ [7], при осуществлении судом полномочий в сфере судебного контроля [8, с. 89], включая разрешение ходатайств [9], в рамках согласования ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора за решениями органа дознания [10], при принятии обеспечительных мер по делам об имущественных преступлениях [11] и исполнении соответствующих судебных актов, а также в иных подобных случаях [12, с. 109].

Однако в рамках теории правовых рисков проблемой является не само отсутствие положительного эффекта ввиду несогласованной деятельности, а возможность наступления вредного результата при отсутствии должной координации применения процессуальных полномочий различными субъектами.

В указанной части риск-ориентированный подход предполагает следующее.

Во-первых, речь должна идти о проверке соответствия уголовно-процессуальной деятельности принципам координации, т.е. принципам согласованной государственно-властной деятельности в сфере уголовного судопроизводства [13]. Во-вторых, для достижения поставленных целей минимизации или диверсификации соответствующих рисков при осуществлении уголовного судопроизводства

следует выбрать надлежащие формы координационного взаимодействия, не все из которых реализуются именно в рамках процессуальных полномочий [14]. В-третьих, «внутри» выбранной формы взаимодействия необходимо определиться с общей согласованной процессуальной тактикой как видом юридической тактики, предлагающей целую систему соответствующих способов процессуального и внепроцессуального, но правомерного и допустимого поведения [15]. Наконец, в-четвертых, независимо от выбранных форм и способов процессуального и внепроцессуального взаимодействия его результаты в конечном итоге должны быть зафиксированы в согласованных правовых актах процессуального характера [16].

Для применения указанных критериев и ориентиров требуется первичная эмпирическая информация об эффективности согласованных и несогласованных процессуальных действий субъектов, свойствах таких действий, существующих между ними взаимосвязей и т.д. Для этих целей применимы количественный и качественный анализ и оценка уголовно-процессуальных правовых рисков несогласованных действий (рисков отсутствия координации).

На основе полученных результатов в рамках количественного и качественного анализа возможна разработка идеальных моделей согласованных действий [17], которые позволили бы повысить эффективность уголовно-процессуальной деятельности уполномоченных на то субъектов права. По сути, речь должна идти о создании обособленных правовых проектов (по виду следственного действия, по субъектному составу, по способу субъектно-объектной связи и т.п.), для чего сегодня имеется необходимая начальная база в теории государства и права [18].

Такого рода модели согласованного взаимодействия уже разработаны и применяются вне системы уголовного судопроизводства, например в части альтернативного разрешения споров путем медиации. Некоторые из них могут быть приняты в качестве примера для разработки идеальных моделей учета и противодействия рискам в уголовном судопроизводстве, тем более что в современных условиях становится возможным применение процедуры медиации и в уголовном процессе. Среди значимых примеров, пригодных для разработок по аналогии, можно выделить следующие.

Прежде всего это алгоритмы выбора процессуальных форм медиативной деятельности в зависимости от соотнесения затрат на минимизацию риска с потенциальным вредом от наступления рискового события [19]. Данное соотношение выражается в коэффициенте, представляющем собой результаты деления затрат на минимизацию риска (делимое) на затраты на восстановительные и компенсационные меры при наступлении неблагоприятного события, охватываемого риском (делитель). Разумеется, в исходном виде этот алгоритм не может быть применен в уголовно-процессуальных целях и требует адаптации, в том числе в части «перевода» качественных показателей в количественные. В дальнейшем же он может стать востребованным в части принятия обеспечительных мер и реализации такого решения.

Присутствуют также пригодные к заимствованию после адаптации

идеальные модели согласованных действий различных субъектов «степ бай степ» («шаг за шагом») на той или иной процессуальной стадии [20], предполагающей согласование процессуальных действий во времени и пространстве. Можно говорить и о построении аналога моделей соотношения цели и результата процессуальной деятельности, когда некий элемент цели изначально корреспондирует компоненте в «теле» результата [21], процесс достижения цели конструируется искусственно путем «наполнения» положительным содержанием ожидаемого результата, т.е. постепенно, вне единого действия, которое априори является более рисковым.

Необходимо отметить, что кроме адаптации моделей из других сфер юридической технологии и разработки собственных алгоритмов учета, минимизации и диверсификации рисков несогласованных действий в уголовном судопроизводстве следует учитывать и те свойства данной процессуальной деятельности, которые в большей степени присущи именно уголовному процессу, нежели другим разновидностям процессуальной деятельности.

Помимо действия в условиях жестких, но выверенных и обоснованных ограничений, налагаемых процессуальным законом в рамках строго оговоренных полномочий с процессуально определенными формами контроля, можно говорить и о неочевидных особенностях процесса учета, минимизации и диверсификации таких рисков, например о психологических вопросах обеспечения межсубъектного взаимодействия в части преодоления риска несогласованности в уголовном судопроизводстве [22].

Таким образом, в работе рассматривается самостоятельная разновидность правовых рисков в рамках уголовного судопроизводства – риск отсутствия должной координации при осуществлении процессуальных полномочий его субъектами. Данный риск предполагает несогласованность действий.

С точки зрения теории юридической технологии это субъективный «обратный» риск – риск выработки и реализации неэффективного решения, потенциально нарушающего процессуальные нормы, права и охраняемые законом интересы личности, государства и общества ввиду несогласованных действий участников процесса. Напротив, наличие необходимого уровня координации способно дать позитивный синергетический эффект.

Такие риски должны быть выявлены, учтены, минимизированы и диверсифицированы (преодолены). Для этого могут быть задействованы адаптированные модели, положительно зарекомендовавшие себя в других видах юридической деятельности.

Библиографический список

1. *Максуров А.А.* Координационные риски как разновидность правовых рисков // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 67–83.

2. *Карташов В.Н.* Механизм координационного регулирования // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. 2001. Вып. 3, ч. 8. С. 21–25.

3. *Бриль Г.Г.* Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на со-

временном этапе: сб. науч. тр. V Межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г.Г. Бриль. Кострома, 2007. С. 121–125.

4. *Карташов В.Н.* Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сб. науч. тр. V Межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г.Г. Бриль. Кострома, 2007. С. 89–94.

5. *Баранов В.М., Карташов В.Н.* Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006. № 6. С. 11–15.

6. *Макаров И.* Координация в праве. Ярославль: ЯФ МФЮА, 2012. 320 с.

7. *Максуров А.А.* Взаимодействие следователя и сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, при противодействии коррупционным преступлениям // Актуальные проблемы современного российского государства и права: матер. ежегод. всерос. науч.-практ. конф. Калининград, 2023. С. 112–117.

8. *Максуров А.А.* Судебный контроль на досудебной стадии уголовного процесса: монография. М.: Русайнс, 2023. 109 с.

9. *Максуров А.А.* Разрешение судом ходатайств следователя или прокурора как форма судебного контроля на досудебной стадии уголовного процесса // Вестник Сургутского государственного университета. Научный журнал. Экономические науки. Юридические науки. 2019. Вып. 4 (26). С. 39–46.

10. *Постнов А.С.* Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ: матер. конф. студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (Н. Новгород, 26–27 ноября 2004 г.). 2005. Вып. 6, ч. 1. С. 64–67.

11. *Уколова Ю.А.* При каких обстоятельствах невозвращение кредита может повлечь уголовную ответственность? // Юридический справочник руководителя. 2009. № 11. С. 17–23.

12. Гражданское исполнительное право / под ред. А.А. Власова. М.: Экзамен, 2004. 350 с.

13. *Фролов С.Е.* Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. науч. тр. Владимир, 2002. С. 59–64.

14. *Мельников Ю.И.* Формы координационного взаимодействия в праве: координационный семинар // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция. 2003. Вып. 1. С. 15–18.

15. *Карташов В.Н.* К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире: сб. науч. тр. по матер. VIII Междунар. науч.-практ. интернет-конф. 15 мая 2011 г. Тамбов, 2011. С. 50–55.

16. *Кивленок Т.В.* Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. науч. тр. Владимир: ВГПУ, 2002. Вып. 3. С. 54–58.

17. *Максуров А.А.* Идеальные модели эффективности юридических процессов (на примере координационной юридической практики) // Законодательство и экономика. 2010. № 3. С. 22–31.

18. *Таланова М.В.* Юридическое проектирование координационных процессов // Право и бизнес: сб. ст. I ежегод. междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию со дня рождения проф. В.С. Мартемьянова / под ред. И.В. Ершовой. М.: Юрист, 2012. С. 80–87.

19. *Таланова М.В.* Виды процессуальных форм медиативной юридической деятельности // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 29–34.

20. *Таланова М.В.* Основная стадия медиативного процесса // Советник юриста. 2012. № 10. С. 17–25.

21. *Таланова М.В.* Цели и результаты медиативной юридической деятельности // Мировой судья. 2012. № 2. С. 28–38.

22. *Чернецов В.Ю.* Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации: докл. и сообщ. VII Междунар. науч. конф. (Москва, 17 апреля 2007 г.). М.: РГГУ, 2007. С. 89–94.

Reference

1. *Maksurov A.A.* Coordination Risks as a Type of Legal Risks // Russian Journal of Legal Studies. 2016. No. 1 (6). P. 67–83.

2. *Kartashov V.N.* The Mechanism of Coordination Regulation // Scientific Works Bulletin of the Nizhnekamsk Branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. 2001. Issue 3, part 8. P. 21–25.

3. *Bril G.*G. Insufficiently Studied General Social Functions of Coordination Legal Practice // Current Problems of Theory and History of Law and State at the Present Stage: Collection of Scientific Papers of the V Interuniversity Scientific-Practical Conference / Ed. by G.G. Bril. Kostroma, 2007. P. 121–125.

4. *Kartashov V.N.* Coordination Legal Practice of State Bodies: A View on the Problem of Effectiveness // Current Problems of Theory and History of Law and State at the Present Stage: Collection of Scientific Papers of the V Interuniversity Scientific-Practical Conference / Ed. by G.G. Bril. Kostroma, 2007. P. 89–94.

5. *Baranov V.M., Kartashov V.N.* The Main Shortcomings of Coordination Practice in Ensuring Economic Security of the Russian Federation at the Present Stage // Economic Security of Russia: Political Guidelines, Legislative Priorities, Enforcement Practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. No. 6. P. 11–15.

6. *Makarov I.I.* Coordination in Law. Yaroslavl: Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Law Academy, 2012. 320 p.

7. *Maksurov A.*A. Interaction Between the Investigator and Employees of Bodies Carrying out Operational-Investigative Activities in Countering Corruption Crimes // Current Problems of Modern Russian State and Law: Proceedings of the Annual All-Russian Scientific-Practical Conference. Kaliningrad, 2023. P. 112–117.

8. *Maksurov A.A.* Judicial Control at the Pre-Trial Stage of Criminal Proceedings: monograph. Moscow: Rusains, 2023. 109 p.

9. *Maksurov A.A.* Resolution by the Court of Petitions of the Investigator or Prosecutor as a Form of Judicial Control at the Pre-Trial Stage of Criminal Proceedings // Bulletin of Surgut State University. Scientific Journal. Economic Sciences. Legal Sciences. 2019. Issue 4 (26). P. 39–46.

10. *Postnov A.S.* Control and Supervision as Factors for Increasing the Effectiveness of Coordination Practice // Russian Law in the Period of Social Reforms: Proceedings of the Conference of Students, Postgraduates, Applicants and Young Legal Scholars (Nizhny Novgorod, November 26–27, 2004). 2005. Issue 6, part 1. P. 64–67.

11. *Ukolova Yu.A.* Under What Circumstances May Non-Repayment of a Loan Entail Criminal Liability? // Legal Reference Book for Managers. 2009. No. 11. P. 17–23.

12. Civil Enforcement Law / Ed. by A.A. Vlasov. Moscow: Exam, 2004. 350 p.

13. *Frolov S.E.* Principles of Coordination Activity // Current Problems of Jurisprudence: Collection of Scientific Papers. Vladimir, 2002. P. 59–64.

14. *Melnikov Yu.I.* Forms of Coordination Interaction in Law: Coordination Seminar // Bulletin of Scientific Works of the Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Law Academy. Jurisprudence. 2003. Issue 1. P. 15–18.

15. *Kartashov V.N.* On the Question of the Concept of Coordination Legal Tactics // Development of Youth Legal Science in the Modern World: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the VIII International Scientific-Practical Internet Conference, May 15, 2011. Tambov, 2011. P. 50–55.

16. *Kivlenok T.V.* Legal Act as an External Form of Coordination Activity // Current Problems of Jurisprudence: Collection of Scientific Papers. Vladimir: Vladimir State Pedagogical University, 2002. Issue 3. P. 54–58.

17. *Maksurov A.A.* Ideal Models of Effectiveness of Legal Processes (on the Example of Coordination Legal Practice) // Legislation and Economics. 2010. No. 3. P. 22–31.

18. *Talanova M.V.* Legal Design of Coordination Processes // Law and Business: Collection of Articles of the I Annual International Scientific-Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Birth of Professor V.S. Martemyanov / Ed. by I.V. Ershova. Moscow: Yurist, 2012. P. 80–87.

19. *Talanova M.V.* Types of Procedural Forms of Mediative Legal Activity // Russian Justice. 2012. No. 1. P. 29–34.

20. *Talanova M.V.* The Main Stage of the Mediative Process // Legal Advisor. 2012. No. 10. P. 17–25.

21. *Talanova M.V.* Goals and Results of Mediative Legal Activity // Justice of the Peace. 2012. No. 2. P. 28–38.

22. *Chernetsov V.U.* Psychological Approach to the Study of Problems of Coordination Legal Practice // Legislation and Law Enforcement in the Russian Federation: Reports and Communications of the VII International Scientific Conference (Moscow, April 17, 2007). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2007. P. 89–94.

Н.А. Моругина,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного процесса Воронежского института МВД России,
докторант кафедры уголовного процесса,
криминалистики и судебной экспертизы
Южно-Уральского государственного университета

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ

Аннотация. Автор статьи, обобщая различные научные позиции относительно социальной и правовой ценности правосудия, анализирует принцип транспарентности в условиях цифровизации уголовного процесса. Уделяя особое внимание проблеме субъекта и пределов открытости, предлагает институциональный механизм дифференцированного регулирования, позволяющий соизмерять открытость с процессуальной необходимостью и защитой прав участников уголовного судопроизводства, сохраняя единство социального и правового начал правосудия.

Предмет исследования составляют нормы уголовно-процессуального законодательства.

Цель работы – анализ социально-правовой ценности правосудия в условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства, осмысление транспарентности как системного фактора, влияющего на реализацию правового и социального начал правосудия.

Методологическую основу исследования образует комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания - диалектического, системно-структурного, формально-юридического, сравнительно-правового, а также анализа и синтеза. Применение данных методов позволило обобщить широкий круг научных позиций и выявить взаимосвязь между элементами ценности правосудия и принципом транспарентности.

Полученные выводы могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в цифровую эпоху, а также при разработке регламентов, определяющих порядок доступа к информации суда и органов предварительного расследования.

Выводы: реализация социально-правовой ценности правосудия в цифровую эпоху требует не просто технологических решений, а вдумчивой правовой политики, учитывающей риски, выходящие далеко за пределы процессуальной сферы. Транспарентность должна соизмеряться не только с правозащитным потенциалом, но и с угрозами для государственных интересов, при этом критерии такого соизмерения должны быть формализованы и доступны для общественного контроля.

Ключевые слова: транспарентность, цифровизация уголовного судопроизводства, социально-правовые ценности, электронное правосудие, технологизация.

N.A. Morugina,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Procedure,
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctoral Student of the Department of Criminal Procedure,
Criminalistics, and Forensic Examination,
South Ural State University

SOCIO-LEGAL VALUE OF JUSTICE IN THE CONTEX OF DIGITAL TRANSPARENCY

Abstract. The author of the article, generalizing various scientific positions regarding the social and legal value of justice, analyses the principle of transparency in the context of the digitalization of criminal proceedings. Paying particular attention to the problem of the subject and limits of openness, the author proposes an institutional mechanism of differentiated regulation that makes it possible to commensurate openness with procedural necessity and the protection of the rights of participants in criminal proceedings, while preserving the unity of the social and legal principles of justice.

The subject of the study comprises the norms of criminal procedure legislation.

The purpose of the work is to analyse the socio-legal value of justice in the context of the digital transformation of criminal proceedings, and to understand transparency as a systemic factor influencing the implementation of the legal and social principles of justice.

The methodological basis of the study is formed by a complex of general scientific and specific scientific methods of cognition – dialectical, systemic-structural, formal legal, comparative legal, as well as analysis and synthesis. The application of these methods made it possible to generalize a wide range of scientific positions and to identify the relationship between the elements of the value of justice and the principle of transparency.

The obtained conclusions can be used in legislative activity when improving criminal procedure legislation in the digital era, as well as for developing regulations determining the procedure for access to information of the court and preliminary investigation bodies.

Conclusions: the implementation of the socio-legal value of justice in the digital era requires not only technological solutions but also a thoughtful legal policy that takes into account risks extending far beyond the procedural sphere. Transparency must be commensurate not only with human rights potential but also with threats to State interests, while the criteria for such commensuration must be formalized and accessible to public control.

Keywords: transparency, digitalization of criminal proceedings, socio-legal values, electronic justice, technologization.

Правосудие обретает свою подлинную сущность исключительно при соблюдении двух императивных условий: соответствие требованиям справедливости и обеспечение эффективного восстановления нарушенных прав. Данная аксиома является отправной точкой для любого теоретического осмысления судебной власти, поскольку ее исходное выражение находит свое отражение в римском постулате «Dura lex, sed lex» («Закон суров, но это закон»), сформулированном М.Т. Цицероном, как утверждение, воплощающее принцип верховенства права и подчеркивающее ценность и силу закона. Однако абстрактное провозглашение верховенства закона само по себе не создает гарантий его справедливого и беспристрастного применения. В деле R (Guardian News and Media Ltd) против Магистратского суда Вестминстера (EWCA Civ 420)[1] лорд-судья Роджер Гренфелл Тулсон обоснованно

[1] Case Comment: R (Guardian News and Media Limited) v City of Westminster Magistrates' Court – Open justice and access to court documents – Edward Craven (цит. автора: «Open justice. The words express a principle at the heart of our system of justice and vital to the rule of law. The rule of law is a fine concept but fine words butter no parsnips. How is the rule of law itself to be policed? It is an age old question. Quis custodiet ipsos custodes – who will guard the guards themselves? In a democracy, where power depends on the consent of the governed, the answer must lie in the transparency of the legal process. Open justice lets in the light and allows the public to scrutinise the workings of the law, for better or for worse»). URL:

отмечает, что открытое правосудие проливает свет на происходящее и позволяет общественности наблюдать за тем, как работает закон[1]. Данная позиция схожа с классическим тезисом Иеремии (Джереми) Бентама (родоначальника идеи открытого правосудия), который говорил о публичности как о «сути правосудия» (цит. автора: «Publicity is the very soul of justice. It is the keenest spur to exertion and the surest of all guards against impropriety. It keeps the judge himself, while trying, under trial. It is through publicity alone that justice becomes the mother of security»), считая, что гласность (публичность) является душой справедливости и надежной защитой от неблаговидности, выполняя воспитательную функцию в обществе, дисциплинируя судей[2].

Разрешение системного противоречия между формальным верховенством закона и необходимостью его справедливого применения стало ключевым достижением эпохи Нового времени и связано с трудами французского философа Ш.Л. Монтескьё, который в своей фундаментальной работе «О духе законов» (1748) разработал теорию разделения властей[3]. Преимущественно в рамках данной теории социально-правовая ценность судебной власти была впервые подвергнута системному теоретическому осмыслению. Суд перестал восприниматься лишь как механизм применения норм, а стал независимой и равноправной ветвью власти, выполняющей критически важную функцию – обеспечение законности и соблюдение правовых норм при отправлении правосудия. Именно в этом качестве, как независимый гарант законности, суд обрел подлинную ценность, которая заключается в том, что правосудие, воплощая и гармонизируя общие, групповые и индивидуальные интересы, способствует развитию социально значимых отношений, в которых заинтересованы как граждане, так и общество, а также государство в целом. Указанный общественный и государственный интерес трансформируется в категорию ценности правосудия, которая становится ключевой для понимания его роли в правовой системе.

В контексте научного подхода ценность правосудия – это свойство, которое отражает значимость правосудия для государства и правовой системы, определяет его ориентир в правовой действительности и создает необходимые условия для достижения общегосударственных целей [1, с. 104]. Системный анализ ценности правосудия как сложного социально-правового института позволяет структурировать его по двум ключевым направлениям: социальному и правовому. Рассмотрим каждый из них.

https://inforrm.org/2012/04/17/case-comment-r-guardian-news-and-media-limited-v-city-of-westminster-magistrates-court-open-justice-and-access-to-court-documents-edward-craven/ (дата обращения: 11.06.2026).

[1] Quis custodiet ipsos custodes? URL: https://www.iclr.co.uk/knowledge/glossary/quis-custodiet-ipsos-custodes/ (дата обращения: 11.05.2026).

[2] Lord Goldsmith's speech: Full text of the attorney general's keynote address to the Law for Journalists Conference (Выступление лорда Голдсмита: Полный текст основного доклада генерального прокурора на конференции «Закон для журналистов»). URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.dc3a0150-6a576416-69f395df-74722d776562/https/www.theguardian.com/media/2003/nov/28/privacy.pressandpublishing (дата обращения: 21.06.2026).

[3] См.: Памятник онлайн. Ш.-Л. де Монтескье «О духе законов» 1749 г. URL: https://vivaldi.nlr.ru/bx000026650/view/#page=7 (дата обращения: 11.06.2026).

Социальная ценность правосудия, по мнению Л.С. Андрейченко, заключается в реализации общественно полезных и социально ориентированных функций государства. Данные функции основаны на конституционных принципах и имеют своей конечной целью построение правового государства и гражданского общества. Такое общество предполагает гармонизацию и безусловную защиту как публичных (общественных) интересов, так и неотчуждаемых прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [2, с. 25]. В свою очередь, В.А. Телегина рассматривает социальную ценность правосудия в двух ключевых аспектах: с одной стороны, как совокупность социальных и правовых характеристик, подтверждающих необходимость, значимость и пользу для личности, общества, права и государства; с другой стороны, как инструмент достижения общественного согласия, способного оказывать эффективное и правомерное воздействие на все сферы общественной жизни [3, с. 8–9].

Представляется, что социальная ценность правосудия раскрывается через его многоуровневое функциональное значение для различных субъектов правоотношений: для личности – это инструмент восстановления нарушенных прав и законных интересов; для гражданина – гарантированный государством механизм защиты прав и свобод; для общества – способ разрешения дела по существу; для государства – конституционно-правовой фактор стабильности, обеспечивающий баланс публичных, частно-публичных и частных интересов, а также законную реализацию государственной власти.

В таком контексте особого внимания заслуживает позиция Н.Н. Песцовой, согласно которой «открытость правосудия является дисциплинирующим фактором для судей, способствующим беспристрастному осуществлению правосудия, и одновременно выступает гарантией их независимости» [4, с. 31]. Кроме того, по мнению автора, открытость правосудия – это «основа для формирования позитивного имиджа судебной власти в государстве», где «осведомленность граждан о своих правах и обязанностях, выступающая предпосылкой развития гражданского общества, невозможна без открытого информационного доступа к ряду судебных ресурсов» [Там же].

Правовая ценность правосудия заключается в непосредственной способности правосудия охранять и реализовывать действующее законодательство, обеспечивая тем самым его эффективность [3, с. 8]. Ключом к реализации этой ценности выступает конкретный механизм отправления правосудия. В данном случае мы поддерживаем А.А. Воронова в том, что подлинная справедливость возможна лишь при соблюдении судом ряда принципиальных требований, к которым относятся: применение общественно признанных законов, установление истины через достоверное исследование обстоятельств дела и вынесение решений на основе познанных фактов и закона [5]. Подобный взгляд подчеркивает системный и процедурный характер правосудия, представляя его как упорядоченную последовательность этапов, каждый из которых обеспечен соответствующими правовыми инструментами и ценностями, что в конечном итоге служит достижению фундаментальных социальных задач.

Существенный вклад в осмысление правовой ценности правосудия

вносит также позиция бывшего председателя Верховного суда Британской Колумбии Беверли Маклаклин[1], в соответствии с которой принцип открытости означает, что мотивировка судебных решений является публичной и, следовательно, доступна для сторон, средств массовой информации, адвокатов, правоведов и в конечном счете всего населения. «Закон принадлежит народу, – заявляет Б. Маклаклин, – доступ к правовой системе является основным правом и общественным благом»[2].

Таким образом, социально-правовая ценность правосудия представляет собой системное единство его нормативных свойств и социальных функций, направленное на достижение социально полезного результата (блага) для личности, общества, правовой системы и государства в целом [3, с. 8–9].

Однако актуализация этой ценности в XXI в. сталкивается с новыми вызовами: ростом правовой активности (количественный рост обращений/заявлений/ходатайств в суды), требованием к скорости (принцип разумности сроков судопроизводства) и экономичности процедур (оптимизация материальных, финансовых и человеческих ресурсов), запросом на максимальную прозрачность (транспарентность). Традиционные бумажные формы судопроизводства нередко становятся системным ограничителем для полной реализации социально-правовой ценности. С.В. Потапенко, рассматривая открытость судопроизводства как «обеспечение доступа информации о деятельности суда», обоснованно отмечает, что этот принцип в настоящее время остается нереализованным в связи с тем, что граждане «не могут лично ознакомиться с интересующими их материалами дел, что... может послужить основанием для утверждения об определенной закрытости судебной системы, несмотря на открытость самих судебных процессов» [6, с. 7]. Электронное правосудие, как полагает В.И. Решетняк, должно стать главным инструментом преодоления правового нигилизма посредством обеспечения открытого и доступного правосудия, ускорения сроков рассмотрения споров и повышения качества судебных актов, что поспособствует снижению конфликтности в обществе [7, с. 51]. Считаем, что в данном контексте электронное правосудие есть не что иное, как технологическая форма реализации судебной власти, обеспечивающая доступность, открытость и защиту прав граждан через цифровые инструменты [8, с. 133–135].

Таким образом, в социальном аспекте развитие электронного судопроизводства повышает его доступность (упрощая процедуру подачи электронных документов и ответов на них, снижая территориальные и временные барьеры), увеличивает прозрачность (например, через электронный доступ к материалам дела) и тем самым формирует доверие общества к суду. В правовом аспекте оно модернизирует процессуальную эффективность и экономичность (ускоряя движение дел и снижая материальные издержки), что способствует достижению единообразия судебной практики посредством обеспечения непрерывно-

[1] Beverley McLachlin. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.1c5be661-6a576f53-1d37f4aa-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Beverley_McLachlin (дата обращения: 11.06.2026).

[2] Remarks of the Right Honourable Beverley McLachlin, P.C. URL: https://scc-csc.ca/about-apropos/judges-juges/list-liste/beverley-mclachlin/sd-2017-10-28/ (дата обращения: 11.07.2026).

го доступа к базам судебных решений и стандартизации процедур.

Рассматривая вопросы цифровой трансформации в контексте уголовного судопроизводства, Е.В. Марковичева констатирует, что внедрение цифровых технологий в сферу правосудия обеспечивает оптимизацию судебной системы. По ее наблюдению, за последние пятнадцать лет в России постоянно повышался уровень обеспеченности судебной системы новым цифровым инструментарием, что позволило увеличить открытость судебной системы и облегчить доступ граждан к правосудию. Кроме того, обеспечение принципа транспарентности правосудия привело к продуктивному использованию современных информационных технологий в деятельности судов, а также породило довольно острую научную дискуссию о возможности цифрового преобразования различных видов судопроизводства [9, с. 91].

Между тем для корректной оценки пределов и последствий указанной цифровой трансформации представляется необходимым прежде всего определиться с содержательным наполнением самого принципа транспарентности. В этой связи обратимся к определению, сформулированному Н.М. Костровой и М.А. Абдулаевым, которые под транспарентностью правосудия понимают емкую правовую категорию, включающую в себя такие процессуальные понятия, как гласность, открытость, публичность [10, с. 90]. Как подчеркивает М.В. Становкина, принцип транспарентности судебной деятельности является одним из элементов общественного контроля за деятельностью государственных органов. «Без прозрачности – полной, достоверной, своевременной и регулярной информации о деятельности власти, – утверждает автор, – обществу не под силу заставить государство быть ответственным перед ним» [11, с. 38]. При этом М.Л. Давыдова и И.А. Усенков пришли к выводу о том, что между принципами транспарентности и независимости судей нет сущностного противоречия, т.к. прозрачность не подрывает независимость судей, а, напротив, укрепляет легитимность судебной власти в глазах общества [12, с. 63]. Транспарентность в цифровом контексте, по мнению А.Ю. Чуриковой, раскрывается через три взаимосвязанных проявления: во-первых, это доступ к информации, т.е. возможность для участников процесса и общества в удобном цифровом формате получать актуальные сведения о ходе дела; во-вторых, электронное взаимодействие, включающее подачу процессуальных документов и участие в заседаниях посредством видео-конференц-связи; в-третьих, открытость данных, предполагающая создание общедоступных цифровых ресурсов (с обязательным соблюдением требований о защите персональных данных и тайны следствия), которые отражают статистику и ключевые параметры правоприменения [13, с. 181].

Вместе с тем трудно не разделить обоснованные опасения, которые в своем исследовании столь ярко обозначил профессор М.П. Поляков, справедливо назвавший транспарентность «мутным» термином. По убеждению ученого, в отличие от гласности, которая несет обществу информацию, транспарентность устремлена к «тотальному просвечиванию» процесса – и это сходство с рентгеновским

излучением, описанное профессором в исследовании, отнюдь не метафорическая случайность. Ведь чрезмерная, несоразмерная доза такой прозрачности способна не просто обнажить, но и разрушить саму суть правосудия. Абсолютная открытость, по мнению ученого, так же опасна, как и абсолютная закрытость, поэтому допустимый уровень проницаемости судебной процедуры не может быть продиктован отвлеченными идеалами. И в данном случае нельзя не поддержать М.П. Полякова в том, что правосудие обязано всякий раз соизмерять правозащитный потенциал транспарентности с теми угрозами, которые она может таить для государственных интересов [14, с. 71–72].

Проведенный обзор научных мнений говорит не столько о гармонии, сколько о глубинном концептуальном разломе в понимании феномена «транспарентность». С одной стороны, перед нами – оптимистичный технологический дискурс о доступности, открытости и прозрачности правосудия, а с другой – предостережение о негативном эффекте чрезмерной «прозрачности». Между тем остается открытым вопрос о субъекте и критериях установления пределов транспарентности: кто и по каким правилам правомочен определять необходимый объем открытости правосудия применительно к каждой конкретной ситуации? Если говорить о государственных интересах, то транспарентность неизбежно становится фикцией, поскольку контролирующий и подконтрольный субъекты совпадают. При безоговорочном доминировании общественного контроля возникает риск тотальной слежки за судом и органами предварительного расследования. Оптимальным балансом, позволяющим избежать обеих деструктивных моделей, выступает не техническая оснащенность, а наличие структурного механизма дифференцированного регулирования открытости судопроизводства (совокупность правовых норм, процессуальных процедур и полномочий судьи (суда)), который должен функционировать в режиме реального времени, оперативно адаптируя интенсивность открытости в зависимости от правовой сложности разрешения уголовного дела, процессуального статуса его участников и иных значимых обстоятельств.

Таким образом, анализ социально-правовой ценности правосудия в ее теоретическом и прикладном измерении, рассмотренный сквозь призму широкого спектра научных позиций, позволяет утверждать, что правосудие как социально-правовой институт сохраняет свою состоятельность лишь при условии неразрывного единства двух ценностных начал – социального и правового [15]. Однако в условиях цифровой транспарентности это единство не дано, а задается каждый раз заново, через сложный компромисс между открытостью и защитой, контролем и независимостью, удобством и безопасностью. Именно этот компромисс, а не абстрактный баланс, превращает правосудие из формальной процедуры в действенный инструмент достижения общественного блага, и именно его достижение требует сегодня не только технологических решений, но и вдумчивой правовой политики, учитывающей риски, выходящие далеко за пределы процессуальной сферы.

Библиографический список

1. *Гук П.А., Коршунова П.В.* Единство судебной практики как особая ценность правосудия // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 103–118.

2. *Андрейченко Л.С.* Реализация справедливого правосудия через призму его социальной ценности // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 22–27.

3. *Телегина В.А.* Правосудие как социально-правовая ценность (вопросы теории): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 26 с.

4. *Песцова Н.Н.* Открытость правосудия: общетеоретические аспекты проблемы // ГлаголЪ правосудия. 2024. № 3 (37). С. 31–36.

5. *Воронов А.А.* Роль А.Ф. Кони в формировании принципов деятельности и философии справедливого российского правосудия и судебной адвокатуры // Адвокатская практика. 2014. № 1. С. 18–23.

6. *Потапенко С.В.* Открытость и гласность судопроизводства в свете концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. Т. 35, № 1–2. С. 5–17.

7. *Решетняк В.И.* Электронное правосудие и транспарентность судебной системы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 3. С. 51–55.

8. *Моругина Н.А.* Электронное правосудие: понятие, этапы и перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16, № 2 (60). С. 133–143.

9. *Марковичева Е.В.* Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2, № 3. С. 86–99.

10. *Кострова Н.М., Абдулаев М.А.* К вопросу о транспарентности судебной власти в гражданском судопроизводстве // Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 30, № 2. С. 90–95.

11. *Становкина М.В.* Транспарентность судебной деятельности: содержательная характеристика // Новый университет. 2013. № 11 (33). С. 38–43.

12. *Давыдова М.Л., Усенков И.А.* Взаимодействие принципов транспарентности судебной власти и независимости судей при их практическом применении в РФ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 3. С. 63–67.

13. *Чурикова А.Ю.* Цифровая трансформация и транспарентность уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 1 (48). С. 179–183.

14. *Поляков М.П.* Принцип транспарентности в уголовном процессе: мнения и сомнения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 69–76.

15. Общетеоретические и социально-правовые ценности при переходе к электронному уголовному судопроизводству: монография / под ред. С.В. Зуева, Г.С. Русман. М.: Юрлитинформ, 2026. 248 с.

Reference

1. *Guk P.A., Korshunova P.V.* Unity of judicial practice as a special value of justice // Journal of Russian Law. 2020. No. 12. P. 103–118.

2. *Andreychenko L.S.* Implementation of fair justice through the prism of its social value // Judicial Power and Criminal Procedure. 2019. No. 4. P. 22–27.

3. *Telegina V.A.* Justice as a socio-legal value (questions of theory): abstract diss. ... cand. legal. sciences. Saratov, 2006. 26 p.

4. *Pestsova N.N.* Openness of Justice: General Theoretical Aspects of the Problem // GlagolЪ Pravosudiia. 2024. No. 3 (37). P. 31–36.

5. *Voronov A.A.* The Role of A.F. Koni in Shaping the Principles of Operation and Philosophy of Fair Russian Justice and the Judicial Bar // Advocacy Practice. 2014. No. 1. P. 18–23.

6. *Potapenko S.V.* Openness and publicity of legal proceedings in the light of the concept of information policy of the judicial system for 2020–2030 // Proceedings on Intellectual Property. 2020. Vol. 35, no. 1–2. P. 5–17.

7. *Reshetnyak V.*I. Electronic Justice and Transparency of the Judicial System // Electronic Supplement to the "Russian Legal Journal". 2011. No. 3. P. 51–55.

8. *Morugina N.*A. Electronic Justice: Concept, Stages, and Development Prospects // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. 16, no. 2 (60). P. 133–143.

9. *Makovicheva E.V.* Digital Transformation of Russian Criminal Proceedings // Justice. 2020. Vol. 2, no. 3. P. 86–99.

10. *Kostrova N.M., Abdulaev M.*A. On the Issue of Transparency of Judicial Power in Civil Proceedings // Legal Bulletin of DSU. 2019. Vol. 30, no. 2. P. 90–95.

11. *Stanovkina M.V.* Transparency of Judicial Activity: A Content-Based Characterization // New University. 2013. No. 11 (33). P. 38–43.

12. *Davydova M.L., Usenkov I.A.* The Interaction of the Principles of Transparency of Judicial Power and Judicial Independence in Their Practical Application in the Russian Federation // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2017. No. 3. P. 63–67.

13. *Churikova A.Yu.* Digital Transformation and Transparency of Criminal Proceedings // Law and Order: History, Theory, Practice. 2026. No. 1 (48). P. 179–183.

14. *Polyakov M.P.* The principle of transparency in criminal proceedings: opinions and doubts // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (71). P. 69–76.

15. General theoretical and socio-legal values in the transition to electronic criminal proceedings: a monograph / Edited by S.V. Zueva, G.S. Rusman. Moscow: Yurlitinform, 2026. 248 p.

И.Б. Тутынин,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева

ПРОГНОЗ И ХЕДЖИРОВАНИЕ РИСКОВ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ О МЕРАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных вопросов прогноза и хеджирования рисков в принятии решений о мерах уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. Предмет анализа: нормы права, правоприменительная практика, позиции ученых-процессуалистов, а также теоретические разработки в финансовом секторе. Цель работы – изучение возможности и необходимости применения прогнозирования и хеджирования рисков в принятии решений о мерах уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. Методологическую основу исследования составили общенаучные, эмпирические и частноправовые методы. Новизна работы: аргументируется, что если использовать предложенный подход, то у государства и общества появятся новые возможности для предотвращения и исправления последствий незаконного применения мер принуждения. Основные результаты: доказывается, что именно риск-ориентированный подход может принести положительный результат. Делается вывод о том, что необходимо продолжить исследование по указанным направлениям. Практическая значимость работы состоит в создании теоретико-прикладных ориентиров для правоприменителей. Выводы обусловлены целью работы: применение прогнозирования и хеджирования рисков в принятии решений о мерах уголовно-процессуального принуждения имущественного характера возможно и крайне необходимо.

Ключевые слова: прогноз, хеджирование рисков, риск-ориентированный подход, мера принуждения, имущественный характер, уголовное судопроизводство, принятие процессуального решения, финансовая сфера, принцип, арест ценных бумаг.

I.B. Tutynin,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure,
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev

FORECASTING AND HEDGING RISKS IN DECISION-MAKING ON MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERTION OF A PROPERTY NATURE

Abstract. The article is devoted to the study of certain issues of forecasting and hedging of risks in decision-making on measures of criminal procedural coercion of a property nature. Subject of analysis: norms of law, law enforcement

practice, positions of procedural scholars, as well as theoretical developments in the financial sector. The purpose of the work is to study the possibility and necessity of applying forecasting and hedging of risks in decision-making on measures of criminal procedural coercion of a property nature. The methodological basis of the study comprises general scientific, empirical and private-law methods. Novelty of the work: it is argued that, if the proposed approach is used, the State and society will gain new opportunities for preventing and remedying the consequences of the unlawful application of measures of coercion. Main results: it is proved that it is the risk-oriented approach that can yield a positive result. A conclusion is drawn that it is necessary to continue research in these areas. The practical significance of the work lies in creating theoretical and applied guidelines for law enforcers. The conclusions are conditioned by the purpose of the work: the application of forecasting and hedging of risks in decision-making on measures of criminal procedural coercion of a property nature is possible and extremely necessary.

Keywords: forecast, risk hedging, risk-oriented approach, measure of coercion, property nature, criminal proceedings, adoption of a procedural decision, financial sector, principle, seizure of securities.

В современном мире наблюдается явление всеобщей конвергенции. Взаимное влияние существует между различными отраслями человеческих знаний. Если сейчас не вызывает недоумения предметное обсуждение взаимодействия науки и искусства[1], то проникновение достижений теоретических разработок гуманитарного направления, а именно финансовой сферы, в юриспруденцию кажется уже не чем-то экстравагантным, а вполне заурядной действительностью.

В финансах прогнозирование рисков – это изучение и планирование возможных изменений в финансовом состоянии компании. Цель – минимизировать убытки при неблагоприятных рыночных условиях. Хеджирование – это метод управления рисками, который помогает уменьшить потери при изменении цен, валютных курсов или процентных ставок.

В уголовном судопроизводстве также имеются возможности столкнуться с различного рода рисками, в том числе при принятии решений [1, с. 47], и в немалой степени при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера.

Среди особенностей, присущих мерам уголовно-процессуального принуждения имущественного характера, таких как функциональность, эмерджентность, своеобразие метода правового регулирования, вариативность, таргетированность [2, с. 13], стоит отдельно выделить то, что в данном случае в правоотношении одновременно действуют нормы сразу нескольких отраслей права. Наблюдается конкуренция норм, имеющих публично-правовое и частноправовое наполнение. Такое обстоятельство позволяет с большим доверием отнестись к прогнозированию и хеджированию рисков и даже вынужденно использовать именно их.

Обширный диапазон выбора количественных и качественных характеристик правоограничения создает риск выбора таких степени и характера принуждения, которые повлекут либо недостаточное, либо превышающее необходимое (оптимальное) воздействие на права и интересы участников уголовного процесса.

Убеждены, что выбор в правоприменении – это всегда хорошо. Но и чрезмерно завышенные рамки дискреции не являются чем-то положительным. Необхо-

[1] См.: Сетевое издание «Смотрим». URL: https://smotrim.ru/brand/61882 (дата обращения: 16.03.2026).

дима оправданная система координат выбора в принятии процессуальных решений. В какой-то мере на помощь может прийти рискогенный подход.

Риск-ориентированный подход в настоящее время не используется для видов надзора, не регулируемых законами № 248-ФЗ и № 294-ФЗ[1]. Однако для уголовного судопроизводства и применения мер процессуального принуждения, особенно имущественных, по аналогии с банковским сектором и в контексте противодействия легализации доходов (ПОД/ФТ), целесообразно использовать основные принципы этого подхода.

В уголовном судопроизводстве РОП – это метод оптимизации процессуальной работы. Он основан на оценке угроз и ранжировании дел по степени опасности возникновения неблагоприятных последствий. Цель РОП – повысить эффективность и справедливость решений в сложных условиях неопределенности и риска. Этот подход помогает правоохранительным органам сосредоточить ресурсы на самых сложных процессуальных задачах, уменьшая необоснованное давление на бизнес и ускоряя рассмотрение простых дел.

В отечественной теории уголовного судопроизводства различают объективные и субъективные условия РОП. К объективным условиям относят социально-политические, экономические, правовые и идеологические факторы. Среди субъективных условий выделяют: уровень правовой культуры и правосознание, качество образования и профессиональный опыт, влияние профдеформации, внешнее и внутреннее воздействие на принятие решений, значение корпоративности и «погоню» за статистическими показателями, индивидуальные особенности личности и др. [3, с. 548].

По нашему предположению, необходимо учитывать следующие субъективные условия применения мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера: у следователей и дознавателей не всегда имеется достаточный уровень компетентности в специфических вопросах цивилистики; наблюдается постоянная и широкоформатная загруженность должностных лиц, что не позволяет им вникать во все тонкости правовых и организационных вопросов, регулируемых множеством нормативных актов из различных отраслей права. По меткому замечанию А.Ю. Чуриковой, все это может приводить к формально соответствующей закону процессуальной деятельности, но с фактическим нарушением прав и интересов граждан [4, с. 16].

Полагаем, немаловажное значение для применения РОП имеет выбор надлежащей степени принуждения, который зависит от множества факторов. В частности, первостепенным является определение в законе и в непосредственном правоприменении наличия или отсутствия оснований для принятия процессуального решения. Законодательство в данном случае не всегда содержательно. Например, основания для наложения ареста на имущество, несмотря на название ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), четко

[1] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5007; 2026. № 32, ст. 4521; Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (в ред. от 20 февраля 2026 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249; 2026. № 8, ст. 758.

не определены. Правоприменитель ставится в положение рискового (нерискового) человека, вынужденного лавировать между обязанностью по выполнению требований УПК РФ и указаниями непосредственного руководства. При этом следователю не даны пояснения об оправдании своих непосредственных процессуальных действий.

Полагаем, существует различная степень риска ошибиться в выборе как среди самих мер принуждения, так и в рамках одной меры. Так, денежное взыскание по своему количественному измерению несопоставимо с залогом и наложением ареста на имущество. В соответствии со ст. 117 и ч. 4 ст. 103 УПК РФ максимальный размер денежного взыскания составляет 2 500 и 10 000 рублей соответственно. Минимальная сумма залога по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести, и тем более по уголовным делам об особо тяжких преступлениях, исчисляется десятками и сотнями тысяч рублей (ч. 3 ст. 106 УПК РФ), что несопоставимо с размером денежного взыскания. Опубликованные с подачи журналистов суммы арестованного имущества по резонансным уголовным делам шокируют публику.

При выборе мер пресечения следует учитывать обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК РФ. Однако, если игнорировать анализ рисков (например, вероятность скрыться или продолжить преступную деятельность), это может привести к нежелательным последствиям в процессе. В данном случае приоритетное значение имеют характер и степень принуждения, его качественные и количественные характеристики.

Среди основных принципов РОП можно выделить следующие.

Оценка вероятности причинения ущерба при применении каждой из мер принуждения обособленно. Оцениваются вероятность риска и степень потенциального вреда для охраняемых законом ценностей при реализации предлагаемых мер.

Чем выше категория риска, тем внимательнее нужно подходить к выбору и применению конкретных мер принуждения. Так, для мер чрезвычайно высокого риска применение полномочий прокурорского надзора и процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа должно быть на особом счету. Следователь (дознаватель) собирает и предоставляет (например, в суд) максимально возможное количество доказательств, подтверждающих наличие оснований и условий для избрания конкретной меры пресечения, а также обосновывающих выбор ее индивидуальных особенностей.

Далее отметим, что в правовых ситуациях принятия решений о мерах уголовно-процессуального принуждения с учетом РОП целесообразно принимать во внимание следующие обстоятельства. В случае, когда количество имеющихся рисков минимально, усилия следует направить на профилактику: проведение разъяснительной работы среди следователей и дознавателей, повышение их квалификации. Иными словами, необходимо смещение фокуса с наказания подчиненного сотрудника на предотвращение им нарушения закона.

В подобных ситуациях становятся востребованными индикаторы риска – формализованные сигналы, указывающие на возможное нарушение требований закона. Перечень таких индикаторов утверждается контролирую-

щими органами, как правило, в ведомственных подзаконных актах.

При определении критериев оценки учитывается тяжесть возможных негативных последствий, вызванных несоблюдением требований, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Так, нарушение установок ст. 116 УПК РФ и ряда смежных правовых актов, определяющих особенности правового регулирования действий с ценными бумагами, «поднимает градус напряжения», требует усиления мер по предотвращению возможных нарушений и связанных с ними убытков.

Учитываются количественные показатели (тяжесть) возможных негативных последствий, вероятность их наступления, масштаб распространения и т.п. Примером тому служит применение денежного взыскания как иной меры уголовно-процессуального принуждения (ст. 117 УПК РФ), оценка риска которой несопоставимо ниже по сравнению, например, с наложением ареста на имущество по уголовному делу.

В контексте применения рекомендаций РОП в банковской сфере выделяются такие категории риска: 1) высокий; 2) средний; 3) низкий. В этой связи все меры процессуального принуждения имущественного характера дифференцируются на следующие категории: 1) наложение ареста на имущество; 2) залог; 3) денежное взыскание. Однако в каждом правоприменительном случае отдельная мера может иметь свои рискогенные особенности, «поле риска», включающее факторы, условия и обстоятельства, обусловливающие исход решения, создающее неопределенность и потенциальные риски.

Безусловно, важно своевременно реагировать на возможные и известные риски, смягчать их влияние, что сопряжено с частичным пересмотром традиционной модели принятия решений, разработанной отечественной уголовно-процессуальной наукой. Это не означает отказа от имеющихся достижений. Безальтернативно то, что с учетом более гибкой и адаптивной модели принятия процессуальных решений следует отдавать приоритет достижению целей уголовного судопроизводства, соответствующих системе защищаемых законом ценностей, как частных, так и публичных.

Отдаем себе отчет в том, что сказанное звучит излишне декларативно, но наше устремление способствовать экономии процессуального принуждения обусловлено желанием минимизировать вмешательство в жизнь законопослушных граждан и организаций.

В заключение отметим, что в практике применения мер уголовно-процессуального принуждения возможности использования методов хеджирования рисков пока остаются недооцененными, что не позволяет в должной мере эффективно управлять рисками и минимизировать убытки. Это особенно ценно для исполнения требований о реабилитации (гл. 18 УПК РФ), учитывая перспективы изменения цен, курсов валют и ключевых ставок. Убеждены, что страхование может и должно стать одним из инструментов, компенсирующих возможные потери государства по рискогенным случаям применения мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. Остается нерешенным вопрос о стимулировании (в том числе материальном) за успешное и, возможно, рисковое применение мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера.

Библиографический список

1. *Цветков Ю.А.* Уголовный процесс: от догматизма к реализму // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 19, № 1. С. 27–55.

2. *Тутынин И.Б.* Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 63 с.

3. *Лавнов М.А.* Уголовное судопроизводство в условиях риск-ориентированной парадигмы: новые вызовы и решения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 547–550.

4. *Чурикова А.Ю.* Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 48 с.

Reference

1. *Tsvetkov Yu.A.* Criminal Procedure: From Dogmatism to Realism // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2026. Vol. 19, no. 1. P. 27–55.

2. *Tutynin I.*B. Procedural coercion of a property nature in criminal proceedings: abstract diss. … dr. legal. sciences. M., 2023. 63 p.

3. *Lavnov M.*A. Criminal proceedings in the context of a risk-based paradigm: new challenges and solutions // Law and the State: theory and practice. 2025. No. 5. P. 547–550.

4. *Churikova A.*Y. The use of information technologies and systems in criminal proceedings: opportunities, risks, legal regulation: abstract diss. … dr. legal. sciences. Saratov, 2024. 48 p.

А.С. Шаталов,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева,

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье разбирается риск-ориентированный подход в уголовном судопроизводстве – тема, которая сегодня все заметнее выходит на первый план в современных правовых системах. Такой подход позволяет учитывать возможные риски и сдерживать их при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Вместе с тем его применение связано с целым рядом сложностей, которые нужно отдельно и подробно изучать. Интерес к данной проблеме связан с необходимостью повышать качество уголовного процесса и сокращать число ошибок. Риск-ориентированный подход может стать для этого полезным инструментом, однако его внедрение требует тщательной доработки и учета особенностей уголовного судопроизводства. Предметом исследования выступает риск-ориентированный подход в уголовном процессе, а цель работы – раскрыть его сильные и слабые стороны и наметить пути совершенствования. Для этого был использован комплексный метод, включающий анализ нормативных актов, научных трудов, судебной практики и опыта применения такого подхода в уголовном судопроизводстве. В ходе исследования были определены и его плюсы, и его минусы. Сделанные выводы могут быть полезны в работе органов предварительного расследования и судов, а также в научных исследованиях, посвященных досудебному и судебному производству по уголовным делам. Автор приходит к выводу, что необходима общая стратегия дальнейшего развития риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве. В нее стоит включить гибкие и адаптивные способы его применения, а также механизмы создания условий, которые будут поддерживать новые решения и экспериментальные практики в этой сфере правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: адаптивность, инновации, информационные технологии, правоохранительная деятельность, предварительное расследование, процессуальные решения, риск-ориентированный подход, уголовное судопроизводство, управление рисками, экспериментальные практики.

A.S. Shatalov,
Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure,
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev

POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS OF THE RISK-ORIENTED APPROACH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines the risk-oriented approach in criminal proceedings – a topic that is increasingly coming to the fore in modern legal systems today. Such

an approach makes it possible to take into account possible risks and to restrain them during the investigation and consideration of criminal cases. At the same time, however, its application is associated with a number of difficulties that need to be studied separately and in detail. Interest in this problem is connected with the need to improve the quality of criminal proceedings and to reduce the number of errors. The risk-oriented approach can become a useful tool for this, but its introduction requires careful refinement and consideration of the specific features of criminal proceedings. The subject of the study is the risk-oriented approach in criminal proceedings, and the purpose of the work is to reveal its strengths and weaknesses and to outline ways of improvement. For this purpose, a comprehensive method was used, including an analysis of normative acts, scientific works, judicial practice and experience in applying such an approach in criminal proceedings. In the course of the study, both its advantages and its disadvantages were identified. The conclusions drawn may be useful in the work of preliminary investigation bodies and courts, as well as in scientific research devoted to pre-trial and judicial proceedings in criminal cases. The author concludes that a common strategy is needed for the further development of the risk-oriented approach in criminal proceedings. It should include flexible and adaptive ways of applying it, as well as create conditions that will support new solutions and experimental practices in this area of law enforcement activity.

Keywords: adaptability, innovations, information technologies, law enforcement activity, preliminary investigation, procedural decisions, risk-oriented approach, criminal proceedings, risk management, experimental practices.

Термином «риск» в научной литературе принято обозначать неопределенные события или условия, которые с некоторой долей вероятности могут произойти и повлечь за собой негативные либо позитивные последствия [1]. Риск состоит из двух компонентов: из того, насколько вероятно то или иное событие, и из того, насколько тяжелыми могут оказаться его последствия. Проще говоря, риск рождается там, где вместе сходятся вероятность и результат. Такой взгляд помогает наиболее основательно разбирать и сравнивать экзистенциальные угрозы: важно учитывать не только вероятность их наступления, но и возможный масштаб вреда. Он также полезен для управления рисками в самых разных сферах – от экономики и финансов до инженерии, бизнеса, медицины и права, где для разумного решения нужно понимать, что может случиться, и оценивать вероятность удачного исхода. В этом смысле риск – не просто препятствие на пути к цели, а сложное и многослойное явление. Его можно рассматривать и в качественном, и в числовом выражении, а значит, разные риски можно сравнивать и анализировать с разных сторон, чтобы выбрать оптимальный вариант действий [2].

Особое значение данная концепция получает, когда мы смотрим на риск-ориентированный подход в уголовном судопроизводстве. Здесь все довольно просто по логике, хотя на практике выходит куда сложнее: итоговые показатели, которые получают после оценки риска, затем используются как исходные данные для решений по уголовным делам. То есть сначала оценивают риск, а уже потом на полученной основе дальше с ним работают. При этом привычный механизм принятия решений, который держится на соблюдении принципа законности при производстве по уголовному делу, не требует учитывать целесообразность тех процессуальных решений, которые должностные лица принимают по своему усмотрению при отсутствии прямого законодательного регулирования. В итоге все это и создает фундаментальную проблему применения риск-ориентированного подхода

в уголовном судопроизводстве. Следовательно, она требует глубокого изучения и адаптации к реалиям российского уголовного процесса [3].

Как специфическая форма государственной деятельности, уголовный процесс представляет собой систему, характеризующуюся высокой степенью риска. Этот риск обусловлен рядом фундаментальных факторов, которые требуют детального анализа и комплексного подхода к их минимизации. Все стадии уголовного судопроизводства неизбежно связаны с процессуальным принуждением, что создает риск ограничения конституционных прав личности. Процессуальная деятельность профессиональных участников не застрахована от ошибок, а в некоторых случаях и от злоупотребления своими полномочиями. Доказывание, являясь основой всей процессуальной деятельности, в условиях цифровизации всех сфер общественной жизни сталкивается с новыми вызовами. Отдельного внимания в этой связи заслуживает проблема обеспечения конфиденциальности уголовно-процессуальной информации, а комплекс мер по защите информационных систем должен стать обязательным элементом риск-ориентированного подхода. Такой подход также требует внедрения в уголовно-процессуальную деятельность механизмов правового, криминологического и практического прогнозирования, что должно стать катализатором повышения ее эффективности. Таким образом, обеспечение безопасности и надежности уголовного процесса в эпоху цифровизации требует комплексного подхода, включающего не только технические, но и правовые, организационные и этические аспекты.

Если смотреть на деятельность в рамках уголовного судопроизводства через призму риск-ориентированного подхода, связанного с правовым прогнозированием, то открывается весьма перспективное направление для современной юридической науки. Данный подход помогает лучше понять, как вообще работает система уголовной юстиции, и выстраивать понятные стратегии управления рисками на всех этапах процесса. Логика здесь простая: на каждой стадии – от возбуждения уголовного дела до того момента, когда приговор вступает в законную силу и начинает исполняться – нужно увидеть риски и оценить их. Правовое прогнозирование в таком случае требует смотреть на тенденции и закономерности в состоянии преступности, на изменения в законодательстве и практике его применения, а еще на то, к чему могут привести те или иные решения. Это позволяет правоохранительным органам более точно предвидеть варианты развития событий и заранее разрабатывать стратегии реагирования на потенциальные угрозы с учетом имеющейся в их распоряжении информации [4].

Границы применения риск-ориентированного подхода определяются правовыми нормами, регулирующими уголовный процесс. Однако в условиях технологического прогресса и появления новых форм преступной деятельности эти границы могут расширяться. Цифровая трансформация уголовного судопроизводства предполагает создание новых подходов к работе с цифровыми следами и разработку критериев использования такой информации в качестве доказательств при производстве

по уголовным делам. Для этого необходимо организовать качественное взаимодействие всех правоохранительных органов, экспертов по работе с цифровой информацией и юридической науки. Совместная работа в данном направлении при условии качественной координации позволит создать как необходимую правовую основу с учетом динамики криминальных угрозы [5], так и выверенную правоприменительную практику, способную им противодействовать на основе риск-ориентированного подхода в рамках принципа законности уголовного судопроизводства. При этом предиктивный анализ дает возможность не просто фиксировать риски, а прогнозировать их развитие, оценивать тяжесть последствий и заранее корректировать режим производства по уголовным делам. Диверсификация рисков представляет собой комплекс мер, направленных на минимизацию или нейтрализацию таких событий или их потенциальных негативных последствий за счет преодоления информационной неопределенности.

Трансформация уголовного судопроизводства на основе риск-ориентированной модели видится процессуалистам поэтапным процессом, позволяющим сохранить преемственность и избежать радикальных изменений в существующей системе. На первом этапе предлагается провести фундаментальные теоретические исследования адаптации принципов рискологии к уголовно-процессуальной сфере, включая анализ и систематизацию рисков, а также пересмотр модели принятия решений с учетом современных концепций управления рисками. Второй этап включает разработку и внедрение механизма отказа от решений с неприемлемо высокими рисками и нормативно-правовой базы для их учета и оценки. На третьем этапе, который связан с внедрением технологий риск-менеджмента в уголовное судопроизводство, предполагается создать комплексную систему управления рисками. В нее войдут методики, адаптированные для профессиональных участников уголовного процесса [6]. К этому можно добавить создание условий для интеграции технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в систему управления рисками, чтобы лучше прогнозировать риски и заранее их предупреждать на основе анализа больших объемов данных.

Если смотреть шире, внедрение риск-ориентированного подхода в уголовный процесс выглядит как новый этап его развития. Цель его вполне понятная – повысить качество правоприменительной деятельности и сделать судебные решения справедливее в условиях, где много неопределенности и потенциальных рисков. Однако есть нюанс. Одновременно приравнивать величину риска к его возможным последствиям не всегда корректно, потому что риск может постоянно присутствовать, но никак не проявляться в виде последствий. Кроме того, следует учитывать тот факт, что последствия рисков выстраиваются в иерархию – от позитивных до негативных. В рамках подобной логики риски нельзя рассматривать только как что-то плохое, иначе круг доступных возможностей и стратегий сразу сужается.

Несмотря на свои очевидные преимущества, риск-ориентированный подход в уголовном судопроизводстве сталкивается с рядом ограничений, которые могут оказывать существенное

влияние на эффективность предварительного расследования и справедливость судебного разбирательства. Одним из его ключевых недостатков является предрасположенность к излишней формализации и бюрократизации процессуальных процедур. Стремление профессиональных участников уголовного судопроизводства к минимизации процессуальных ошибок способно трансформироваться в стратегию, предполагающую сознательное ограничение собственных дискреционных полномочий и сужение пределов профессионального усмотрения. Между тем, как обоснованно отмечается в научной доктрине, каждое уголовное дело отличается уникальным фактическим составом и требует индивидуализированного подхода к оценке совокупности доказательств. Унификация процессуальных решений под давлением риск-ориентированной парадигмы вступает в противоречие с принципом свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) и может формировать консервативные установки при выборе тактических и процессуальных средств. Полный отказ от риск-ориентированного механизма принятия процессуальных решений, от внедрения новых, потенциально более эффективных форм производства по уголовным делам – крайне опасное и негативное явление эволюции уголовно-процессуального права и соответствующей правоприменительной практики. Еще одним фактором в таком контексте является усиление прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля. Повышенное внимание к возможным ошибкам и нарушениям способно создать атмосферу недоверия и страха, что, в свою очередь, может снизить качество и эффективность процессуальной деятельности [7]. В конечном итоге это подрывает способность системы уголовной юстиции адекватно реагировать на новые криминальные вызовы и угрозы.

Выход видится в выработке многоуровневой стратегии, обеспечивающей разумное сочетание риск-минимизирующих механизмов с сохранением гибкости процессуальной формы. Такая стратегия предполагает, в частности, законодательное закрепление новых дифференцированных форм производства, а также расширение границ усмотрения для более эффективной реализации назначения уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. *Николаенко В.С.* Негативные и позитивные риски в ИТ-проектах // Вестник Московского университета. Сер. 21, Управление (государство и общество). 2018. № 3. С. 91–124.

2. *Тепикин А.А., Медведева О.*С. Качественные и количественные методы оценки рисков: сравнительный анализ и проблемы применения в российских компаниях // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 12 (130). С. 406–412.

3. *Колоколов Н.А.* Риск в принятии процессуального решения в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 47–58.

4. *Клейменов М.П.* Методология уголовно-правового прогнозирования // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 4. С. 277–288.

5. *Цветков Ю.А.* Прогноз и хеджирование рисков в принятии решений следователем и судьей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 3. С. 649–667.

6. *Лавнов М.А.* Уголовное судопроизводство в условиях риск-ориентированной парадигмы: новые вызовы и решения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 547–550.

7. *Даровских О.И.* Условия, обеспечивающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Юридическая наука. 2022. № 1. С. 98–101.

Reference

1. *Nikolaenko V.S.* Negative and Positive Risks in IT Projects // Bulletin of Moscow University. Ser. 21, Public Administration (State and Society). 2018. No. 3. P. 91–124.

2. *Tepikin A.A., Medvedeva O.S.* Qualitative and Quantitative Methods of Risk Assessment: Comparative Analysis and Problems of Application in Russian Companies // Economy and Business: Theory and Practice. 2025. No. 12 (130). P. 406–412.

3. *Kolokolov N.A.* Risk in Making Procedural Decisions in Criminal Proceedings // Legal Technique. 2019. No. 13. P. 47–58.

4. *Kleymenov M.P.* Methodology of Criminal Law Forecasting // Law Enforcement. 2022. Vol. 6, no. 4. P. 277–288.

5. *Tsvetkov Yu.A.* Forecast and Hedging of Risks in Decision-Making by the Investigator and the Judge // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2023. Vol. 14, no. 3. P. 649–667.

6. *Lavnov M.A.* Criminal Proceedings in the Context of a Risk-Oriented Paradigm: New Challenges and Solutions // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 5. P. 547–550.

7. *Darovskikh O.I.* Conditions Ensuring the Effectiveness of Criminal Procedural Activity // Legal Science. 2022. No. 1. P. 98–101.

О.Ю. Бакаева,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

Ю.С. Тихоненко,
обучающаяся Института правоохранительной деятельности Саратовской государственной юридической академии, руководитель студенческого научного кружка «ФинБиТ»

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В НАЛОГОВОМ КОНТРОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы автоматизации деятельности налоговых органов, что нашло свое отражение во внедрении технологий искусственного интеллекта в процесс контроля уплаты налога на добавленную стоимость. Предметом исследования являются нормы налогового законодательства, регулирующие налоговый контроль. Цель – исследование применения технологий искусственного интеллекта при использовании риск-ориентированного подхода в налоговом контроле. В исследовании при помощи анализа, сравнительного метода, абстрагирования и иных методов выявлены негативные аспекты применения ИИ-технологий, предложены пути их разрешения. Так, искусственный интеллект при оценке и управлении налоговыми рисками позволяет автоматизировать часть контрольных мероприятий, однако следует использовать его в симбиозе с ручной проверкой со стороны. При этом существуют направления развития ИИ-технологий, которые в перспективе также могут применяться налоговыми органами. Выявленные искусственным интеллектом цепочки и механизмы подлежат дополнительной проверке налоговым инспектором на наличие ошибок либо несуществующих генераций, т.к. вероятные сбои невозможно предугадать и устранить. Таким образом, внедрение указанной системы влияет на автоматизацию рутинных процессов, но не влечет автоматического управления и предполагает участие и проверку полученной информации человеком.

Ключевые слова: налоговый контроль, риск-ориентированный подход, искусственный интеллект, автоматизация, налог на добавленную стоимость.

O.Yu. Bakaeva,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, Saratov State Law Academy

Yu.S. Tikhonenko,
4th-year student at the Institute of Law Enforcement, Saratov State Law Academy, Head of the student scientific circle "Financial, Banking and Customs Law"

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN USING THE RISK-ORIENTED APPROACH IN TAX CONTROL

Abstract. The article examines the issues of automating the activities of tax authorities, which has been reflected in the introduction of artificial intelligence technologies into control over the payment of value added tax. The subject of the study is the norms of tax legislation regulating tax control. The purpose is to study the application of artificial intelligence technologies in using the risk-oriented approach to tax control. In the study, with the help of analysis, the comparative method, abstraction and other methods, negative aspects of the application of AI technologies have been identified, and ways of resolving them have been proposed. Thus, artificial intelligence in assessing and managing tax risks makes it possible to automate part of the control measures; however, it should be used in symbiosis with manual verification. At the same time, there are directions for the development for AI technologies that may also be applied by tax authorities in the future. The chains and mechanisms identified by artificial intelligence are subject to additional verification by the tax inspector for the presence of errors or non-existent generations, since probable failures cannot be predicted and eliminated. Thus, the introduction of this system affects the automation of routine processes but does not entail automatic decision-making and presupposes the participation and verification of the information obtained by a human.

Keywords: tax control, risk-oriented approach, artificial intelligence, automation, value-added tax.

В сфере управления при осуществлении органами публичной власти контрольно-надзорной деятельности могут быть выявлены угрозы, потенциально грозящие потерями и нанесением вреда государственной безопасности, общественному порядку и другим социально значимым явлениям. Правовой риск, как отмечают ученые, выражается, в частности, в нарушении правовых норм, низком уровне правовой культуры граждан, возникновении юридических коллизий и конфликта интересов [1, с. 8–9]. В финансовой сфере риски препятствуют в первую очередь достижению фискальной цели – формированию доходов бюджетной системы.

Понятие налогового риска на данный момент не закреплено законодательно. Нормативные правовые акты Российской Федерации содержат понятия экологического риска, предпринимательского риска, риска случайной гибели, страхового риска. Риском является уровень вероятного наступления определенных событий, как правило, неблагоприятных. При этом, исходя из определения, необходимо полагать, что риск неразрывно связан с субъектом, для которого наступление негативных вероятных событий будет являться отрицательным результатом.

В рамках регулирования механизма контрольно-надзорной деятельности введено понятие оценки и управления рисками с целью исключения причинения вреда[1]. Под оценкой риска подразумевается определение вероятности возникновения

[1] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ст. 5007; 2026. № 32, ст. 4521.

негативных реалий, на основе которой органы реализуют управление риском, заключающееся в осуществлении мероприятий различных видов. Для этого, например, контрольно-надзорными органами на постоянной основе проводится мониторинг.

Между тем контрольно-надзорная деятельность фискальных органов не регулируется законодательством о государственном и муниципальном контроле. Здесь действует специальное отраслевое законодательство, регламентирующее деятельность налоговых и таможенных органов. Так, таможенными органами активно применяется риск-ориентированный подход, направленный как на участников внешнеэкономической деятельности, так и на перемещаемые ими товары. Механизму системы управления рисками посвящена самостоятельная глава в Таможенном кодексе ЕАЭС[1] и Стратегия и тактика риск-ориентированного подхода в таможенном контроле[2].

Несмотря на то, что в налоговой сфере риск-ориентированный подход применяется продолжительное время, упоминание о нем содержится только в Концепции системы планирования выездных налоговых проверок[3].

Стоит отметить, что риск-ориентированный подход неразрывно связан с принципом доверия между налогоплательщиками и налоговыми органами, где проверке, в том числе более детальной, подвергается не каждое лицо, а исключительно то, которое входит в определенную группу риска по существующим параметрам. В науке указывается, что управление налоговыми рисками позволяет оценить правомерность действий налогоплательщика и «представляет собой самостоятельный институт добросовестного налогоплательщика, который является составной частью правового механизма результативности и эффективности деятельности налоговых органов и направлен на обеспечение добросовестного исполнения обязанностей участниками налоговых правоотношений» [2, с. 15]. Более того, данный метод невозможен без открытого взаимодействия и «прозрачности» действий как органов публичной власти, так и частных субъектов. Такая открытость одновременно с действенным налоговым контролем может быть обеспечена в том числе с помощью активно внедряемых технологий искусственного интеллекта (далее также – ИИ).

В июле 2026 г. был принят федеральный закон, частично регулирующий отмеченные технологии, что подтверждает интерес государства в их использовании и, соответственно, регулировании[4]. Закон определяет основополагающие начала регулирования применения ИИ-технологий,

[1] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 22.08.2026).

[2] См.: Приказ ФТС России от 18 августа 2015 г. № 1677 «Об утверждении стратегии и тактики применения системы управления рисками, порядка сбора и обработки информации, проведения анализа и оценки рисков, разработки и реализации мер по управлению рисками (за исключением рисков в области ветеринарии, санитарно-эпидемиологического надзора и обеспечения карантина растений)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 8.

[3] См.: Приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (в ред. от 10 мая 2012 г.) // Экономика и жизнь. 2007. № 23.

[4] Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 30, ст. 4089.

требования к результатам их использования, ответственность за правонарушения в данной сфере, иные аспекты.

При рассмотрении доктринальных позиций о сущности ИИ-технологий необходимо отметить их классификацию исходя из объекта, взятого за основу раскрытия дефиниции. Так, А.Э. Арзуманян выделяет антропоморфный, технологический и прагматический варианты раскрытия значения технологий искусственного интеллекта [3]. Закрепленное в ст. 3 Федерального закона «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» понятие искусственного интеллекта определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Данное определение предполагает симбиоз антропоморфного и прагматического подхода к дефиниции. Однако именно технологический метод определения искусственного интеллекта, позволяющий раскрыть конкретные применяемые алгоритмы и технологические решения, дает ясность и наглядность в исследовании и практике применения.

Технологии искусственного интеллекта многогранны, что подтверждается наличием множества приведенных научными исследователями классификаций по различным основаниям. Так, существует разграничение ИИ-технологий на те, которые создают объективно новую информацию, и те, которые представляют субъективно новую информацию для определенного человека. Кроме того, ИИ-технологии делятся на алгоритмизируемые и действующие без заданной программы. Последние в настоящее время отвечают за распознавание образов: звуковых, зрительных и иных [4, с. 24].

Многие публичные органы и интернет-системы уже создали основанных на нейросетевых технологиях помощников для граждан. Так, их примером может выступать робот Макс на портале единых государственных и муниципальных услуг, чат-бот Полина на сайте Федеральной службы судебных приставов или чат-бот Ник на сайте Федеральной таможенной службы. Налоговые органы не стали исключением в вопросах цифровизации взаимодействия с гражданами и также внедрили в работу их официального интернет-ресурса чат-бота Таксика.

Однако внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность ФНС России представлено не только запуском чат-бота в рамках взаимодействия органа и граждан. Налоговые органы активно осуществляют автоматизацию и цифровизацию деятельности. Это связано в том числе с постепенным, но уверенным внедрением искусственного интеллекта в контрольную деятельность фискальных органов.

Так, при проверке уплаты налогоплательщиками налога на добавленную стоимость с 2015 г. использовалась система АСК «НДС-2». Усовершенствование данного финансового инструмента повлекло включение в него ИИ-технологий, функционал которых при проверке налогоплательщика заключается в проведении сопоставления данных, содержащихся в поданных декларациях и иной отчетной документации, с историей движения денежных средств на счетах, их остатках. Данная програм-

ма также определяет сложные цепочки, состоящие из множества контрагентов, которые могут указывать на неуплату НДС либо необоснованное его возмещение. По окончании проведения анализа программа определяет профиль риска налогоплательщика, от которого зависит скорость наступления и интенсивность проверочных мероприятий.

Однако, несмотря на прогрессивность и положительный результат применения указанной программы, критический анализ ее работы позволяет выявить отдельные недостатки. Так, информация о механизме действия внедренных ИИ-технологий в проверочную программу профилей плательщиков НДС фискальными органами представлена недостаточно отчетливо и подробно в официальных источниках информации. В приказе ФНС России, регулирующем алгоритмы программы, проверяющей указанную совокупность налогоплательщиков, отсутствуют положения о них и сущности их работы[1]. При этом одной из задач применения данного продукта является обеспечение открытости деятельности налоговых органов. Таким образом, необходимо внести уточнения в вышеуказанный подзаконный акт с целью достижения прозрачности работы проверочного программного обеспечения, которое будет заключаться в закреплении действия технологии, ее определении и описании ее функционала.

Объективный анализ опыта человечества по внедрению искусственного интеллекта в различные сферы жизнедеятельности указывает на наличие негативных ситуаций его применения. Так, созданная в Нидерландах в 2014 г. система распознавания мошеннических схем для получения социальных пособий, которая применяла ИИ-технологии при анализе различных сделок и иных факторов жизни граждан, позднее стала объектом критики. Поступившие жалобы на дискриминационную и несправедливую сущность алгоритмов стали причиной судебного решения о запрете системы[2]. Стоит отметить, что такие системы обучались на прецедентах, определенное восприятие системой которых создало социально неравный уклон ее работы. Сложность работы ИИ-технологий заключается в отсутствии понимания логики «мыслительных» процессов и пути получения результата этой деятельности. Так, в случае если практика будет складываться неравномерно, но обоснованно ввиду существующих нарушений со стороны налогоплательщиков, необходимо исключить образование данного индикатора опасности по сложившейся ранее практике.

Генеративная и эвристическая функции одной из технологий искусственного интеллекта также в некоторых случаях негативно выражается посредством созданной несуществующей информации, которая является объединением ряда информационных цепочек. Примером указанной ситуации являются случаи создания не существующей в реальности судебной практики в кассационной жалобе[3]. Таким обра-

[1] Приказ ФНС России от 14 марта 2016 г. № ММВ-7-12/134@. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/16553442/ (дата обращения: 14.08.2026).

[2] См.: Почему ИИ не всесилен: громкие провалы искусственного интеллекта. URL: https://pravo.ru/story/258175/ (дата обращения: 14.08.2026).

[3] См.: Штраф за выдуманную ИИ судебную практику: первый в России прецедент и выводы для представителей в судах. URL: https://zakon.ru/blog/2026/07/23/shtraf_za_vydumannuyu_

зом, генерация и проработка информации при применении искусственного интеллекта в проверочной деятельности, которая на примере с АСК «НДС-3» проявляется в определении цепочек для выявления неуплаты НДС либо необоснованного заявления его вычета, должна не использоваться либо быть ограничена. Кроме того, при использовании данных технологий конечный результат требует «ручной» проверки со стороны сотрудника с целью исключения их ошибочных результатов ввиду каких-либо объективных причин.

Следует также обратить внимание на предоставленную в системе контроля по уплате и вычету НДС роботизированным технологиям функцию анализа ответа налогоплательщиков на запрошенные уточнения со стороны ФНС России[1]. При этом технология частично алгоритмизируема, что означает наличие у робота определенных маркеров, позволяющих увеличить уровень риска налогоплательщика по совершению налогового правонарушения. В данном случае возникают предположения о возможности обойти системную обработку ответов при наличии нарушений либо увеличить вероятность проведения усиленных проверочных мероприятий в отношении себя при неверных формулировках в тексте, что является нарушением принципа справедливости равенства при налогообложении.

Еще одним аспектом рассмотрения ИИ-системы в управлении налоговыми рисками при контрольных мероприятиях фискальных органов является различная сущность составляющих объекта проверки. Так, при определении налогового риска необходимо учитывать как объективные факторы, так и субъективные.

К объективным факторам можно отнести историю деятельности налогоплательщика, заключенные договоры, поданные счета-фактуры и иные отчетные документы. Данные элементы могут обрабатываться и анализироваться ИИ-технологиями. При этом в рамках проведения налоговой проверки существуют и субъективные факторы, к которым относятся показания свидетелей, а также их поведение во время дачи показаний, скрытые родственные, дружеские или иные взаимоотношения. Эти факторы должны быть исследованы сотрудниками, в противном случае будет отсутствовать должная основа для подтверждения позиции налогового органа.

С возможными рисками применения ИИ-технологий при производстве налогового контроля связан вопрос о конфиденциальности и утечке персональной информации и данных, составляющих налоговую тайну. Эту проблему возможно нивелировать с помощь отказа от уже созданных иностранных продуктов с открытыми базами данных. При применении информационных технологий должно быть обеспечено отечественное производство и усиленная защита от кибератак.

Однако, несмотря на наличие представленных ранее вероятных негативных последствий внедрения искусственного интеллекта в контрольных мероприятиях налоговых органов, рисков его использования, имеются пред-

ii_sudebnuyu_praktiku_pervyj_v_rossii_precedent_i_vyvody_dlya_predstavitelej_v (дата обращения: 14.08.2026).

[1] См.: 13 стоп-слов для ИИ робота-инспектора ФНС: как правильно отвечать на требования налоговой в 2026 году. URL: https://www.klerk.ru/user/2037110/693843/#chapter-pochemu-eto-vazhno-imenno-seychas (дата обращения: 14.08.2026).

положения о его применении с целью взаимодействия с гражданами и создании на его основе онлайн-сервиса на сайте ФНС России по аналогии с сервисом «Прозрачный бизнес». Суть данного технологического комплекса могла бы быть заключена в осуществлении анализа ситуационных условий определенного налогоплательщика – пользователя сервиса на основании критериев риска, определенных в приказе ФНС России[1]. Внедренный сервис соответствует заявленному принципу прозрачности взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками. При рассмотрении применяемых технологий данное нововведение будет включать в себя симбиоз экспертных систем, которые будут производить анализ профиля риска пользователя сервиса, и нейросеть, позволяющую разъяснять произведенный анализ налогоплательщику.

Безусловно, технологии искусственного интеллекта как инструмент автоматизации риск-ориентированного подхода, интегрированные в налоговое администрирование, повышают его эффективность, упрощая множество процессов расчетов и анализа. Аналитические технологии искусственного интеллекта необходимо использовать для автоматизации рутинной работы в полном объеме в связи с тем, что риск налогоплательщика вычисляется в соответствии с определенными критериями. Однако существует субъективная сторона в анализе налогоплательщика, исследовать которую необходимо человеку.

Кроме того, важно осознавать, что выявленные искусственным интеллектом цепочки и механизмы подлежат дополнительной проверке налоговым инспектором на наличие ошибок либо несуществующих генераций, т.к. вероятные сбои невозможно предугадать и устранить. Таким образом, внедрение указанной системы влияет на автоматизацию рутинных процессов, но не влечет автоматического управления и предполагает участие и проверку полученной информации человеком.

Библиографический список

1. Риск в сфере публичного и частного права: коллективная монография / под науч. ред. Ю.А. Тихомирова, М.А. Лапиной. М.: ОТ и ДО, 2014. 310 с.
2. *Головченко О.Н.* Теоретические и практические аспекты управления налоговыми рисками при осуществлении налогового контроля // Финансовое право. 2025. № 8. С. 13–16.
3. *Арзуманян А.Э.* Искусственный интеллект в уголовном процессе: необходимость формирования доктринальных дефиниций // Право и политика. 2026. № 1. С. 16–30.
4. *Еськов В.М., Филатова О.Е., Галкин В.А., Мельникова Е.Г.* Классификация систем искусственного интеллекта // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2021. № 4. С. 19–30.

Reference

1. Risk in the sphere of public and private law: a collective monograph / ed. by Y.A. Tikhomirov, M.A. Lapina. M.: OT i DO, 2014. 310 p.
2. *Golovchenko O.N.* Theoretical and practical aspects of tax risk management in the implementation of tax control // Financial Law. 2025. № 8. P. 13–16.
3. *Arzumanyan A.E.* Artificial Intelligence in Criminal Procedure: The Need to Formulate Doctrinal Definitions // Law and Politics. 2026. No. 1. P. 16–30.
4. *Eskov V.M., Filatova O.E., Galkin V.A., Melnikova E.G.* Classification of Artificial Intelligence Systems // Complexity. Mind. Postnonclassical. 2021. No. 4. P. 19–30.

[1] Приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/3897151/ (дата обращения: 14.08.2026).

М.А. Баранова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии

В.А. Золотова,
обучающаяся Института
правоохранительной деятельности
Саратовской государственной
юридической академии

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИЛИ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Актуальность исследуемой темы заключается в отсутствии четкого правового регулирования производства следственных действий и обеспечения безопасности их участников в зонах контртеррористической операции (КТО), вооруженных конфликтов. Предмет исследования составляют особенности правового режима производства следственных действий в зоне проведения контртеррористической операции и местах вооруженных конфликтов, обеспечение безопасности их участников. Цель статьи – изучение правовой основы производства следственных действий в специальных правовых режимах контртеррористической операции, вооруженного конфликта, разработка практических рекомендаций. Методология представлена методами анализа, синтеза, сравнения, правового прогнозирования. Федеральное законодательство не устанавливает специального процессуального порядка производства следственных действий на территориях с особыми правовыми режимами, в связи с чем правоприменитель вынужден опираться на ч. 5 ст. 165 и ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ. Оба инструмента применимы к условиям КТО, военного положения лишь по аналогии. Механизм применения мер процессуальной безопасности участников уголовного судопроизводства наталкивается на специфические препятствия в зонах вооруженных конфликтов: невозможность физической изоляции защищаемого лица, затрудненный доступ к судебным органам, многоступенчатое согласование, которое в боевых условиях блокирует своевременное принятие решений и их фактическую реализацию. Осмотр мест происшествий, связанных с террористическими актами, требует координации работы следственной группы со взрывотехниками и силовыми подразделениями, однако единый протокол такого взаимодействия отсутствует. Отсутствие нормативной основы взаимодействия необходимо компенсировать межведомственной инструкцией о порядке взаимодействия, которая могла бы распределить полномочия между субъектами правоприменения и определить режим формирования сводной следственно-оперативной группы.

Ключевые слова: следственные действия, военное положение, контртеррористическая операция, процессуальная безопасность, участники уголовного судопроизводства, взаимодействие.

M.A. Baranova,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Saratov State Law Academy

V.A. Zolotova,
Student at the Institute of Law Enforcement,
Saratov State Law Academy

SPECIFIC FEATURES OF CONDUCTING INVESTIGATIVE ACTIONS UNDER MARTIAL LAW OR DURING A COUNTER-TERRORIST OPERATION: PROBLEMS OF ENSURING PROCEDURAL SAFETY

Abstract. The relevance of the topic under study lies in the absence of clear legal regulation of the conduct of investigative actions and the ensuring of the security of their participants in the zones of a counter-terrorist operation and armed conflicts. The subject of the study comprises the specific features of the legal regime of conducting investigative actions in the zone of a counter-terrorist operation and in places of armed conflicts, as well as the ensuring of the security of their participants. The purpose of the article is to study the legal framework for conducting investigative actions under the special legal regimes of a counter-terrorist operation and armed conflict, and to develop practical recommendations. The methodology is represented by the methods of analysis, synthesis, comparison, and legal forecasting. Thus, federal legislation does not establish a special procedural order for conducting investigative actions in territories with special legal regimes, and therefore the law enforcer is compelled to rely on Part 5 of Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Part 1.1 of Article 170 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Both instruments are applicable to the conditions of a counter-terrorist operation and martial law only by analogy. The mechanism for applying measures of procedural security for participants in criminal proceedings encounters specific obstacles in zones of armed conflicts: the impossibility of physically isolating the protected person, hindered access to judicial bodies, and multi-stage coordination, which under combat conditions blocks the timely adoption of decisions and their actual implementation. The inspection of scenes of incidents related to terrorist acts requires coordination between the investigative team and bomb disposal specialists and security forces; however, a unified protocol for such interaction is absent. The absence of a normative framework for interaction must be compensated for by an interdepartmental instruction on the procedure for interaction, which could distribute powers among law enforcement subjects and determine the regime for forming a combined investigative-operational team.

Keywords: investigative actions, martial law, counter-terrorist operation, procedural security, participants in criminal proceedings, interaction.

Закрепленные в федеральном законодательстве возможности введения военного положения, проведения контртеррористических операций на территории отдельных субъектов РФ порождают вопрос о допустимых пределах ограничения процессуальных гарантий прав лиц при производстве процессуальных действий. В соответствии со ст. 16 Федерального конституционного закона «О военном положении»[1] деятельность правоохранительных органов в период военного положения осуществляется по общим правилам, без особенностей, однако допускается изменение территориальной подсудности уголовных дел по объ-

[1] Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (в ред. от 13 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 5, ст. 375; 2024. № 51, ст. 7842.

ективным причинам. Одновременно органы исполнительной власти (в том числе органы полиции) наделены полномочиями по административному задержанию на срок до 30 суток, ограничению свободы передвижения лиц, введению военной цензуры за почтовыми и интернет-отправлениями, контролю за телефонными переговорами и т.д. (ст. 14 Федерального конституционного закона «О военном положении»). В период проведения контртеррористической операции (далее – КТО), согласно ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. от 25 мая 2026 г.)[1], на территориях, где объявлен данный режим, допускается контроль телефонных переговоров, иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационной связи, контроль каналов электрической связи, почтовых отправлений, беспрепятственное проникновение уполномоченных лиц в жилые помещения, на земельные участки, в помещения и на территории различных организаций. Однако Федеральный закон № 35-ФЗ не определяет порядок производства перечисленных процессуальных действий, оставляя его для регулирования иными федеральными законами. В свою очередь, УПК РФ[2] также не содержит специальных норм о порядке производства процессуальных действий в зонах вооруженных конфликтов, в период военного положения или проведения КТО.

Производство процессуальных действий в условиях военного положения или КТО предполагает решение двух задач: эффективного расследования преступлений и соблюдения конституционных гарантий прав их участников. Конституция РФ[3] допускает ограничение прав и свобод федеральным законом при необходимости защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Однако право на жизнь, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни не подлежат ограничению даже при введении чрезвычайного или военного положения (ст. 56).

Введение военного положения, режима КТО предусматривает возможность применения целого ряда вышеописанных ограничений. Отраслевой закон – УПК РФ, – реализуя положения законности (ст. 7), устанавливает единый порядок производства процессуальных действий. Статья 165 УПК РФ предусматривает возможность производства обыска, выемки в жилище без предварительного судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства, с последующим уведомлением суда в течение 24 часов. Полагаем, что именно этот механизм приобретает первостепенное значение в зонах вооруженных конфликтов, где оперативность расследования вступает в конфронтацию с процессуальными гарантиями.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» наделяет руководителя КТО полномочиями по принятию решения о допустимости проникновения в жилые помещения, проверки документов у физических лиц, доставления

[1] См.: СЗ РФ. 2006. № 11, ст. 1146; 2026. № 22, ст. 2750.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 10 июля 2026 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2026. № 24, ст. 3096.

[3] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата опубликования: 06.10.2022).

их в подразделения полиции, удаления граждан с определенных территорий, введения контроля телефонных переговоров. Эти полномочия могут реализовываться как в административно-правовом, так и уголовно-процессуальном порядке в зависимости от той правовой ситуации, которая послужила основанием для производства соответствующего процессуального действия. В этой связи П.А. Бережанская и С.В. Замалеева указывают, что разграничение оперативных мероприятий в рамках КТО и следственных действий по уголовному делу на практике оказывается размытым, что создает риски признания доказательств недопустимыми [1, с. 442]. Б.Б. Булатов также отмечает, что отступление от процессуальной формы, даже продиктованное объективными обстоятельствами, создает основания для оспаривания результатов расследования стороной защиты [2, с. 346].

Сравнительная характеристика процессуальных особенностей производства следственных действий в различных правовых режимах представлена в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика правовых режимов производства отдельных следственных действий

Критерий	Общий порядок (УПК РФ)	Военное положение	Режим КТО
Основание введения	Не требуется	Агрессия/угроза (ФКЗ № 1-ФКЗ)	Теракт/угроза (ФЗ № 35-ФЗ)
Специфика и ограничения прав при следственных действиях	Обыск/выемка, осмотр в жилище при отсутствии согласия проживающих лиц – только по решению суда (ст. 165 УПК), кроме случаев, не терпящих отлагательства	Возможно административное ограничение свободы передвижения, связи, выезда/въезда (ст. 7 ФКЗ № 1-ФКЗ). Четкая процессуальная процедура для проникновения в жилище при производстве следственных действий без судебного решения не установлена (только аналогия с ч. 5 ст. 165 УПК в случаях, «не терпящих отлагательств»)	Руководитель КТО вправе принимать решения о проникновении в жилые помещения для пресечения террористического акта – ч. 3 ст. 12 ФЗ № 35-ФЗ), удалять граждан с территорий, прослушивать телефонные переговоры и т.д. Данные полномочия – административные, следователь не может их напрямую использовать для подмены санкции суда
Подсудность ходатайств о следственных действиях (ст. 165 УПК РФ)	Районный (или военный) суд по месту производства предварительного следствия или месту проведения действия (ч. 2, 9 ст. 165 УПК РФ)	Если преступление совершено военнослужащим, то расследование ведет следователь военного следственного отдела, с ходатайством обращается в гарнизонный военный суд. Если преступление общеуголовное, то последственность определяется общими правилами	Зона КТО – формально не имеет специфики определения подсудности. Логичным было бы введение исключительной подсудности военных судов по месту нахождения оперативного штаба КТО

Понятые	Два понятых при производстве следственных действий, предусмотренных ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ (общее правило)	Частью 1.1 ст. 170 УПК РФ допустима замена понятых техническими средствами в труднодоступной местности или при угрозе жизни. Режим военного положения формально подпадает под эти критерии, но прямого указания в законе на возможность замены нет	Привлечение понятых опасно и затруднено (оцепление, взрывоопасность). Применение ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ возможно только по аналогии, что создает риск признания протокола следственного действия недопустимым доказательством
Организация производства следственных действий	Единая процессуальная форма	В законе отсутствуют положения о возможности создания межведомственных следственно-оперативных групп. Следователь, сотрудники оперативных подразделений спецслужб, военные действуют в одном пространстве, но их полномочия определяются различными нормативными правовыми актами	В зоне КТО следственно-оперативные группы фактически создаются, но правовая основа для их формирования и распределения полномочий участников отсутствует

А.В. Гриненко, акцентируя внимание на объективной возможности нарушения прав граждан в зоне проведения КТО, в зонах вооруженных конфликтов, подчеркивает, что соблюдение процессуальной формы в подобных условиях следует рассматривать как гарантию легитимности уголовного преследования, а не как формальное требование [3, с. 259].

В связи с этим Е.В. Головина приходит к выводу о насущной необходимости координации действий различных ведомств. В условиях КТО следственные оперативные и военные подразделения нуждаются в четко отлаженном взаимодействии, но проблема в том, что их полномочия определяются различными нормативными правовыми актами. Отсутствие единого регламента взаимодействия способно негативно отразиться на результатах расследования и обеспечении прав участников судопроизводства [4, с. 150].

Кроме того, зоны вооруженных конфликтов и КТО характеризуются повышенной опасностью для всех участников процесса. Следователи, дознаватели, потерпевшие, свидетели и понятые подвергаются рискам, которые существенно превышают обычный уровень опасности при расследовании преступлений. А.А. Мамошин и Н.С. Барей справедливо указывают, что процессуальное положение участников остается весьма уязвимым: действующий закон предусматривает меры обеспечения безопасности, однако их практическая реализация затруднена даже в мирных условиях, а при проведении КТО проблемы обостряются многократно [5, с. 235].

Законодатель в ст. 11 УПК РФ действительно закрепил ряд процес-

суальных механизмов обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Постановлением Правительства РФ от 6 сентября 2023 г. № 1454-47 утверждена Государственная программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы[1], что подтверждает сохраняющуюся потребность в системном подходе к безопасности участников.

Отдельного внимания заслуживают практические сложности обеспечения безопасности при осмотре мест происшествий, связанных с террористическими актами. Е.В. Мищенко, Д.В. Анненков и соавторы детально анализируют подготовительный этап осмотра при обнаружении взрывных устройств или на месте взрыва, подчеркивая необходимость координации действий следственной группы со специалистами-взрывотехниками и силовыми подразделениями. Полагаем, что без четкого протокола взаимодействия между процессуальными и оперативными сотрудниками риски для жизни следователя и понятых остаются неприемлемо высокими [6, с. 343].

Е.А. Рахманкин, Ю.Ю. Тищенко и Н.Н. Трофимова, в свою очередь, акцентируют внимание на другом аспекте производства по уголовным делам, возбужденным в связи с актом терроризма, – защите прав граждан, потерпевших от террористических актов. Авторы констатируют разрыв между декларируемыми гарантиями и фактическим уровнем компенсации вреда, причиненного жертвам, и формулируют вывод о том, что законодательство нуждается в дополнении нормами, закрепляющими обязательный механизм оперативного возмещения ущерба потерпевшим в условиях КТО, поскольку затягивание компенсаторных процедур подрывает доверие населения к правоохранительной системе [7, с. 174].

Важным шагом в сторону устранения выявленных правовых пробелов должен стать законопроект № 1192609-8 «О внесении изменений в статьи 3 и 4 Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации” (о порядке возмещения вреда, причиненного противоправными действиями лица, освобожденного от уголовной ответственности или наказания в связи с прохождением военной службы)»[2], который был внесен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Данный проект предполагает внесение изменений в УК РФ и УПК РФ, фактически впервые легализуя и конкретизируя понятия «мобилизация», «военное положение» и «военное время» в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве. Предполагается, что его принятие позволит синхронизировать институты уголовного и уголовно-процессуального права с законодательством о во-

[1] Постановление Правительства РФ от 6 сентября 2023 г. № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы “Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы”» (вместе с Государственной программой «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы») // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1192609-8 (дата обращения: 10.08.2026).

енном положении и борьбе с терроризмом, создав недостающую правовую базу для расследования преступлений в особых условиях. В частности, следует ожидать появления норм ускоренного судопроизводства в зонах вооруженного конфликта и упрощения процедур применения к участникам уголовного процесса мер государственной защиты.

Таблица 2

Меры процессуальной безопасности и проблемы их применения в условиях КТО

Мера безопасности	Нормативное основание	Проблемы реализации в условиях КТО, военного положения
Псевдоним участника	Часть 9 ст. 166 УПК РФ	Сложность сохранения анонимности в малонаселенных зонах
Закрытое судебное заседание	Пункт 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ	Отсутствие оборудованных залов в зонах конфликта
Государственная защита	ФЗ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ	Ограниченные ресурсы спецподразделений
Личная охрана	Статья 6 ФЗ № 119-ФЗ	Нехватка кадров для сопровождения в боевых условиях
Переселение защищаемого лица	Статья 10 ФЗ № 119-ФЗ	Затрудненная логистика, отсутствие жилого фонда

Данные таблицы 2 демонстрируют, что каждая из предусмотренных законом мер безопасности сталкивается со специфическими препятствиями при реализации в зонах вооруженных конфликтов. А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский отмечают, что эффективность системы обеспечения безопасности участников процесса определяется не столько количеством закрепленных мер, сколько возможностью их оперативного применения [8, с. 412].

На наш взгляд, необходимо законодательно установить упрощенный порядок принятия решений о применении мер безопасности для территорий с введенным режимом КТО или военного положения, исключив многоступенчатое согласование, которое в боевых условиях фактически блокирует защиту.

Подводя итог, отметим следующее. Анализ нормативной базы выявил, что ни Федеральный конституционный закон «О военном положении», ни Федеральный закон «О противодействии терроризму», ни УПК РФ не устанавливают специального процессуального порядка производства следственных действий на территориях с особыми правовыми режимами. Следователь вынужден опираться на общие нормы УПК РФ: механизм ч. 5 ст. 165 (производство следственных действий в условиях, не терпящих отлагательства) и ч. 1.1 ст. 170 (замена понятых техническими средствами фиксации). Оба инструмента применимы к условиям КТО, военного положения лишь по аналогии, поскольку прямое указание на их приемлемость в обозначенных правовых режимах в законе отсутствует.

Механизм применения мер процессуальной безопасности участников уголовного судопроизводства, закрепленных в УПК РФ, Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного

судопроизводства» (в ред. от 23 июля 2025 г.)[1] и Госпрограмме на 2024–2028 годы, наталкивается на специфические препятствия в зонах вооруженных конфликтов: невозможность физической изоляции защищаемого лица, затрудненный доступ к судебным органам, многоступенчатое согласование, которое в боевых условиях блокирует своевременное принятие решений и их фактическую реализацию. Осмотр мест происшествий, связанных с террористическими актами, требует координации работы следственной группы со взрывотехниками и силовыми подразделениями, однако единый протокол такого взаимодействия до настоящего времени не разработан.

Полагаем, что на сегодняшний день четкий механизм производства следственных действий в условиях военного положения, проведения КТО, обеспечения безопасности его участников отсутствует, что связано с несогласованностью нормативных актов, определяющих порядок деятельности компетентных органов, наделенных процессуальными и административными полномочиями. Отсутствие нормативной основы взаимодействия необходимо компенсировать межведомственной инструкцией о порядке такого взаимодействия, которая могла бы распределить полномочия между субъектами правоприменения и определить режим формирования сводной следственно-оперативной группы.

Библиографический список

1. *Бережанская П.А., Замалеева С.В.* Неотложные следственные действия в российском уголовном процессе: вопросы теории, практики и законодательного регулирования // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 5 (74). С. 442–447.

2. *Булатов Б.Б.* Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 581 с.

3. *Гриненко А.В.* Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 361 с.

4. *Головина Е.В.* Обеспечение безопасности участников уголовного процесса в системе мер преодоления противодействия расследованию должностных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 150–161.

5. *Мамошин А.А., Барей Н.С.* Процессуальное положение свидетеля и проблемы его безопасности в уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2023. № 11. С. 233–239.

6. *Мищенко Е.В., Анненков Д.В., Никурадзе Н.О., Марина Е.А.* Особенности организации и производства осмотра места происшествия и меры безопасности при обнаружении взрывных устройств или на месте взрыва. Ч. II. Подготовительный этап // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 342–345.

7. *Рахманкин Е.А., Тищенко Ю.Ю., Трофимова Н.Н.* Актуальные вопросы защиты прав граждан, потерпевших от террористических актов и иных преступлений // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 173–175.

8. *Смирнов А.В.* Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. 8-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 784 с.

Reference

1. *Berezhanskaya P.A., Zamaleeva S.V.* Urgent investigative actions in the Russian criminal process: issues of theory, practice and legislative regulation // Bulletin of Science. 2024. Vol. 4, no. 5 (74). P. 442–447.

[1] См.: СЗ РФ. 2004. № 34, ст. 3534; 2025. № 30, ч. 2, ст. 4388.

2. *Bulatov B.B.* Criminal procedure: textbook for universities / ed. by B.B. Bulatov, A.M. Baranov. 8th ed., revised and additional. Moscow: Yurait, 2024. 581 p.

3. *Grinenko A.V.* Criminal procedure: textbook and workshop for universities. 9th ed., revised and additional. Moscow: Yurait, 2024. 361 p.

4. *Golovina E.V.* Ensuring the safety of participants in the criminal process in the system of measures to overcome counteraction to the investigation of official crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (88). P. 150–161.

5. *Mamoshin A.A., Barei N.S.* The procedural status of a witness and the problems of his safety in criminal proceedings // Law and Pravo. 2023. No. 11. P. 233–239.

6. *Mishchenko E.V., Annenkov D.V., Nikuradze N.O., Marina E.A.* Features of the organization and production of inspection of the scene and security measures when detecting explosive devices or at the explosion site. Part II. Preparatory stage // Law and the State: theory and practice. 2023. No. 5 (221). P. 342–345.

7. *Rakhmankin E.A., Tishchenko Yu.Y., Trofimova N.N.* Actual issues of protecting the rights of citizens who suffered from terrorist acts and other crimes // Agrarian and Land law. 2023. No. 5 (221). P. 173–175.

8. *Smirnov A.V.* Criminal procedure: textbook / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovsky; under the general editorship of A.V. Smirnov. 8th ed., revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. 784 p.

А.Г. Блинов,
доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
уголовного и уголовно-исполнительного права,
Саратовской государственной юридической академии

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ НА ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ОТ ИДЕИ К РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Относительно новой для российского уголовного законодательства является норма, возлагающая на правоисполнителей обязанность по воздержанию от совершения действий (актов бездействия), препятствующих оказанию медицинской помощи. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствуют о том, что с момента введения в действие она остается невостребованной в правоприменительной практике. Предмет исследования составляют нормы уголовного и административного законодательства, предусматривающие ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи пациенту. Цель работы – обосновать востребованность уголовно-правовых норм, устанавливающих запрет на воспрепятствование оказанию медицинской помощи, а также перспективы их оптимизации. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод как универсальный инструмент познания, дополненный общенаучными (анализ, синтез, обобщение) и частнонаучными методами (правовое прогнозирование, формально-юридический, статистический). Основные результаты: анализируемая статья уголовного закона является яркой иллюстрацией того, как первоначальная идея, отраженная в законодательной инициативе, не получила воплощения в окончательной редакции уголовно-правовой нормы. Сделан вывод о том, что поставленная перед нормотворцами задача по дополнительной охране прав, свобод и законных интересов медицинских работников осталась нерешенной.

Ключевые слова: воспрепятствование, медицинская помощь, агрессивное поведение, медицинский работник, уголовный закон, охрана прав пациента, вред здоровью.

A.G. Blinov,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy

CRIMINAL LAW PROHIBITION ON OBSTRUCTING THE PROVISION OF MEDICAL ASSISTANCE: FROM IDEA TO IMPLEMENTATION

Abstract. Relatively new for Russian criminal legislation is an article imposing on law enforcers the obligation to refrain from committing actions (acts of omission) obstructing the provision of medical assistance. Statistical data of the Judicial

Department at the Supreme Court of the Russian Federation indicate that, since its entry into force, it has remained unclaimed in law enforcement practice. The subject of the study comprises the norms of criminal and administrative legislation providing for liability for obstructing the provision of medical assistance to a patient. The purpose of the work is to substantiate the relevance of criminal law norms establishing a prohibition on obstructing the provision of medical assistance, as well as the prospects for their optimization. The methodological basis of the study includes the dialectical method as a universal instrument of cognition, supplemented by general scientific methods (analysis, synthesis, generalization) and specific scientific methods (legal forecasting, formal legal, statistical). Main results: the article of the criminal law under analysis is a vivid illustration of how the original idea reflected in a legislative initiative failed to be embodied in the final version of the criminal law norm. A conclusion is drawn that the task set before lawmakers – the additional protection of the rights, freedoms and legitimate interests of medical workers – has remained unresolved.

Keywords: obstruction, medical assistance, aggressive behaviour, medical worker, criminal law, protection of patient's rights, harm to health.

Представители врачебной профессии издревле пользуются большим уважением и авторитетом в обществе. Граждане традиционно стараются оказывать им содействие в деятельности по профилактике и лечению разного рода заболеваний. Однако не все физические лица осознают общественную значимость выполняемых медицинскими работниками профессиональных функций. В повседневной жизни нередко встречаются случаи делинквентного поведения, внешне проявляющегося в воспрепятствовании оказанию медицинской помощи. На протяжении долгих лет соответствующие инциденты не получали широкой огласки и оставались без внимания законодателя и правоохранительных органов. С развитием информационных технологий факты проявления агрессии по отношению к медицинским работникам все чаще попадают в поле зрения журналистов и иных представителей общественности, благодаря чему приобретают резонансный характер.

Реагируя на социальный запрос по охране отношений между специалистами медицинского профиля и пациентами от неправомерного воздействия со стороны третьих лиц, летом 2019 г. отечественный законодатель дополнил Кодекс РФ об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ статьями, предусматривающими ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 6.36 КоАП РФ, ст. 124[1] УК РФ)[1]. Предполагалось, что установленные запреты положительно отразятся на ситуациях, связанных с вмешательством извне в профессиональную деятельность медицинских работников. Однако ожидаемый социальный эффект не состоялся. Случаи применения к представителям медицинской профессии физического или психического насилия, непредоставления преимущества в движении автомобилям скорой помощи либо создания иных непреодолимых препятствий по-прежнему широко распространены. Вместе с тем далеко не все они получают объективную юридическую оценку, в том числе уголовно-правовую.

[1] См.: Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 229-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части обеспечения прав граждан на медицинскую помощь» // СЗ РФ. 2019. № 30, ст. 4131; Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» // СЗ РФ. 2019. № 30, ст. 4108.

Если примеры привлечения физических лиц к административной ответственности по ст. 6.36 КоАП РФ изредка встречаются в правоприменительной практике, то, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, с 2019 по 2026 г. на территории нашего государства не зафиксировано ни одного случая вынесения обвинительного приговора по ст. 124[1] УК РФ.

Нулевые показатели в статистической отчетности суда высшей инстанции мотивируют специалистов в области уголовного права искать причины, по которым анализируемая уголовно-правовая норма не востребована на практике. С нашей точки зрения, они предопределены совокупностью обстоятельств. В первую очередь следует обратить внимание на основания, побудившие законодателя принять решение о необходимости дополнения уголовного закона составом воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Как не раз подчеркивал Конституционный Суд РФ, «закрепление в законе уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение не может быть произвольным»[1].

Среди ученых-криминалистов сегодня нет консенсуса по рассматриваемому вопросу. Так, часть авторов выражает сомнение в том, что криминализация воспрепятствования оказанию медицинской помощи отвечает основным правилам и критериям признания деяния преступным [1, с. 51; 2, с. 269]. Представители противоположной позиции исходят из того, что социальная обусловленность криминализации деяний, связанных с созданием помех оказанию медицинской помощи и нападением на медицинских работников, вполне обоснованна [3, с. 180; 4, с. 93].

По нашему мнению, представленная в содержании ст. 124[1] УК РФ модель решения обсуждаемой социальной проблемы не согласуется с ключевыми аргументами, которыми руководствовались инициаторы соответствующих нововведений. В пояснительной записке к проекту федерального закона № 139439-7[2] получили отражение два основополагающих фактора, обосновывающих необходимость внесения поправок в уголовное законодательство: а) распространенность в обществе противоправных действий (актов бездействия), препятствующих исполнению медицинскими работниками профессиональных функций; б) создание ими угрозы жизни и здоровью участников здравоохранительных отношений – медицинских работников и пациентов.

Нельзя не согласиться с авторами законопроекта в том, что нападения

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 14, ст. 1302; определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 1873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толоконниковой Надежды Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Пояснительная записка к проекту федерального закона № 139439-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/139439-7 (дата обращения: 12.07.2026).

на медицинских работников и инциденты с автомобилями скорой помощи в последние годы стали достаточно частым явлением. Однако в подавляющем большинстве случаев правоприменительная практика не находит возможным квалифицировать такого рода деяния по ст. 124[1] УК РФ. Правовую оценку они получают либо по другим статьям УК РФ, либо по нормам КоАП РФ. Причина сложившейся ситуации кроется в том, что конструкция анализируемого состава преступления предполагает наступление общественно опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента либо смерти. Сами по себе факты проявления агрессии по отношению к медицинскому работнику либо создания препятствий для исполнения им профессиональных функций без установления причинно-следственной связи с указанными общественно опасными последствиями не подпадают под признаки ст. 124[1] УК РФ.

Комментируя второй приведенный в пояснительной записке аргумент, важно заострить внимание на особенностях конструирования состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Они свидетельствуют о том, что исследуемая норма сегодня направлена на охрану здоровья пациента. Между тем изначально ст. 124[1] УК РФ позиционировалась как инструмент противодействия общественно опасным посягательствам не столько на правовой статус пациентов, сколько на интересы медицинских работников. Наблюдаемый дисбаланс между первоначально обозначенной целью и достигнутым результатом нормотворческой деятельности не мог не отразиться на практике применения анализируемой уголовно-правовой нормы.

Таким образом, социальные предпосылки для оптимизации механизма удержания физических лиц от посягательства на медицинских работников очевидны. Однако они не предполагали установления причинной связи между воспрепятствованием в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию помощи и неосторожным причинением тяжкого вреда здоровью пациента либо смерти. Подтверждением приведенных суждений служит правоприменительная практика. Так, при обстоятельствах, когда делинквентное поведение, препятствующее оказанию медицинской помощи, не повлекло негативных последствий для медицинского работника либо пациента, содеянное не достигает уровня общественной опасности. Его следует квалифицировать по ст. 6.36 КоАП РФ[1]. В случаях причинения вреда здоровью или смерти упомянутым субъектам здравоохранительных отношений деяние виновного требует оценки по уголовному закону (например, п. «б» ч. 2 ст. 119, ст. 116, п. «г» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ)[2].

[1] См.: Постановление мирового судьи судебного участка № 28 Фрунзенского судебного района г. Владивостока от 24 апреля 2025 г. по делу № 5-498/2025. URL: https://www.zakonrf.info/mirsud/doc-1d4a3585-2b5c-5bf1-a600-2603a4370e4e/ (дата обращения: 12.07.2026); постановление мирового судьи судебного участка № 7 Калининского района г. Чебоксары Чувашской Республики от 21 октября 2025 г. по делу № 5-691/2025. URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/4NogKKH6iBlL/ (дата обращения: 12.07.2026).

[2] См.: Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 25 сентября 2019 г. по уголовному делу № 1-594/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GtUymuA8NUor/ (дата обращения: 12.07.2026); приговор Солнечногорского городского суда Московской области от 19 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-102/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IPjFPUQr8mq/ (дата об-

Характер выявленной проблемы побуждает обратиться к исследованию объекта, охраняемого ст. 124[1] УК РФ. С учетом наименования данной статьи уголовного закона и пояснительной записки к законопроекту в качестве объекта преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи следовало бы признать права и свободы медицинских работников. Однако законодатель занял иную позицию. В этом статусе он закрепил правоотношения, призванные обеспечивать сохранность здоровья пациента (ч. 1 ст. 124[1] УК РФ) и жизни (ч. 2 ст. 124[1] УК РФ), которые могут пострадать от нарушений соответствующих правил гражданином.

Обнаруженное противоречие пытаются нивелировать специалисты в области теории уголовного права. Так, В.И. Гладких характеризует основной непосредственный объект анализируемого состава преступления как нормальную профессиональную деятельность медицинских работников. Жизни и здоровью пациента он придает значение дополнительного объекта [5, с. 105].

Обоснованность высказанных автором предположений вызывает серьезные сомнения. Они не согласуются с логикой уголовного закона. Во-первых, профессиональная деятельность медицинских работников на сегодняшний день не отнесена к числу непосредственных объектов, охраняемых системой норм, охватываемых разделом VII УК РФ «Преступления против личности». В этой роли обозначены конкретные ценности (жизнь, здоровье, свобода, честь, достоинство личности и т.д.), которым причиняется вред вследствие неисполнения либо ненадлежащего исполнения медицинским работником профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ), неоказания медицинской помощи или воспрепятствования ее оказанию (ст. 124, 124[1] УК РФ), незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ), клеветы (ст. 128[1] УК РФ) и т.д. Само по себе препятствование доступу к больному или медицинскому изделию объективно затрудняет деятельность медицинского персонала, нарушает установленный порядок оказания помощи пациенту, но не образует состава преступления. Подобное поведение рассматривается как административное правонарушение (ст. 6.36 КоАП РФ). Уголовно-правовое значение оно имеет лишь тогда, когда влечет за собой по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерти человека. Во-вторых, признавая здоровье и жизнь пациента дополнительным объектом посягательства, автор упускает из виду, что ст. 124[1] УК РФ является составной частью главы 16 УК РФ. В ней рассматриваемые блага обозначены законодателем как основной объект охраны.

В юридической литературе ряд авторов исходит из того, что основным непосредственным объектом преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи является здоровье пациента (в некоторых ситуациях – жизнь), а дополнительным объектом – законная деятельность медицинского

ращения: 12.07.2026); приговор Свердловского областного суда от 29 января 2024 г. по уголовному делу № 2-43/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/muEsEbKmYmlN/ (дата обращения: 12.07.2026); приговор Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 13 октября 2025 г. по уголовному делу № 1-501/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qwbx5CrlR0Lp/ (дата обращения: 12.07.2026).

работника по оказанию медицинской помощи [6, с. 180; 7, с. 110; 8, с. 177]. Исходя из действующей редакции ст. 124[1] УК РФ приведенная точка зрения имеет право на существование. С учетом конструкции и месторасположения рассматриваемого состава преступления в системе Особенной части УК РФ жизнь и здоровье человека надлежит рассматривать в качестве основного непосредственного объекта охраны. Однако это не оправдывает принятых законодателем мер по решению проблемы уголовно-правового удержания агрессивно настроенных граждан от нападений на медицинских работников. В роли дополнительного объекта профессиональные интересы медицинских работников не получают новых возможностей, которыми бы обеспечивалась их сохранность. В механизме реализации норм, закрепленных в ст. 124[1] УК РФ, обеспечение прав медицинских работников напрямую связывается с фактом причинения вреда здоровью или жизни пациента. Следовательно, указанная норма работает на интересы пациента. Ее ценность в сопровождении профессиональной деятельности медицинских работников, как показала правоприменительная практика, стремится к нулю.

Проанализировав объект воспрепятствования оказанию медицинской помощи, уместно определить круг лиц, признаваемых потерпевшими от данного преступления. В диспозициях ч. 1 и 2 ст. 124[1] УК РФ фигурируют две категории физических лиц, которые испытывают негативное воздействие в результате совершения общественно опасного деяния. Речь идет о медицинском работнике, чья профессиональная деятельность подвергается ограничению поведением виновного, а также пациенте, которому причиняется тяжкий вред здоровью либо смерть. Между тем с учетом высказанных ранее суждений относительно объекта, охраняемого рассматриваемой уголовно-правовой нормой, следует сделать иной вывод. В действительности она охраняет лишь здоровье и жизнь пациента, выступающего уязвимой стороной в социальных отношениях здравоохранительного характера. Изложенное подтверждается позицией Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал, что «поскольку вредные последствия в виде физического, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу, это лицо, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим»[1].

Понятие пациента сформулировано в п. 9 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2026 г.)[2]. Пациентом признается «физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния». Исходя из позиции законодателя, статусом пациента обладает любое обращающееся за медицинской помощью физическое лицо независимо от психосо-

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2022 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.О. Никитина» // СЗ РФ. 2022. № 21, ст. 3530.

[2] См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2026. № 32, ст. 4526.

матического состояния его здоровья. Актуальность закрепления данного признака в нормативном акте объясняется существовавшими в медицинской, правоохранительной и судебной практике дискуссиями о возможности вступления в здравоохранительные правоотношения с лечебными учреждениями гражданина, не считающего себя больным.

Данный признак тесно связан с другим компонентом анализируемой дефиниции, уточняющим, что пациентом признается лицо, получающее медицинскую помощь или обратившееся за ней. При этом не имеют значения вид, условия и форма оказываемой врачебной помощи. За комплексом мероприятий, направленных на поддержание или восстановление физического либо психического здоровья, человек вправе обратиться в учреждения здравоохранения любой организационно-правовой формы. В соответствии со ст. 32 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в медицинских организациях ему может быть оказана: первичная медико-санитарная помощь; специализированная, в том числе высокотехнологическая, медицинская помощь; скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь; паллиативная медицинская помощь.

При этом медицинская помощь может оказываться:

а) вне медицинской организации (по месту вызова бригады скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи, а также в транспортном средстве при медицинской эвакуации);

б) амбулаторно (в условиях, не предусматривающих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения), в том числе на дому при вызове медицинского работника;

в) в дневном стационаре (в условиях, предусматривающих медицинское наблюдение и лечение в дневное время, но не требующих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения);

г) стационарно (в условиях, обеспечивающих круглосуточное медицинское наблюдение и лечение).

С учетом изложенного подход законодателя к формулированию понятия пациента выглядит перспективным. Однако он не доведен до уровня, позволяющего качественно обеспечить сохранность прав и свобод человека в секторе здравоохранения. Им не решен ряд вопросов, имеющих существенное значение для юридической доктрины, здравоохранительной и судебной практики. Во-первых, законодатель не уделил должного внимания основаниям приобретения лицом статуса пациента. В процитированном определении не отражены случаи, когда гражданин вследствие возраста или неудовлетворительного психофизического состояния не может выразить волю и лично обратиться за врачебной помощью. Во-вторых, статус пациента законодательно ограничен возможностью получения медицинской помощи, включающей комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья. Открытым остается вопрос о распространении субъективных прав и юридических обязанностей пациента на лицо, участвующее в роли испытуемого в биомедицинском эксперименте. В-третьих,

не конкретизирован момент приобретения человеком статуса пациента, и отсутствуют указания на особенности его прекращения. В-четвертых, нормотворцы не сочли нужным очертить круг субъектов, на которых по долгу профессии возложена обязанность по воплощению в жизнь правового статуса пациента [9, с. 9–25].

Представленные доводы выступают достаточным основанием для того, чтобы продолжить осмысление сущности рассматриваемой категории и наполнить ее правовым содержанием.

Итоги проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

анализируемая статья уголовного закона наглядно демонстрирует разрыв между концепцией законодательной инициативы и итоговым содержанием уголовно-правовой нормы. Поставленная перед нормотворцами задача по дополнительной охране прав, свобод и законных интересов медицинских работников не решена;

невостребованность на практике норм, закрепленных в ч. 1 и 2 ст. 124^1 УК РФ, объясняется недостатками, допущенными при их конструировании, а также наличием смежных уголовно-правовых запретов, позволяющих привлечь лиц, пренебрегших обязанностью по воздержанию от совершения аналогичного по сути деяния;

объект преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи (в нынешней редакции ст. 124^1 УК РФ) составляют правоотношения, обусловленные необходимостью соблюдения правоисполнителями определенных правил, нарушение которых может повлечь причинение вреда здоровью пациента или смерть.

Библиографический список

1. *Пудовочкин Ю., Дорогин Д.* Воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124^1 УК РФ) // Уголовное право. 2021. № 4. С. 51–58.

2. *Янина И.Ю.* Воспрепятствование оказанию медицинской помощи в свете принятия Федерального закона № 206-ФЗ от 26 июля 2019 г. // Юридическая ответственность в сфере здравоохранения: сб. ст. по матер. науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. В.И. Кайнова, В.П. Очередько, В.П. Сальникова, Е.В. Семухиной. СПб., 2020. С. 265–271.

3. *Гараева Д.М.* Социальные предпосылки криминализации деяний, связанных с воспрепятствованием оказанию медицинской помощи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 177–181.

4. *Бабанин В.Ю.* Уголовно-правовая охрана права граждан на медицинскую помощь: дис. ... канд. юрид наук. Краснодар, 2026. 200 с.

5. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности: учебник для вузов / под ред. В.И. Гладких, А.К. Есаяна. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 206 с.

6. *Дубовиченко С.В., Карлов В.П.* Уголовная ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи: социальная обусловленность и критический анализ законодательных новелл // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. Т. 2, № 4. С. 175–184.

7. *Коробеев А.И., Ширшов А.А.* Воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124^1 УК РФ): вопросы толкования и правоприменения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. Т. 22, № 4. С. 105–117.

8. Российское уголовное право: Особенная часть. Понятие Особенной части уголовного права. Квалификация преступлений. Преступления против личности: учебник / под ред. А.Г. Блинова, Н.А. Лопашенко. М., 2025. 408 с.

9. *Блинов А.Г.* Правовой статус пациента и уголовно-правовой механизм его обеспечения. Саратов, 2016. 231 с.

Reference

1. *Pudovochkin Yu., Dorogin D.* Obstruction of medical care (Article 124[1] of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal law. 2021. No. 4. P. 51–58.

2. *Yanina I.Yu.* Obstruction of the provision of medical care in the light of the adoption of Federal Law No. 206-FZ of July 26, 2019 // Legal responsibility in the field of healthcare: collection. Art. based on scientific and practical materials round table / ed. by V.I. Kaynova, V.P. Ocheredko, V.P. Salnikova, E.V. Semukhina. St. Petersburg, 2020. P. 265–271.

3. *Garayeva D.M.* Social prerequisites for the criminalization of acts related to obstruction of medical care // Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. T. 11, no. 2. P. 177–181.

4. *Babanin V.Yu.* Criminal legal protection of the right of citizens to medical care: dis. ... cand. legal sciences. Krasnodar, 2026. 200 p.

5. Criminal law. A special part. Crimes against the person: a textbook for universities / ed. by V.I. Gladkikh, A.K. Yesayan. 2nd ed. reworked and additional. Moscow, 2024. 206 p.

6. *Dubovichenko S.V., Karlov V.P.* Criminal liability for obstructing the provision of medical care: social conditioning and critical analysis of legislative innovations // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2019. T. 2, no. 4. P. 175–184.

7. *Korobeev A.I., Shirshov A.A.* Obstruction of medical care (Article 124[1] of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of interpretation and enforcement // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2020. T. 22, no. 4. P. 105–117.

8. Russian criminal law: Special part. The concept of the Special Part of Criminal Law. Qualification of crimes. Crimes against the person: textbook / ed. by A.G. Blinova, N.A. Lopashenko. Moscow, 2025. 408 p.

9. *Blinov A.G.* The legal status of the patient and the criminal legal mechanism for ensuring it. Saratov, 2016. 231 p.

Ю.Н. Боярская,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной
юридической академии

АВТОНОМНЫЕ И АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ БЕСПИЛОТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

Аннотация. В статье исследуются вопросы формирования единого понятийного аппарата в сфере отношений по использованию беспилотных транспортных средств. Предмет исследования составляют общественные отношения, возникающие в связи с производством и эксплуатацией беспилотных транспортных средств. Цель работы заключается в раскрытии содержания и соотношения категорий «автоматизация» и «автономность» применительно к беспилотному транспорту, выявлении недостатков действующего законодательства и обосновании необходимости формирования единого понятийного аппарата, позволяющего разграничить виды беспилотных транспортных средств по юридически значимым критериям. Методологическую основу исследования составили общенаучный и частнонаучные методы познания: диалектический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой и другие. Научная новизна работы состоит в авторском подходе к разграничению категорий «автоматизация» и «автономность» как взаимосвязанных, но не тождественных характеристик беспилотной транспортной системы. Обосновывается, что применяемые в российском законодательстве и технических стандартах понятия «высокоавтоматизированное транспортное средство», «полностью автоматизированное транспортное средство», «автономное транспортное средство» используются неоднородно и не обеспечивают единообразной квалификации соответствующих высокотехнологичных устройств. Основные результаты исследования состоят в выявлении отсутствия единообразных нормативных определений различных видов беспилотных транспортных средств. Кроме того, установлено, что отсутствие единых нормативно закрепленных критериев разграничения указанных видов транспорта на уровне федерального закона затрудняет их правовую квалификацию, обусловливает осуществление регулирования преимущественно на уровне подзаконных актов, технических стандартов и актов экспериментальных правовых режимов, а также осложняет определение круга субъектов гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный беспилотным транспортным средством. Выводы: аргументируется необходимость нормативной унификации понятийного аппарата в сфере эксплуатации беспилотного транспорта и закрепления согласованных определений «высокоавтоматизированного», «полностью автоматизированного» и «автономного» транспортных средств.

Ключевые слова: беспилотное транспортное средство, автономное транспортное средство, высокоавтоматизированное транспортное средство, полностью автоматизированное транспортное средство.

Yu.N. Boyarskaya,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law,
Saratov State Law Academy

AUTONOMOUS AND AUTOMATED UNMANNED VEHICLES: TOWARDS A UNIFIED CONCEPTUAL FRAMEWORK

Annotation. This article explores the development of a unified conceptual framework for the use of unmanned vehicles. The subject of this study is the social relations arising from the production and operation of unmanned vehicles. The aim of this work is to elucidate the content and relationship between the categories of "automation" and "autonomy" as they apply to unmanned vehicles, identify the shortcomings of current legislation, and justify the need for a unified conceptual framework that would allow for the differentiation of types of unmanned vehicles based on legally significant criteria. The methodological basis of this study is formed by general and specific scientific methods of cognition: dialectical, systemic, formal-legal, comparative-legal, and others. The scientific novelty of this work lies in the author's approach to distinguishing the categories of "automation" and "autonomy" as interrelated, but not identical, characteristics of an unmanned transport system. It is substantiated that the concepts of "highly automated vehicle," "fully automated vehicle," and "autonomous vehicle" used in Russian legislation and technical standards are used inconsistently and do not ensure a uniform classification of the corresponding high-tech devices. The main findings of the study include the identification of a lack of uniform regulatory definitions for various types of unmanned vehicles. Furthermore, it is established that the lack of uniform, legally established criteria for distinguishing between these types of transport at the federal level complicates their legal classification, forces regulation primarily to the level of bylaws, technical standards, and experimental legal regimes, and complicates the determination of the scope of civil liability for damage caused by unmanned vehicles. Conclusions: The need for regulatory unification of conceptual frameworks in the field of unmanned vehicle operation and the establishment of agreed-upon definitions of "highly automated," "fully automated," and "autonomous" vehicles is argued.

Keywords: unmanned vehicle, autonomous vehicle, highly automated vehicle, fully automated vehicle.

В условиях интенсивной трансформации транспортной отрасли в Российской Федерации производятся и внедряются в гражданский оборот новые виды высокотехнологичных транспортных средств. К их числу относятся автоматизированные, в том числе высокоавтоматизированные и полностью автоматизированные, а также автономные транспортные средства, функционирование которых обеспечивается применением систем искусственного интеллекта.

Вместе с тем темпы развития законодательства в рассматриваемой сфере существенно уступают динамике технологических преобразований. Действующее нормативное регулирование пока не в полной мере учитывает технические и функциональные особенности беспилотных транспортных средств, а также специфику гражданско-правовых отношений, возникающих в связи с их производством и эксплуатацией.

В настоящее время в законодательстве сохраняется неоднородность используемого понятийного аппарата. Для характеристики беспилотного транспорта в нормативных правовых актах и технических стандартах используются различные термины: «автономное транспортное средство»[1] («автономное судно», «полуавтономное судно» и «полностью автономное судно»)[2], «автономное воздушное судно»[3], «беспилотное воздушное судно»[4], «высокоавтоматизированное транспортное средство»[5], «полностью автоматизированное транспортное средство»[6], «роботизированное транспортное средство»[7] и другие. Между тем на сегодняшний день отсутствуют единые нормативно закрепленные критерии, позволяющие разграничить указанные виды беспилотного транспорта. В частности, не определены унифицированные основания их дифференциации по степени автоматизации, уровню самостоятельности функционирования системы, возможности вмешательства оператора в процесс управления, а также иным техническим и функциональным характеристикам.

Отсутствие единого понятийного аппарата, а также нормативно установленной классификации уровней автоматизации и автономности транспортных средств на уровне федерального закона приводит к тому, что квалификация конкретного технического решения фактически выносится на уровень подзаконных актов, технических стандартов и условий конкретного экспериментального режима[8], что, в свою очередь, порождает проблемы правоприменения и детерминирует значительное количество дискуссий в научной доктрине [1–3].

[1] См.: Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» (в ред. от 7 марта 2026 г.) // СЗ РФ. 2020. № 13, ст. 1995; 2026. № 10, ст. 1211.

[2] См.: Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18, ст. 2207; 2025. № 31, ст. 4658; Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2001. № 11, ст. 1001; 2025. № 31, ст. 4658; Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 294-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 26 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 2023. № 29, ст. 5312; 2024. № 10, ст. 1303.

[3] См.: ГОСТ Р 56122-2014. Воздушный транспорт. Беспилотные авиационные системы. Общие требования. П. 2.1.1–2.1.4 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См.: Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в ред. от 25 мая 2026 г.) // СЗ РФ. 1997. № 12, ст. 1383; 2025. № 40, ст. 5815.

[5] См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (в ред. от 26 июня 2026 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5017; 2026. № 26, ст. 3465.

[6] См.: Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р.

[7] См.: Там же.

[8] См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (в ред. от 26 июня 2026 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5017; 2026. № 26, ст. 3465; постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» (в ред. от 30 марта 2026 г.) // СЗ РФ. 2023. № 1, ч. 2, ст. 300; 2026. № 14, ст. 1757.

Уполномоченными государственными органами, в том числе Министерством транспорта РФ, неоднократно осуществлялась подготовка проекта федерального закона, направленного на регламентацию отдельных вопросов эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств[1]. Однако предлагаемые нормативные решения не учитывали особенности полностью автоматизированного и автономного транспорта, в связи с чем сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования законодательства с целью формирования правового режима указанных транспортных средств, установления критериев их разграничения, а также закрепления особенностей их допуска к эксплуатации и участия в гражданском обороте.

В настоящее время дискуссионным и не получившим однозначного разрешения остается вопрос о пределах технологической самостоятельности автономного транспортного средства. В частности, требует определения допустимость квалификации указанного транспортного средства в качестве полностью автономной системы, способной функционировать без непосредственного участия человека и адаптироваться к конкретным условиям эксплуатации.

В целях комплексного исследования поставленной проблемы представляется необходимым прежде всего уточнить содержание категорий «автоматизация» и «автономность», используемых в нормативных правовых актах и доктрине.

Термин «автоматизация» применяется для обозначения способности системы управления осуществлять функции, которые ранее выполнялись человеком [2]. В обобщенном виде автоматизацию следует рассматривать как наделение технической системы способностью выполнять отдельные функции управления на основе заранее заданных программ и алгоритмов. Автономность, в свою очередь, характеризует возможность системы выполнять предусмотренные функции без непосредственного вмешательства оператора [4].

Используемый в Российской Федерации понятийный аппарат в области беспилотных авиационных систем в целом согласуется с обозначенным концептуальным разграничением категорий автоматизации и автономности. Так, в ГОСТ Р 57258-2016 автономная система определяется как система, выполняющая свои функции без вмешательства человека, автономное воздушное судно – как беспилотное воздушное судно, выполнение полетного задания которым не предполагает вмешательства пилота в управление полетом. Вместе с тем автономный полет представляет собой полет, который выполняется воздушным судном без вмешательства пилота, с помощью автоматической системы управления на основе данных, загруженных перед выполнением полета, либо с использованием информации, получаемой по каналу передачи данных или от датчиков на борту[2].

Автоматизация образует технологическую основу автономного функционирования системы, однако наличие

[1] Проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://regulation.gov.ru/projects/164305 (дата обращения: 28.08.2026).

[2] См.: Системы беспилотные авиационные. Термины и определения. URL: https://files.stroyinf.ru/Data/638/63838.pdf (дата обращения: 28.08.2026).

у транспортного средства отдельных автоматизированных функций само по себе не свидетельствует о его способности автономно осуществлять весь комплекс предусмотренных функций. Уровень автономности определяется совокупностью технических, программных и функциональных возможностей системы, включая средства автоматического восприятия и обработки информации, сенсорные устройства, системы навигации и связи, программно-аппаратные модули управления, предназначенные для анализа данных и формирования вариантов поведения. Совокупность указанных компонентов образует технологическую основу автоматизации соответствующей системы [4].

Автономность беспилотной системы выражается в ее способности выполнять поставленную оператором задачу без его постоянного непосредственного управления. В зависимости от технических возможностей конкретной системы такое функционирование может включать анализ информации о внешней среде, взаимодействие с иными системами, планирование последовательности действий, формирование вариантов поведения и выполнение системой команд по управлению транспортным средством[1].

Таким образом, автоматизация и автономность беспилотных транспортных средств представляют собой взаимосвязанные, но не тождественные категории. Автоматизация предполагает передачу технической системе отдельных функций управления, ранее выполнявшихся человеком. Автономность отражает способность системы выполнять предусмотренный объем функций без постоянного непосредственного вмешательства человека в рамках установленных целей, заданных алгоритмов и технических возможностей системы.

В контексте гражданско-правового регулирования разграничение указанных категорий имеет принципиальное значение. Оно позволяет определить пределы технологической самостоятельности беспилотного транспортного средства, а также установить круг лиц, на которых может возлагаться гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный таким транспортом. К числу таких лиц могут относиться владелец (собственник), производитель, разработчик программного обеспечения, оператор, а также иные участники отношений, вовлеченные в процесс создания и эксплуатации беспилотного транспортного средства [5–7].

Изложенное свидетельствует о необходимости формирования комплексной модели правового регулирования, соответствующей современному уровню развития цифровых и транспортных технологий. Указанная модель должна учитывать высокотехнологичную двойственную природу беспилотного устройства как транспортного средства и сложного программно-аппаратного комплекса, основанного на использовании охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (программы для ЭВМ, базы данных и др.). Кроме того, законодательное регулирование должно быть ориентировано не только на используемые в рамках экспериментально-правовых режимах высокоавтоматизированные транспортные средства, но и на автономные мо-

[1] См.: Autonomy Levels for Unmanned Systems (ALFUS) Framework. URL: https://www.nist.gov/system/files/documents/el/isd/ks/NISTSP_1011-I-2-0.pdf (дата обращения: 28.08.2026).

дели, способные эксплуатироваться без непосредственного участия оператора.

В связи с этим первоочередной задачей видится унификация понятийного аппарата, используемого в нормативных правовых актах и технических стандартах. Представляется целесообразным нормативно закрепить согласованные определения высокоавтоматизированного, полностью автоматизированного и автономного транспортного средства, установив юридически значимые критерии их разграничения. К таким критериям могут быть отнесены степень и формы участия человека в процессе управления транспортным средством; необходимость присутствия водителя либо иного уполномоченного лица в салоне транспортного средства; наличие, характер и пределы допустимого дистанционного участия оператора; уровень самостоятельности функционирования системы в ходе движения, включая ее способность адаптироваться к изменяющимся условиям эксплуатации и формировать варианты поведения в конкретных дорожно-транспортных ситуациях и др.

Библиографический список

1. *Kotliarenko V.I.* Legal regulation in the field of automobile transport and road tests of autonomous vehicles. IOP Conf. Ser. Mater. Sci. Eng. 2020, 819, 012033.

2. *Parasuraman R., Riley V.* Humans and automation: Use, misuse, disuse, abuse // Human factors. 1997. No. 39 (2). P. 230–253.

3. *Saleem Ya., Rehmani M.H., Zeadally Sh.* Integration of Cognitive Radio Technology with unmanned aerial vehicles: Issues, opportunities, and future research challenges // Journal of Network and Computer Applications. 2015. No. 50. P. 15–31.

4. *Королев А.С. Рязанов Д.*В. Современные подходы к осмыслению понятия автономности технических систем // International Journal of Open Information Technologies. 2022. № 12. С. 110–115.

5. *Вавилин Е.В.* Ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством // Хозяйство и право. 2023. № 10 (561). С. 3–11.

6. Демография в социально-правовом измерении / Д.А. Агапов, А.В. Афанасьевская, Ю.Н. Боярская [и др.]. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2025. 320 с.

7. *Begishev I., Bersei D., Sherbakova L., Zhirov R., Kolesnikova O*. Problems of legal regulation of unmanned vihicles // Transportation Research Procedia. 2022. No. 63. P. 1321–1327.

Reference

1. *Kotliarenko V.I.* Legal regulation in the field of automobile transport and road tests of autonomous vehicles. IOP Conf. Ser. Mater. Sci. Eng. 2020, 819, 012033.

2. *Parasuraman R., Riley V*. Humans and automation: Use, misuse, disuse, abuse // Human factors. 1997. No. 39 (2). P. 230–253.

3. *Saleem Ya., Rehmani M.H., Zeadally Sh.* Integration of Cognitive Radio Technology with unmanned aerial vehicles: Issues, opportunities, and future research challenges // Journal of Network and Computer Applications. 2015. No. 50. P. 15–31.

4. *Korolev A.S., Ryazanov D.V.* Modern Approaches to Understanding the Concept of Autonomy of Technical Systems // International Journal of Open Information Technologies. 2022. No. 12. P. 110–115.

5. *Vavilin E.V.* Liability for Harm Caused by an Unmanned Vehicle // Economy and Law. 2023. No. 10 (561). P. 3–11.

6. Demography in the Socio-Legal Dimension / D.A. Agapov, A.V. Afanasyevskaya, Yu.N. Boyarskaya [et al.]. Saratov: Publishing house of Sarat. State Law Acad., 2025. 320 p.

7. *Begishev I., Bersei D., Sherbakova L., Zhirov R., Kolesnikova O.* Problems of legal regulation of unmanned vihicles // Transportation Research Procedia. 2022. No. 63. P. 1321–1327.

А.М. Герасимов,
доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

СУЩНОСТЬ НАКАЗАНИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ НАКАЗАНИЙ

Аннотация. Определяясь с конструктивными признаками уголовного наказания, федеральный законодатель не сделал выраженного акцента на его сущности. Неопределенность по данному вопросу со временем привела к тому, что содержание отдельных видов наказаний перестало соответствовать представлению о самой строгой мере уголовно-правового характера. Изложенное актуализирует проблему определения сущности наказания и ее отражения в отдельных видах наказаний. Предмет исследования составляют положения уголовного законодательства, касающиеся признаков наказания и содержания его отдельных видов. Цель работы сводится к обоснованию соответствия отдельных видов наказания природе анализируемой меры уголовно-правового характера. Методологическая основа исследования образована диалектическим методом как универсальным инструментом познания в сочетании с методиками формально-юридического анализа, обобщения, синтеза и абстрагирования. Основные результаты: сущность уголовного наказания как инструмента решения задач, стоящих перед отраслью уголовного законодательства, выражается в принуждении правоисполнителя к соблюдению возложенной на него обязанности по воздержанию от совершения общественно опасного деяния посредством лишения или ограничения прав и свобод виновного в совершении преступления лица. Сделан основной вывод о том, что в системе наказаний представлены две меры, не предполагающие выраженных лишений или ограничений прав и свобод виновного лица. Принудительный резерв в их содержании подменяется лояльным стимулированием осужденного к созидательному образу жизни. В качестве таких наказаний выступают исправительные работы и ограничение свободы. Область применения и практическая значимость: сформулированный вывод может быть принят во внимание законодателем в ходе оптимизации механизма уголовно-правового воздействия на виновного в совершении преступления лица.

Ключевые слова: сущность наказания, виды наказаний, принуждение, уголовно-правовая обязанность, исправительные работы, ограничение свободы.

A.M. Gerasimov,
Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal
and Penal Law, Saratov State Law Academy

THE ESSENCE OF PUNISHMENT AND ITS REFLECTION IN CERTAIN TYPES OF PUNISHMENT

Abstract. In determining the constructive features of criminal punishment, the federal legislator did not place a pronounced emphasis on its essence. The uncertainty on this issue over time has led to the content of certain types of punishment ceasing to correspond to the idea of the most severe measure of a criminal law nature.

The foregoing actualizes the problem of determining the essence of punishment and its reflection in certain types of punishment. The subject of the study comprises the provisions of criminal legislation concerning the features of punishment and the content of its certain types. The purpose of the work is reduced to substantiating the correspondence of certain types of punishment to the nature of the measure of a criminal law nature under analysis. The methodological basis of the study is formed by the dialectical method as a universal instrument of cognition in combination with the techniques of formal legal analysis, generalization, synthesis, and abstraction. Main results: the essence of criminal punishment as an instrument for solving the tasks facing the branch of criminal legislation is expressed in coercing the person to comply with the obligation imposed on him to refrain from committing a socially dangerous act by means of deprivation or restriction of the rights and freedoms of the person guilty of committing a crime. The main conclusion is drawn that the system of punishments presents two measures that do not presuppose pronounced deprivations or restrictions of the rights and freedoms of the guilty person. The coercive reserve in their content is replaced by loyal stimulation of the convicted person to a creative way of life. Such punishments are corrective labor and restriction of freedom. Scope of application and practical significance: the formulated conclusion may be taken into account by the legislator in the course of optimizing the mechanism of criminal law influence on the person guilty of committing a crime.

Keywords: essence of punishment, types of punishments, coercion, criminal law obligation, corrective labor, restriction of freedom.

Уголовной закон располагает положением, содержание которого в юридической науке и правоприменительной практике принято считать официальной дефиницией наказания. Речь идет о ч. 1 ст. 43 УК РФ, закрепляющей следующие тезисы: «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица».

Между тем по вполне очевидным причинам можно усомниться в том, что процитированный фрагмент текста уголовного закона вправе претендовать на роль оптимального определения наказания. Высказанное суждение подтверждается как минимум двумя доводами. Первый из них касается формы изложения анализируемого понятия. Едва ли точная трактовка существа наказания возможна посредством упоминания его свойств и качеств в двух самостоятельных предложениях. Изобилие терминологии и оборотов в русском языке позволяет гораздо более ясно, системно, логично и емко охарактеризовать природу и признаки рассматриваемой категории в формате единой дефиниции.

Вторая претензия к определению понятия уголовного наказания касается его содержательного наполнения. В ч. 1 ст. 43 УК РФ представлены характеристики наказания, не сведенные к какому-либо общему знаменателю. Федеральный законодатель пошел по пути перечисления свойств и качеств обсуждаемой меры уголовно-правового характера без выраженного акцента на одном из них. Подобный подход затрудняет восприятие сущности уголовного наказания.

Попытки внести ясность в понимание квинтэссенции анализируемой меры уголовно-правового характера предпринимаются на доктринальном уровне. Так, по мнению А.Ф. Мицкевича, закрепленные в уголовном законе признаки нака-

зания можно разделить на две группы. Первая из них образована за счет содержательных признаков, в свою очередь дифференцированных на внутренние («мера государственного принуждения»; «лишение или ограничение прав и свобод лица») и внешние («применяемость наказания только к виновному лицу»; «возможность назначения наказания только за совершение преступления»; «социально полезные цели, упомянутые в ч. 2 ст. 43 УК РФ»). Вторая группа охватывает формальные признаки: «предусмотренность конкретного наказания уголовным законом»; «применяемость наказания только по приговору суда» [1, с. 25–26].

Нетрудно предположить, что так называемые внутренние содержательные признаки наказания по смыслу представленного теоретического концепта отражают природу уголовного наказания. Само словосочетание «внутреннее содержание» воспринимается как уточняющий плеоназм, поскольку любое содержание уже характеризует внутреннюю суть исследуемого объекта. Таким образом, признаки уголовного наказания «мера государственного принуждения» и «лишение или ограничение прав и свобод лица» в конструкции рассматриваемой дефиниции претендуют на роль природообразующих.

Логика в сделанном заключении вне всяких сомнений присутствует. Уголовное наказание как инструмент решения задач, стоящих перед отраслью уголовного законодательства, базируется на принуждении правоисполнителя к соблюдению возложенной на него обязанности по воздержанию от совершения общественно опасного деяния посредством лишения или ограничения прав и свобод виновного в совершении преступления лица.

Здесь важно обратить внимание на особое значение уголовного наказания в решении уголовно-правовых задач. В ч. 2 ст. 2 УК РФ прямо подчеркивается, что для осуществления задач по охране интересов личности, общества и государства, а также предупреждения преступлений уголовный закон устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Уголовное наказание среди иных мер уголовно-правового характера законодателем обосабливается не случайно. Будучи самой строгой из упомянутых мер, оно способно одновременно обеспечивать решение обеих задач, поставленных перед уголовным законом. Что особенно важно, исключительно уголовное наказание приобрело значение единственного эффективного средства достижения охраны личности, общества и государства от преступных посягательств как первоочередной задачи, определяющей функциональное предназначение уголовно-правовой отрасли. Подтверждением изложенной мысли служит дефиниция преступления, апеллирующая именно к угрозе наказания лица, пренебрегающего запретом на совершение общественно опасного деяния. На уровне такого рода угрозы уголовное наказание работает будто бы в фоновом режиме. Принуждение неперсонифицированного правоисполнителя к соблюдению возложенной на него уголовным законом обязанности в рамках задачи уголовно-правовой охраны достигается посредством отражения в сознании каждого отдельного человека и массовом сознании модели наиболее неблагоприятного исхода со-

вершения преступления – лишения или ограничения прав и свобод виновного лица.

Картина в корне меняется, если человек игнорирует угрозу наказания и совершает преступное посягательство. В подобном случае активизируются уголовно-правовые отношения предупредительного свойства, предполагающие принуждение недобросовестного правоисполнителя к исполнению возложенной на него уголовным законом обязанности путем реального применения к нему наказания и иных мер уголовно-правового характера. При этом уголовное наказание сохраняет роль ключевого инструмента недопущения совершения виновным лицом нового преступления. Заложенные в его основу лишения и ограничения прав лица мотивируют последнего к переосмыслению жизненных алгоритмов удовлетворения собственных интересов. Руководствуясь представленными соображениями, можно сделать вывод о том, что каждая разновидность уголовного наказания должна располагать таким объемом лишений и ограничений прав и свобод человека, который способен обеспечить эффективное принуждение правоисполнителя к воздержанию от совершения преступления.

Большинство предусмотренных уголовным законом наказаний отвечает заданному критерию, предполагая ощутимое воздействие на личные, социальные и экономические права и свободы виновного в совершении преступления лица. Например, штраф даже в виде самого мягкого вида уголовного наказания напрямую затрагивает имущественные и смежные с ними права, ограничивая финансовые и материальные возможности и, как следствие, в целом уровень жизни осужденного. Еще более ярко выражены лишения и ограничения в содержании более строгих наказаний. Так, лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы серьезным образом ущемляют право на личную свободу, свободу передвижения и выбор места жительства, а также ограничивают право на труд, семейную жизнь, участие в политической жизни страны.

Между тем не все закрепленные в уголовном законе наказания обладают ярко выраженными лишениями или ограничениями прав и свобод виновного лица, побуждая научную мысль к переосмыслению их принудительного потенциала. Центральная проблема в ключе анализируемой тематики связана с сущностью уголовных наказаний, предполагающих весьма умеренные и легко выполнимые запреты и ограничения. Принудительный резерв в их содержании по сути подменяется лояльным стимулированием осужденного к созидательному образу жизни.

На роль наказаний без выраженного принудительного ресурса сегодня претендуют исправительные работы и ограничение свободы. Сущность первого из упомянутых наказаний неоднократно становилась объектом пристального внимания российского законодателя. Небезызвестно, что с момента вступления в силу УК РФ исправительные работы могли быть назначены осужденному, имеющему основное место работы. В 2003 г. нормотворцы поменяли свою позицию по данному вопросу на прямо противоположную. До 2011 г. исправительные работы назначались лицам, не имеющим основ-

ного места работы. В декабре 2011 г. было принято компромиссное решение, допускающее возможность применения исправительных работ к лицам, как имеющим, так и не имеющим основного места работы. Однако в июле 2025 г. законодатель возвратился к первоначальному подходу относительно определения круга субъектов, которым может назначаться рассматриваемый вид уголовного наказания. С учетом последних нововведений исправительные работы применяются только к лицам, имеющим основное место работы.

Трансформации положений, закрепленных в ст. 50 УК РФ, вполне естественным образом отражались на понимании сущности исправительных работ в теории уголовного права. Так, по мнению Е.В. Роговой, карательная сущность исправительных работ заключается в ограничении в установленном порядке некоторых трудовых и материальных прав и интересов осужденного [2, с. 48]. Л.Н. Одинцова и И.А. Пушкарева полагают, что «карательная сущность исправительных работ состоит в удержании определенной судом суммы в пользу государства» [3, с. 119].

Беря за основу первое утверждение, так или иначе приходится признавать несоответствие нынешней позиции законодателя, касающейся свойственных исправительным работам лишений и ограничений, сущности данного вида наказания. На сегодня в содержании исправительных работ идея принуждения к труду не имеет определяющего значения. Предусмотренное в уголовном законе условие о назначении исправительных работ исключительно лицам, имеющим основное место работы, серьезным образом не ущемляет гарантированное Конституцией РФ право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. В связи с этим на передний план выходит вторая из упомянутых выше точек зрения, согласно которой сущность исправительных работ фактически сводится к некоторым имущественным ограничениям осужденного.

Вместе с тем сформировавшаяся картина относительно свойственных исправительным работам лишений и ограничений едва ли отражает действительную природу и функциональное предназначение уголовного наказания. Если их сущность воспринимать и развивать с позиции определенных имущественных ограничений, вытекающих из соответствующих удержаний из заработной платы осужденного, то исправительные работы начинают претендовать на роль одной из самых мягких мер уголовно-правового характера. При таких вводных трудно объяснить место исправительных работ в системе наказаний (ст. 44 УК РФ). Приобретя значение некоего штрафа с рассрочкой оплаты, они, тем не менее, продолжают находиться в группе наказаний с принудительным потенциалом среднего уровня.

Противоречивость сложившейся ситуации очевидна. Уже само наименование «исправительные работы» недвусмысленно говорит о сущности рассматриваемого наказания. Речь идет об исправлении работами, а не об ограничениях на уже имеющейся основной работе. В ключе обозначенной мысли именно принуждение к труду должно образовывать стержень исправительно-предупредительного воздействия

на осужденного при применении исправительных работ, поэтому наиболее продуктивная концепция реализации исправительных работ была воплощена в нормотворческом решении, допускающем их назначение исключительно осужденным, не имеющим основного места работы. Оно основывалось на принудительном привлечении виновного лица к трудовой деятельности, тогда как сопутствующие имущественные и иные ограничения отходили на второй план.

В контексте изложенного небезынтересна аргументация нормотворцев, инициировавших отказ от назначения исправительных работ осужденным, не имеющим основного места работы. Она основывается на двух обстоятельствах. Во-первых, нетрудоустроенные осужденные в большинстве своем ведут асоциальный образ жизни. У них сформирована отрицательная позиция к трудовой деятельности, что приводит к нарушению порядка отбывания наказания и последующей замене наказания принудительными работами или лишением свободы. Во-вторых, при отсутствии вакансий у работодателей возникает необходимость в поиске подходящей работы, неизбежно приводящая к увеличению сроков исполнения наказания[1].

Между тем столь утилитарный подход к определению содержания уголовного наказания едва ли можно считать приемлемым. Складывается впечатление, что максимально широкое применение исправительных работ является самоцелью законодателя. При этом представленные аргументы в пользу отказа от применения исправительных работ в отношении лиц, не имеющих основного места работы, упускают из вида важное обстоятельство. Заведомое нежелание лица вести надлежащий социальный образ жизни не только объективно не препятствует применению к нему анализируемого наказания, но и служит одной из ключевых предпосылок, определяющих смысл принуждения человека к трудовой деятельности.

В значительно большей степени проблема отражения сущности наказания в его отдельных видах возникла после радикального преобразования содержания ограничения свободы, осуществленного федеральным законодателем в 2009 г. Сместив в нем акцент с обязательного проживания осужденного в исправительном центре на запрет находиться в определенное время в определенном месте, законодатель фактически придал данному уголовному наказанию значение пробационной меры. По характеру своего воздействия на виновное лицо ограничение свободы сегодня ничем не отличается от условного осуждения, предоставляющего возможность осужденному доказать свое исправление без реального отбывания наказания. Следование кругу ограничений, свойственных анализируемой разновидности наказания, фактически сводится к ведению образа жизни обычного среднестатистического человека. Осужденный продолжает проживать в месте постоянного проживания (пребывания), сохраняет основное место работы или учебы даже за пределами территории соответствующего

[1] См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/585548-8 (дата обращения: 13.08.2026).

муниципального образования, не отрывается от привычного круга общения. В связи с этим сама идея «ограничение свободы» трансформировалась в незначительные запреты на совершение поступков, отказ от которых лишь косвенным образом сказывается на праве каждого свободно выбирать место пребывания и жительства.

Подводя итог исследования сущности наказания и ее отражения в отдельных видах наказаний, сформулируем наиболее значимые выводы.

1. Сущность уголовного наказания как инструмента решения задач, стоящих перед отраслью уголовного законодательства, выражается в принуждении правоисполнителя к соблюдению возложенной на него обязанности по воздержанию от совершения общественно опасного деяния посредством лишения или ограничения прав и свобод виновного в совершении преступления лица.

2. В системе наказаний представлены две меры, не предполагающие выраженных лишений или ограничений прав и свобод виновного лица. Принудительный резерв в их содержании подменяется лояльным стимулированием осужденного к созидательному образу жизни. В качестве таких наказаний выступают исправительные работы и ограничение свободы.

3. Наименование «исправительные работы» недвусмысленно предполагает исправление работами, а не ограничения на уже имеющейся основной работе. Принуждение к труду должно образовывать стержень исправительно-предупредительного воздействия на осужденного при применении исправительных работ. Наиболее продуктивная концепция реализации исправительных работ была воплощена в нормотворческом решении, допускающем их назначение исключительно осужденным, не имеющим основного места работы.

4. В ограничении свободы его изначальная идея трансформировалась в незначительные запреты на совершение поступков, отказ от которых лишь косвенным образом сказывается на праве каждого свободно выбирать место пребывания и жительства. Следование кругу ограничений, вытекающих из содержания данного наказания, фактически сводится к ведению образа жизни, свойственного любому нормальному человеку.

Библиографический список

1. *Мицкевич А.Ф.* Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 327 с.

2. *Рогова Е.В.* Понятие и сущность исправительных работ, применяемых к несовершеннолетним // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4. С. 47–49.

3. *Одинцова Л.Н., Пушкарева И.*А. Исправительные работы: история и современность // Вестник Кузбасского института. 2023. № 2 (55). С. 112–122.

Reference

1. *Mitskevich A.F.* Criminal punishment: concept, goals and mechanisms of action. St. Petersburg: Jurid. center Press, 2005. 327 p.

2. *Rogova E.V.* The concept and essence of correctional labor applied to minors // Siberian Legal Bulletin. 2003. No. 4. P. 47–49.

3. *Odintsova L.N., Pushkareva I.A.* Correctional work: history and modernity // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2023. No. 2 (55). P. 112–122.

Т.С. Дорошок,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
финансового, банковского
и таможенного права имени
профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

Л.С. Дорошок,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
финансового, банковского
и таможенного права имени
профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПОДДЕРЖКИ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИИ

Аннотация. Обеспечение экономического суверенитета и технологического лидерства России в условиях внешнего санкционного давления обусловливает актуальность анализа нормативно-правового регулирования отечественной инвестиционной политики. В текущих геополитических реалиях переход от импортозамещения к технологической независимости требует не декларативных мер, а сформированной правовой базы, способной эффективно трансформировать стратегические цели государства в реальные инвестиционные проекты. Предмет исследования: положения нормативных правовых актов, регламентирующих механизм поддержки инвестиций; позиции ученых по теме исследования. Цель работы заключается в установлении соответствия нормативных правовых актов в области инвестиций целям и задачам стратегического планирования. Методологическую основу составили общенаучные методы познания и специально-юридические методы. Новизну работы отражают авторская классификация инструментов инвестиционной политики и следующие ключевые выводы: нормативно-правовое регулирование инвестиционной политики в России синхронизировано с целями стратегического планирования; фискальные стимулы и «стабилизационные оговорки» выступают основными драйверами привлечения капитала; повышение значимости адресных контрактных механизмов; переход от ведомственного административного регламента к регулированию отношений бизнеса и государства на основе договора, а также от федеральных целевых программ к государственным программам проектного управления; стратегические цели и задачи транслируются через конкретные правовые режимы стабилизации и компенсации затрат инвесторов при их исполнении; формирование принципа соразмерности налоговых льгот объему фактических капиталовложений. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования сформированных в нем выводов для совершенствования правового регулирования механизма поддержки субъектов инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: инвестиции, капиталовложения, инвестиционные проекты, инвестиционная политика, инвестиционные инструменты, стратегическое планирование, национальные цели, механизм поддержки, фискальные стимулы, соглашения о защите и поощрении капиталовложений, стабилизационные оговорки, контрактные механизмы, пространственное развитие, экономический суверенитет.

T.S. Doroshok,
Candidate of Law, Senior lecturer
of the Department of Financial, Banking
and Customs Law
named after Professor Nina Ivanovna
Khimicheva,
Saratov State Law Academy

L.S. Doroshok,
Candidate of Law, Senior lecturer
of the Department of Financial, Banking
and Customs Law
named after Professor Nina Ivanovna
Khimicheva,
Saratov State Law Academy

STRATEGIC GOALS AND THE NORMATIVE LEGAL MECHANISM FOR SUPPORTING INVESTMENT IN RUSSIA

Abstract. Ensuring the economic sovereignty and technological leadership of Russia under conditions of external sanctions pressure determines the relevance of analysing the normative legal regulation of domestic investment policy. In the current geopolitical realities, the transition from import substitution to technological independence requires not declarative measures but a formed legal framework capable of effectively transforming the strategic goals of the State into real investment projects. Subject of the study: provisions of normative legal acts regulating the mechanism for supporting investments; positions of scholars on the topic of the study. The purpose of the work is to establish the correspondence of normative legal acts in the field of investments to the goals and objectives of strategic planning. The methodological basis comprises general scientific methods of cognition and special legal methods. The novelty of the work lies in the author's classification of investment policy instruments and in the following key conclusions: the normative legal regulation of investment policy in Russia is synchronized with strategic planning goals; fiscal incentives and "stabilization clauses" serve as the main drivers of capital attraction; targeted contractual mechanisms are gaining importance, alongside a transition from departmental administrative regulation to contractual regulation of business–State relations and from federal targeted programmes to State project management programmes; strategic goals are transmitted through specific legal regimes for stabilizing and compensating investors' costs; and the principle of proportionality of tax benefits to actual capital investments is being formed. The practical significance of the study lies in the possibility of using the conclusions formed therein for improving the legal regulation of the mechanism for supporting subjects of investment activity.

Keywords: investments, capital investments, investment projects, investment policy, investment instruments, strategic planning, national goals, support mechanism, fiscal incentives, agreements on the protection and promotion of capital investments, stabilization clauses, contractual mechanisms, spatial development, economic sovereignty.

Нормативно-правовое регулирование инвестиционной политики в Российской Федерации имеет иерархическую структуру, формируя основу для применения конкретных инвестиционных механизмов и создавая единый каркас защиты капиталовложений. Следует отметить информационные агрегаторы, позволяющие провести аккумулирование федерального и регионального инвестиционного законодательства: официальные сайты исполнительных органов[1] (как

[1] См.: Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: https://digital.gov.ru/ (дата обращения: 25.08.2026); сайт Министерства экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/ (дата обращения: 25.08.2026); сайт Министерства промышленности и торговли РФ. URL: https://minpromtorg.gov.ru/ (дата обращения: 25.08.2026); сайт Министерства энергетики РФ. URL: https://minenergo.gov.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

правило, министерств экономического развития регионов[1]), инвестиционные порталы регионов[2], цифровая платформа «Инвестиционные проекты»[3], Инвестиционная карта РФ[4].

Правовая основа отечественной инвестиционной политики представлена конституционным уровнем, кодифицированными актами и иными законами, формирующими специальное отраслевое федеральное законодательство, а также ведомственными подзаконными актами.

Базовые рамочные федеральные законы (от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ[5] и от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ[6]) формируют правовые и экономические основы инвестиционной деятельности, закрепляют фундаментальные гарантии по реализации и защите прав, интересов и имущества субъектов инвестиционной деятельности. При этом обозначенные акты носят декларативный характер и не содержат конкретизированных инструментов стимулирования инвестиций, перенося их регулирование в налоговое и бюджетное законодательство.

Примечательно, что отдельные инструменты инвестиционной политики регламентированы исключительно на подзаконном уровне (национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ[7], целевые модели упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов РФ[8], региональный инвестиционный стандарт[9]).

Субъекты РФ обладают достаточной самостоятельностью для адаптации инвестиционных инструментов, предусмотренных федеральным законодательством, под специфику региона. В частности, региональный инвестиционный стандарт позволяет сформировать систему поддержки новых региональных инвестиционных проектов, создавая условия для опережающего инвестиционного развития субъекта РФ.

[1] См.: Сайт Министерства экономического развития и инвестиций Нижегородской области. URL: https://economy.nobl.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

[2] См.: Инвестиционный портал Саратовской области. URL: https://investinsaratov.ru/ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

[3] См.: Сайт цифровой платформы «Инвестиционные проекты». URL: https://investprojects.info/ (дата обращения: 25.08.2026).

[4] См.: Инвестиционная карта Российской Федерации. URL: https://invest.gov.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

[5] См.: Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 1999. № 9, ст. 1096; 2026. № 32, ст. 4513.

[6] См.: Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 1999. № 28, ст. 3493; 2026. № 32, ст. 4516.

[7] См.: Распоряжение Правительства РФ от 11 апреля 2016 г. № 642-р «Об утверждении перечня показателей, используемых для расчета национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 8 октября 2025 г.) // СЗ РФ. 2016. № 16, ст. 2268; 2025. № 41, ст. 6076.

[8] См.: Распоряжение Правительства РФ от 31 января 2017 г. № 147-р «Об утверждении целевых моделей упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов РФ и составов рабочих групп по мониторингу их внедрения» (в ред. от 24 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2017. № 7, ст. 1098; 2025. № 30, ч. 3, ст. 4620.

[9] См.: Приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации (“Региональный инвестиционный стандарт”)» (в ред. от 27 января 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

К числу полномочий субъектов РФ относятся увеличение минимального объема капитальных вложений для участников региональных инвестиционных проектов[1]; установление региональных инвестиционных налоговых вычетов[2], пониженных ставок налогов и льгот по региональным и местным налогам в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах[3]; создание собственных информационных систем управления инвестиционной деятельностью; установление перечня нормативных правовых актов субъекта РФ, к которым применяется стабилизационная оговорка в рамках защиты капиталовложений[4]. При этом полномочия регионов носят преимущественно уточняющий характер и жестко ограничены федеральным законодательством в части недопущения ухудшения положения инвесторов (стабилизационная оговорка в рамках защиты капиталовложений[5], гарантия от неблагоприятного изменения нормативных правовых актов для резидента особой экономической зоны[6] и резидента территории опережающего развития[7]).

Действующие инструменты инвестиционной политики в России могут быть сгруппированы следующим образом:

налогово-тарифные режимы (региональные инвестиционные проекты; льготный налоговый режим для резидентов территорий с преференциальным режимом (особая (свободная) экономическая зона; территория опережающего социально-экономического развития; свободный порт Владивосток; Арктическая зона РФ); инвестиционные налоговые вычеты; свободная таможенная зона для резидентов территорий с преференциальным режимом; льготный таможенный режим для привлечения инвестиций («зона Freeport»));

контрактные механизмы (специальные инвестиционные контракты; соглашения о защите и поощрении капиталовложений; соглашения о предоставлении субсидий на реализацию региональных программ развития промышленности);

финансовые механизмы (финансирование фондов промышленности; возмещение затрат на инфраструктуру через налоговые вычеты или бюджетные субсидии; повышающий коэффициент при ранжировании заявок в рамках предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на государ-

[1] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3824; 2026. № 32, ст. 4489.

[2] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340; 2026. № 32, ст. 4489.

[3] См.: Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (в ред. от 26 июля 2026 г.) // СЗ РФ. 2020. № 29, ст. 4503; 2026. № 30, ст. 4122.

[4] См.: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (в ред. от 4 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 2020. № 14, ч. 1, ст. 1999; 2025. № 45, ст. 6723.

[5] См.: Там же.

[6] См.: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 2005. № 30, ч. 2, ст. 3127; 2026. № 32, ст. 4501.

[7] См.: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 2015. № 1, ч. 1, ст. 26; 2026. № 32, ст. 4523.

ственную поддержку проектов создания, развития и (или) модернизации объектов инфраструктуры промышленных технопарков в сфере электронной промышленности; участие в синдикате кредиторов; льготное финансирование государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ»; субсидирование процентной ставки по кредитам, выданным резидентам Арктической зоны РФ для реализации инвестиционных проектов на территории Арктической зоны РФ);

административно-рейтинговые меры (национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ; региональный инвестиционный стандарт; целевые модели упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов РФ);

косвенные регуляторные меры (национальный режим в закупках; предоставление в аренду земельного участка без проведения торгов для реализации масштабных инвестиционных проектов; мониторинг исполнения условий соглашений о защите и поощрении капиталовложений; мониторинг реализации инвестиционных проектов; реестр соглашений о защите и поощрении капиталовложений; стабилизационная оговорка в рамках защиты капиталовложений; гарантия от неблагоприятного изменения нормативных правовых актов; особый режим градостроительной деятельности; механизм дополнительной защиты юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих статус резидентов свободного порта).

Анализ правовой основы мер инвестиционной поддержки позволяет отметить, что государство рассматривает фискальные стимулы и «стабилизационные оговорки» в качестве основных драйверов привлечения капитала. При этом повышается значимость и адресных контрактных механизмов, предоставляемых в обмен на конкретные обязательства инвестора (объем производства, локализация технологий).

С 2020 г. особое место в системе инструментов государственной поддержки долгосрочных инвестиционных проектов отведено соглашениям о защите и поощрении капиталовложений – соглашений между инвестором и публично-правовым образованием, по которому государство обязуется сохранить условия ведения бизнеса, а инвестор – реализовать проект с конкретным объемом капиталовложений. Защита от регуляторных рисков, сохранение ключевых для окупаемости законодательных требований обеспечены модернизированным механизмом «стабилизационной оговорки» (ст. 9 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»). Соглашения о защите и поощрении капиталовложений как инвестиционный инструмент позволяют сохранять условия по налогообложению, землепользованию, градостроительной деятельности и мерам государственной поддержки в случае их изменения в стране в целом, а также частично возмещать затраты на инфраструктуру и проценты по кредитам и займам (гл. 2 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»). За пять лет с начала действия этого инвестиционного инструмента было заключено около 80 соглашений на сумму порядка 4,5 трлн рублей, введены в эксплу-

атацию 13 промышленных объектов общей стоимостью 700 млрд рублей, где создано свыше 8 тыс. рабочих мест в более чем 10 регионах страны[1].

Наблюдается переход от ведомственного административного регламента к регулированию отношений бизнеса и государства на основе договора, что позволяет последовательно проводить принцип равенства участников инвестиционных соглашений с участием публично-правового образования (публичного и частного партнеров) [1, с. 84].

На сегодняшний день отечественная инвестиционная политика встроена в общую структуру государственного управления через документы стратегического планирования. В частности, к ним отнесены Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[2], Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р)[3].

Соотнесение текущего состояния нормативно-правового регулирования инвестиционной политики с целями и задачами стратегического планирования позволяет отметить синхронизацию бюджетного процесса с инвестиционным циклом через унификацию подходов к управлению инвестиционными проектами. Термины «федеральные целевые программы», «региональные целевые программы» заменены соответственно категориями «государственные программы Российской Федерации и непрограммные направления деятельности», «государственные программы субъектов Российской Федерации и непрограммные направления деятельности»[4]. Подобная мера исключила правовую неопределенность при формировании адресных инвестиционных программ и реализации масштабных капиталовложений, а также стала результатом структурной реформы системы стратегического планирования[5]. Государственные программы объединили разрозненные федеральные и региональные целевые программы и ведомственные проекты под общими целями, охватывающими целые отрасли социально-экономического развития, с акцентом на проектное управление и результативность[6] [2]. Для каждой государственной про-

[1] См.: Заседание Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2025 г. URL: http://government.ru/news/56846/ (дата обращения: 25.08.2026).

[2] См.: СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

[3] См.: СЗ РФ. 2025. № 2, ст. 74.

[4] См.: Федеральный закон от 23 марта 2026 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2026. № 13, ст. 1515.

[5] См.: Постановление Правительства РФ от 26 мая 2021 г. № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» (вместе с Положением о системе управления государственными программами Российской Федерации) (в ред. от 30 июня 2026 г.) // СЗ РФ. 2021. № 23, ст. 4042; 2026. № 28, ст. 3898; распоряжение Правительства РФ от 22 июня 2021 г. № 1689-р «О внесении изменений в Распоряжение Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 1950-р» // СЗ РФ. 2021. № 26, ст. 5030; распоряжение Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 1950-р «Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации» (в ред. от 14 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2010. № 47, ст. 6166; 2025. № 29, ст. 4325.

[6] См.: *Удовенко А.Н.* Переход к программному бюджету: результаты, проблемы и перспективы. URL: https://bujet.ru/article/189590.php (дата обращения: 25.08.2026).

граммы формируется перечень общественно значимых показателей, увязанных с национальными целями развития, и выделена проектная часть, предусматривающая выполнение конкретных задач за ограниченный период времени. При этом в государственных программах сохранены и процессные – реализуемые на постоянной основе – мероприятия, которые невозможно завершить как отдельный проект. Кроме того, в модернизированной системе управления государственными программами предусмотрена возможность установления расходов на государственные капиталовложения в бюджете по непрограммным направлениям деятельности, т.е. не в рамках государственных программ, что «дает возможность гибко подходить к распределению средств, сохраняя при этом законодательную определенность»[1].

Анализ текущего состояния нормативно-правового регулирования инвестиционной политики также позволяет сформировать ключевой вывод о транслировании стратегических целей и задач через конкретные правовые режимы стабилизации и компенсации затрат инвесторов при их исполнении (инвестиционные налоговые вычеты для расходов на капиталовложения по соглашениям о реализации инвестиционных проектов[2]; льготы по налогу участникам региональных инвестиционных проектов; механизм возмещения затрат в форме налогового вычета на создание, модернизацию и реконструкцию объектов транспортной, энергетической, коммунальной, социальной и цифровой инфраструктуры, необходимых для реализации инвестиционных проектов[3]; льготы для резидентов территорий с преференциальным налоговым режимом и др.).

При этом данные правовые режимы построены по принципу «инвестиции в обмен на льготы» и в рамках механизма последующего контроля эффективности. Так, механизм ограничения объема налоговых льгот размером фактически осуществленных капиталовложений и расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы отражен в ст. 56.1 НК РФ. Принцип соразмерности заключается в том, что совокупный объем предоставленных налоговых льгот (по налогу на прибыль, налогу на имущество, земельному налогу, страховым взносам, а для отдельных режимов – по налогу на добычу полезных ископаемых) не может превышать объем фактических инвестиций в основные средства и научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки.

Национальный режим при осуществлении закупок[4] может быть рассмотрен как косвенный инструмент инвестиционной политики, помога-

[1] ГД приняла закон о соответствии инвестзаконодательства стратегическому планированию. URL: https://tass.ru/ekonomika/26736393 (дата обращения: 25.08.2026).

[2] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ.

[3] См.: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (в ред. от 4 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 2020. № 14, ч. 1, ст. 1999; 2025. № 45, ст. 6723.

[4] См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 28 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8294; Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4571; 2024. № 33, ч. 2, ст. 5014.

ющий запустить и поддержать инвестиционные процессы в тех секторах, которые государство считает стратегически важными. Указанный режим предусматривает: запрет на допуск товаров иностранного происхождения (программное обеспечение, промышленные товары по перечню); ограничение допуска товаров иностранного происхождения (продукты питания, радиоэлектронная продукция, жизненно необходимые и важнейшие лекарственные препараты, медицинские изделия, промышленные товары по перечню); условия допуска товаров иностранного происхождения (различные товары по перечню).

Изменения законодательства свидетельствуют о том, что государство активно использует контрактную систему для защиты внутреннего рынка и укрепления экономического суверенитета через введение запретов и ограничений допуска товаров иностранного происхождения; установление условий допуска отдельных товаров иностранного происхождения; усиление контроля за иностранными инвестициями в организации, имеющие стратегическое значение; установление минимальной обязательной доли закупок отдельных товаров российского происхождения. Это говорит о высокой степени адаптации инвестиционного законодательства к вызовам времени, особенно в части технологического суверенитета и защиты внутренних инвестиций через соглашения о защите и поощрении капиталовложений.

Проведенный анализ нормативно-правового регулирования в области инвестиций на предмет соответствия целям и задачам стратегического планирования позволяет отметить не простое дублирование декларативных целей и задач стратегических документов, а формирование механизма реализации инвестиционных проектов. Существующая система прямых инвестиционных инструментов (соглашения о защите и поощрении капиталовложений; возмещение затрат на инфраструктуру через налоговые вычеты или бюджетные субсидии; специальные инвестиционные контракты; льготные налоговые режимы для резидентов территорий с преференциальным режимом) в целом зарекомендовала себя как инструмент, способный обеспечить рост инвестиций и снижение доли импорта.

Библиографический список

1. *Попондопуло В.Ф.* Правовые формы реализации инвестиционных соглашений с участием публично-правового образования // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 79–92.

2. *Калинин А.М.* Эволюция инструментов государственной поддержки промышленности в Российской Федерации: от федеральных целевых программ к государственной программе // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 38–47.

Reference

1. *Popondopulo V.F.* Legal Forms of the Performance of Investment Agreements with a Public-law Entity // Jurisprudence. 2013. No. 2 (307). P. 79–92.

2. *Kalinin A.M.* Evolution of Instruments of State Support of Industry in the Russian Federation: From Federal Target Programs to the State Program // Problems of Forecasting. 2018. No. 1 (166). P. 38–47.

Д.С. Зарьков,
старший преподаватель кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии

КОНСОЛИДАЦИЯ КАК ОТВЕТ НА ПРОБЛЕМУ «ИНФЛЯЦИИ» НОРМАТИВНОГО МАТЕРИАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Устойчивое количественное разрастание нормативного массива и связанное с ним снижение регулятивной ценности отдельного нормативного правового акта характеризуются в отечественной доктрине как «инфляция» (девальвация) законодательства; в качестве средства упорядочения традиционно указывается консолидация, которая, однако, остается в российской правотворческой практике практически невостребованной.

Предметом исследования выступает консолидация нормативного материала в современной России.

Цель: установить функциональное назначение консолидации применительно к российскому типу законодательной избыточности и выявить причины ее неприменения. Методологическая основа: общетеоретический анализ форм систематизации, формально-догматический, сравнительно-правовой и системно-функциональный методы, изучение российского законодательства и правотворческой практики. Результаты: обосновано, что избыточность российского законодательства имеет преимущественно темпоральный характер; предложен критерий регулятивной экономии, согласно которому консолидация выступает единственной формой, пригодной для регулярного сокращения нормативного массива без содержательной реформы; показано, что причина ее неприменения носит институциональный, а не доктринальный характер и состоит в отсутствии специальной правотворческой процедуры, а поддержание актуальной редакции акта в справочно-правовых системах данную форму не замещает. Выводы: обоснована необходимость переосмысления консолидации как самостоятельной формы систематизации, ее процедурного оформления и отграничения как от кодификации, так и от технической актуализации текста.

Ключевые слова: консолидация, систематизация законодательства, инфляция законодательства, нормативный правовой акт, кодификация, юридическая техника, правотворческая процедура, качество закона.

D.S. Zarkov,
Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law,
Saratov State Law Academy

CONSOLIDATION AS A RESPONSE TO THE PROBLEM OF «INFLATION» OF NORMATIVE MATERIAL IN MODERN RUSSIA

Abstract. The sustained quantitative growth of the normative array and the associated decline in the regulatory value of an individual normative legal act are characterized in domestic doctrine as “inflation” (devaluation) of legislation;

consolidation is traditionally indicated as a means of ordering, but it remains practically unclaimed in Russian law-making practice. The subject of the study is consolidation of normative material in contemporary Russia. Purpose: to establish the functional purpose of consolidation in relation to the Russian type of legislative redundancy and to identify the reasons for its non-application. Methodological basis: general theoretical analysis of the forms of systematization, formal dogmatic, comparative legal and systemic-functional methods, and the study of Russian legislation and law-making practice. Results: the redundancy of Russian legislation is substantiated as predominantly temporal in nature. A criterion of regulatory economy is proposed, under which consolidation is the only form capable of ensuring a regular reduction of the normative array without substantive reform. The reason for its non-application is shown to be institutional rather than doctrinal – namely, the absence of a special law-making procedure – while the maintenance of the current version of an act in legal reference systems does not substitute for this form. Conclusions: the necessity of rethinking consolidation as an independent form of systematization, of its procedural formalization, and of its delimitation both from codification and from technical updating of the text is substantiated.

Keywords: consolidation, systematization of legislation, inflation of legislation, normative legal act, codification, legal technique, law-making procedure, quality of law.

Юридическая консолидация традиционно рассматривается в общей теории права как одна из форм систематизации законодательства наряду с учетом, инкорпорацией и кодификацией. В классических трудах С.С. Алексеева, А.С. Пиголкина и других ученых систематизация раскрывается как деятельность по упорядочению нормативного материала, обеспечивающая согласованность и доступность действующего права [1, 2]. При этом консолидации, в отличие от кодификации, в доктрине уделяется заметно меньше внимания: за ней закрепилась репутация вспомогательной, переходной формы, а некоторые авторы именуют ее «частичной кодификацией», не достигающей по своему результату уровня кодекса [3]. Между тем именно состояние количественного разрастания законодательства, характерное для современной России, заставляет вернуться к вопросу о самостоятельном функциональном назначении консолидации.

Разрастание нормативного массива давно перестало быть предметом спора и приобрело черты системной проблемы. Ежегодно принимаются сотни федеральных законов, причем подавляющее их большинство не создает нового регулирования, а вносит изменения в ранее принятые акты. Снижение регулятивной ценности отдельного закона, его растворение в массе сопутствующих и изменяющих норм характеризуется в литературе как «инфляция», или девальвация, законодательства. Н.А. Власенко относит тиражирование закона к числу кризисных тенденций современного права, отмечая, что оно девальвирует значение и роль закона [4, с. 42]. Однако сама по себе констатация избыточности не указывает на средство ее преодоления: для выбора инструмента необходимо предварительно установить, какого именно рода эта избыточность.

Представляется необходимым разграничить два ее типа. Первый можно условно назвать горизонтальной избыточностью: по одному и тому же предмету одновременно действует значительное число параллельных, рассредоточенных актов. Именно на устранение такой множественности исторически была ориентирована классическая консолидация, объединявшая разрозненные акты в один.

Второй тип – избыточность темпоральная: предмет уже сосредоточен в едином базовом акте, однако последний под влиянием многочисленных разновременных изменений утрачивает внутреннюю согласованность и обозримость. Анализ российской практики показывает, что преобладает именно второй тип, поскольку основной прирост массива обеспечивают законы о внесении изменений. Это наблюдение имеет принципиальное методологическое значение: средство, созданное для горизонтальной избыточности, не может быть механически перенесено на избыточность темпоральную без переосмысления его функции, и именно этим объясняется разрыв между теоретической рекомендацией прибегнуть к консолидации и почти полным отсутствием такой практики.

Чтобы оценить пригодность различных форм систематизации к решению этой задачи, целесообразно ввести критерий регулятивной экономии – способности формы сокращать число действующих актов без снижения качества регулирования. По этому критерию учет и инкорпорация оказываются нейтральными: они улучшают доступ к нормативному материалу, но не прекращают действие актов и потому массив не сокращают. Кодификация дает наибольший эффект, однако достигает его ценой концептуальной переработки целой отрасли или института и в силу этого носит эпизодический характер, не будучи пригодной для регулярного применения [5]. Консолидация занимает в этом ряду особое положение: она влечет прекращение действия объединяемых актов и тем самым реально сокращает массив, но не предполагает содержательной реформы. Сочетание этих свойств – сокращение без переработки и делает ее единственной формой, приспособленной к регулярному, рутинному противодействию темпоральной избыточности.

Юридическое существо консолидации состоит в том, что объединяемые акты утрачивают силу, а вместо них вводится в действие новый акт с собственными официальными реквизитами – этим консолидация принципиально отличается от инкорпорации, при которой исходные акты сохраняют силу, а результатом выступает лишь сборник. Классическим отечественным примером консолидированного акта признается Федеральный закон «О ветеранах»[1], объединивший значительное число ранее действовавших актов о мерах социальной поддержки этой категории граждан. Показательно, что данный пример на протяжении десятилетий приводится в учебной и научной литературе практически как единственный, и это обстоятельство само по себе свидетельствует о невостребованности консолидации в российском правотворчестве [6].

Ссылаться только на доктринальную неясность как на причину такой невостребованности недостаточно убедительно, т.к. понятийный аппарат консолидации разработан достаточно полно. Более обоснованным является предположение институциональной причине – отсутствии специальной правотворческой процедуры. В действующем порядке консолидирующий закон проходит тот же законодательный процесс, что и любой иной, с воз-

[1] Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 1995. № 3, ст. 168; 2026. № 32, ст. 4504.

можностью внесения содержательных поправок на каждой стадии. Но как только в техническое по своей сути объединение действующих норм допускается вносить изменения по существу, исчезает смысл консолидации: она перестает быть переизданием права в упорядоченном виде и превращается в обычную реформу со всеми присущими ей политическими издержками и рисками. При равенстве затрат и отсутствии самостоятельного политико-правового результата консолидация оказывается для законодателя нерациональной, что и предопределяет ее фактическое неприменение.

Справедливость этого вывода подтверждается сравнительно-правовым материалом. В Великобритании, где консолидация представляет собой регулярную и массовую практику, она опирается не на доктринальную убежденность, а на специальный процедурный механизм – действующий с 1894 г. совместный комитет палат Парламента по консолидационным биллям и Закон о процедуре консолидации актов 1949 г.[1] Консолидационный билль рассматривается в ускоренном порядке, а возможность внесения в него содержательных поправок жестко ограничена – задача комитета сводится к проверке того, что билль точно воспроизводит действующее право и вносит лишь технические уточнения. Тем самым законодателю предоставлено дешевое и политически нейтральное средство, что и обеспечивает массовость консолидации. Российский правопорядок аналогичной процедурой не располагает, и в этом, как представляется, заключается действительная причина рассматриваемого разрыва между теорией и практикой.

Может показаться, что проблема снимается современными технологиями: официальное опубликование и справочно-правовые системы поддерживают актуальную, сводную редакцию каждого закона, в которой все изменения уже учтены, а значит, отдельная консолидация будто бы излишня. Это возражение основано на смешении двух различных явлений – актуализированного текста и нормативного правового акта. Сводная редакция есть лишь познавательное удобство, копия, изготовленная для удобства чтения; она не является самостоятельным источником права, не обладает собственными реквизитами и, что особенно важно, не прекращает действие изменяющих законов. Юридически в силе остаются и базовый акт, и весь массив вносивших в него изменения законов, т.е. именно тот массив, который и образует «инфляцию». Технология актуализации, таким образом, снижает остроту симптома – трудность поиска нужной нормы, но не устраняет причину избыточности, а отчасти даже ослабляет стимул к ее устранению.

Признание функциональной ценности консолидации не означает ее универсальности. Прежде всего она продуктивна лишь там, где содержание регулирования относительно устоялось, а избыточность накоплена именно формой. В сферах, где регулирование меняется по существу, предпочтительной остается кодификация. Наряду с этим, эффект консолидации недолговечен без последующей дисциплины нормотворчества, если вскоре

[1] Consolidation of Enactments (Procedure) Act 1949 (12, 13 & 14 Geo. 6, c. 33). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/12-13-14/33 (дата обращения: 22.08.2026).

после объединения возобновляется поток точечных поправок, избыточность воспроизводится.

Проведенный анализ позволяет рассматривать консолидацию не как вспомогательную, промежуточную форму систематизации, а как самостоятельное средство, обладающее не сводимой к иным формам ценностью. «Инфляция» российского законодательства носит преимущественно темпоральный характер, и именно консолидация – сокращение массива без содержательной переработки – отвечает этому типу избыточности наиболее точно. Препятствием к ее применению выступает не состояние доктрины, а отсутствие специальной правотворческой процедуры, ограничивающей внесение содержательных поправок в консолидирующий акт, а также создание такой процедуры с учетом зарубежного опыта представляется необходимым условием реального использования данной формы.

Дальнейшая теоретическая разработка темы предполагает обоснование критериев отбора сфер законодательства, готовых к консолидации, формализацию требований юридической техники к консолидированному акту и эмпирическую проверку темпорального характера законодательной избыточности на отраслевом материале. Без последовательного обращения к консолидации количественное разрастание законодательства будет и далее снижать его качество и предсказуемость; напротив, институциональное оформление этой формы способно вернуть системе законодательства обозримость, не требуя всякий раз ресурсоемкой кодификационной перестройки.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.

2. Систематизация законодательства Российской Федерации / [А.И. Абрамова, А.В. Мицкевич, А.Н. Пилипенко и др.]. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 382 с.

3. *Радько Т.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2010. 752 с.

4. *Власенко Н.А.* О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 40–45.

5. *Рахманина Т.Н.* Кодификация законодательства. М.: Юристъ, 2005. 141 с.

6. *Реутов В.П., Ваньков А.В.* К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства // Право и современные государства. 2013. Вып. 3. С. 16–20.

Reference

1. *Alekseev S.S.* General Theory of Law: in 2 vols. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1982. Vol. 2. 360 p.

2. Systematization of Legislation in the Russian Federation / [A.I. Abramova, A.V. Mitskevich, A.N. Pilipenko et al.]. St. Petersburg: Yuridichesky Tsentr Press, 2003. 382 p.

3. *Radko T.N.* Theory of State and Law: Textbook. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2010. 752 p.

4. *Vlasenko N.A.* Crisis Tendencies in Law: The Concept and Forms of Manifestation // Legal technique. 2014. No. 8. P. 40–45.

5. *Rakhmanina T.N.* Codification of Legislation. Moscow: Yurist, 2005. 141 p.

6. *Reutov V.P., Vankov A.V.* On the Question of Consolidation as a Form of Systematization of Legislation // Law and Modern States. 2013. Iss. 3. P. 16–20.

К.С. Кротов,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой трудового права,
доцент кафедры административного и муниципального права
имени профессора Василия Михайловича Манохина
Саратовской государственной юридической академии

ВНУТРЕННЕЕ СОДЕРЖАНИЕ СТРУКТУРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме упорядочения внутренней структуры процессуального законодательства об административных правонарушениях. Актуальность обусловлена обширностью и рассредоточенностью норм, что в совокупности создает трудности правоприменения. Предмет исследования составляет систематизация процессуальных норм КоАП РФ в контексте рассмотрения внутренней структуры его процессуальной компоненты в связи с иными нормативными правовыми актами. Цель исследования заключается в анализе содержания структуры законодательства об административных правонарушениях.

Методология основана на применении формально-юридического метода и метода структурного анализа. В результате предложены горизонтальная (по охватываемым сферам общественных отношений) и вертикальная (по уполномоченным органам власти) классификации. Выявлены несовершенства в изложении норм и сделан вывод о целесообразности нормативного отражения предложенных структур для повышения эффективности правоприменения.

Ключевые слова: процессуальное законодательство об административных правонарушениях, систематизация, классификация, административная ответственность, административные правонарушения.

K.S. Krotov,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department
of Labor Law, Associate Professor of the Department
of Administrative and Municipal Law
named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin,
Saratov State Law Academy

INTERNAL CONTENTS OF THE STRUCTURE OF PROCEDURAL LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES: POSSIBLE WAYS OF IMPROVING NORMATIVE REGULATION

Abstract. The article is devoted to the problem of ordering the internal structure of procedural legislation on administrative offences. The relevance is conditioned

by the vastness and dispersion of norms, which in aggregate creates difficulties for law enforcement. The subject of the study is the systematization of the procedural norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in the context of examining the internal structure of its procedural component in relation to other normative legal acts. The purpose of the study is to analyse the internal content of the structure of legislation on administrative offences. The methodology is based on the application of the formal legal method and the method of structural analysis. As a result, horizontal (by the spheres of social relations covered) and vertical (by authorized public authorities) classifications are proposed. Imperfections in the presentation of norms are identified, and a conclusion is drawn on the expediency of normative reflection of the proposed structures for improving the effectiveness of law enforcement.

Keywords: procedural legislation on administrative offences, systematization, classification, administrative liability, administrative offences.

Значительная обширность и сложность норм процессуального законодательства об административных правонарушениях являет собой вызов равно для теории административного права, нормотворческой практики и правоприменения – как уполномоченными органами публичной власти и должностными лицами, так и лицами, в том или ином статусе принимающими участие в производстве по делу об административном правонарушении. Преодоление данного вызова затруднено значимыми объективными факторами – прежде всего спецификой предмета административного права. Как справедливо заметил Н.М. Конин, «легального определения предмета административно-правового регулирования (как, скажем, гражданско-правового регулирования в статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации) нет и, видимо, не может быть в принципе» [1, с. 18]. Данный тезис выглядит актуальным вне зависимости от этапа развития отечественной правовой политики или редакции того или иного административно-правового акта, отражая специфику самой отрасли, охватывающей публичное управление, которое в той или иной сфере, в том или ином выражении распространяется на все сферы жизнедеятельности общества и отдельного человека. Все это закономерно обуславливает практически безграничный масштаб предмета административного права, с которым неразрывно связаны и методы управления, чье многообразие соответствует (или должно соответствовать) масштабу сферы публичного управления. Отдельного внимания в данном контексте, безусловно, заслуживают меры административного принуждения и административной ответственности: несмотря на понятную настороженность как обывателей, так и представителей юридического сообщества к обширности и сложности законодательства об административных правонарушениях, она неизбежна и оправдана уже тем простым обстоятельством, что любые ограничения прав человека и организаций требуют тщательной, всесторонней нормативной регламентации, в частности и в особенности – в отношении порядка применения тех или иных мер, условий, сроков, механизмов обжалования. Одной из ключевых задач административно-правового регулирования в указанном направлении представляется упорядочение внутренней структуры процессуального законодательства об административных правонарушениях, нормативное регулирование которого продолжает совершенствоваться и усложняться. Не претендуя на исчерпывающее решение столь масштабной за-

дачи, рассмотрим общие закономерности действующей нормативно-правовой материи в контексте ее возможного упорядочения и систематизации.

Прежде всего определение структуры процессуального законодательства об административных правонарушениях невозможно без обращения к положениям действующих нормативных актов и рассмотрения соответствующих сфер общественных отношений, т.к. все многообразие процессуальных норм должно подчиняться определенной логике внутреннего строения.

Раздел IV Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[1] (далее – КоАП РФ) содержит восемь глав, посвященных различным аспектам производства по делам об административных правонарушениях, при этом вопросы стадии исполнения вынесены в раздел V, объединяющий еще две главы. В то же время для определения структуры рассматриваемой системы законодательства представляют особый интерес нормы главы 23, посвященные определению круга судей, органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях.

Названная глава закрепляет полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях для судей четырех категорий (мировых, районных, арбитражных и военных судов), комиссий по делам несовершеннолетних и защите и прав, а также более чем четырехсот должностных лиц органов исполнительной власти, о точном круге которых КоАП РФ не позволяет составить полного представления[2]. Полномочия по возбуждению дел об административных правонарушениях отдельно установлены еще для более десяти должностных лиц.

Юридико-технический подход к правовой регламентации названных позиций выглядит небезупречным ввиду громоздкости составляющих главу норм и значительного количества отсылочных положений, что в совокупности затрудняет процесс правоприменения уполномоченными лицами и сводит к минимуму вероятность усвоения гражданами правовых норм, касающихся столь значимой для прав и свобод личности сферы, как применение административной ответственности, интенсивность правоограничительного характера которой, как известно, в отдельных случаях может превосходить уголовную ответственность, ввиду чего особенно нуждается в прозрачном механизме реализации[3]. С одной стороны, данная задача очевидно невыполнима ввиду многогранности административной ответственности и широкого многообразия сфер общественных отношений, в которых она применяется, а также обширного круга уполномоченных органов власти и должностных лиц, которыми она реализуется. С другой стороны, опреде-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2026. № 30, ст. 4094.

[2] Указание точного числа должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, затруднительно ввиду наличия прямого указания на открытые категории (например, «и другие сотрудники полиции, на которых возложен надзор за соблюдением соответствующих правил…» (п. 4 ч. 2 ст. 23.3 КоАП РФ); «иные должностные лица таможенных органов, уполномоченные на проведение таможенного контроля…» (п. 5 ч. 2 ст. 23.8 КоАП РФ).

[3] Речь идет о размере административного штрафа, который может превосходить штраф в уголовном праве.

ление вертикальной и горизонтальной структуры процессуального законодательства об административной ответственности не только представляет собой теоретический интерес, но также имеет перспективу повысить эффективность правоприменения в случае отдельного нормативного закрепления сфер общественных отношений, в которых применяется административная ответственность, а также категорирования должностных лиц, уполномоченных на возбуждение и рассмотрение соответствующих дел.

Используя подход к горизонтальной структуре процессуального законодательства об административных правонарушениях, включающей сферы общественных отношений, в которых применяется административная ответственность, а также подход к вертикальной структуре, включающей органы власти и должностных лиц, уполномоченных на рассмотрение и возбуждение дел об административных правонарушениях, можно получить две классификации.

Более сотни направлений общественных отношений, обеспеченных мерами административной ответственности и соответствующими полномочиями должностных лиц, содержатся в сложной, разветвленной системе норм главы 23 КоАП РФ. Многочисленные отсылки к составам административных правонарушений, на первый взгляд, могут сформировать представление о соответствующих сферах общественных отношений, следуя логике соотношения между наименованием главы Кодекса, содержащей ту или иную статью, и родовым объектом административного правонарушения. В то же время более точным, хоть и сложным в получении структуры, здесь выглядит видовой объект правонарушения, позволяющий более предметно обратиться к соответствующей правонарушению сфере общественных отношений, а не области, которая может включать множество таких сфер [2, с. 86–87]. Таким образом, на основе анализа норм, отсылающих к составам административных правонарушений и объединения их в укрупненные группы, можно сформировать горизонтальную структуру процессуального законодательства об административных правонарушениях, включающую в себя ряд сфер общественных отношений, объединяющих права, свободы и направления деятельности. Отправной точкой такой структуры выступила Конституция РФ, в частности нормы главы 2, последовательно закрепляющей права и свободы человека и гражданина. Итак, был выделен ряд основных и вспомогательных объектов, содержащихся в главах КоАП РФ и прямо или косвенно связанных с основными: сфера личных неотчуждаемых прав и свобод человека (гл. 5); имущественная сфера (гл. 7); общественно-политическая сфера (гл. 5, 17); сфера защиты семьи, материнства и детства (гл. 6); сфера охраны здоровья (гл. 6, 10); сфера взаимоотношений граждан с органами власти (гл. 19); экономическая сфера (гл. 14, 15); сфера охраны окружающей среды (гл. 8); культурная сфера (гл. 7, 19); сфера транспорта и связи (гл. 11–13); финансово-бюджетная сфера (гл. 15); сфера обеспечения национальной безопасности (гл. 18, 20, 21).

Предложенная структура носит обобщенный, условный характер и не претендует на роль бесспорной и окончательной, однако представляет

собой попытку упорядочения значительного нагромождения отсылочных норм, устанавливающих полномочия различных субъектов по рассмотрению дел об административных правонарушениях и составляющих наибольший удельный вес процессуального законодательства об административных правонарушениях, объединенного положениями КоАП РФ, но выходящего далеко за его пределы.

Примечательно, что отдельные составы административных правонарушений направлены на защиту общественных отношений сразу в нескольких сферах (например, ст. 5.42 – в сферах трудовых прав и прав инвалидов, ст. 6.21.2 – в сферах защиты прав несовершеннолетних, общественной нравственности, традиционных ценностей, ст. 11.24 – в сфере транспорта и прав инвалидов и т.д.).

На необходимость подобной структуризации, которая может стать отправной точкой в пересмотре логики изложения статей КоАП РФ, указывает, помимо прочего, хаотичность в закреплении составов административных правонарушений в смысле отсутствия последовательной связи со сферами соответствующих общественных отношений. Например, глава 5, закрепляющая ответственность за административные правонарушения, посягающие на права граждан, последовательно фиксирует составы в сфере законодательства о выборах и референдумах, затем о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, после – о трудовых правах, затем о правах несовершеннолетних и нетрудоспособных родителей, затем снова в сфере законодательства о выборах и референдумах и т.д. Полагаем, что данная ситуация в значительной степени объясняется многочисленными дополнениями в текст КоАП РФ, однако изначальный подход к изложению, усугубляемый продолжающимися поправками, делает восприятие текста правовой нормы все более сложным, что не может идти на пользу должностным лицам, применяющим положения КоАП РФ, но что хуже всего – гражданам, чьи права такие положения затрагивают и сложная структура которых значительно снижает шансы на самостоятельное, при отсутствии юридического образования, эффективное восприятие текста документа.

Вертикальная структура процессуального законодательства об административных правонарушениях может быть выстроена исходя из определения круга органов власти, представители и должностные лица которых уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях. Наряду с общими положениями КоАП РФ, деятельность каждого из таких субъектов, число которых насчитывает порядка 80, регулируется соответствующими ведомственными нормативными правовыми актами. Деятельность данных субъектов осуществляется в таких сферах, как:

судебная система (судьи всех уровней);

правоохранительная деятельность (деятельность органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, военной полиции, национальной гвардии);

экономическая сфера и статистика (деятельность налоговых, таможенных, антимонопольных органов, Банка России, органов статистического учета, деятельность в сфере защиты прав потребителей);

экологическая сфера (экологический, земельный, водный, лесной надзор);

сельское хозяйство (ветеринарный и фитосанитарный надзор, контроль за ГМО);

промышленность и энергетика (энергетический надзор, промышленная безопасность, использование атомной энергии);

транспорт (транспортный надзор);

строительство и жилищно-коммунальное хозяйство (строительный, жилищный надзор);

информация и связь (контроль в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций);

пожарная безопасность и гражданская оборона, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;

здравоохранение и социальная защита;

надзор за объектами культурного наследия;

военный учет и оборонный заказ;

регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, миграционный учет;

противодействие легализации доходов и финансированию терроризма;

контроль закупок;

деятельность иных специализированных органов (комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов исполнительной власти городов федерального значения и субъектов РФ).

Точного пересечения с горизонтальной структурой в данном случае не наблюдается, что объясняется прежде всего межотраслевым характером множества составов административных правонарушений, позволяющим относить их сразу к нескольким категориям в горизонтальной плоскости, а также возможной подведомственностью различным структурам в вертикальной плоскости (например, в случае возможности рассмотрения дела об административном правонарушении как уполномоченным органом исполнительной власти, так и судом).

Отдельно следует обратить внимание на круг лиц, уполномоченных на возбуждение дел об административных правонарушениях, которые могут быть условно объединены по сфере деятельности:

прокурорский надзор и финансовый контроль;

охрана общественного порядка;

атомная энергетика;

оборот драгоценных металлов и камней;

контроль в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций;

деятельность некоммерческих организаций, в том числе общественных объединений и религиозных организаций.

Подводя итог изложенному, следует отметить комплексный, межотраслевой характер процессуального законодательства об административных правонарушениях, который вкупе со сложной структурой субъектов, уполномоченных на рассмотрение соответствующих дел, указывает на необходимость продолжения исследований, результаты которых смогут ответить на вопрос о перспективе развития указанной сферы. На текущем этапе развития законодательства об административных правонарушениях коренное изменение его структуры, в том числе посредством разделения КоАП РФ, представляется недостаточно обоснованным, принимая во внимание

неизбежное возникновение новых противоречий, соразмерных по масштабу радикальности изменений.

В то же время представляется бесспорной возможность учитывать предложения, направленные на эволюционное развитие процессуального законодательства об административных правонарушениях, учитывающее непрерывное развитие и усложнение административной ответственности и обеспечиваемых ею сфер общественных отношений. Целесообразной выглядит отдельное нормативное закрепление предложенной горизонтальной и вертикальной структуры процессуального законодательства об административных правонарушениях в кодифицированном акте либо отдельном федеральном законе об административных производствах, который, в частности, мог бы урегулировать вопросы производства по делам об административных правонарушениях. Вне зависимости от траектории развития законотворческой политики в отмеченном направлении, очевидна необходимость ее реализации как с учетом результатов современных научных дискуссий, пока далеких от своего завершения, так и признанных достижений отечественного административного права.

Библиографический список

1. *Конин Н.М.* Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 448 с.

2. *Кротов К.С.* Административная ответственность за правонарушения в сфере защиты конкуренции: монография / под ред. А.Ю. Соколова. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2025. 224 с.

Reference

1. *Konin N.M.* Administrative Law of Russia: textbook. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Prospekt, 2010. 448 p.

2. *Krotov K.S.* Administrative responsibility for offenses in the field of competition protection: a monograph / edited by A.Y. Sokolov. Saratov: Publishing house of the Sarat. State Law akad., 2025. 224 p.

В.В. Кулачков,
доктор исторических наук, профессор кафедры
философии, истории и социологии
Брянского государственного
инженерно-технологического университета

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Аннотация. Правовое просвещение в первой трети XX в. представляет собой сложный и противоречивый процесс, находившийся под сильным влиянием политических сдвигов того времени. Предметом исследования выступили процессы, механизмы и формы правового просвещения в Российской империи. В статье использовался историко-правовой метод правового регулирования, который позволил увидеть специфику правового просвещения в первой трети XX в. Целью работы выступает рассмотрение специфики правового просвещения в первой трети XX в.

Автор приходит к выводу, что в изучаемый период достаточно активно осуществлялось правовое просвещение, популяризация права и закона. Однако низкий уровень культуры и грамотности большинства населения, дефицит юридических кадров затрудняли правовое просвещение и минимизировали достигнутые результаты.

Ключевые слова: правовое просвещение, правовое сознание, популяризация права и закона.

V.V. Kulachkov,
Doctor of History, Professor, Bryansk State
Engineering and Technology University

SPECIFICS FEATURES OF LEGAL EDUCATION IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

Abstract. Legal education in the first third of the 20th century represents a complex and contradictory process that was under the strong influence of the political shifts of that time. The subject of the study comprises the processes, mechanisms and forms of legal education in the Russian Empire. The article uses the historical legal method, which made it possible to see the specific features of legal education in the first third of the 20th century. The purpose of the work is to examine the specific features of legal education in the first third of the 20th century. The author concludes that during the period under study legal education and the popularization of law and legislation were carried out quite actively. However, the low level of culture and literacy of the majority of the population and the shortage of legal personnel hindered legal education and minimized the results achieved.

Keywords: legal education, legal consciousness, popularization of law and legislation.

В первой трети XX в. достаточно активно осуществлялось правовое просвещение, популяризация права и закона. Одним из ис-

следователей правовой тематики являлся французский ученый М. Тисье. По его мнению, «после революции 1905 года новая литература для “народа” распространяется в условиях многократного увеличения спроса и ослабления цензуры… Новые авторы постараются разъяснить не только понятие права, но прежде всего тот факт, что русские обладают правами» [1, с. 41]. Известный ученый С.С. Алексеев отмечает, что «наряду с рассмотрением сложных проблем права начальное и первостепенное значение имеет правовое просвещение» [2, с. 248]. Исследователи М.А. Истомин и А.В. Нечкин придерживаются мнения, что «правовое просвещение является одним из основных способов воспитания гражданского общества и, как следствие, создания правового государства, построение которого невозможно без высокого уровня массового правосознания» [3, с. 27].

В изучаемый период правовое просвещение было связано прежде всего с деятельностью властных структур [4, 5]. В частности, в дореволюционной России функционировали бесплатные общедоступные курсы и народные университеты. На рубеже XIX–XX вв. предпринимались попытки популяризации юридических знаний, которые выражались в публикации брошюр, разъяснявших положения действующего законодательства и судебной практики. Упомянутый исследователь М. Тисье пришел к выводу, что «на самом деле реально перспективными были только официальная или полуофициальная популяризация действующего законодательства. Для их осуществления предоставлялись различные возможности, в первую очередь аграрная реформа Столыпина, начавшаяся в 1906 г., … кроме того, желание популяризировать полезные правовые понятия могло также основываться на росте числа просветительских публикаций по агрономии или экономике сельского хозяйства» [6, с. 58–59].

По мнению ученого, «в Российской империи рубежа XIX и XX веков предполагаемое юридическое невежество русских было распространенным предметом озабоченности. Именно в этом духе, в соответствии с упомянутым выше представлением, был создан в 1902 году в Санкт-Петербурге новый еженедельный журнал “Юрист”. В известном противоречии с названием, журнал был обращен не к профессионалам-юристам, а, если верить заявлениям редакции, к широкой публике» [7].

В других дореволюционных периодических изданиях также уделялось внимание правовой проблематике. Так, начиная с 1914 г. ежемесячно публиковался журнал «Особые суды для малолетних и борьба с детской безнадзорностью», в котором публиковались материалы о правовой воспитательной деятельности и поднимались вопросы о необходимости создания так называемого автономного законодательства.

В постреволюционный период при новой советской власти правовое просвещение характеризовалось усилением информационного характера, т.к. оно активно осуществлялось через средства массовой информации, где размещались официальные документы и пояснения должностных лиц. Так, 2 октября 1920 г. на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи в речи «Задачи союзов молодежи» В.И. Ленин высказался

о необходимости воспитания коммунистической нравственности у молодежи. Предполагалось, что только на личном опыте участия в практической реализации норм социалистического права вырабатывалась убежденность советской молодежи в правильности и необходимости развития правопорядка в стране [8].

Одновременно проводилась популяризация советского Основного закона – нормы конституции разъяснялись через чтение, т.к. это было актуально в связи с низким уровнем грамотности населения. При этом в образовательных учреждениях вводились правовые курсы, в центре внимания которых находилось изучение основ советского права. Например, в 1919 г. Г.А. Энгель стал автором первого советского учебника по социологии для школ, в котором преимущественно рассматривались вопросы взаимосвязи права и морали, роли правового воспитания. А.С. Макаренко сформировал свою воспитательную систему, положительное поведение детей по которой было связано с сознательным отношением к праву и дисциплине.

Все более активно к правовому просвещению привлекали действующих работников правоохранительных органов, т.к. укрепление советской власти в 1920-е гг. происходило параллельно с усилением указанных структур. Основу данной работы составила марксистско-ленинская идеология, что выражалось в так называемой революционной целесообразности и преобладании государственных интересов. Очевидно, что это было связано с ускоренным изменением общественного устройства и нормативно закреплялось в Декрете Совета народных комиссаров «О суде № 1» от 22 ноября 1917 г. Так, Г.М. Португалов отмечал, что «революционное правосознание – это известное объективное содержание права, а революционная совесть – это субъективная способность осознать и применить революционное правосознание, уверенность в соответствии ему» [9, с. 50]. Позже появилось понятие «социалистическое правосознание», которое, по мнению О.Д. Максимовой, стало рассматриваться как «один из правообразующих факторов и элемент советской идеологии» [10].

Одновременно развивалось юридическое образование, для которого были характерны целенаправленность, массовый характер и использование различных форм работы. К последним относились: лекции и беседы по правовой тематике, вечера вопросов и ответов юридического профиля, деятельность юридических консультаций, функционирование народных юридических университетов и т.д.

Для упорядочения обслуживания сельского населения юридической помощью предлагалось к каждому волисполкому прикрепить по одному защитнику [11, л. 85]. В 1925 г. было издано постановление Стародубского УИКа Брянской губернии, посвященное юридическим вопросам: «Советская власть учитывает нужду граждан в юридической помощи, т.е. нужду в руководстве и совете в тех случаях, когда возникает необходимость защищать или осуществлять свои права. Обязанности по оказанию такого рода помощи возложены Советской властью на особых лиц – защитников» [12, л. 2].

Данное постановление способствовало приближению права и закона к крестьянству, распространению пра-

вовых знаний. 1 сентября 1926 г. вышел циркуляр № 5 Брянского губернского суда «Об установлении однообразной системы организации юридической помощи населению». Предлагалось «организовать справочно-юридические столы при каждой избе-читальне и клубе, где они еще не организованы. На обязанности означенных столов лежит, кроме выдачи справок бытового и культурно-просветительного характера, оказывать трудящемуся населению первичную юридическую помощь: устные советы по правовым вопросам, написание просителям простых письменных заявлений по простым и понятным вопросам в административные и судебные учреждения; направление просителей по сложным трудным вопросам в ближайшую общую юридическую консультацию» [13, л. 9–9 об.].

22 декабря 1928 г. состоялось заседание Брянского агитпропбюро, на котором посчитали необходимым создать юридическое бюро при Брянском Доме крестьянина из пяти человек, представляющих Губсуд, Губпрокуратуру, Губполитпросвет, Дом крестьянина, Президиум коллегии защитников. В положении о юридических бюро при Домах крестьянина (Бежицкий уезд) указывалось, что в целях организации и проведения работы по оказанию юридической помощи и распространению правового просвещения среди крестьянского населения при Домах крестьянина образуются юридические бюро [Там же, л. 52 об., 52а]. М. Тисье отмечает, что «периодические публикации, предназначенные для крестьян, как официальные, так и неофициальные, содержали рубрики юридических консультаций, которые пользовались несомненным успехом» [6, с. 58–59].

В архивных материалах сохранились сведения, посвященные деятельности Домов крестьянина в контексте правового просвещения. Например, в положении о Брянском окружном Доме крестьянина указывалось, что «окружной ДК ставит своей задачей обслуживание батрачества, бедняцких, середняцких масс крестьянства и колхозников округа в культурно-просветительном отношении… содействие быстрейшему разрешению вопросов, связанных с нарушением революционной законности, колхозного и кооперативного строительства… Наряду с облегчением батрачеству, бедноте и середняцким массам и колхозникам округа скорейшего разрешения всех вопросов. ДК служат также местом дешевой остановки и ночлега для прибывающих в г. Брянск по общественным и личным делам батраков, бедноты, середняков, колхозников и сельских работников партийных, советских и кооперативных и других общественных организаций» [14, л. 10].

Однако в работе Домов крестьянина, как и в любом деле, были свои плюсы и минусы. Так, в выписке из протокола № 23 заседания Президиума Брянского окружного исполкома Советов Западной области от 25 ноября 1929 г. сохранился доклад о работе и состоянии Дома крестьянина (зав. Домом крестьянина – тов. Никитенко). В нем указывалось, что необходимо «отметить увеличение за истекший год пропуска крестьян через Дом крестьянина и их участие в лекциях, беседах, кино и т.д. Обслуживание приезжающих крестьян консультациями и буфетом, улучшение материального и санитарно-гигиенического состояния Дома крестьянина (ремонт его и увеличение

комплекта белья). Одновременно отметить – слишком малое посещение Дома крестьянина, что является основным тормозом во всей работе, как-то: неудовлетворяемость приезжающих крестьян помещением и культурным обслуживанием» [14, л. 5]. В итоге постановили, что надо «проработать вопрос о расширении существующего Дома крестьянина и строительстве новых Домов крестьянина в районах округа… улучшить культработу ДК, организовав выставки, экскурсии, диспуты и т.д.» [Там же, л. 5 об.].

В 1928 г. стал выходить в свет журнал «Крестьянский юрист», который издавался один раз в две недели и главной задачей которого стала юридическая помощь жителям деревни. Это было одно из первых специализированных изданий в СССР, которое ставило перед собой задачу правового просвещения крестьян и оказания им практической помощи в решении правовых вопросов. В других средствах массовой информации также уделялось внимание пропаганде правовых знаний. Так, в газете «Наша деревня» от 25 января 1928 г. № 11 (245) размещена заметка «Юридическая консультация». В ней указывается, что «Почепской уездной прокуратурой и уполномоченным губсуда организована юридическая консультация при учпункте допризывников, на которой сделано до 20 докладов по различным юридическим вопросам и советскому праву» [15, с. 6]. В связи с этим следует заметить, что прокуратура играла весьма значительную роль в плане защиты прав крестьян [16, 17].

При этом прокуратура, как и другие правоохранительные органы, в первую очередь ориентировалась на руководящие указания партии, поэтому соответствие закону и праву было вторичным. Так, по мнению В.И. Исаева и Д.Ю. Михеева, «…прокуратура стала, прежде всего, органом, используемым партийным аппаратом для решения политических задач. Функции защиты законности в ее деятельности могли выполняться только в ограниченных рамках, определяемых партийными органами» [18, с. 101]. А.М. Евстратов считает, что главной причиной слабого развития правовой культуры было расхождение ведомственных интересов с общегосударственными интересами и потребностями, что выражалось в почтительном отношении к закону на словах и нигилистическом в действительности [19].

В архивных материалах содержится информация о различных видах деятельности в правовой сфере. Так, в плане работы по пропаганде права Брянской губернии на июль–сентябрь 1927 г. указывалось, что Губбюро необходимо произвести следующую работу: «обслуживать юридическую консультацию Дома крестьянина; при выездах на места произвести обследование и инструктирование соответствующих Бюро и по возможности консультаций и справочных столов изб-читален; членам коллегии защитников, находящимся в городе, выехать каждому по одному разу в деревни, где устроить летучую юридическую консультацию и сделать доклады на правовые темы и провести беседы или вечера вопросов и ответов и т.д.» [20, л. 2].

При этом самокритика присутствовала в документах изучаемого периода. Так, в циркуляре Брянского губсуда от 29 ноября 1926 г. всем избам-читальням и Домам крестьянина Бежицкого уезда, волбюро по оказа-

нию юридической помощи населению содержится следующая информация: «вопрос организации оказания юридической помощи населению является вопросом большой важности в нашей общей работе, об этом свидетельствуют постановления наших законодательных органов и еще ярче вопросы самих масс. Нечего и говорить, что эту работу в особенности в деревне можно наладить только при дружных усилиях работников суда и всех общественных и культурных учреждений и организаций. Первым звеном в этой работе в деревне является изба-читальня, можно сказать, что в этой области мы мало что-либо сделали или в худшем случае совсем ничего» [21, л. 19].

Одновременно в работе, связанной с правовым просвещением, далеко не всегда все получалось. Доказательства этого тезиса можно найти в архивных материалах заседания агитационно-пропагандистской коллегии Почепского Укома ВКП (б), которое состоялось 12 июня 1928 г. Из доклада уездного бюро о пропаганде права было ясно, что многие не знали о существовании волостных бюро, поэтому за разными справками обращались к адвокатам [22, л. 87–89]. В связи с этим можно согласиться с С.А. Есиковым, что «культурная отсталость и элементарная безграмотность крестьянских масс затрудняли понимание ими закона» [23, с. 112]. При этом существовал и дефицит квалифицированных кадров по юридической специальности [24].

Таким образом, в изучаемый период достаточно активно осуществлялось правовое просвещение, популяризация права и закона. Например, организовывались справочно-юридические столы, развивалось адвокатское сообщество, вели социоправовую деятельность Дома крестьянина. Кроме того, в периодических изданиях функционировали рубрики юридических консультаций, публиковался журнал «Крестьянский юрист». Однако низкий уровень культуры и грамотности большинства населения, дефицит юридических кадров затрудняли правовое просвещение и минимизировали достигнутые результаты.

Библиографический список

1. *Тисье М.* Право для народа: популяризация права в России на пороге XX века // Вестник гуманитарного университета. 2021. № 3 (34). С. 30–44.

2. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 8. 480 с.

3. *Истомин М.А., Нечкин А.В.* Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 26–33.

4. *Кулачков В.В., Федоров С.Г.* Деятельность структур советского государства в сфере правовой пропаганды (на материалах Брянской губернии 1920-х гг.) // Правовая культура России: прошлое и настоящее: матер. всерос. науч.-практ. конф. (г. Брянск, 8 декабря 2017 г.). Брянск, 2017. С. 26–35.

5. *Кулачков В.В., Рябова Т.И., Конова В.И.* Популяризация правовых знаний в сельской местности Брянской губернии в 1920-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 2. С. 26–32.

6. *Тисье М.* Кризис либеральной правовой культуры России после 1905 года: «педагогика свобод» и юридическое просвещение // Вестник гуманитарного университета. 2020. № 1 (28). С. 40–60.

7. *Тисье М.* Какое юридическое просвещение нужно в России? Переход от популяризации права к популяризации гражданских прав // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 3 (34). С. 30–44.

8. *Быданов Н.М.* Историография проблемы правового воспитания обучающихся в отечественной педагогической практике // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 3. С. 1–9.

9. *Португалов Г.М.* Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, 1922. 50 с.

10. *Максимова О.Д.* Революционное правосознание как источник советского права и законодательства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9–2(47). С. 88–94.

11. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 355. Оп. 1. Д. 223.

12. ГАБО. Ф. 610. Оп. 6. Д. 17.

13. ГАБО. Ф. 1013. Оп. 1. Д. 47.

14. ГАБО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 216.

15. Наша деревня. 1928. 25 янв. № 11 (245).

16. *Кулачков В.В.* Влияние деятельности прокуратуры на правовую культуру крестьян (на материалах Брянской губернии 1920-х гг.) // Право и государство: история и современность, перспективы развития: сб. матер. I Всерос. науч.-практ. конф. (28 сентября 2017 г., г. Стерлитамак). Уфа, 2017. С. 261–264.

17. *Кулачков В.В.* Роль прокурорских органов в защите прав крестьян (на материалах Брянской губернии 1920-х гг.) // История государства и права. № 21, 2017. С. 23–26.

18. *Исаев В.И., Михеев Д.Ю.* Прокуратура Сибири в 1922–1929 годах: иллюзия независимости и реальная практика // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18, № 1. С. 89–104.

19. *Евстратов А.М.* Правосознание и правовая культура в период формирования Советского государства в 1920–1930-е годы: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 39 с.

20. ГАБО. Ф. 772. Оп. 1. Д. 843.

21. ГАБО. Ф. 772. Оп. 1. Д. 493.

22. ГАБО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 817.

23. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 244 с.

24. *Кулачков В.В.* Особенности нотариальной деятельности в 1920-е гг. (историографический ракурс) // Правовая культура России: прошлое и настоящее: матер. III Всерос. науч.-практ. конф. (Брянск, 1 декабря 2021 г.) / под ред. В.В. Кулачкова. Брянск: БГИТУ, 2021. С. 36–40.

Reference

1. *Tissier M.* Law for the People: Popularizing Law in Russia on the Eve of the 20th Century // Bulletin of the Humanitarian University. 2021. No. 3 (34). P. 30–44.

2. *Alekseev S.*S. Collected Works: in 10 vols. Moscow: Statut, 2010. Vol. 8. 480 p.

3. *Istomin M.A., Nechkin A.V.* Legal Education in Russia: Modern problems of theory and practice // Legal Bulletin of Samara University. 2021. Vol. 7, no. 2. P. 26–33.

4. *Kulachkov V.V., Fedorov S.G.* The activities of Soviet state structures in the sphere of legal propaganda (based on materials from the Bryansk Governorate in the 1920s) // Legal

Culture of Russia: Past and Present. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Bryansk, December 8, 2017). Bryansk, 2017. P. 26–35.

5. *Kulachkov V.V., Ryabova T.I., Konova V.I.* Popularization of legal knowledge in the rural areas of the Bryansk Governorate in the 1920s // Lokus: people, society, cultures, meanings. 2017. No. 2. P. 26–32.

6. *Tisseyre M.* The Crisis of Russia's Liberal Legal Culture after 1905: "Pedagogy of Freedom" and Legal Enlightenment // Vestnik Gumanitarnogo Universiteta. 2020. No. 1 (28). P. 40–60.

7. *Tissier M.* What kind of legal education is needed in Russia? The transition from popularizing law to popularizing civil rights // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2021. No. 3 (34). P. 30–44.

8. *Bydanov N.M.* Historiography of the problem of legal education of students in domestic pedagogical practice // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2022. Vol. 10, no. 3.

9. *Portugalov G.M.* Revolutionary Conscience and Socialist Legal Consciousness. Saint Petersburg, 1922. 50 p.

10. *Maksimova O.D.* Revolutionary legal consciousness as a source of Soviet law and legislation // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice. 2014. No. 9–2 (47). P. 88–94.

11. The State Archive of the Bryansk region (GABO). F. 355. Op. 1. D. 223.

12. GABO. F. 610. Op. 6. D. 17.

13. GABO. F. 1013. Op. 1. D. 47.

14. GABO. F. 89. Op. 1. D. 216.

15. Our village. 1928. 25 January. No. 11 (245).

16. *Kulachkov V.V.* The influence of the prosecutor's office on the legal culture of peasants (based on the materials of the Bryansk province of the 1920s) // Law and the State: history and modernity, development prospects. Collection of materials from the I All-Russian Scientific and Practical Conference (September 28, 2017, Sterlitamak). Ufa, 2017. Pp. 261–264.

17. *Kulachkov V.V.* The role of prosecutorial bodies in protecting the rights of peasants (based on materials from the Bryansk Governorate in the 1920s) // History of State and Law. 2017. No. 21. P. 23–26.

18. *Isaev V.I., Mikheev D.Yu.* The Siberian Prosecutor's Office in 1922–1929: the Illusion of Independence and Real Practice // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History, Philology. 2019. Vol. 18, no. 1. P. 89–104.

19. *Evstratov A.M.* Legal awareness and legal culture during the formation of the Soviet state in the 1920s and 1930s: A historical and theoretical study: abstr. of the dis. ... doct. of legal sciences. Saint Petersburg, 2001. 39 p.

20. GABO. F. 772. Op. 1. D. 843.

21. GABO. F. 772. Op. 1. D. 493.

22. GABO. F. P-8. Op. 1. D. 817.

23. *Esikov S.A.* The Russian Village in the Years of the NEP. On the issue of alternatives to Stalinist collectivization (based on materials from the Central Black Earth Region). M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation "Boris Yeltsin Presidential Center", 2010. 244 p.

24. *Kulachkov V.V.* Features of Notarial Activity in the 1920s (a historiographical perspective) // Legal Culture of Russia: Past and Present: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (Bryansk, December 1, 2021) / ed. by V.V. Kulachkov. Bryansk: BGITU, 2021. P. 36–40.

Е.С. Лапин,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры криминалистики
Саратовской государственной юридической академии

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена частной криминалистической теории планирования, ее философскому основанию, а также философскому осмыслению современного состояния планирования расследования преступлений в смысле обозрения общего воззрения на планирование в указанной сфере деятельности человека. Предметом исследования является понимание закономерностей познания, которые лежат в основе мыслительной деятельности следователя. Цель работы – объяснить, почему планирование расследования преступлений не урегулировано нормами уголовно-процессуального закона. Методологическую основу исследования составили общелогические методы познания. Новизна работы: показать, в чем состоит научная основа планирования расследования преступлений. Делается вывод о том, что поскольку планирование – ключевой момент теоретического мышления, а философия – это наука, в частности, об общих законах развития мышления, то, следовательно, у планирования расследования преступлений наличествует философская основа. Практическая значимость работы состоит в указании на то, что важно в погоне за искусственным интеллектом при планировании расследования преступлений не потерять естественное мышление. Выводы: планирование расследования преступлений как элемент научной организации труда следователя имеет твердую научную основу в лице философии сознания.

Ключевые слова: планирование расследования преступления, план расследования преступления, принципы планирования расследования, динамичность планирования, формы мышления, теоретическая форма деятельности мышления, практическая форма деятельности мышления, распознавание объектов, научная организация труда следователя, искусственный интеллект.

E.S. Lapin,
Candidate of Law, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Criminalistics,
Saratov State Law Academy

PHILOSOPHICAL FOUNDATION OF CRIME INVESTIGATION PLANNING

Abstract. The article is devoted to the private criminalistic theory of planning, its philosophical foundation, as well as to the philosophical comprehension of the current state of crime investigation planning, in the context of a general approach to planning in the said sphere of human activity. The subject of the study is the understanding of the regularities of cognition that underlie the mental activity of the investigator. The purpose of the work is to explain why crime investigation planning is not regulated by the norms of criminal procedure law. The methodological basis

of the study comprises general logical methods of cognition. Novelty of the work: to show what constitutes the scientific foundation of crime investigation planning. A conclusion is drawn that, since planning is a key element of theoretical thinking, and philosophy is a science, in particular, of the general laws of the development of thinking, there is therefore a philosophical foundation for crime investigation planning. The practical significance of the work lies in pointing out that it is important today, in the pursuit of artificial intelligence in crime investigation planning, not to lose natural thinking. Conclusions: crime investigation planning, as an element of the scientific organization of the investigator's labor, has a solid scientific foundation in the form of the philosophy of consciousness.

Keywords: crime investigation planning, crime investigation plan, principles of investigation planning, dynamism of planning, forms of thinking, theoretical form of thinking activity, practical form of thinking activity, object recognition, scientific organization of the investigator's labor, artificial intelligence.

В современной учебной литературе планирование расследования преступлений определяют, в одних случаях, как «способ научной организации расследования уголовного дела, осуществляемого следователем на основе предвидения предстоящей работы, и состоящего в рациональном распределении сил, времени и средств, необходимых для достижения целей уголовного судопроизводства» [1, с. 253]; в других случаях, авторы пишут о «планировании расследования как мыслительном процессе, заключающемся в определении содержания и порядка работы по установлению всех обстоятельств совершенного преступления и изобличения виновных в строгом соответствии с требованиями закона и с наименьшей затратой времени и сил» [2, с. 182].

Первое определение, на наш взгляд, верно, но требует уточнения. Во-первых, планирование осуществляется не только в отношении расследования уголовного дела в целом, но и отдельных следственных действий, в том числе проводимых до возбуждения уголовного дела; а во-вторых, практикуется планирование по нескольким уголовным делам, когда составляется сводный (календарный) план на период в семь дней, который содержит распределенный по соответствующим дням и времени перечень процессуальных и иных действий, намеченных следователем для исполнения по разным уголовным делам, одновременно находящимся у него в производстве.

Рассматривать планирование можно и как мыслительный процесс. Почему так и какой именно это мыслительный процесс или мышление? – за ответами на эти вопросы, коль скоро нашей целью является рассмотрение философских основ криминалистической теории планирования, обратимся к понятию и закономерностям мышления, которыми оперирует философия.

Поскольку планирование есть мыслительный процесс, то первый вопрос, на который нужно дать ответ, это – что есть мышление.

Гегель писал, что «мыслящий разум – вот определение человека; мышление вообще есть его простая определенность, ею человек отличается от животного… Человек есть мышление, он налично сущ как мыслящий, оно его существование и действительность». Далее он отмечает: «Так как мышление имеется в его наличном бытии, а его наличное бытие – в мышлении, то оно конкретно, его следует брать имеющим содержание и наполненным…» [3, с. 127]. На востоке говорят, что

«если человеку прикажут не видеть, он закроет глаза и ничего не увидит; если ему велят не говорить, он может закрыть рот и молчать; если ему прикажут не слышать, он заткнет уши и ничего не услышит; но если прикажут: перестань мыслить – он ничего не сможет с собой поделать, ибо тут уже не́чего закрывать. И что бы не делали с ним, он все равно не разучится мыслить» [4, с. 125]. Ф. Энгельс назвал человека высшим продуктом органической материи, как он выразился – «мыслящий дух», а «мышление сознательных существ – одно из многообразных форм движения материи, ее высшая форма» [5, с. 7].

Мышление в самом общем его определении – это вся та деятельность человека, опосредованная его сознанием. Сознание наполнено знаниями и состоит из них. Сознание каждого человека содержит знание как об окружающем его мире, так и о самом себе как о реальном объекте, существующем в системе этого мира. Опираясь на свои знания, человек планирует и осуществляет всю свою деятельность.

Откуда попадают эти знания в сознание человека, сам человек не задумывается. Для него важно наличие в его голове этих знаний и то, что он может данные знания использовать для обеспечения (поддержания) своей жизни. Люди сами произвели эти знания, они не даны были им от рождения или Богом. Все те знания, что создали люди, используются ими прежде всего для того, чтобы с их помощью изменять, преобразовывать окружающую реальность, делая ее более удобной для жизни, изменяя ее в своих целях.

Из философии известно, что существуют две формы деятельности мышления человека – теоретическая и практическая. Посредством практической деятельности человек объективизирует результаты своих теоретических знаний. В ходе теоретической деятельности человек познает окружающий мир, производит знания как таковые, а в процессе практической деятельности сознание человека, опираясь на знания, преобразует, изменяет действительность. Теоретическую деятельность осуществляет интеллект человека, а практическую – его воля. Теоретическая деятельность человека нацелена на получение знаний об окружающем мире.

Переход между теоретической и практической деятельностью мышления человека содержит в себе еще два промежуточных вида деятельности мышления. Первая – деятельность распознавания объектов. Созданные человеком знания используются для того, чтобы распознавать окружающие человека объекты при каждой новой встрече с ними, а эта встреча происходит, можно сказать, ежедневно. Каждый раз следователь, приходя на службу, распознает объекты (например, технико-криминалистические средства), которые нужны ему для расследования преступления, т.е. следователь соотносит их созерцаемый образ с тем представлением и понятием этих объектов, которые есть у него в голове. Зачем нужно такое распознавание? Оно нужно для того, чтобы человек мог использовать эти объекты сообразно их предназначению, т.е. сообразно тому знанию, которое имеет человек о них. Для того, чтобы знания соответствовали объекту, например, научно-техническому средству, с которым имеет дело следователь, как раз и существует процедура распознавания.

Отличие распознавания от собственно познавательной деятельности заключается в том, что при познании человек имеет созерцательный образ объекта в данный момент, но при этом человек не имеет еще о нем понятия, которое ему предстоит создать. При распознавании человек имеет в голове как образ воспринимаемого в данный момент объекта, так и его понятие. Пусть даже это понятие объекта не очень четкое, но этот объект человеку знаком, поэтому задача мышления в данном случае состоит в том, чтобы подвести данный образ (образ данного объекта) под одно из уже имеющихся у человека понятий. Человек находит в образе данного объекта какие-то отличительные признаки, по которым соотносит образ с тем понятием, в котором также содержатся эти признаки. Например, если созерцаемый (осматриваемый) следователем объект имеет ствол, рамку, затвор, ствольную коробку, барабан, стало быть перед ним – огнестрельное оружие (револьвер); а если объект имеет рукоять, соединенную с протяжной металлической полосой с острием, обухом, пятой, долом и лезвием на ней, то это – клинковое холодное оружие. При этом следователь не производит никаких новых знаний, а использует лишь те, которые имеются у него.

Переходный (промежуточный) вид деятельности мышления – при переходе от теоретической к практической форме мышления – это планирование (или проектирование), целью которого является разработка плана действий с данным объектом или посредством него. Например, первый вариант – план на сегодняшний день или на ближайшие дни, что и как будет делать человек с данным объектом; второй вариант – это разработка плана обновления, перестройки самого этого объекта, т.е. каким хочет человек его видеть. Далее, согласно данному плану, человек переделывает, перестраивает этот объект с целью придать ему какой-либо новый облик или новые свойства. Планирование – не практическая деятельность, оно относится к теоретической, но при этом не является познавательным.

Итак, оба эти вида деятельности человеческого мышления – распознавание и планирование – относятся к чисто теоретической форме мышления. При этом их необходимо отличать от собственно познавательной деятельности мышления человека и отделять от нее. Если мы скажем, что наше мышление имеет теоретическую и практическую форму, то это достаточно поверхностное расчленение (деление). Необходимо понимать, что существуют еще и переходные формы деятельности мышления, которые имеют теоретическую форму, но при этом не относятся собственно к познанию.

Поэтому планирование расследования преступления есть процесс, к нему применяются философские положения о мышлении человека. Оно не относится к познанию и потому не выступает самостоятельным средством предварительного расследования. Можно рассматривать планирование как своего рода прием или способ, заключающийся в составлении письменных планов. Вот почему оно в предварительном расследовании может играть только служебную, вспомогательную роль и в уголовно-процессуальном смысле не имеет никакого значения.

План – результат планирования. Составление планов является неотъемлемой частью человеческого суще-

ствования. Человеческий мозг научился внутри себя планировать, причем делать он это должен с достаточной точностью и в мельчайших деталях, поскольку чем точнее будет разработан план действий, тем вероятнее получение желаемого или максимальное избегание непредвиденного результата. Любой следователь знает, что в детально разработанный план расследования жизнь непременно внесет свои коррективы. Действительно, если подойдем к самым тщательно разработанным планам расследования уголовных дел, то найдем, что здесь все еще имеет место существенное различие (несоответствие) между поставленными следователем целями расследования и достигнутыми результатами, часто преобладают непредвиденные последствия, случайность оказывается сильнее и перевешивает мысль человека, заложенную в план. Говоря не философским языком, а языком криминалистики, план расследования беспрестанно изменяется и дополняется, поскольку в ходе расследования становятся известными новые обстоятельства, возникают новые версии и вопросы, для выяснения которых следователь должен планировать другие процессуальные действия. Еще Ганс Гросс писал об этом так: «Если трудно составить себе план следствия, то еще труднее придерживаться этого плана в точности. … План следствия рассчитан на явления подвижные, изменяющиеся, часто совершенно неизвестные и отнюдь не зависящие от воли составителя плана. … План предварительного следствия строится на таких данных, которые следователь имел или предполагал иметь при составлении плана: этому плану надо следовать энергически, пока и данные, на которых он был построен, остались теми же или даже получили более осязательную форму. Но как только окажется, что основные данные изменились или были ложно поняты, то и план должен быть изменен весь или в частях» [6, с. 19]. По сути, этими словами Г. Гросс впервые сформулировал один из принципов планирования расследования – динамичность (гибкость) планирования, – означающий, что план нельзя рассматривать как нечто неизменное, что необходим обязательный учет постоянно изменяющихся следственных ситуаций, необходима своевременная корректировка плана расследования.

Планирование есть имманентное свойство человеческого мышления, по своему характеру относящегося к теоретической его форме, но направленное к практической деятельности. Следовательно, планирование расследования преступления есть теоретического характера мыслительный процесс следователя, основанный на имеющихся знаниях и фактических данных по делу и своих компетенциях, направленный на определение путей (направлений) осуществления предварительного расследования и разработку программы их реализации.

Как процесс планирование связано с анализом и синтезом той информации, которой располагает на данный момент следователь. Это утверждение находится в полном согласии с положением Ф. Энгельса о том, что «мышление состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в единство» [7, с. 41].

Теперь следовало бы перейти к рассмотрению вопроса об истории

возникновения феномена планирования расследования преступлений. Он важен не только потому, что весьма слабо освещен в специальной литературе, а потому, что история изображает произошедшие события и то, как историческое содержание само входит в криминалистическую теорию планирования расследования. Сама история возникновения планирования расследования научна и становится составной частью указанной частно-научной теории.

Мы ясно и отчетливо сказали, что является философской основой планирования расследования преступлений. Это освобождает нас от представления общего вывода. Однако вместо заключения – итогов или выводов – считаем нужным указать на следующее.

В последнее время довольно активно внедряется в следственную практику как средство научной организации труда (НОТ) следователя и составной ее части планирования расследования преступлений искусственный интеллект (ИИ). Данный термин ввел в научный оборот американский ученый Джон Маккарти (1927–2011) в 1956 г. для обозначения мыслительного процесса, производимого компьютером (ЭВМ) с соответствующим программным обеспечением по принципу схожести с мышлением человека. Им рассматривались отдельные философские проблемы с точки зрения ИИ.

В Советском Союзе со второй половины 1950-х гг. тоже шли активные разработки в этом направлении. Интересной выглядит одна шуточная новогодняя заметка в газете «Известия» за 1 января 1959 г. под названием «Чудеса? Нет, это наше завтра!», с подзаголовком «Происшествие». «Студент 4-го курса физического факультета МГУ Валерий Сорин был удален с зачета вместе с сконструированным им портативным приемно-передающим телевизором [сейчас это называется смартфоном с режимом ПК. – *Авт.*]. Сорин применил свой полупроводниковый телевизор, оформленный в виде книги, для связи с библиографическим центром университета. Передав заданный преподавателем вопрос электронному библиографу [сиречь ИИ. – *Авт.*], студент получил на экране своего телевизора изображение карточки [текст. – *Авт.*] с исчерпывающим ответом. В. Сорин <был> лишен права держать экзамены» [8, с. 4].

Алгоритм ИИ не может сравниться с мышлением человека. Если бы ИИ повел с человеком откровенную беседу, то он бы посетовал, что для него есть и останется непостижимой разница между им (ИИ) и мышлением (осознанным поведением) человека. Одним из риск-факторов, каковой непременно возникает при использовании ИИ в деятельности по расследованию преступлений, в частности при планировании расследования уголовных дел, является чрезмерное доверие к предложенному алгоритму (модели), которое приводит к принятию неправильных решений. ИИ – помощник следователя, его естественного мышления, и не более того.

Библиографический список

1. *Эксархопуло А.А.* Криминалистика: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. 477 с.

2. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А.Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 402 с.

3. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики / пер. с нем. Б. Столпнера; предисл. М. Розенталя; примеч. В. Брушлинского. М.: АСТ, 2018. 912 с.

4. *Слонов Н.* Купленная улыбка // Социалистическая законность. 1960. № 8.

5. *Энгельс Ф.* Диалектика природы / под ред. М.Б. Митина. М.: Госполитиздат, 1941. 338 с.

6. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики: пер. с нем. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1908. 1040 с.

7. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1961. 827 с.

8. Чудеса? Нет, это наше завтра! (Происшествие) // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1959. 1 янв. № 1 (12928).

Reference

1. *Exarkhopulo A.A.* Criminalistics: a textbook for universities / A. A. Exarkhopulo, I. A. Makarenko, R.I. Zainullin. Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. 477 p.

2. Criminalistics: a textbook for universities / edited by A. G. Filippov. 3rd ed., revised. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 402 p.

3. *Hegel G.W.F.* Science of Logic / translated from German by B. Stolpner; preface by M. Rosenthal; notes by V. Brushlinsky. Moscow: AST Publishing House, 2018. – 912 p.

4. *Slonov N.* Bought Smile // Socialist Legality. 1960. No. 8.

5. *Engels F.* Dialectics of nature / F. Engels; edited by M.B. Mitin; Marx–Engels–Lenin Institute. Moscow: Gospolitizdat, 1941. 338 p.

6. *Gross G.* A guide for judicial investigators as a system of criminalistics: translated from German. St. Petersburg: M. Merkushev's Type, 1908. 1040 p.

7. *Engels F.* Anti-Dühring. The Revolution in Science Produced by Eugen Dühring // Marx K., Engels F. Works. Vol. 20. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 827 p.

8. Miracles? No, this is our tomorrow! (Incident) // Izvestiya Sovetov Deputatov Trudyashchikh SSSR. 1959. January 1. No. 1 (12928).

В.Ю. Миронов,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры финансового, банковского
и таможенного права имени профессора
Нины Ивановны Химичевой Саратовской
государственной юридической академии

ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ БАНКА РОССИИ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена переходом банковского регулирования к риск-ориентированной модели и необходимостью правового обоснования дифференциации обязательных требований. Цель исследования – определить правовую природу пропорционального регулирования, отграничить его от риск-ориентированного надзора и предложить модель законодательного закрепления. Предмет исследования составляют нормы банковского законодательства, предусматривающие регулирование как форму реализации риск-ориентированного подхода в нормотворчестве Банка России. Использованы формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, проанализированы нормативные акты, доктрина и международные стандарты. Обосновано понимание пропорциональности как принципа дифференциации пруденциального регулирования; выявлены два контура пропорциональности (виды лицензий и режим системно значимых кредитных организаций) и три проблемы их правового регулирования. Предложена двухконтурная модель: принцип пропорциональности закрепляется в ст. 56 Закона о Банке России и ст. 24 Закона о банках, а методики конкретизируются актами Банка России с оценкой регулирующего воздействия и периодическим мониторингом критериев.

Ключевые слова: пропорциональное регулирование, риск-ориентированный подход, принцип пропорциональности, нормотворчество Банка России, пруденциальное регулирование, банковский надзор, системно значимые кредитные организации, оценка регулирующего воздействия.

V.Yu. Mironov,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Financial, Banking and Customs Law named after
Professor Nina Ivanovna Khimicheva,
Saratov State Law Academy

PROPORTIONAL REGULATION AS A FORM OF IMPLEMENTING THE RISK-ORIENTED APPROACH IN THE RULE-MAKING OF THE BANK OF RUSSIA

Abstract. The relevance is conditioned by the transition of banking regulation to a risk-oriented model and by the necessity of legal substantiation of the differentiation of mandatory requirements. The purpose of the study is to determine the legal nature

of proportional regulation, to delimit it from risk-oriented supervision, and to propose a model of legislative consolidation. The subject of the study comprises the norms of banking legislation providing for regulation as a form of implementing the risk-oriented approach in the law-making of the Bank of Russia. The formal legal, systemic-structural and comparative legal methods were used; normative acts, doctrine and international standards were analysed. The understanding of proportionality as a principle of differentiation of prudential regulation is substantiated; two contours of proportionality (types of licences and the regime of systemically important credit institutions) and three problems of their legal regulation are identified. A two-contour model is proposed: the principle of proportionality is consolidated in Article 56 of the Law on the Bank of Russia and Article 24 of the Law on Banks, while the methodologies are specified by acts of the Bank of Russia with an assessment of regulatory impact and periodic monitoring of criteria.

Keywords: proportional regulation, risk-oriented approach, principle of proportionality, law-making of the Bank of Russia, prudential regulation, banking supervision, systemically important credit institutions, regulatory impact assessment.

Риск-ориентированный подход утвердился в качестве одного из основных направлений развития банковского регулирования и надзора. В работах автора исследованы профессиональное суждение [1], проблемы внедрения риск-ориентированного пруденциального регулирования [2], а также правовая модель поведенческого надзора. Настоящая статья продолжает обозначенную линию, но переносит внимание с правоприменительной деятельности на нормотворчество Банка России. Авторские выводы сопоставляются с положениями саратовской школы финансового права, исследованиями иных специалистов и международными стандартами.

Риск-ориентированный подход в банковской сфере обычно связывают с надзором, однако его юридическое содержание шире: он проявляется уже на стадии установления общеобязательных требований, когда законодатель и Банк России соотносят объем регуляторной нагрузки с характером операций, риск-профилем и системной значимостью кредитной организации. Для финансового права это принципиально: мера публичного ограничения должна быть не только формально законной, но также необходимой и соразмерной создаваемому риску. Соответствующий подход закреплен и в актуальной редакции Основных принципов эффективного банковского надзора, где пропорциональность распространяется как на предъявляемые к банкам требования, так и на интенсивность надзора[1]. Следовательно, пропорциональность корректнее рассматривать не в качестве исключения из пруденциального регулирования, а как способ его внутренней настройки.

Российская доктрина подготовила основания для такого понимания еще до введения двухуровневой системы лицензий: в трудах Н.И. Химичевой финансово-правовое регулирование раскрывается через публичные задачи формирования, распределения и использования денежных фондов [3, с. 34]; Е.Г. Беликов связывает развитие риск-ориентированного подхода с обеспечением финансовой безопасности [4, с. 45]; С.В. Рыбакова – с особенностями финансовой правосубъектности кредитной организации [5, с. 18]. Отсюда следует оценивать банк одновременно

[1] См.: Basel Committee on Banking Supervision. Core Principles for Effective Banking Supervision. Version effective as of 25 April 2024. URL: https://www.bis.org/committees/bcbs/basel-framework/BCP/standard.pdf (дата обращения: 17.09.2026).

как коммерческую организацию и как участника публично значимых денежных процессов, различия в масштабе которых объективно требуют различий в правовом режиме, а дифференциация допустима лишь при наличии понятной цели, объективных критериев и процедурных гарантий.

В настоящей статье пропорциональное регулирование определяется как основанная на нормативной оценке риска дифференциация обязательных требований к кредитным организациям, при которой их объем, сложность и интенсивность соотносятся с риск-профилем, характером операций и системной значимостью адресата. Риск-ориентированный надзор, напротив, есть правоприменительная деятельность по выявлению и оценке рисков конкретной организации с использованием профессионального суждения [1]. Оба явления связаны общей целью, но не тождественны, что согласуется с подходом Т.Э. Рождественской и А.Г. Гузнова [6, с. 6; 7, с. 23]. Не следует смешивать пропорциональное регулирование со стимулирующим, использующим послабления для побуждения банков к финансированию приоритетных проектов[1]: пропорциональность отталкивается не от экономической желательности операции, а от необходимости избежать недостаточной либо чрезмерной нагрузки. В экономической литературе двухуровневая модель анализируется с позиции реформирования банковской системы [8, с. 26], конкурентных рисков для банков с базовой лицензией [9, с. 46] и перспектив ее развития [10, с. 107; 11, с. 79].

Переход к пропорциональной модели институционализирован Федеральным законом от 1 мая 2017 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], разграничившим универсальную и базовую лицензии; одноименный Федеральный закон № 84-ФЗ[3] имел иной предмет – механизм финансового оздоровления, и использовать его как основание двухуровневого лицензирования некорректно. Первый контур пропорциональности связан именно с видом лицензии: банк с базовой лицензией действует при более узком круге операций, а применяемый к нему набор обязательных нормативов сокращен[4]; для банков с универсальной лицензией требования детализированы отдельной инструкцией[5]. Однако размер капитала как критерий выбора лицензии лишь косвенно отражает фактическую рискованность деятельности, не охватывая сложность бизнес-модели, концентрацию операций и взаимосвязанность банка, поэтому его целесообразно сохранять как порог допуска к операциям, но не признавать самодостаточным показателем для всей системы пропорционального регулирования [9, с. 47].

[1] См.: Стимулирующее банковское регулирование: доклад для общественных консультаций. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/50671/Consultation_Paper_180628.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

[2] См.: СЗ РФ. 2017. № 18, ст. 2669.

[3] См.: СЗ РФ. 2017. № 18, ст. 2661.

[4] См.: Инструкция Банка России от 26 мая 2025 г. № 221-И «Об обязательных нормативах банков с базовой лицензией и об осуществлении Банком России надзора за их соблюдением» // Вестник Банка России. 2025. № 33.

[5] См.: Инструкция Банка России от 26 мая 2025 г. № 220-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности собственных средств (капитала) банков с универсальной лицензией и об осуществлении Банком России надзора за их соблюдением» // Вестник Банка России. 2025. № 32.

Второй контур образует специальный режим системно значимых кредитных организаций: действующая методика использует совокупность количественных показателей и критерий охвата не менее 60 % активов сектора[1], а актуальный перечень включает 12 организаций, на которые приходится около 80 % активов[2]. Опубликованная Банком России в 2026 г. концепция предлагает учитывать также взаимосвязанность, эффект домино, незастрахованные средства клиентов и региональную значимость, с пересмотром перечня осенью 2027 г. и поэтапным введением новых надбавок с 2028 г.[3] Это подтверждает переход от единственного размерного показателя к сочетанию риск- и системно-ориентированных критериев. Для правовой оценки важно различать вероятность утраты банком устойчивости, оцениваемую средствами риск-ориентированного надзора, и последствия такой утраты для системы в целом, которые характеризуют именно системную значимость: кредитный рейтинг способен быть лишь дополнительным индикатором первой, но не заменяет оценку взаимосвязанности и заменимости банка.

Исследование нормативной базы выявляет три проблемы. Во-первых, федеральные законы закрепляют отдельные элементы дифференциации, но не формулируют принцип пропорциональности как начало банковского регулирования и надзора. Во-вторых, ключевые критерии закономерно устанавливаются актами Банка России – ст. 62 Федерального закона о Банке России[4] лишь определяет виды нормативов, оставляя их конкретизацию регулятору, – и само по себе это не пробел, но недостаточность законодательных ориентиров и переходных гарантий им является. В-третьих, отсутствует единый публичный цикл оценки соответствия избранных критериев целям пропорциональности. Решение этих проблем, с позиции саратовской школы финансового права, должно опираться на согласование публичного интереса в устойчивости финансовой системы и правомерных интересов кредитных организаций [3–5].

Отсюда следует двухконтурная модель: на уровне федерального закона надлежит установить сам принцип пропорциональности, его цели и базовые факторы (риск-профиль, характер операций, системную значимость, взаимосвязанность и заменимость организации), тогда как методики, веса показателей и числовые значения должны определяться нормативными актами Банка России, требующими профессиональной оценки и оперативной адаптации. Практически это может быть реализовано дополнением ст. 56 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» положением о соразмерности регулирования и надзора риск-профи-

[1] См.: Указание Банка России от 13 апреля 2021 г. № 5778-У «О методике определения системно значимых кредитных организаций» // Вестник Банка России. 2021. № 30.

[2] См.: Перечень системно значимых кредитных организаций на 7 октября 2025 года. URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/systembanks.html/ (дата обращения: 17.09.2026).

[3] См.: Новая концепция методики определения системно значимых кредитных организаций: отчет об итогах публичного обсуждения доклада для общественных консультаций. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/187258/report_20022026.pdf (дата обращения: 17.09.2026).

[4] См.: Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790; 2025. № 30, ч. 2, ст. 4397.

лю, характеру операций и системной значимости кредитной организации, с корреспондирующей нормой в ст. 24 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»[1].

Подзаконная конкретизация должна сопровождаться оценкой регулирующего воздействия, процедуры которой уже предусмотрены правилами подготовки нормативных актов Банка России[2], и периодическим (не реже раза в три года) публичным мониторингом того, не порождают ли избранные критерии необоснованного регуляторного арбитража. Целесообразны и минимальные гарантии предсказуемости – разумный переходный период, предварительное раскрытие методики и мотивированность решения об изменении категории банка – особенно значимые при переходе к дифференцированным надбавкам для системно значимых организаций.

Расширение пропорциональности за пределы пруденциального регулирования требует осторожности: в поведенческом надзоре меньший размер организации не означает меньшего риска для потребителя, поскольку массовый дистанционный продукт способен причинить значительный вред при небольшом балансе поставщика, а критерием здесь должны выступать сложность продукта, уязвимость клиентской группы и тяжесть возможных последствий. Аналогичная логика применима и к некредитным финансовым организациям.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Пропорциональное регулирование является нормативной формой реализации риск-ориентированного подхода и должно быть отграничено от риск-ориентированного надзора как правоприменения. Российское право уже содержит основные конструкции пропорциональности – виды лицензий, дифференцированные нормативы и режим системно значимых организаций, однако не объединяет их общим законодательным принципом. Перспективно двухконтурное регулирование: федеральный закон закрепляет цель, факторы и гарантии пропорциональности, а Банк России конкретизирует методики на основе публичной оценки регулирующего воздействия, что соответствует международным стандартам и продолжает идею саратовской школы о сочетании публичных целей финансовой деятельности с дифференцированным статусом ее участников. Дальнейшие исследования могут быть связаны с распространением принципа пропорциональности на поведенческий надзор и регулирование некредитных финансовых организаций, а также с оценкой последствий перехода к новой методике определения системно значимых кредитных организаций.

Библиографический список

1. *Миронов В.Ю.* Мотивированное (профессиональное) суждение как элемент риск-ориентированного подхода в банковском надзоре // Финансовая экономика. 2018. № 8. С. 489–492.

2. *Миронов В.Ю.* Направления совершенствования риск-ориентированного пруденциального банковского регулирования в РФ // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 77–81.

3. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 752 с.

[1] См.: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 1996. № 6, ст. 492; 2026. № 32, ст. 4480.

[2] См.: Положение Банка России от 22 сентября 2017 г. № 602-П «О правилах подготовки нормативных актов Банка России» // Вестник Банка России. 2017. № 84.

4. *Беликов Е.Г.* Развитие принципов финансового права в условиях цифровой экономики: монография. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. 164 с.

5. *Рыбакова С.В.* Теоретические основы регулирования деятельности кредитных организаций как субъектов современного финансового права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 46 с.

6. *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Профессиональное суждение как основополагающий элемент принятия решений в рамках риск-ориентированного банковского надзора // Финансовое право. 2015. № 12. С. 5–8.

7. *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Правовые основы риск-ориентированного банковского надзора // Административное право и процесс. 2016. № 2. С. 22–25.

8. *Мокеева Н.Н., Лыкова Е.А., Солодкая А.М.* Направления реформирования банковской системы Российской Федерации // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 3 (22). С. 24–31.

9. *Дубова С.Е.* Перспективы стимулирующего банковского регулирования в рамках концепции пропорционального регулирования российского банковского сектора // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. трудов XII Междунар. науч.-практ. конф. Пинск: ПолесГУ, 2018. С. 44–48.

10. *Миронова С.М.* Пропорциональное регулирование банковской системы России: правовые основы и перспективы развития // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 4. С. 105–110.

11. *Кырлан М.В.* К вопросу о пропорциональном регулировании банковской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 78–81.

References

1. *Mironov V.Yu.* Reasoned (professional) judgment as an element of the risk-based approach in banking supervision // Financial Economics. 2018. No. 8. P. 489–492.

2. *Mironov V.Yu.* Directions for improving risk-based prudential banking regulation in the Russian Federation // Legal Science. 2023. No. 3. P. 77–81.

3. Financial Law: Textbook / Ed. by N. I. Khimicheva. 5th ed., revised and supplemented. Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. 752 p.

4. *Belikov E.G.* Development of Financial Law Principles in the Digital Economy: A Monograph. Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2022. 164 p.

5. *Rybakova S.V.* Theoretical Foundations for Regulating the Activities of Credit Organizations as Subjects of Modern Financial Law: Abstract of Doctoral Dissertation (Law). Saratov, 2010. 46 p.

6. *Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G.* Professional Judgment as a Fundamental Element of Decision-Making in Risk-Based Banking Supervision // Financial Law. 2015. No. 12. P. 5–8.

7. *Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G.* Legal Foundations of Risk-Based Banking Supervision // Administrative Law and Process. 2016. No. 2. P. 22–25.

8. *Mokeeva N.N., Lykova E.A., Solodkaya A.M.* Directions for Reforming the Banking System of the Russian Federation // Bulletin of the Humanities University. 2018. No. 3 (22). P. 24–31.

9. *Dubova S.E.* Prospects for Incentive-Based Banking Regulation within the Framework of the Proportional Regulation Concept for the Russian Banking Sector // Sustainable Economic Development: State, Problems, Prospects: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Pinsk: Polessky State University, 2018. P. 44–48.

10. *Mironova S.M.* Proportional Regulation of the Russian Banking System: Legal Foundations and Development Prospects // Legal Paradigm. 2017. Vol. 16, No. 4. P. 105–110.

11. *Kyrlan M.V.* On the Issue of Proportional Regulation of Banking Activities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. P. 78–81.

Н.Б. Островская,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры финансового,
банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной юридической академии

РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОЕКТОВ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА РАННИХ СТАДИЯХ РАЗВИТИЯ: ОПЫТ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. В работе исследуются отдельные вопросы, связанные с внедрением альтернативных инструментов финансирования малого и среднего предпринимательства, к которым, в частности, можно отнести краудфандинг и его основные модели – краудлендинг, краудинвестинг. Их использование расширяет возможности предпринимателей по выбору наиболее подходящего и комфортного способа финансирования. Констатировано, что на данный момент на федеральном и региональном уровнях предприняты заметные шаги в сторону обеспечения гибкости привлечения таких инструментов финансирования. Предметом исследования стал анализ инструментов снижения барьеров для финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства на примере Приволжского федерального округа.

Цель – проанализировать текущее состояние альтернативных инструментов финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства в Приволжском федеральном округе, выявить и обобщить практики регионов, доказавшие свою эффективность. Методологическая основа: общенаучные методы познания (анализ, синтез), а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы. В результате выявлено, что лидерами по итогам реализации механизмов поддержки малого и среднего предпринимательства становятся те регионы, которые наряду с федеральной повесткой реализуют собственные уникальные инструменты поддержки. Такие инициативы способствуют формированию устойчивых экосистем поддержки бизнеса и положительно сказываются на экономическом развитии территорий. Выводы: сформулированы предложения о необходимости обеспечения комплексного характера мер региональной поддержки и их преемственности на разных стадиях жизненного цикла субъектов малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: краудфандинг, инвестор, малое и среднее предпринимательство, МСП, краудфандинговая платформа, краудлендинг, краудинвестинг, предпринимательская инициатива.

N.B. Ostrovskaya,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Financial, Banking and Customs Law
named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva,
Saratov State Law Academy

DEVELOPMENT OF ALTERNATIVE SOURCES OF FINANCING FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS AT THE EARLY STAGES OF DEVELOPMENT: THE EXPERIENCE OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Abstract. The work examines certain issues related to the introduction of alternative instruments for financing small and medium-sized businesses, which, in particular, include crowdfunding and its main models – crowdlending and crowdinvesting. Their use expands entrepreneurs' opportunities to choose the most suitable and comfortable method of financing. It is stated that at present noticeable steps have been taken at the federal and regional levels towards ensuring flexibility in attracting such financing instruments. The subject of the study is the analysis of instruments for reducing barriers to financing small and medium-sized businesses using the example of the Volga Federal District. Purpose – to analyse the current state of alternative instruments for financing small and medium-sized businesses in the Volga Federal District, to identify and generalize regional practices that have proven their effectiveness. Methodological basis: general scientific methods of cognition (analysis, synthesis), as well as the formal legal and comparative legal methods. As a result, it has been identified that the leaders based on the outcomes of implementing mechanisms for supporting small and medium-sized businesses are those regions which, along with the federal agenda, implement their own unique support instruments. Such initiatives contribute to the formation of sustainable business support ecosystems and have a positive effect on the economic development of territories. Conclusions: proposals have been formulated on the necessity of ensuring the comprehensive nature of regional support measures and their continuity at different stages of the life cycle of small and medium-sized businesses.

Keywords: crowdfunding, investor, small and medium-sized businesses, SMEs, crowdfunding platform, crowdlending, crowdinvesting, entrepreneurial initiative.

Научно-технологическое развитие Российской Федерации способствует появлению новых финансовых инструментов и сокращает затраты времени на поиск инвесторов, вследствие чего начали набирать популярность альтернативные инструменты привлечения финансирования малого и среднего предпринимательства.

В рамках действующего национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»[1] предусматривается расширение доступа малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам с помощью краудфандинговых платформ[2] (можно наблюдать стремительный рост объема сделок за счет притока инвесторов и заемщиков в краудлендинге[3], а также благодаря увеличению популярности нового продукта

[1] См.: Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (утв. Минэкономразвития России, апрель 2021 г.) // СПС «Гарант».

[2] Краудфандинг (от англ. crowdfunding, crowd – толпа, funding – финансировани») означает вид альтернативного инвестирования, при котором инвесторы предоставляют небольшие суммы финансирования проектам, находящимся на ранних стадиях развития, посредством инвестиционных платформ (согласно глоссарию Банка России).

[3] Разновидность регулируемого в Российской Федерации краудфандинга, позволяющего привлекать/инвестировать денежные средства путем привлечения/выдачи займов с использованием инвестиционных платформ (согласно глоссарию Банка России).

в краудинвестинге[1] – размещению акций в рамках pre-IPO[2]), а также посредством выхода на фондовую биржу путем выпуска ценных бумаг.

Ранее, до начала реализации данного национального проекта, возможность привлечения финансирования на фондовой бирже для субъектов малого и среднего предпринимательства была практически нереализуема, поскольку отсутствовала заинтересованность биржевой инфраструктуры.

Важную роль в привлечении капитала для стартапов, компаний или других инвестиционных проектов играет якорный инвестор (т.е. инвестор, который первым обязался внести значительную сумму в фонд, что помогло привлечь последующих инвесторов и дало им определенную степень уверенности в инвестиционном проекте). Его участие создает доверие и стимулирует других инвесторов присоединиться.

В науке признается важность участия в качестве якорного инвестора профильного института развития [1]. Данная позиция представляется обоснованной, поскольку участие означенных якорных инвесторов может стимулировать спрос на ценные бумаги со стороны как розничных, так и институциональных инвесторов и ограничит риски волатильности.

В информационно-аналитических материалах Банка России подчеркивается, что для обеспечения дальнейшего роста отрасли, повышения качества предоставляемых платформами услуг, простоты ведения бизнеса, надежности и прозрачности взаимоотношений между всеми участниками рынка «необходимо внедрение инноваций, что невозможно без должной базы регулирования»[3]. В науке также обращается внимание на необходимость должного правового регулирования, которое бы успевало за скоростью развития отношений краудфандинга. В частности, Н.Б. Островская и А.Р. Шамионов отмечают «потребность в регулировании отдельных сегментов краудфандинга, которые развиваются, как правило, с молниеносной скоростью» [2, с. 18]. А.И. Антоновой высказано мнение о «необходимости законодательного регулирования краудфандинга в широком интервале от общих («рамочных») положений и понятий до нормативного “купирования” конкретных криминальных рисков, способных проявиться в данной сфере» [3, с. 82].

Правовое регулирование краудфандинга в разных регионах неодинаково: в одних субъектах рекомендовано развитие краудфандинга как альтернативного источника финансирования предпринимательских инициатив, в других – имеется опыт подписания соглашения о сотрудничестве с краудфандинговой платформой, в то время как в нормативных актах иных регионов вообще нет о нем никаких упоминаний.

Успешный пример привлечения финансирования посредством крау-

[1] Разновидность регулируемого в Российской Федерации краудфандинга, позволяющего привлекать/инвестировать денежные средства путем размещения/приобретения дополнительного выпуска ценных бумаг с использованием инвестиционных платформ (согласно глоссарию Банка России).

[2] Один из поздних этапов финансирования компании, предшествующий первичному публичному предложению (IPO). См.: Обзор платформенных сервисов в России. Информационно-аналитический материал 2023 год – I квартал 2024 года (подготовлен Департаментом инфраструктуры финансового рынка). URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49243/platform_services_2024-1.pdf (дата обращения: 17.02.2026).

[3] Там же.

дфандинга показало Агентство авторских сувениров «Волга-река»[1] в Саратовской области, собравшее более 112 % от необходимой суммы на краудфандинговой платформе Boomstarter.

В октябре 2020 г., в связи с выходом новой коллекции сувениров о Волге, был объявлен еще один сбор, который также завершился успешно, что подтверждается представленными в таблице данными.

Таблица

Опыт сбора средств Агентством авторских сувениров «Волга-река» на краудфандинговой платформе Boomstarter[2]

Наименование проекта	Ссылка	На что необходимы средства	Примеры вознаграждений для инвесторов	Объем собранных средств
«Волга-река» – стильные сувениры о Волге и для волжан (февраль 2018 г.)	URL: https://boomstarter.ru/projects/volga-reka/volga-reka_-_stilnye_suveniry_o_volge_i_dlya_volzhan	Производство оригинальных сувениров (кружки, термокружки, ежедневники, чехлы для чемоданов, толстовки, футболки, сумки)	За вклад в проект 690 рублей – ежедневник со скидкой 20 % от розничной цены, за вклад 360 рублей – скидка 15 % от розничной цены на холщовую сумку и др.	Собрано 224 060 рублей из заявленных изначально 200 000 рублей
Новая коллекция сувениров о Волге и для волжан «Волга-река» (октябрь 2020 г.)	URL: https://boomstarter.ru/projects/volga-reka/novaya_kollektsiya_suvenirov_o_volge_i_dlya_volzhan_volga-reka#content	Запуск новой коллекции при поддержке Boomstarter и Mastercard и программа #ПоддержиБизнес 2.0	За вклад в проект 520 рублей – детская футболка «Волга – мое море», за вклад 1690 рублей – чехол для чемодана и др.	Собрано 49 568 рублей из заявленных изначально 45 000 рублей.

Действующим постановлением Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 г. № 321-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года»[3] на территории области предусмотрена реализация активной инвестиционной политики и мер по созданию благоприятной деловой среды, включая активное привлечение российских и иностранных инвестиций в Саратовскую область за счет укрепления международных и межрегиональных связей региона; создание

[1] См.: Официальное сообщество Агенства авторских сувениров «Волга-река» в социальной сети «Вконтакте». URL: https://vk.com/volga___reka, URL: https://fialkaexpress.ru/catalog/volga-reka/ (дата обращения: 16.04.2026).

[2] Используются данные, размещенные на краудфандинговой платформе «БумМастер». URL: boomstarter.ru (дата обращения: 16.04.2026).

[3] См.: Сайт сетевого издания «Новости Саратовской губернии». URL: www.g-64.ru (дата обращения: 25.04.2026).

региональных институтов развития, взаимодействие с представителями приоритетных кластеров; снижение административных барьеров и издержек.

Привлечение капитала через краудфандинговые платформы всегда сопряжено с определенными рисками (проекты могут не достичь целевого финансирования, если заявленная сумма инвестиций чрезмерна, отсутствует четкое определение временных рамок реализации или не сформирована база потенциальных инвесторов, готовых оказать поддержку). В науке подчеркивается, что «наибольший шанс на успех у тех идей, которые понятны и интересны большинству людей, если актуальность проекта очевидна и за ним есть “воодушевляющая цель”» [4, с. 75].

Научный и практический интерес представляет опыт Республики Татарстан как одного из лидеров Национального рейтинга состояния инвестиционного климата субъектов России[1].

Одним из приоритетных направлений развития экономики в соответствии с Законом Республики Татарстан от 17 июня 2015 г. № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» (в ред. от 25 декабря 2019 г.)[2] является благоприятный хозяйственный климат, экосистема предпринимательства, включающие в том числе мероприятия по развитию краудфандинга, государственного кредитования стартапов и пр.

В постановлении Кабинета Министров Республики Татарстан от 25 сентября 2015 г. № 707 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» (в ред. от 11 декабря 2019 г.)[3] конкретизируется, что в комплекс мероприятий, обеспечивающих достижение долгосрочных целей Стратегии, входит проработка использования финансовых инструментов цифровой экономики, в том числе краудфандинга, в целях обеспечения условий для привлечения инвестиций передовых компаний. Результат от данных мероприятий ожидается в виде роста количества инвестиционных проектов.

Помимо должной правовой проработки вопроса о важности и целесообразности использования альтернативных инструментов финансирования субъектами малого и среднего предпринимательства, в данном регионе также разработаны дополнительные меры стимулирования краудфандинговых проектов в сфере культуры, искусства, кинематографии, анимации и популяризации культурного наследия путем субсидирования за счет средств бюджета Республики Татарстан[4], что заслуживает внимания и требует анализа возможности заимствования такого опыта.

[1] См.: Татарстан сохранил вторую строчку рейтинга инвестиционной привлекательности. URL: https://mert.tatarstan.ru/index.htm/news/2314991.htm (дата обращения: 25.04.2026).

[2] См.: Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2015. № 6, ч. 2, ст. 521.

[3] См.: Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 2015. № 71–72, ст. 2471.

[4] См.: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 21 июня 2021 г. № 490 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий за счет средств бюджета Республики Татарстан некоммерческим организациям (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям) в целях поддержки реализации краудфандинговых проектов в сфере культуры» // СЗ РТ. 2021. № 49, ч. 2, ст. 1393.

Интересен также опыт Удмуртской Республики, ставшей первым регионом, в котором появилась команда представителей краудфандинговой площадки. В целях создания на территории региона благоприятных условий для развития предпринимательства путем вовлечения народного финансирования в реализацию предпринимательских инициатив, направленных на увеличение числа новых малых предприятий, Правительством Удмуртской Республики было разработано распоряжение от 5 июня 2017 г. № 781-р «О проекте Соглашения о сотрудничестве между Правительством Удмуртской Республики и краудфандинговой платформой Boomstarter (общество с ограниченной ответственностью «Краудфандинг»)»[1]. Названное Соглашение было заключено 8 июня 2017 г.

Предметом Соглашения выступает установление партнерских отношений и развитие долгосрочного эффективного сотрудничества сторон в целях развития предпринимательства в Удмуртской Республике по следующим направлениям: реализация программ обучения для предпринимателей по привлечению инвестиционных денег; содействие формированию условий для повышения предпринимательской активности в регионе; содействие развитию инфраструктуры поддержки предпринимательства; популяризация предпринимательской деятельности и массовое вовлечение жителей в предпринимательство. Комментируя актуальность соглашения, временно исполняющий обязанности главы Республики отметил, что «в регионе есть примеры проектов, реализованных по подобной схеме, – такие как памятник В. Высоцкому в Воткинске, полностью созданный и открытый летом прошлого года на средства предпринимателей и горожан. Есть еще десятки идей, которых от статуса стартапа и успешного бизнес-проекта отделяет отсутствие “упаковки” и инвестиций, которые вполне могли бы быть народными»[2].

Практика заключения соглашений о сотрудничестве между регионами и краудфандинговыми платформами не получила широкого распространения, ее популярность варьируется в зависимости от субъекта РФ и готовности регионального законодательства адаптироваться к новым инструментам финансирования малого и среднего предпринимательства.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что по итогам реализации механизмов поддержки малого и среднего предпринимательства лидерами становятся те регионы, которые наряду с федеральной повесткой реализуют собственные уникальные инструменты поддержки. Такие инициативы способствуют формированию устойчивых экосистем поддержки бизнеса и положительно сказываются на экономическом развитии территорий.

Рассмотренный в рамках настоящего исследования опыт Приволжского федерального округа может быть полезным для других регионов, поскольку многие меры, реализуемые в Саратовской области, Республике Та-

[1] См.: Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. URL: https://udmurt.ru/ (дата обращения: 24.04.2026).

[2] Удмуртия заключила соглашение с краудфандинговой платформой Boomstarter. URL: https://izvestiaur.ru/rubrics/biznes/296204-udmurtiya_zaklyuchila_soglashenie_s_kraudfandingovoy_platformoy_boomstarter/ (дата обращения: 16.01.2026).

тарстан, Удмуртской Республике, уже успели доказать свою эффективность.

Сбалансированному развитию малого и среднего предпринимательства как на территории Приволжского федерального округа, так и страны в целом, будет способствовать преемственность означенных мер поддержки на разных стадиях жизненного цикла субъектов малого и среднего предпринимательства.

Библиографический список

1. *Полякова М.Б.* Анализ мер поддержки небольших компаний, размещающих облигации на бирже // Финансы. 2023. № 6. С. 25–31.

2. *Островская Н.Б., Шамионов А.Р.* Трансформация источников финансирования проектов субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях цифровизации экономики // Юрист. 2022. № 6. С. 17–21.

3. *Антонова А.И.* К вопросу о понятии и признаках краудфандинга // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 81–82.

4. *Островская Н.Б., Голубитченко М.А.* Краудфандинг как источник финансирования проектов субъектов малого и среднего предпринимательства: опыт Саратовской области // Человек и право – XXI век. 2025. № 2. С. 72–76.

Reference

1. *Polyakova M.B.* Analysis of Support Measures for Small Companies Placing Bonds on the Stock Exchange // Finance. 2023. No. 6. P. 25–31.

2. *Ostrovskaya N.B., Shamionov A.R.* Transformation of Sources of Financing for Small and Medium-Sized Business Projects in the Context of Digitalization of the Economy // Lawyer. 2022. No. 6. P. 17–21.

3. *Antonova A.I.* On the Concept and Characteristics of Crowdfunding // Administrative Law and Procedure. 2024. No. 2. P. 81–82.

4. *Ostrovskaya N.B., Golubitchenko M.A.* Crowdfunding as a source of financing for projects of small and medium–sized businesses: the experience of the Saratov region // Man and law – XXI century. 2025. No. 2. P. 72–76.

М.В. Савельева,
кандидат юридических наук, доцент,
основной исполнитель научно-образовательной
лаборатории высокотехнологичной криминалистики
Института правотворчества и правового прогнозирования,
доцент кафедры криминалистики
Саратовской государственной юридической академии

ОТ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ К ОСМОТРУ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССА ОСМОТРА В РАБОТАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ САРАТОВСКОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В работе рассмотрены мнения ученых саратовской криминалистической школы относительно осмотра места происшествия; приведен анализ отдельных авторских определений; проанализирована концепция послойного осмотра места происшествия. Предмет: осмотр как следственное действие, позиции ученых по рассматриваемой проблематике. Цель работы – изучение трансформации осмотра на основе работ саратовской криминалистической школы. Методологическую основу исследования составили диалектический метод, формально-логические методы познания, представленные анализом, синтезом, абстрагированием, конкретизацией, индукцией, дедукцией, аналогией, моделированием и др. Новизна работы: предложен современный подход к осмотру через призму концепции криминалистического мышления и отмечена тенденция трансформации вопросов осмотра: определение, сущность, организация, процессуальная регламентация и др. Аргументируется, что в настоящее время тактика осмотра усложняется и дифференцируется. Основные результаты: доказывается, что в современных условиях научный интерес от тактики осмотра имеет тенденцию к смещению акцентов на высокотехнологичные дифференцированные аспекты осмотра. Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее результатов в правоприменительной и образовательной деятельности. Выводы: саратовская криминалистическая школа внесла значительный вклад в изучение осмотра; в современных условиях наиболее актуальны высокотехнологичные дифференцированные аспекты осмотра; осмотр должен рассматриваться как сложнейший акт профессионального познания, управляемый криминалистическим мышлением, роль которого при осмотре практически не изучалась.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, следственное действие, след, саратовская криминалистическая школа, криминалистическое мышление, высокотехнологичная криминалистика, концепция послойного осмотра.

M.V. Saveleva,
Candidate of Law, Associate Professor,
Principal Executor of the Scientific and Educational Laboratory
of High-Tech Criminalistics of the Institute
of Law-Making and Legal Forecasting,
Associate Professor of the Department of Criminalistics,
Saratov State Law Academy

FROM THE INSPECTION OF THE SCENE TO THE INSPECTION OF DIGITAL OBJECTS: TRANSFORMATION OF THE INSPECTION PROCESS IN THE WORKS OF REPRESENTATIVES OF THE SARATOV CRIMINALISTICS SCHOOL

Abstract. The work examines the opinions of scholars of the Saratov criminalistics school regarding the inspection of the scene; an analysis of certain authorial definitions is provided; the concept of layer-by-layer inspection of the scene is analysed. Subject: inspection as an investigative action, and the positions of scholars on the problem under consideration. The purpose of the work is to study the transformation of inspection on the basis of the works of the Saratov criminalistics school. The methodological basis of the study comprises the dialectical method and formal logical methods of cognition, represented by analysis, synthesis, abstraction, concretization, induction, deduction, analogy, modelling, and others. Novelty of the work: a modern approach to inspection is proposed through the prism of the concept of criminalistic thinking, and the tendency of transformation of inspection issues is noted: definition, essence, organization, procedural regulation, and others. It is argued that at present the tactics of inspection are becoming more complex and differentiated. Main results: it is proved that under modern conditions scientific interest is tending to shift from the tactics of inspection towards high-tech differentiated aspects of inspection. The practical significance of the work is determined by the possibility of using its results in law enforcement and educational activity. Conclusions: the Saratov criminalistics school has made a significant contribution to the study of inspection; under modern conditions the most relevant are the high-tech differentiated aspects of inspection; inspection should be considered as a most complex act of professional cognition, governed by criminalistic thinking, whose role in inspection has been practically unstudied.

Keywords: inspection of the scene, investigative action, trace, Saratov criminalistics school, criminalistic thinking, high-tech criminalistics, concept of layer-by-layer inspection.

По ряду категорий уголовных дел осмотр места происшествия является ключевым следственным действием, к результатам которого неоднократно обращаются многочисленные участники уголовного процесса, включая обвиняемого, подсудимого, защитника, как в процессе предварительного расследования, так и в ходе судебного следствия. Осмотр места происшествия выступает одним из существенных следственных действий, направленных на установление и фиксацию обстановки преступного события, обнаружение, изъятие и предварительное исследование материальных следов. Значение осмотра места происшествия трудно переоценить, поскольку во многом его результативность может обусловливать перспективы возбуждения уголовного дела и потенциал расследования как формирующегося фундамента доказательственной базы уголовного дела.

В целом осмотр (включая разнообразные его виды) служит универсальным следственным действием познания объектов, вовлеченных в процесс расследования. Фактически с самых ранних этапов развития криминалистики вопросы производства осмотра (определение, сущность, цели, организация, регламентация проведения, тактика и др.) являлись предметом рассмотрения ученых-криминалистов. Исторически, начиная с трудов Г. Гросса [1, с. 153–169], Б.Л. Бразо-

ля [2, с. 8–88], Я.И. Баршева [3. с. 51], С.Н. Трегубова [4, с. 78], И.Н. Якимова[1] и других криминалистов, осмотр рассматривался как первооснова доказывания. С учетом значимости данного следственного действия в системе доказательств, важности его криминалистических и процессуальных аспектов в многочисленных научных трудах представителей саратовской криминалистической школы были детально исследованы вопросы, связанные с проведением осмотра места происшествия.

Один из основоположников саратовской криминалистической школы профессор Д.П. Рассейкин посвятил вопросам осмотра места происшествия свою работу «Осмотр места происшествия и трупа при расследовании убийств». Автор отмечал, что осмотр места происшествия является следственным действием, направленным на непосредственное восприятие, изучение обстановки места происшествия, обнаружение, фиксацию и изъятие различных следов и других вещественных доказательств, уяснение характера происшедшего события, выяснения личности преступников и мотивов совершения преступления. Ученым была предложена авторская дефиниция места происшествия, выделения понятий места происшествия и места преступления и другие положения осмотра места происшествия, которые получили активное развитие в работах его учеников [5, с. 7, 11].

Другой представитель Саратовской криминалистической школы – Л.А. Иванов – считал, что следственный осмотр – это процессуальное действие, проводимое в определенной ситуации в строгом соответствии с законом уполномоченными лицами путем использования научных методов, технических средств и тактических приемов, разработанных и рекомендованных криминалистикой, с целью обнаружения, исследования, оценки и фиксации свойств и признаков материальных объектов и состояния окружающей среды, связанных с изучаемым событием, и установлением фактических данных при расследовании и предупреждении преступлений [6, с. 7].

Анализируя такой подход, можно подчеркнуть, что указание на проводимость в «определенной ситуации в строгом соответствии с законом» представляется избыточно перегружающим определение осмотра и не отражающим его специфику, а эмерджентно присуще любому следственному действию, поскольку оно проводится в соответствии с предписаниями УПК.

В тонкостях определения сущности осмотра места происшествия с присущей ему глубиной познания материала пробовал разобраться и профессор В.В. Степанов, который, анализируя позицию своего учителя Д.П. Рассейкина, отмечал, что характер преступления, особенности его совершения и другие обстоятельства не могут изменять аксиоматическое положение о том, что одному преступному событию может соответствовать одно место происшествия, а именно то место, где произошло преступление. Правильное определение, следствием чего являлось возникновение следов в данном месте,

[1] *Самошина З.Г., Крюкова Е.С.* Научное наследие первого заведующего кафедрой криминалистики Ивана Николаевича Якимова (к 130-летию со дня рождения). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnoe-nasledie-pervogo-zaveduyuschego-kafedroy-kriminalistiki-ivana-nikolaevicha-yakimova-k-130-letiyu-so-dnya-rozhdeniya (дата обращения: 07.07.2026).

может быть сделано на основе анализа материальной обстановки, механизма образования следов. При установлении, что преступление совершено в другом месте, должен проводиться осмотр местности, жилища, либо иного помещения, но не места происшествия [7, с. 45]. Сформировав свою позицию с учетом работ коллег по научной школе и выработав в связи с этим более широкий подход к определению осмотра, А.Н. Иванов, наряду с непосредственным включает в определение осмотра и опосредованное восприятие, понимая под ним «следственное действие, заключающееся в непосредственном либо опосредованном восприятии и изучении объектов (материальных носителей информации) с целью обнаружения, исследования, оценки и фиксации их свойств и признаков, связанных с изучаемым событием, и получения фактических данных, имеющих значение для установления истины по уголовному делу» [8, с. 134–135].

Однако не все представители саратовской криминалистической школы придерживаются выделения непосредственности восприятия при определении осмотра. По мнению Д.С. Хижняка, «осмотр – это следственное действие, заключающееся в непосредственном изучении (восприятии) следователем объектов с целью обнаружения материальных следов, связанных с подготовкой, совершением и сокрытием преступлений» [9, с. 8]. В этом подходе вызывает споры употребление терминов «изучение» и «восприятие» как синонимов. Кроме того, Л.В. Пинчук обоснованно отмечает необходимость обнаружения следов не только связанных с преступлением, но и свидетельствующих о его отсутствии. Полагаем, что в целом это не влияет на содержательный подход исследуемого понятия, однако точка зрения Л.В. Пинчука представляется в этой части вполне обоснованной [10]. В настоящее время в определениях осмотра все чаще идет расширение горизонтов восприятия, включая непосредственное и опосредованное восприятие, например в тех случаях, когда при осмотре в силу опасности нахождения на месте или других обстоятельств реализуется применение БВС (БПЛА) [11].

Отойдя от дискуссий понятийного характера, интересной по исследуемому вопросу представляется мнение Е.Н Быстрякова, И.В. Усанова, предложивших концепцию послойного осмотра места происшествия, включающего в себя несколько ключевых положений: послойный осмотр места происшествия базируется на уже имеющихся научных методах познания окружающей действительности; производится по слоям, располагающимся в трех или как минимум в двух средах (земля – вода – воздух); целесообразно привлекать сразу нескольких разных специалистов и соответствующую технику с учетом специфики исследуемого слоя (среды) и специфики возможно находящихся в этом слое (среде) объектов; соблюдение принципа безопасности участия в следственном действий [12, с. 6]. В развитие данной концепции послойного осмотра места происшествия стоит предложить не просто ее масштабирование на разнообразные категории уголовных дел, а углубленную реализацию с учетом послойного исследования любого события с выделением нескольких уровней реальностей (материальной, виртуальной), которая предполагала бы не только

изучение по вертикали (земля, вода, воздух и даже киберпространство), но и расширенное исследование по горизонтали с выделением всех потенциально возможных следов на каждом вертикальном слое (например, следы почвы, биологических выделений и так называемые цифровые следы и т.п.). В результате послойного осмотра места происшествия следователь приходит к получению многослойного (комплексного) образа произошедшего события в его прошлой, сегодняшней и будущей стратегической реальности, поскольку процессы (познавательные), связанные с расследуемым событием, находятся в динамическом развитии с учетом его проявления в разных уровнях реальности.

Одной из первых фундаментальных работ, освещающих особенности цифровых аспектов осмотра, изданной в Саратове, стало издание «Осмотр места происшествия при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации». Его авторы отмечают, что осмотр компьютерных систем – высокотехнологичный процесс, требующий навыка, опыта и соответствующей технологичной обстановки, но в то же время указывают, что из-за большого числа модификаций компьютерных средств и программного обеспечения специалист может оказаться не готовым к квалифицированному осмотру системы и ее данных. Это увеличивает риск повреждения доказательств при осмотре на месте [13, с. 62]. В настоящее время эта рекомендация несостоятельна, поскольку в том и заключается роль специалиста, чтобы он был готов к квалифицированному осмотру и осведомлен обо всех технических тонкостях предмета осмотра.

Следует почеркнуть, что приведенный анализ вопросов осмотра места происшествия не включает в себя все работы представителей саратовской криминалистической школы [14–16], но позволяет прийти к промежуточным выводам.

Таким образом, еще в период становления криминалистического знания вопросы осмотра были актуальны и остаются таковыми по сей день: 1) большинство ученых-криминалистов и процессуалистов подчеркивают большую значимость осмотра; 2) следственный осмотр определяют в целом как средство непосредственного восприятия (узкий подход) либо опосредованного (широкий подход) следователем материальных следов; 3) несмотря на то что законодатель обращается в уголовно-процессуальном законе к данному термину более 70 раз, проблемой остается отсутствие в действующем УПК комплексного определения понятия «осмотр»; его универсальность предопределена дифференциацией по целям, объектам и порядку производства, в связи с чем сложно выработать общее понятие. Вместе с тем отсутствие четкой законодательной дефиниции порождает риски подмены следственных действий; 4) в большинстве работ представителей саратовской криминалистической школы, которые были подготовлены до широкого распространения компьютерной техники, не уделяется внимание осмотру цифровых объектов, но в настоящее время эта ситуация коренным образом меняется.

По данным главы СК А.И. Бастрыкина, в 2025 г. сотрудниками Главного управления криминалистики осмотрено и исследовано 1 769 цифровых

устройств и объектов, содержащих информацию в электронно-цифровом виде[1]. В настоящее время аспекты высокотехнологичного направления осмотра места происшествия привлекают внимание большинства ученых, поскольку являются востребованными практикой [17]. Подход саратовской криминалистической школы по вопросам осмотра места происшествия либо следственного осмотра разнообразен, но не лишен недостатков и пробелов и не затрагивает важнейшего аспекта данного следственного действия – гносеологической составляющей субъекта осмотра места происшествия. Следует подчеркнуть, что успех и эффективность осмотра места происшествия зависят не столько от оперативного решения организационных вопросов его производства и формального соблюдения процессуальных норм, сколько от когнитивных способностей субъекта расследования – следователя (дознавателя). Этот аспект не являлся предметом обсуждения в криминалистической литературе, несмотря на постоянное и достаточно глубокое освещение вопросов осмотра места происшествия, в том числе и в научных трудах саратовской криминалистической школы.

На сегодняшний день представляется обоснованным и практически важным рассмотрение вопросов осмотра места происшествия через призму формирования криминалистического мышления и концепции послойного осмотра места происшествия, позволяющего максимально использовать информационную емкость осматриваемых следов. Традиционно в криминалистической литературе под следом преступления понималось объективное изменение в окружающей среде, возникшее как результат преступной деятельности. Следователь в такой парадигме рассматривался как регистратор (некоторые указывают даже на его пассивную роль, забывая про принципы инициативности и активности осмотра), сводя задачи осмотра к обнаружению и документированию этих изменений. Подобный подход, основанный на материалистической теории отражения, хотя и признает объективное существование следов, упускает из виду решающую роль субъективных факторов, опосредованных личностью следователя, дознавателя (опыт, профессионализм, физическое состояние в момент осмотра, интуиция и др.). Современная концепция криминалистического мышления [18] кардинально меняет представленную картину. Согласно этой концепции, следователь – это не пассивный наблюдатель обстановки осмотра, а активный субъект познания. Он не просто констатирует наличие изменений, а преобразует их в информацию, оценивая их относимость к расследуемому событию. Как справедливо отмечено в криминалистической литературе, «след в криминалистическом смысле – это результат мыследеятельствования, это наше понимание того, о чем говорит отраженное состояние объекта» [19, с. 29]. Это означает, что объект становится следом только в момент его осмысления следователем, который наделяет его процессуальным и криминалистическим значением. Данный процесс трансформации информации опирается на сложную структуру криминалистического

[1] См.: След нашли в Сети. URL: https://rg.ru/2025/10/16/sled-nashli-v-seti.html (дата обращения: 01.06.2026).

мышления. Вертикальная структура криминалистического мышления, выделенная Д.В. Бахтеевым, включающая мировоззренческие, лингвистические и мотивационные компоненты, задает общую направленность деятельности следователя в ходе осмотра. Горизонтальная структура, состоящая из логических, психологических и эвристических методов, обеспечивает выбор конкретных инструментов для работы со следовой информацией и уровень владения ими. Такая совокупность позволяет следователю перейти от хаотичного набора объектов на месте происшествия к целостной и логически выстроенной модели расследуемого события, формируемой с учетом возможностей послойного осмотра.

В целом тактика осмотра усложняется и дифференцируется. Формулирование современными представителями саратовской криминалистической школы концепции послойного осмотра (ПОМП) является прямым ответом криминалистики на рост экологических и техногенных преступлений, требующих исследования следов в водной, воздушной и земной средах с привлечением междисциплинарных групп специалистов и учета потенциала криминалистического мышления субъекта расследования.

В настоящее время к проблемам проведения современного осмотра также можно отнести недостаточное использование достижений высокотехнологичной криминалистики, которое объясняется не столько несоответствующим техническим оснащением правоохранительных органов, сколько цифровым неолуддизмом. В то же время осознание хрупкости современных следов (особенно это касается цифровых объектов осмотра) ведет к трансформации арсенала криминалистической техники. Если ранее доминировала запечатлевающая оперативная фотография, то сегодня на первый план даже на этапе осмотра выходят более сложные методы исследования (предварительного и тест-анализы), а что касается цифровых объектов осмотра, то стандартным является использование аппаратно-программных комплексов (например, «Мобильный криминалист», UFED Touch, XRY, и др.), сертифицированных для криминалистических задач. Криминалистическая фотография эволюционирует в сторону применения лучей невидимой зоны спектра, применяемых и в полевых условиях осмотра. Применение таких методов, как стереоскопическая, панорамная (круговая и линейная) и измерительная фотография с использованием глубинных или квадратных масштабов, обеспечивает наглядность, объемность и доказательственное значение результатов осмотра для суда, позволяя в дальнейшем определить действительные линейные размеры объектов. Высокотехнологичные достижения выходят из криминалистических лабораторий и все больше адаптируются к полевым условиям осмотра.

Подводя итог анализу развития положений осмотра, следует отметить: во-первых, саратовская криминалистическая школа, начавшая свое формирование в 1927 г., за все эти годы внесла значительный вклад в изучение данного вопроса; во-вторых, в современных условиях научный интерес имеет тенденцию к смещению акцентов от тактики осмотра на высокотехнологичные дифференцированные аспекты осмотра; в-третьих,

в современном понимании осмотр места происшествия должен рассматриваться как сложнейший акт профессионального познания, управляемый криминалистическим мышлением, позволяющим уйти от устаревшей модели пассивного наблюдателя и признать следователя (дознавателя) активным субъектом применения высокотехнологичной криминалистики, который своей мыслительной деятельностью, с учетом требований процессуального закона, наделяет материальные объекты доказательственным значением.

Библиографический список

1. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М.: Лекс-Эст, 2002. 1046 с.

2. *Бразоль Б.Л.* Очерки по следственной части: История. Практика. Пг.: Гос. тип., 1916. 215 с.

3. *Баршев Я.И.* Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству // Соч. орд. проф. уголов. и полиц. законов в Имп. С.-Петерб. ун-те, д-ра прав Я. Баршева. Санкт-Петербург: тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. [4], II, XVIII, 297 с.

4. *Трегубов С.Н.* Основы уголовной техники: научно-технические приемы расследования преступлений: практическое руководство для судебных деятелей. Пг.: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1915. 335 с.

5. *Рассейкин Д.П.* Осмотр места происшествия и трупа при расследовании убийств. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967. 152 с.

6. *Иванов Л.А.* Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. 155 с.

7. *Степанов В.В.* О понятии места происшествия // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 2004. Вып. 12. С. 42–48.

8. *Иванов А.Н.* Проблемы совершенствования понятийного аппарата следственного осмотра // Известия Саратовского университета. 2005. № 1–2. С. 133–140.

9. *Хижняк Д.С.* Осмотр места происшествия: учеб. пособие / М.: ГроссМедиа: Российский бухгалтер, 2007. 93 с.

10. *Пинчук Л.В.* К вопросу о понятии осмотра места происшествия // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 227–230.

11. *Смушкин А.Б.* Роевое управление БПЛА в ходе следственного осмотра // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2022. № 2 (20). С. 24–30.

12. *Быстряков Е.Н., Усанов И.В.* Концепция послойного осмотра места происшествия (ПОМП) // Российский следователь. 2022. № 2. С. 3–7.

13. *Гаврилов М.В., Иванов А.Н.* Осмотр места происшествия при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Саратов, 2004. 136 с.

14. *Анненков С.И., Анненкова Т.С.* Обстановка совершения преступления: процессуальные и криминалистические проблемы исследования: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.

15. *Великородный П.Г.* Тактические особенности многодневного осмотра места происшествия // Вестник криминалистики. 2011. № 2 (38). С. 89–92.

16. *Мамонов В.С.* Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 184 с.

17. *Савельева М.В., Смушкин А.Б.* Анализ практики применения высокотехнологичных средств при производстве следственного осмотра // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 4 (24). С. 176–185.

18. *Бахтеев Д.В.* Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 504 с.

19. Криминалистика: курс лекций для бакалавров / под ред. М.К. Каминского, А.М. Каминского. Ижевск. Изд-во Ижевск. ин-та компьютерных исслед., 2012. 358 с.

Reference

1. *Gross H.* A Manual for Forensic Investigators as a System of Criminalistics. Moscow: Lex-Est, 2002. 1046 p.

2. *Brazol B.*L. Essays on the Investigative Part. History. Practice. Petrograd: State Printing House, 1916. 215 p.

3. *Barshev Ya. I.* Foundations of Criminal Procedure, with Application to Russian Criminal Procedure // Works of the Ordinary Professor of Criminal and Police Laws at the Imperial St. Petersburg University, Doctor of Law Ya. Barshev. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Majesty's Own Chancellery, 1841. [4], II, XVIII, 297 p.

4. *Tregubov S.N.* Fundamentals of Criminal Technique: Scientific and Technical Methods of Investigating Crimes: A Practical Guide for Judicial Officials. Petrograd, Publishing house of the legal book depository "Pravo", 1915. 335 p.

5. *Rasseikin D.P.* Examination of the scene of the incident and the corpse in the investigation of murders. Saratov: Privolzhskoye Knizhnoye Izdatelstvo, 1967. 152 p.

6. *Ivanov L.A.* Investigative inspection during the investigation of transport accidents. Saratov: Sarat Publishing House University, 1993. 155 p.

7. *Stepanov V.V.* On the concept of an accident site // Theory and practice of criminalistics and forensic examination. Saratov, 2004. Issue 12. P. 42–48.

8. *Ivanov A.N.* Problems of improving the conceptual framework of investigative examination // Izvestiya of Saratov University. 2005. No. 1–2. P. 133–140.

9. *Khizhnyak D.S.* Examination of the scene of the incident: a textbook. Moscow: Gross-Media: Rossiyskiy bukhgalter, 2007. 93 p.

10. *Pinchuk L.V.* On the Issue of the Concept of Scene of the Incident Examination // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 5. P. 227–230.

11. *Smushkin A.B.* Swarm Control of UAVs during an Investigative Examination // Problems of Criminal Procedure, Criminalistics, and Forensic Expertise. 2022. No. 2 (20). P. 24–30.

12. *Bystryakov E.N., Usanov I.V.* The concept of layer-by-layer examination of the crime scene (LLECS)// Rossiyskiy sledovatel No. 2. 2022. P. 1–7.

13. *Gavrilov M.V., Ivanov A.N.* Examination of the crime scene in the investigation of crimes in the field of computer information. Saratov, 2004. 136 p.

14. *Annenkov S.I., Annenkova T.S.* The Environment in Which a Crime Is Committed: Procedural and Forensic Research Issues: a Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2013. 200 p.

15. *Velikorodny P.G.* Tactical Features of a Multi-Day Scene Examination / P.G. Velikorodny // Bulletin of Criminalistics. 2011. No. 2 (38). P. 89–92.

16. *Mamonov V.S.* Examination of the Scene of the Incident: Legal, Scientific Foundations and Practice of Application / V.S. Mamonov, V.V. Stepanov. Moscow: Yurlitinform, 2010. 184 p.

17. *Savelyeva M.V., Smushkin A.B.* Analysis of the Practice of Using High-Tech Tools in Conducting an Investigative Examination // Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. 2024. No. 4 (24). P. 176–185.

18. *Bakhteev D.V.* Conceptual Foundations of the Theory of Forensic Thinking and the Use of Artificial Intelligence Systems in Crime Investigation: dis. … Dr. of Law. sciences'. Yekaterinburg, 2022. 504 p.

19. Criminalistics: a course of lectures for bachelors / edited by M.K. Kaminsky, A.M. Kaminsky. Izhevsk: Jus est, 2012. 358 p.

А.А. Свистунов,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры частного права
Российского нового университета

СУБЪЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблематика института субъекта регионального государственного управления в контексте обеспечения инновационной деятельности. Предметом исследования служат нормативные акты, позиции ученых по исследуемому вопросу. Цель работы – изучение полномочий органов исполнительной власти субъектов РФ, а также предложение изменений законодательства. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частноправовые методы. Новизна работы связана с тем, что особое внимание уделяется вопросу совместного ведения для разделения полномочий между федеральным центром и региональными властями. Основные результаты заключаются в выявлении проблемы ограниченного перечня полномочий органов государственной власти субъектов РФ в области обеспечения инновационной деятельности. Автором делается вывод о том, что для учета лучших практик регионального законотворчества по данному вопросу целесообразно расширение перечня полномочий исполнительных органов субъектов РФ в рассматриваемой области, а также выдвинуты конкретные предложения для закрепления их на федеральном уровне.

Ключевые слова: субъект государственного управления, исполнительные органы субъекта РФ, обеспечение инновационной деятельности, полномочия органов исполнительной власти субъекта РФ.

A.A. Svistunov,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Private Law,
Russian New University

SUBJECTS OF REGIONAL STATE ADMINISTRATION IN THE FIELD OF ENSURING INNOVATION ACTIVITY

Abstract. The article examines the problems of the institution of the subject of regional State administration in the context of ensuring innovation activity. The subject of the study comprises normative acts and the positions of scholars on the issue under consideration. The purpose of the work is to study the powers of executive authorities of the subjects of the Russian Federation, as well as to propose amendments to legislation. The methodological basis of the study comprises general scientific and specific legal methods. The novelty of the work is connected with the fact that particular attention is paid to the issue of joint competence, for the division of powers between the federal centre and regional authorities. The main results consist in identifying the problem of the limited list of powers of State authorities

of the subjects of the Russian Federation in the field of ensuring innovation activity. The author draws the conclusion that, in order to take into account the best practices of regional law-making on this issue, it is expedient to expand the list of powers of executive bodies of the subjects of the Russian Federation in the field under consideration; specific proposals have also been put forward for their consolidation at the federal level.

Keywords: subject of State administration, executive bodies of a subject of the Russian Federation, ensuring innovation activity, powers of executive authorities of a subject of the Russian Federation.

Государственное управление трактуется, по мнению представителей науки административного права, в широком и узком смыслах [1, с. 22; 2, с. 6]. В административном праве преимущественно оно рассматривается узко – как деятельность органов государственной исполнительной власти [3, с. 26]. В связи с этим, говоря о субъектах государственного управления, следует согласиться с мнением А.Ю. Соколова, что ими прежде всего являются государственные органы исполнительной власти и их должностные лица, однако в ряде случаев это могут быть и иные субъекты [1, с. 23–24], деятельность которых отличается характерными для государственного управления признаками.

Статья 72 Конституции РФ относит науку и координацию вопросов здравоохранения, образования и иных социально-культурных отраслей к совместному ведению. Однако инновационная деятельность как таковая в предметах ведения прямо не поименована. Исходя из того, что область настоящего исследования относится к административно-правовому обеспечению, которое связано с административным и в некоторой степени с административно-процессуальным законодательством, вопросы государственного управления в области обеспечения инновационной деятельности – это вопросы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Л.Н. Сморчкова отмечает, что в соотношении федеральных и субъектовых полномочий прежде всего необходимо определиться с критериями, пределами и принципами разграничения предметов ведения Российской Федерации и субъектов РФ при осуществлении названных полномочий [4, с. 135]. С.Е. Чаннов делает акцент на сложности оптимального разграничения предметов ведения между федеральным центром и регионами, что обусловливается необходимостью решения как минимум двух противоречивых задач: обеспечения самостоятельного развития субъектов РФ с учетом индивидуальных особенностей каждого из них и сохранения единства федеративного государства, предполагающего недопущение чрезмерного неравенства различных входящих в его состав территорий [5, с. 13].

По мнению В.М. Манохина, содержащаяся в ст. 76 Конституции РФ норма об издании по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними региональных законов закрепила административный метод правового регулирования вопросов совместного ведения, при котором начальной формой является федеральный закон. Именно «федеральный центр определяет, что в предмете совместного ведения взять себе, а что оставить субъектам РФ» [6, с. 37].

Анализируя федеральное законодательство с целью выявления полномочий региональных субъектов государственного управления в области обеспечения

инновационной деятельности, можно прийти к выводу о том, что единый нормативный акт отсутствует, полномочия установлены в отдельных актах как общего характера, так и специальных нормативных актах, регулирующих отдельные вопросы осуществления инновационной деятельности.

В настоящее время Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 25 мая 2026 г.)[1] определены полномочия органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. К региональным полномочиям в области государственного управления, осуществляемым самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ, отнесено решение вопросов организации и осуществления региональных инновационных программ и проектов (п. 102 ч. 1 ст. 44).

К административным полномочиям контрольно-надзорного характера можно отнести организацию и осуществление оценки соответствия проектов планов закупки инновационной продукции, а также мониторинга соответствия планов закупки инновационной продукции, изменений, внесенных в такие планы, годовых отчетов о закупке инновационной продукции (в части закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства) требованиям законодательства РФ, предусматривающим участие субъектов малого и среднего предпринимательства в закупке (п. 17, 18 ч. 1 ст. 44).

К административно-правовому обеспечению следует отнести установление мер стимулирования деятельности в сфере промышленности, осуществляемых за счет средств бюджетов субъектов РФ, а также установление дополнительных требований к индустриальным (промышленным) паркам, промышленным технопаркам, технопаркам в сфере высоких технологий, их управляющим компаниям, промышленным кластерам, специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения мер стимулирования деятельности в сфере промышленности за счет имущества и средств региональных бюджетов (п. 145 ч. 1 ст. 44).

Российская Федерация закрепила за собой право устанавливать федеральным законом особенности осуществления публичной власти и взаимодействия органов публичной власти на федеральных территориях, а также реализации полномочий органов государственной власти субъекта РФ на территориях закрытых административно-территориальных образований, наукоградов, инновационных научно-технологических центров, инновационных центров, свободного порта Владивосток, территориях опережающего развития.

Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» установлено, что в систему исполнительных органов субъекта РФ входят высшее должностное лицо, высший исполнительный орган, а также иные исполнительные органы субъекта РФ.

По мнению Ю.Н. Старилова, в зависимости от характера компетенции органы исполнительной власти делятся на органы общей, отраслевой,

[1] См.: СЗ РФ. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973; 2026. № 22, ст. 2759.

межотраслевой и особой компетенции [7, с. 62]. На уровне субъектов РФ данная классификация также представлена, органами общей компетенции выступают высшее должностное лицо и высший исполнительный орган [1, с. 177] региона, т.к. они решают общий спектр вопросов социально-экономического, административно-политического и иного характера на отведенной территории.

Высшее должностное лицо (губернатор или глава региона) определяет структуру органов исполнительной власти субъекта РФ и осуществляет руководство ими в соответствии с его конституцией (уставом).

Полномочия губернаторов в области обеспечения инновационной деятельности закрепляются в федеральном законодательстве, а также в региональном, которое представлено законами субъектов РФ в сфере инновационной деятельности. Кроме того, в данной сфере могут приниматься указы (постановления) и распоряжения высших должностных лиц. Несмотря на некоторые отличия, обусловленные спецификой конкретных субъектов РФ, можно определить некую общую базовую модель, по которой строится работа глав регионов.

Губернатор обеспечивает координацию деятельности органов исполнительной власти в инновационной сфере, а также организует их взаимодействие с федеральными структурами, органами местного самоуправления и общественными объединениями. Важно отметить, что эти полномочия носят не только императивный, но и интегративный характер: губернатор выступает центром консолидации разноуровневых акторов инновационного процесса.

Полномочия высшего должностного лица по государственному управлению и регулированию в сфере инновационной деятельности связаны с формированием органов исполнительной власти. Наиболее значимой тенденцией последних лет стало закрепление персональной ответственности заместителей губернаторов за развитие инновационной сферы. В отдельных регионах к ним непосредственно было отнесено обеспечение инновационной деятельности (например, указ Губернатора Омской области от 1 августа 2024 г. № 166 «О внесении изменений в указ Губернатора Омской области от 9 января 2024 года № 1»[1]), тогда как в других оно предполагалось в связи с контекстом полномочий (распоряжение Губернатора Свердловской области от 24 мая 2024 г. № 121-РГ «Об определении должностного лица, ответственного за научно-технологическое развитие и развитие сферы интеллектуальной собственности в Свердловской области»[2]).

Следующим субъектом государственного управления выступает высший исполнительный орган субъекта РФ (правительство), который является постоянно действующим региональным органом исполнительной власти. В его полномочия в исследуемой сфере общественных отношений включаются: определение приоритетных направлений инновационного развития региона; утверждение государственных программ и различных стратегий государственной поддержки иннова-

[1] См.: Омский вестник. 2024. 9 августа. URL: https://omskparlament.ru/Files/File/19343.pdf (дата обращения: 28.05.2026).

[2] См.: Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: http://www.pravo.gov66.ru (дата обращения: 28.05.2026).

ционной деятельности на уровне субъекта РФ; принятие инновационных программ и проектов, финансируемых за счет средств регионального бюджета; создание региональных институтов инновационного развития и государственных организаций в сфере инноваций, в том числе фондов поддержки инновационной деятельности; осуществление межотраслевой координации инновационной деятельности; принятие постановлений и распоряжений, в том числе по вопросам инноваций.

В числе полномочий высшего должностного лица субъекта РФ указывается создание в структуре органов исполнительной власти уполномоченного (специального) органа отраслевой компетенции, отвечающего за развитие инновационной деятельности. На основе анализа регионального опыта можно выделить две основные модели институционального оформления государственного управления инновационной сферой.

Первая модель предполагает создание специализированного министерства (департамента, комитета), в компетенцию которого входит решение вопросов инноваций. В качестве примеров выступают Министерство науки и инновационной политики Новосибирской области, Департамент предпринимательства и инновационного развития города Москвы, Министерство инноваций, цифрового развития и инфокоммуникационных технологий Республики Саха (Якутия), Департамент по научно-технологическому развитию и инновационной деятельности Томской области, Комитет Тульской области по науке и инноватике.

Данные органы исполнительной власти осуществляют функции по выработке и реализации единой государственной политики, государственному управлению и нормативному правовому регулированию в сфере инновационной деятельности, а также координацию и контроль деятельности подведомственных государственных учреждений. Их основные полномочия включают: формирование и реализацию региональной инновационной политики; развитие инновационной инфраструктуры субъекта РФ; создание условий для эффективного использования научного, научно-технического и образовательного потенциала, профессиональной навигации и профессиональной ориентации молодежи; предоставление финансовых (гранты и субсидии для бизнеса, льготные кредиты, поручительства) и нефинансовых (консультации, образовательные и акселерационные программы, конкурсы, проекты по кооперации с инвесторами и крупными заказчиками, поддержка в продвижении товаров, защита прав предпринимателей) мер поддержки.

Вторая модель предполагает закрепление полномочий в сфере инноваций за многофункциональным министерством (комитетом), объединяющим несколько направлений экономической политики, где инновации играют дополняющую роль. Так, в Санкт-Петербурге действует Комитет по промышленной политике, инновациям и торговле, ответственный за реализацию полномочий в сфере промышленной политики, инноваций и торговли на территории города федерального значения. Аналогично в Московской, Ульяновской и Липецкой областях функции

в сфере обеспечения инновационного развития возложены на министерства промышленности, инвестиций и науки. В Республике Татарстан Министерство экономики является уполномоченным органом в области инновационной деятельности и содействия развитию конкуренции.

Административно-правовой статус специальных (уполномоченных) органов исполнительной власти субъектов РФ в инновационной сфере включает в себя совокупность прав и обязанностей, закрепленных в нормативных правовых актах. К числу основных функций в сфере управления следует отнести выработку региональной государственной политики и осуществление нормативно-правового регулирования. Первое из этих направлений включает разработку и реализацию долгосрочных целевых программ по развитию инновационной деятельности, ведомственных целевых программ и т.п., а второе – разработку проектов законов субъектов РФ о поддержке инновационной деятельности и принятие подзаконных нормативных правовых актов по вопросам инноваций.

Кроме того, за специальным органом закрепляются: полномочия организационно-распорядительного характера, связанные с формированием и развитием инновационной инфраструктуры (технопарков, бизнес-инкубаторов, инновационных кластеров); создание региональных фондов поддержки инновационной деятельности; ведение реестров субъектов инновационной деятельности.

Важное значение для административно-правового обеспечения инновационной деятельности имеют полномочия по координации и контролю. Первые связаны с взаимодействием с федеральными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, организациями инновационной инфраструктуры, а вторые – с мониторингом и анализом деятельности субъектов инновационной инфраструктуры.

Кроме уполномоченного органа в субъектах РФ могут предусматриваться иные исполнительные органы государственной власти, в компетенции которых фигурирует обеспечение инновационной деятельности.

Подводя итог деятельности исполнительных органов субъектов РФ в области государственного управления инновационным развитием, следует признать, что она прошла структурную эволюцию от распределенных между несколькими ведомствами к интегрированным полномочиям – с закреплением персональной ответственности за первыми заместителями глав регионов.

Несмотря на значительный прогресс в институциональном оформлении регионального управления инновационной сферой, в качестве еще не решенных проблем следует отметить формальный характер полномочий в сфере инновационной деятельности, закрепленных за соответствующими органами исполнительной власти. Кроме того, во многих регионах полномочия по управлению инновациями не связаны с обеспечением научной и научно-технической деятельности, а в ряде случаев отсутствует единый координирующий и совещательный орган.

Обобщая результаты анализа регионального государственного управления в области обеспечения инноваци-

онной деятельности, следует признать, что одной из важных проблем является ограниченный перечень полномочий органов государственной власти субъектов РФ (ст. 16.3 ФЗ о науке), сведенный к двум позициям: праву принятия законов и актов о поддержке инноваций и праву принятия и реализации собственных программ и проектов. Этот перечень не охватывает весь комплекс задач, предоставляя регионам лишь право без четко прописанных обязательств, не распределяя указанные позиции между ветвями власти, что порождает правовую неопределенность.

Для решения данной проблемы на основе анализа регионального законодательства следует закрепить на федеральном уровне перечень полномочий (сообразно объекту проводимого исследования) исполнительных органов субъектов РФ, который станет ориентиром для законодателей всех регионов, что позволит реализовать удачные решения в масштабах всего государства. В основу перечня полномочий исполнительной власти необходимо заложить организационно-распорядительные полномочия (по созданию уполномоченных органов исполнительной власти, развитию инновационной инфраструктуры), а также вспомогательно-координационные (включающие межотраслевую координацию и создание советов при региональных исполнительных органах).

Таким образом, в перечень войдут следующие полномочия:

разработка и реализация инновационных программ и проектов;

определение уполномоченного исполнительного органа государственной власти в сфере инновационной деятельности;

осуществление межотраслевой координации научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также деятельности по реализации технологической политики;

утверждение перечня региональных институтов инновационного развития с указанием исполнительных органов государственной власти, осуществляющих координацию их деятельности;

создание фондов поддержки инновационной деятельности;

осуществление мер по развитию инновационной инфраструктуры, включая создание и (или) государственную поддержку инновационной образовательной среды (кампусов), инновационных фондов, инновационно-технологических центров, инновационных агентств, бизнес-инкубаторов, управляющих компаний промышленных технопарков, индустриальных (промышленных) парков, технопарков в сфере высоких технологий, учебно-деловых центров и иных специализированных организаций, создаваемых в целях инновационной деятельности;

организация проведения экспертиз инновационных программ и проектов, финансируемых за счет средств регионального бюджета;

осуществление мониторинга и контроля реализации инновационных программ и проектов, финансируемых за счет средств регионального бюджета;

формирование совета по вопросам инновационной деятельности при органах государственной власти субъектов РФ в целях обеспечения их участия в проведении единой государственной инновационной политики.

Библиографический список

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: ДМК Пресс, 2025. 635 с.

2. *Попова Н.Ф.* Административное право: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 297 с.

3. *Мигачев Ю.И.* Административное право Российской Федерации: учебник для вузов / под ред. Л.Л. Попова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 474 с.

4. *Сморчкова Л.Н.* О разграничении предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации при осуществлении административно-правового регулирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 133–141.

5. *Чаннов С.Е.* Разграничение полномочий по предметам совместного ведения в контексте бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2020. № 5. С. 12–20.

6. *Манохин В.М.* Организация правотворческой деятельности в субъектах Российской Федерации. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2002. 237 с.

7. *Россинский Б.В.* Административное право: учебник. 6-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 640 с.

Reference

1. Administrative Law of the Russian Federation: Textbook for Bachelor's Students / Ed. by A. Yu. Sokolov. Moscow: DMK Press, 2025. 635 p.

2. *Popova N.F.* Administrative Law: Textbook for Higher Education Institutions. 8th ed., revised and expanded. Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. 297 p.

3. *Migachev Yu. I.* Administrative Law of the Russian Federation: Textbook for Higher Education Institutions. 7th ed., revised and expanded. Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. 474 p.

4. *Zapolsky S.V., Smorchkova L.N.* Joint Jurisdiction of the Russian Federation and the Constituent Entities of the Russian Federation: Constitutional Novelties // Law and Practice. 2022. No. 2. P. 50–55.

5. *Channov S.E.* Delimitation of powers regarding matters of joint jurisdiction in the context of the budgetary capacity of constituent entities of the Russian Federation // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2020. No. 5. P. 12–20.

6. *Manokhin V.M.* Organization of law-making activity in constituent entities of the Russian Federation. Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2002. 237 p.

7. *Rossinsky B.V.* Administrative Law: a textbook. 6th ed., revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 640 p.

Т.В. Соловьева,
доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРИМИРЕНИЮ В НАПРАВЛЕНИИ ОПТИМИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Статья посвящена примирению как одному из направлений оптимизации гражданского судопроизводства. Предмет: нормы права, данные судебной статистики, позиции ученых по указанной теме. Цель работы: разработка и формулирование инновационного подхода к примирению в гражданском судопроизводстве. Методологическую основу исследования составили общенаучные и эмпирические методы, в частности диалектический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, метод анализа судебной практики. Несмотря на общую цель досудебного и судебного примирения, которая состоит в урегулировании спора на взаимовыгодных и оптимальных для обеих сторон условиях, последствия такого развития несколько отличаются, но в целом способствуют сокращению судебной нагрузки и повышению эффективности судебной защиты прав и интересов заинтересованных субъектов. Основные результаты: оптимизация гражданского судопроизводства проводится в целях обеспечения баланса частных и публичных интересов при рассмотрении и разрешении гражданских споров, достичь который возможно в том числе посредством применения досудебных и судебных примирительных процедур. Практическая значимость состоит в возможности использования сформулированных в работе выводов для внесения изменений и дополнений в акты толкования и гражданское процессуальное законодательство. Выводы: в современных условиях обязательный досудебный порядок урегулирования споров по отдельным категориям гражданских дел должен быть установлен на законодательном уровне, и судьи должны неукоснительно выполнять обязанность, связанную с обязательным разъяснением порядка, условий и последствий примирения во всех стадиях судопроизводства, а также активно содействовать мирному взаимодействию.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, оптимизация, досудебное примирение, судебный примиритель, баланс частных и публичных интересов.

T.V. Solovyova,
Doctor of Law,
Professor of the Department of Civil Procedure,
Saratov State Law Academy

INNOVATIVE APPROACH TO RECONCILIATION AS A DIRECTION FOR OPTIMIZING CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. The article is devoted to conciliation as one of the directions for optimizing civil proceedings. Subject: norms of law, judicial statistics data, and the positions

of scholars on the said topic. The purpose of the work is to develop and formulate an innovative approach to conciliation in civil proceedings. The methodological basis of the study comprises general scientific and empirical methods, in particular, the dialectical method, the formal legal and comparative legal methods, and the method of analysing judicial practice. Despite the common purpose of pre-trial and judicial conciliation – namely, the settlement of a dispute on mutually beneficial and optimal terms for both parties – the consequences of such development differ somewhat, but on the whole contribute to reducing the judicial workload and enhancing the effectiveness of judicial protection of the rights and interests of interested subjects. Main results: the optimization of civil proceedings is carried out with a view to ensuring a balance of private and public interests in the consideration and resolution of civil disputes, which can be achieved, among other means, through the application of pre-trial and judicial conciliation procedures. The practical significance of the work lies in the possibility of using the conclusions formulated therein for introducing amendments and additions to acts of interpretation and civil procedural legislation. Conclusions: under modern conditions, a mandatory pre-trial procedure for settling disputes in certain categories of civil cases should be established at the legislative level, and judges must strictly fulfil the obligation connected with the mandatory explanation of the procedure, conditions and consequences of conciliation at all stages of proceedings, as well as actively contribute to peaceful settlement.

Keywords: civil proceedings, optimization, pre-trial conciliation, judicial conciliator, balance of private and public interests.

Вопрос о соотношении примирительных процедур и судебного разбирательства в современных условиях развития государства и общества является актуальным, что обусловлено стремительной трансформацией и модификацией гражданских правоотношений и, как следствие, увеличением количества спорных ситуаций, которые необходимо урегулировать.

Сокращение судебной нагрузки и использование примирительных процедур являются одними из приоритетных направлений развития судебной системы. На X Всероссийском съезде судей было отмечено, что «с 1991 года по инициативе Верховного Суда РФ последовательно осуществляется судебная реформа, которая предусматривает систему взаимосвязанных мер, объединенных целью обеспечить эффективную и доступную судебную защиту прав граждан и бизнеса в разумные сроки. В современном обществе существует запрос на законное, социально ориентированное, скорое, доступное и открытое правосудие, которое возможно на основе самостоятельности судебной власти и независимости судей, подчиняющихся только Конституции Российской Федерации и закону»[1]. Отмечено, что «важное значение для повышения эффективности судопроизводства, снижения конфликтности в обществе, укрепления социальных и экономических связей имеет дальнейшее развитие института примирения сторон»[2].

Данные судебной статистики свидетельствуют о ежегодном росте количества гражданских дел, рассматриваемых и разрешаемых судами общей юрисдикции, что в целом негативно отражается на своевременности предоставления судебной защиты, а также ее эффективности. Такая ситуация не может быть разрешена только лишь организационными средствами и способами, такими как внедрение ин-

[1] Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[2] Там же.

формационных технологий в судебный порядок, упрощение в целом судопроизводства, увеличение состава судейского корпуса и повышение их уровня профессиональной подготовки. Видится, что ключевым моментом в вопросе снижения количества дел, рассматриваемых и разрешаемых судами общей юрисдикции, выступает развитие альтернативных способов урегулирования споров, а также совершенствование законодательства, регулирующего поведение субъектов материальных правоотношений в направлении выработки четких условий их взаимодействия.

Мирное урегулирование споров имеет долгую историю развития. Упоминания о мировом соглашении встречаются в Соборном уложении 1649 года[1]. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. содержал раздел IV «О примирительном разбирательстве», где регламентировался порядок, способы и последствия совершения мировых сделок [1, с. 211–212]. В советское время М.А. Гурвич примирение участников правового конфликта рассматривал как разновидность гражданско-правовой новации [2, с. 280–282]. С.В. Курылев отмечал, что мировое соглашение выступает в качестве акта распоряжения процессуальным и материальным правом [3, с. 157].

Стоит привести общее определение примирения, которое дает А.Н. Кузбагаров, характеризуя его как «социально полезное явление, модель которого предназначена для урегулирования частноправовых конфликтов как на досудебном этапе, так и тогда, когда возбуждено судебное производство по его разрешению, использование и применение которого имеет целью восстановление мирных, партнерских отношений посредством использования приемов и способов, как правило, по инициативе сторон конфликта» [4, с. 96].

В целом стоит признать положительные последствия примирения как для сторон спора, так и для суда, к которым относятся экономия временных и материальных ресурсов, сохранение конфиденциальности информации, сохранение и дальнейшее поддержание отношений и пр. При этом данные статистики свидетельствуют о низком проценте споров (не более 0,05 % от общего количества)[2], которые были урегулированы посредством примирительных процедур.

Примирительное разрешение споров возможно как в досудебном порядке, так и в судебном, после того как возбуждено гражданское судопроизводство по заявленным заинтересованным лицом требованиям.

Досудебное урегулирование споров осуществляется сторонами конфликта самостоятельно без обращения к юрисдикционным органам. В таком случае примирение должно стать обязательным условием при обращении в суд для разрешения отдельных требований. Законодатель четко определяет, что по некоторым категориям дел претензионный порядок урегулирования конфликта является обязательным условием для последующей подачи в суд искового заявления. Например дела, связанные с перевозками (п. 1 ст. 797 ГК РФ[3]), выплатой страхово-

[1] См.: Официальный сайт Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#10 (дата обращения: 19.04.2026).

[2] См.: Отчеты о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 18.04.2026).

[3] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410; 2026. № 24, ст. 3099.

го возмещения по договору ОСАГО (п. 1 ст. 16.1 Закона об ОСАГО[1]) и др. Выбор категорий споров, по которым досудебное урегулирование является обязательным, в целом необъясним, т.к. по характеру все споры, рассматриваемые и разрешаемые в гражданском судопроизводстве, являются гражданско-правовыми. Отметим, что обязательное досудебное регулирование определенных категорий гражданских споров имеет неоднозначную оценку в научной среде. В науке гражданского процессуального права высказывались различные мнения о необходимости законодательного регламентирования досудебного урегулирования споров, вытекающих из семейных [5, с. 10], трудовых [6, с. 8] и иных правоотношений. Однако на практике такие предложения развития не получили. Нередко противники введения обязательного досудебного регулирования спора указывают на противоречие такого порядка конституционным основам, а именно, ограничение права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ[2]).

Анализ статистических данных работы судов общей юрисдикции свидетельствует о том, что большую часть дел, рассматриваемых и разрешаемых ими, составляют дела по спорам, возникающим из жилищных (около 40 % от общего количества дел) правоотношений и кредитных договоров и договоров займа (около 40 % от общего количества дел). Оставшиеся 20 % дел составляют семейные (около 4 % от общего количества дел), о защите прав потребителей (около 1,1 % от общего количества дел), трудовые (около 1,5 % от общего количества дел) и иные дела, связанные с реализацией социальных прав.

Обязательное досудебное урегулирование по отдельным категориям дел (например, семейным, трудовым, потребительским) может существенно снизить число обращений в суд (около 10 %) и общую нагрузку на судебную систему. Более того, досудебное урегулирование для заинтересованных субъектов (участников спора) будет иметь преимущество, связанное с экономией временных и материальных ресурсов, возможностью сохранения и развития личных и партнерских отношений. В случае установления и закрепления обязательного досудебного порядка урегулирования спора, у суда возникает необходимость проверять его соблюдение и в случае несоблюдения возвращать исковое заявление (ст. 135 ГПК РФ[3]). Возвращение искового заявления в такой ситуации выступит определенным процессуальным фильтром, который будет препятствовать процессуальным злоупотреблениям, выражающимся в заявлении необоснованных требований.

В судебном порядке примирение осуществляется, когда обращение в суд состоялось и судопроизводство было возбуждено. Здесь возникает необходимость разъяснения примирительного порядка урегулирования конфликта сторонам, поэтому активное содействие этому должно стать прямой обязанно-

[1] См.: Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 18, ст. 1720; 2025. № 31, ст. 4672.

[2] См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.05.2026).

[3] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2026. № 32, ст. 4530.

стью судьи на стадии подготовки дела к судебному разбирательству и в самом судебном разбирательстве.

В настоящее время из содержания гл. 14.1 ГПК РФ не усматривается, какие меры должен применять судья для примирения сторон. Например, в ст. 153.1 ГПК РФ установлено, что «суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора…», но сами меры не перечислены. В гл. 14.1 ГПК РФ содержатся лишь виды примирительных процедур и принципы примирения. Отметим, что в ст. 153.3 ГПК РФ определены различные виды примирительных процедур – переговоры, посредничество, медиация, судебное примирение, и данный перечень не является исчерпывающим, т.к. законодатель предоставляет сторонам спора самостоятельно использовать другие примирительные процедуры.

После принятия заявления и возбуждения производства по гражданскому делу судья выносит определение, в котором указывается на возможность сторон мирно, без судебного разбирательства, урегулировать спор (ст. 147 ГПК РФ). Однако на практике такое определение остается востребованным сторонами только в той части, где указано, какие действия необходимо совершить.

Примирение сторон на стадии подготовки также определено как задача (ст. 148 ГПК РФ), что предполагает необходимость ее решения судом и лицами, участвующими в деле. При этом ГПК РФ не содержит каких-либо указаний на то, каким образом данная задача должна быть решена, какие процессуальные способы имеются для этого. В ст. 150 ГПК РФ отмечено, что судья содействует примирению и разъясняет все условия и последствия. Вместе с тем в ст. 149 ГПК РФ, определяющей действия сторон, не сказано про примирение. Стоит учитывать, что на практике судьи в отдельных случаях не разъясняют права на примирение и его последствия. В связи с этим стоит законодательно или в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить обязанность судьи процессуально фиксировать факт того, что сторонам разъяснено это право и они отказались от использования примирительных процедур.

Если стороны решили на стадии подготовки дела использовать мирный способ урегулирования конфликта, то стоит приглашать на стадию подготовки судебного примирителя. Судебный примиритель может оказать содействие в достижении взаимоприемлемого результата примирения, основанного в том числе на понимании и оценке сторонами обоснованности заявленных требований и возражений (ч. 5 ст. 153.6 ГПК РФ). Предложение судьи обратиться к судебному примирителю также должно быть зафиксировано в материалах дела, даже в случае, если стороны отказались от применения такого процессуального способа урегулирования конфликта.

На судебном заседании в рамках его подготовительного этапа председательствующий разъясняет лицам, участвующим в деле, права, предусмотренные ст. 39 ГПК РФ (ст. 165 ГПК РФ), которая устанавливает возможность окончить дело мировым соглашением. Содержание ст. 165 ГПК РФ носит информативный характер и не предполагает совершения судьей каких-либо активных действий, направленных на примирение сторон.

Наряду с указанным ранее, судья обязан разъяснять возможность примирения и после судебных прений. Такой подход видится целесообразным, т.к. к этому моменту объяснения сторон заслушаны, все доказательства представлены и исследованы, стороны имели возможность в судебных прениях сделать заключительные выводы. На этом этапе, также как и на стадии подготовки, представляется эффективным и целесообразным обращение к судебному примирителю.

На основании изложенного, несмотря на общую цель досудебного и судебного примирения, которая состоит в урегулировании спора на взаимовыгодных и оптимальных для обеих сторон условиях, последствия такого развития несколько отличаются. Если спор был разрешен без обращения в суд, то возбуждение судопроизводства не инициируется, и, как следствие, общее количество дел, рассматриваемых и разрешаемых судами, сокращается. При судебном урегулировании спора, хотя судопроизводство и было возбуждено, оно подлежит прекращению, что снижает вероятность обращения в суды вышестоящих инстанций с жалобами о пересмотре итогового судебного постановления.

Оптимизация гражданского судопроизводства проводится в целях обеспечения баланса частных и публичных интересов при рассмотрении и разрешении гражданских споров с применением примирительных процедур, что может быть достигнуто при четком взаимодействии законодателя и правоприменителя, включающем нормативную регламентацию, во-первых, обязательного досудебного регулирования споров по отдельным категориям гражданских дел, и во-вторых, неукоснительное выполнение судом обязанности, выражающейся в его активной деятельности, связанной с обязательным разъяснением порядка, условий и последствий примирения во всех стадиях судопроизводства, а также содействием в процессе урегулирования спора.

Библиографический список

1. Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. М.: Статут. 2018. 512 с.

2. Советское гражданское процессуальное право: учеб. пособие для юридических вузов и факультетов / отв. ред. проф. М.А. Гурвич. М.: Высшая школа, 1964. 536 с.

3. *Курылев С.В.* Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1956. 188 с.

4. *Кузбагаров А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частноправового характера: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 359 с.

5. *Илюшников Д.С.* Досудебное урегулирование как условие реализации права на обращение в суд по отдельным категориям гражданских дел: автореф. дисс…канд. юрид. наук. Саратов. 2024. 25 с.

6. *Бережнов А.А.* Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров: автореф. дисс…канд. юрид. наук. М., 2012. 28 с.

Reference

1. Judicial charters of the Russian Empire (in the field of civil jurisdiction): Charter of civil proceedings. Establishment of Commercial Courts and Statutes of their Proceedings.

Charter of civil proceedings of the provinces of the Kingdom of Poland. Volost judicial charter of the Baltic provinces. Moscow: Statute. 2018. 512 p.

2. Soviet Civil Procedural Law: a textbook for law universities and faculties / edited by Prof. M. A. Gurvich. Moscow: Vysshaya Shkola, 1964. 536 p.

3. *Kurylev S.V.* Explanations of the Parties as Evidence in Soviet Civil Procedure [Text]. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 188 p.

4. *Kuzbagarov A.N.* Reconciliation of the parties to private law conflicts: dis.... dr. legal. sciences. St. Petersburg. 2006. 359 p.

5. *Ilyushnikov D.S.* Pre-trial settlement as a condition for the exercise of the right to appeal to the court in certain categories of civil cases. Autoref. diss... cand. legal. sciences. Saratov. 2024. 25 p.

6. *Berezhnov A.A.* Pre-trial procedure for resolving individual labor disputes. Autoref. diss... cand. legal. sciences. Moscow. 2012. 28 p.

Ю.В. Францифоров,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии

МЕСТО ЗАКОННОСТИ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И В ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются научные взгляды на принцип законности в системе принципов уголовного процесса и теории уголовно-процессуального права. Принцип законности представляет собой механизм регулирования правовых отношений участников уголовного судопроизводства, целевым назначением которого является требование обеспечения нормативных предписаний всеми субъектами уголовного процесса.

Предмет исследования составляют нормы уголовно-процессуального законодательства, транслирующие принцип законности. Цель работы: обосновать, что принцип законности представляет собой механизм регулирования правовых отношений участников уголовного судопроизводства, целевым назначением которого является требование обеспечения нормативных предписаний всеми субъектами уголовного процесса. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод как универсальный инструмент познания, дополненный общенаучными (анализ, синтез, обобщение) и частнонаучными методами (правовое прогнозирование, формально-юридический, статистический). Научная новизна определяется полученными результатами и выводами. Основные результаты определены в предложении использования такого понятия, как «уголовно-правовая законность», чьим содержанием являются закон и право, в которых раскрываются новые грани основных принципов уголовного судопроизводства. Сделан вывод о том, что исходя из многообразия свойств, средств, условий и гарантий существования законности, уместно при ее интерпретации использование такого понятия, как «уголовно-правовая законность», чьим содержанием являются закон и право, в которых раскрываются новые грани таких принципов, как разумный срок уголовного судопроизводства и законность при производстве по уголовному делу, состязательность сторон и публичность, уважение чести и достоинства граждан, а также охрана прав и свобод человека и гражданина.

Область применения и практическая значимость: сформулированный вывод может быть принят во внимание при формировании теории и практики уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: законность, принцип законности, теория уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальный кодекс, уголовное судопроизводство, механизм правового регулирования, система принципов уголовного судопроизводства.

Yu. V. Frantsiforov,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Saratov State Law Academy

THE PLACE OF LEGALITY IN THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE AND IN THE THEORY OF CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Abstract. The article examines scientific views on the principle of legality in the system of principles of criminal procedure and in the theory of criminal procedural law. The principle of legality represents a mechanism for regulating the legal relations of participants in criminal proceedings, the purpose of which is the requirement to ensure normative prescriptions by all subjects of criminal procedure.

The subject of the study comprises the norms of criminal procedure legislation transmitting the principle of legality. The purpose of the work is to substantiate that the principle of legality represents a mechanism for regulating the legal relations of participants in criminal proceedings, the purpose of which is the requirement to ensure normative prescriptions by all subjects of criminal procedure. The methodological basis of the study includes the dialectical method as a universal instrument of cognition, supplemented by general scientific methods (analysis, synthesis, generalization) and specific scientific methods (legal forecasting, formal legal, statistical). The scientific novelty is determined by the results and conclusions obtained. The main results consist in proposing the use of such a concept as "criminal law legality", the content of which is law and right, in which new facets of the basic principles of criminal proceedings are revealed. A conclusion is drawn that, proceeding from the diversity of properties, means, conditions and guarantees of the existence of legality, it is appropriate, in its interpretation, to use such a concept as "criminal law legality", the content of which is law and right, in which new facets of such principles as reasonable time of criminal proceedings and legality in criminal case proceedings, adversarial nature of the parties and publicity, respect for the honour and dignity of citizens, as well as the protection of the rights and freedoms of man and citizen, are revealed. Scope of application and practical significance: the formulated conclusion may be taken into account in forming the theory and practice of criminal procedure legislation.

Keywords: legality, principle of legality, theory of criminal procedural law, criminal procedure code, criminal proceedings, mechanism of legal regulation, system of principles of criminal proceedings.

Первоочередным средством правового регулирования в уголовном судопроизводстве выступает требование соблюдения законности. Из общей теории права известно, что принцип законности является одним из основополагающих в правовом демократическом государстве. Законность выражается в точном и конкретном соблюдении законодательства всеми субъектами общественных правоотношений.

Выделяют несколько подходов к определению понятия законности. Ее рассматривают как соблюдение, исполнение, использование и применение субъектами права действующих законов. Видится, что это одно из самых распространенных определений, исходящее из того, что главным элементом законности является строгое соблюдение и исполнение субъектами правоотношений действующих законов, т.е. в таком понимании законность – это юридическая основа существования государственно-организованного общества.

Согласно такому пониманию, «законность – это политико-правовое явление, характеризующее процесс совершенствования государственно-правовой формы организации общества» [1, с. 515]. При подобном подходе законность формирует в правосознании общества идею о необходимости полного отсутствия произво-

ла, а также достижения всеобщности права, реальности реализации и соблюдения прав и свобод. Законность таким образом не только внедряется в суть правовой материи, но и предопределяет ее образование, действие и развитие.

Законность можно понимать как метод государственного управления обществом, который базируется на всеобъемлющем исполнении предписаний права. В таком случае подразумевается, что государство свои функции приводит в действие только правовыми средствами, т.е. не только принятием нормативных актов, но и обеспечением их обязательной реализации. Произвол в деятельности должностных лиц ни в коем случае недопустим, при этом необходима в достаточной степени полная регламентация практически всех сфер общественной жизни. Законность также следует понимать и как режим жизни общества, который базируется на соблюдении и исполнении закона. При данном режиме деятельность субъектов основывается на законе, где, в свою очередь, идеи права, справедливости, ответственности, гуманизма и свободы имеют приоритет над интересами личности, группы и классов, т.е. основой жизни общества является: а) исключительное соблюдение законов; б) незыблемость прав граждан; в) приоритет права, гуманизма и справедливости.

Авторы выделяют такие требования, предъявляемые к законности, как «реализация господства права в общественной жизни и функционирования государства; верховенство закона; исключительное равенство всех субъектов правоотношений перед законом; обязательное исполнение и соблюдение правовых актов субъектами права; эффективность и корректность в применении права; эффективность в борьбе с правонарушениями; нетерпимость с произволом в деятельности всех должностных лиц государственного аппарата» [2, с. 226].

Должностные лица при принятии решений не должны руководствоваться личными интересами, а их действия должны базироваться на правовых предписаниях, сформулированных в интересах государства и общества.

А.Б. Лисюткин под законностью понимает «...строгое и неуклонное соблюдение участниками общественных правоотношений существующей в государстве системы нормативных правовых актов для достижения цели состояния правомерности поведения» [3, с. 545].

В общей теории права, «законность – это режим общественной жизни, основанный на такой совокупности требований по соблюдению законодательства уже не только государственными органами или же должностными лицами, но и предприятиями, учреждениями и гражданами» [4, с. 360].

Анализируя данные определения, следует сделать вывод, что ученые в области государства и права в своем понимании законности единодушны, не смотря на то, что каждый из них опирается в ее содержании, на те или иные присущие ей признаки.

Соблюдение законности приобретает особое значение в уголовном судопроизводстве. Это обусловлено защитой прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, а также защитой личности от незаконного необоснованного обвинения и осуждения, ограничения ее прав и свобод. А потому весьма актуальным является рассмотрение внутреннего содержания и целевого назначения законности как принципа уголовного процесса.

«Принцип законности в уголовном процессе – это строгое и точное исполнение законов при производстве по уголовному делу» [5, с. 3]. Он занимает центральное место, поскольку ему придается огромное значение в практической деятельности органов предварительного расследования и суда.

Трудно согласиться с тем, что законность направлена лишь на строгое и точное исполнение исключительно законов. Не следует умалять значение подзаконных актов, которые являются составной частью законности.

При определении законности нет необходимости специально оговаривать, что законность требует соблюдения и исполнения подзаконных актов, поскольку последние изданы на основании законов. Понятие законности необходимо связывать не только с исполнением законов, а с соблюдением всей системы законодательства, в основе которой находятся такие нормативные правовые акты, как законы, постановления, приказы, международные и внутригосударственные договоры.

М.С. Строгович указывал, что «принцип законности в уголовном процессе – это совокупность всех принципов процесса в их взаимной связи, а не отдельный принцип наравне с другими, это основа всех принципов процесса и каждого принципа в отдельности, а нечто отличное от них, это то, что выражено во всех принципах процесса и в каждом отдельном принципе, а не одно лишь звено системы принципов» [6, с. 175]. По нашему мнению, взаимосвязь законности с другими принципами уголовного процесса вполне очевидна, поскольку принцип законности выступает фундаментом, на котором строится вся система принципов уголовного процесса. Данная взаимосвязь не говорит о том, что законность это не самостоятельный принцип, а нечто отличное от принципов процесса, поскольку законность как принцип процесса определяет систему построения уголовного судопроизводства, его основные институты, оказывает воздействие на все стадии процесса, выступает важнейшей гарантией обеспечения прав всех его участников.

Следует согласиться с Е. Доля в том, что «существование взаимосвязи принципов не отрицает наличие у каждого из них собственного содержания, своей основы, поскольку каждый принцип уголовного судопроизводства имеет свое правое содержание, отличное от иных принципов процесса» [5, с. 4].

«Особенностью принципа законности является идея принятия компетентными органами и должностными лицами в сфере уголовного судопроизводства только таких решений, которые не противоречили бы УПК РФ и были законными, обоснованными и мотивированными» [7, с. 45].

Однако формулировка принципа законности в ст. 7 УПК РФ не в полной мере раскрывает его функциональное назначение в уголовном судопроизводстве, поскольку не распространяется на таких участников уголовного процесса, как обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель, защитник, эксперт, специалист и переводчик, для которых требование соблюдения законности выражается в точном соблюдении нормативных требований, обусловленных наличием прав, обязанностей и уголовной ответственности.

Как указывает В.Т. Томин, «условием эффективности принципа являет-

ся наличие в уголовно-процессуальном праве таких норм, которые были бы доступны всем участникам уголовного процесса» [8, с. 715].

В связи с этим следует наименование ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу» заменить на «Соблюдение законности в уголовном судопроизводстве», распространив ее предписание не только на государственные органы и должностных лиц, обладающих полномочиями при производстве по уголовному делу, но и на иных участников уголовного процесса.

Вместе с тем понятие принципа законности в уголовно-процессуальной теории имеет свою особенность, фундаментом которой является не частное, а государственное и общественное начало. По своей сути этот принцип носит императивный, т.е. властно-повелительный характер, обязательные предписания которого обеспечиваются средствами уголовного и уголовно-процессуального принуждения. При этом ответственность за соблюдение принципа законности возложена на должностных лиц, которые наделены публичной властью на определенных условиях, установленных уголовно-процессуальным законодательством, и в соответствии с их полномочиями в сфере уголовного судопроизводства.

Эти требования предъявляются к судье, прокурору, руководителю следственного органа, следователю, органу дознания, начальнику органа дознания, начальнику подразделения дознания и дознавателю. Они не должны применять законы, которые противоречат Уголовному-процессуальному кодексу Российской Федерации. Помимо этого «данные органы сами не должны допускать нарушений предписаний закона и требовать в соответствии со своими полномочиями соблюдения правовых норм от других участников уголовного судопроизводства» [7, с. 46].

Перечисленные особенности содержания и функционального назначения принципа законности определяют его отличия от других принципов уголовного процесса.

При рассмотрении принципа законности следует обратить внимание на основные признаки, которые являются гарантиями его правильного и точного функционирования. Таким признаками являются: верховенство закона, который обладает высшей юридической силой; единство понимания и толкование законности для всех должностных лиц, обладающих полномочиями при производстве по уголовному делу, а также иных участников уголовного процесса; неотвратимость наказания за совершенное правонарушение; недопустимость противопоставления законности и государственной целесообразности.

Следует критически отнестись к предложению А.М. Баранова признать целесообразность в качестве свойства законности. По его мнению, «целесообразность как социально-нравственное свойство законности проявляется в установлении порядка досудебного производства, обеспечивающего достижение задач уголовного права, по возможности, с наименьшим применением мер принуждения к участникам уголовного процесса; предоставляющего органам расследования производить любые действия, если они не ограничивают прав участников процесса и не возлагают на них обязанностей, законом не предусмотренных» [9, с. 7].

Рассматривая возможность отнесения целесообразности к одному из свойств законности, следует понять, что «целесообразность – это свойство такого процесса, который позволяет прийти к необходимому результату, целевое назначение которого обусловлено предвосхищением искомого, на достижение которого направлены определенные действия» [10, с. 452]. Внутренним содержанием целесообразности являются рациональность, разумность, оправданность, полезность и уместность, которые обозначают соответствие каких-то действий или решений поставленной задаче. Если законность требует точного соблюдения правовых норм, то целесообразность означает выбор наиболее полезного и разумного решения. Целесообразность, связанная с произвольным выбором мер принуждения в отношении участников уголовного процесса и обусловленная предоставлением органам расследования возможности производить любые действия, не во всех случаях законна. Целесообразность процессуальной деятельности может быть законной, если она проявляется в правовой форме и в соответствии с уголовно-процессуальными отношениями, установленными УПК РФ.

Перед процессуальной наукой стоит проблема, связанная не только с разработкой концепции законности в теории, но и формированием механизма ее осуществления на практике, на основе гарантий обеспечения жизнедеятельности законности.

По мнению В.Л. Кулапова, гарантиями законности являются «средства и условия, обеспечивающие соблюдение законов и подзаконных актов, беспрепятственное осуществление прав граждан и интересов общества и государства, это совокупность факторов, содействующих установлению надлежащего режима законности» [4 с. 362]. А.С. Пиголкин под гарантиями законности понимает «совокупность политических, организационных, идеологических, экономических, юридических и иных показателей, которые способствуют соблюдению нормативно-правовых актов, гарантированности прав граждан, а также интересов общества и государства» [11, с. 442].

В уголовно-процессуальную деятельность интегрированы гарантии, связанные со средствами специального юридического и организационного характера. Их фундаментом служат методы и инструменты, закрепленные законодательством для предупреждения, пресечения и устранения нарушений требований законов. Содержание законности опирается на юридические гарантии, представляющие собой действенные механизмы обеспечения ее результативности и эффективности. Указанные аспекты следует рассматривать как ключевую особенность содержания законности.

Учитывая многообразие свойств, средств, условий и гарантий существования законности, уместно при ее интерпретации использование такого выражения, как «уголовно-правовая законность, содержанием которой является закон и право, в которых раскрываются новые грани таких принципов, как разумный срок уголовного судопроизводства и законность при производстве по уголовному делу, состязательность сторон и публичность, уважение чести и достоинства граждан, а также охрана прав и свобод человека и гражданина» [7, с. 47], весьма актуальных для теории и практики уголовного процесса.

Библиографический список

1. *Матузов Н.И.* Теория государства и права. 4-е изд., испр. и доп. М.: Дело. 2014. 525 с.

2. *Красняков Н.И., Шишкина Н.В.* Теория государства и права: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2016. 247 с.

3. *Матузов Н.И.* Теория государства и права: курс лекций / под. ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2026. 640 с.

4. *Кулапов В.Л.* Теория государства и права: учебник. М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. 384 с.

5. *Доля Е.* Принцип законности в уголовном судопроизводстве: онтологический, гносеологический и правовой аспекты // Законность. 2010. № 1. С. 3–7.

6. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: [в 2 т.]. [перераб. и доп. изд.]. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.

7. *Францифоров Ю.В.* Законность в уголовном судопроизводстве как средство выражения уголовно-процессуального права // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 41–47.

8. *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса // Уголовный процесс: проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013. 799 с.

9. *Баранов А.М.* Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дисс… д-ра юрид. наук. Омск, 2006. 39 с.

10. *Розенталь М.М.* Философский словарь. М.: Политиздат, 1975. 496 с.

11. *Пиголкин А.*С. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 515 с.

Reference

1. *Matuzov N.I.* Theory of State and Law [textbook] / N.I. Matuzov, A.V. Malko. 4th ed., revised and expanded. Moscow: Delo, 2014. 525 p.

2. *Krasnyakov N.I., Shishkina N.V.* Theory of state and law: textbook // Novosibirsk: SibAGS Publishing House, 2016. 247 p.

3. *Matuzov N.I.* Theory of state and law: a course of lectures / under. ed. N.I. Matuzova, A.V. Malko. 3rd ed., Revised and add. Moscow: Norma, INFRA-M, 2026. 640 p.

4. *Kulapov V.L.* Theory of state and law: textbook // V.L. Kulapov, A.V. Malko. Moscow: Norma, INFRA-M, 2023. 384 p.

5. *Share E.* The principle of legality in criminal proceedings: ontological, epistemological and legal aspects // Legality. 2010. No. 1. P. 3–7.

6. *Strogovich M.S.* Course of Soviet Criminal Procedure: [in 2 vols.]. Moscow: Nauka, 1968. Vol. 1. 470 p.

7. *Franciforov Yu.V.* Legality in criminal proceedings as a means of expressing criminal procedure law // Judicial power and criminal process. 2019. No. 1. P. 41–47.

8. *Tomin V.T.* Principles of domestic criminal process // Criminal process: problematic lectures // Ed. V.T. Tomina, I.A. Zinchenko. Moscow, 2013. 799 p.

9. *Baranov A.M.* Legality in pre-trial criminal proceedings // Autoref. Diss ... doc. legal. sciences. Omsk, 2006. 39 p.

10. *Rosenthal M.M.* Philosophical Dictionary. Moscow: Politizdat, 1975. 496 p.

11. *Pigolkin A.S.* Theory of state and law: a textbook for universities / ed. A.S. Pigolkin, Yu.A. Dmitrieva. 4th ed., Revised and add. Moscow: Yuright Publishing House, 2020. 515 p.

К.А. Ширяева,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина –
филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРОКУРОРА ПО ДЕЛУ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КОМПЛЕКСНОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Аннотация. Институт участия прокурора в гражданском судопроизводстве имеет давнюю историю, однако до сих пор остаются дискуссионными некоторые вопросы дачи прокурором заключения по делу. Последние законодательные изменения, затронувшие участие прокурора в гражданском процессе, свидетельствуют о расширении категорий дел, по которым прокурор дает заключение по делу. Сложность правовой природы данной формы реализации прокурором своих прав и обязанностей обусловливает необходимость формирования комплексного теоретического представления об участии прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу. Предмет исследования составляют нормы гражданского процессуального законодательства и иных нормативных актов, регулирующих участие прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу. Цель работы: сформировать комплексное теоретическое представление о даче прокурором заключения по делу в гражданском судопроизводстве. Методологическую основу исследования включает совокупность общенаучных (диалектический, логический) и частнонаучных методов (формально-юридический, метод толкования правовых норм), а также анализ и синтез позволили прийти к обоснованным выводам по результатам исследования. Научная новизна определяется полученными результатами и выводами. Рассмотрение трех аспектов дачи прокурором заключения по делу в гражданском судопроизводстве позволило глубже изучить и понять правовую природу данной формы участия, а также сформулировать предложения по совершенствованию тех проблемных аспектов ее реализации, которые давно обсуждаются в теории и практике. Область применения и практическая значимость: результаты исследования могут быть учтены при совершенствовании правового регулирования участия прокурора в гражданском судопроизводстве и использованы в практике судов и прокуратуры при даче заключений по гражданским делам.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданский процесс, участие прокурора в гражданском судопроизводстве, формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве, заключение прокурора по делу, процессуальное действие, процессуальный документ.

K.A. Shiryaeva,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Civil Law and Procedure,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin

PROSECUTOR'S OPINION ON THE CASE IN CIVIL PROCEEDINGS: A COMPREHENSIVE THEORETICAL CONCEPTION

Abstract. The institution of the prosecutor's participation in civil proceedings has a long history; however, certain issues of the prosecutor's delivery of an opinion on the case remain debatable to this day. At the same time, recent legislative changes affecting the prosecutor's participation in civil proceedings indicate an expansion of the categories of cases in which the prosecutor delivers an opinion on the case. The complexity of the legal nature of this form of the prosecutor's exercise of his rights and duties determines the necessity of forming a comprehensive theoretical conception of the prosecutor's participation in civil proceedings in the form of delivering an opinion on the case. The subject of the study comprises the norms of civil procedural legislation and other normative acts regulating the prosecutor's participation in civil proceedings in the form of delivering an opinion on the case. The purpose of the work is to form a comprehensive theoretical conception of the prosecutor's delivery of an opinion on the case in civil proceedings. The methodological basis of the study includes a combination of general scientific methods (dialectical, logical) and specific scientific methods (formal legal, method of interpretation of legal norms), and analysis and synthesis made it possible to arrive at substantiated conclusions based on the results of the study. The scientific novelty is determined by the results and conclusions obtained. The examination of three aspects of the prosecutor's delivery of an opinion on the case in civil proceedings made it possible to study and understand more deeply the legal nature of this form of participation, as well as to formulate proposals for improving those problematic aspects of its implementation that have long been discussed in theory and practice. Scope of application and practical significance: the results of the study may be taken into account in improving the legal regulation of the prosecutor's participation in civil proceedings and used in the practice of courts and the prosecutor's office when delivering opinions on civil cases.

Keywords: civil proceedings, civil process, prosecutor's participation in civil proceedings, forms of prosecutor's participation in civil proceedings, prosecutor's opinion on the case, procedural action, procedural document.

Основные аспекты участия прокурора в гражданском судопроизводстве закреплены в ст. 45 ГПК РФ, которая относится к общей части кодекса и распространяет свое действие на все виды и стадии процесса.

Большинство авторов, исходя из содержания данной статьи, выделяют две ключевые формы участия прокурора – обращение в суд с заявлением и вступление в процесс для дачи заключения по делу [1, с. 128]. Выделение данных форм обусловлено разницей в объеме процессуальных прав и обязанностей, а также способами реализации полномочий прокурора в процессе.

Важно отметить, что в своем определении Конституционный Суд РФ подчеркнул невозможность участия прокурора одновременно в двух формах[1]. Когда прокурор является лицом, инициирующим гражданское судопроизводство, он наделяется процессуальным статусом истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по оплате государственной пошлины. Такое положение в процессе несовместимо со второй формой, т.к. вступая уже

[1] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 20 июня 2006 г. № 176-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Абдурахмановой Людмилы Бегляровны на нарушение ее конституционных прав частями первой и второй статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

в начавшийся процесс для дачи заключения по делу прокурор наделяется особым положением лица, участвующего в деле. В этом случае прокурор должен оставаться независимым гарантом законности, который участвует в разбирательстве дела для формирования собственной позиции относительно существа спора.

В доктрине обосновывается необходимость выделения третьей формы участия прокурора в гражданском производстве – обращение в суды проверочных инстанций [2, с. 90–91].

Практический интерес вызывает участие прокурора путем вступления в уже начавшийся процесс для дачи заключения по делу, т.к. существуют определенные доктринальные споры относительно реализации данной формы.

Интересно мнение Е.В. Михайловой о том, что заключение прокурора является «актом процессуального права», который накладывает на суд обязанность дополнительной мотивированности своего решения в случае несогласия с ним [3, с. 57]. Заслуживает анализа позиция, согласно которой дача заключения прокурора по делу «отдаленно напоминает институт особого мнения судьи» [4, с. 315]. Ряд авторов высказывается о выступлении прокурора в форме дачи заключения по делу в качестве «правового эксперта» [5, с. 17].

Существующие сложности и практические вопросы возможно урегулировать путем формирования комплексного теоретического представления об участии прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу. Для этого считаем необходимым рассматривать вступление прокурора в уже начавшийся процесс для дачи заключения по делу как: 1) процессуальную форму; 2) процессуальное действие; 3) процессуальный документ.

Вступление в начавшийся процесс для дачи заключения как форма участия в деле призвано раскрыть процессуальный статус прокурора в качестве лица, участвующего в деле. Спецификой такого положения является служебная заинтересованность прокурора, которая заключается в обеспечении законности при осуществлении правосудия (не только при разрешении дела, но и при его рассмотрении).

Основное внимание здесь должно быть уделено категориям дел, по которым прокурор привлекается в процесс. Анализ положений ГПК РФ позволяет сделать следующие выводы относительно рассматриваемого вопроса:

можно выделить дела, по которым участие прокурора в обязательном порядке обеспечивается судом (по делам о восстановлении на работе, выселении, возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью и др.), а также дела, по которым участие прокурора возможно по своей инициативе или инициативе суда (о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением законодательства, установлении специальных экономических мер, мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств и др.);

категории дел, перечисленные в ст. 45 ГПК РФ, не являются исчерпывающими и отсылают как к иным статьям данного процессуального кодекса (рассмотрение дел об усыновлении, признании гражданина безвестно отсутствующим или умершим и др.), так и к иным нормативным актам (восстановление в родительских правах

и ограничение в родительских правах согласно ст. 72–73 СК РФ и др.);

категории дел, по которым прокурор дает заключение, не подлежат расширительному толкованию и в любом случае должны быть указаны в законе, т.е. не допускается произвольное вступление в процесс.

Практическая сложность заключается в неочевидности отнесения дела к определенной категории, на что регулярно указывают высшие судебные инстанции. Например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что дела о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, а в данном случае о праве на получение единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы, относятся к категориям дел, названным в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, при рассмотрении которых участие прокурора является обязательным[1].

Считаем, что в ситуации неочевидной необходимости участия прокурора в деле суду следует руководствоваться принципом расширительного толкования, т.к. само по себе такое участие не нарушает, а напротив, дополнительно гарантирует законность при осуществлении правосудия по гражданским делам.

Более того, не установлена продолжительность такого участия – вступление в уже начавшийся процесс и дача заключения до прений сторон предполагает, что можно вступить в процесс в последнее заседание до перехода к прениям. В доктрине отмечается, что не существует фиксации момента вступления прокурора в процесс и предлагается оформлять его определением суда (судьи) [6, с. 175–176]. Разделяем данную позицию и предлагаем дополнить ч. 3 и 4 ст. 45 ГПК РФ фразой «О вступлении прокурора в процесс суд выносит определение».

Таким образом, вступление прокурора в начавшийся процесс для дачи заключения как процессуальная форма представляет собой деятельность прокурора в гражданском судопроизводстве, начинающуюся с момента вынесения определения суда о вступлении прокурора в процесс и направленную на обеспечение защиты прав и свобод участников процесса посредством реализации прав лица, участвующего в деле.

Для рассмотрения заключения прокурорам по делу как совершения процессуального действия начнем с того, что гражданский процесс в своем определении раскрывается через совокупность процессуальных действий суда и участников процесса, что по своей сути предполагает понимание любых действий в рамках рассмотрения дела в качестве процессуальных.

В соответствии со ст. 107 ГПК РФ процессуальные действия совершаются в процессуальные сроки, установленные законом, или в случае их отсутствия в законе – судом. В соответствии со ст. 189 ГПК РФ после исследования всех доказательств председательствующий предоставляет слово для заключения по делу прокурору, что предполагает конкретный момент (срок) совершения данного действия.

Некоторые авторы высказываются о целесообразности переноса момента

[1] См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 октября 2019 г. № 25-КГ19-9 // СПС «КонсультантПлюс».

дачи заключения по делу после прений сторон, который существовал в ГПК РСФСР и позволял прокурору оценить скорректированные в прениях финальные позиции сторон. Такое мнение разделяют и практические работники. Ю.Н. Извеков, указал, что «прежний порядок дачи прокурором заключения после судебных прений непосредственно перед удалением суда в совещательную комнату, который проверен историческим опытом, следует восстановить в гражданском процессе, а также вернуть норму о даче заключения прокурором в вышестоящих инстанциях» [7, с. 53].

Для совершения большинства процессуальных действий требуется соблюдение некоторых условий. Например, оплата государственной пошлины при подаче искового заявления (если лицо не освобождается от такой обязанности по закону). При этом фрагментарно урегулированы такие условия для дачи заключения прокурором по делу. Приказом Генпрокуратуры от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» (в ред. от 19 октября 2022 г.)[1] закреплена обязанность детально изучать материалы дела, анализировать законодательство и судебную практику, занимать аргументированную позицию, активно участвовать в исследовании доказательств и эффективно реализовывать свои права лица, участвующего в деле. Однако нет конкретизации, к какой именно форме участия это применимо.

Таким образом, дача заключения прокурором по делу как процессуальное действие предполагает представление прокурором аргументированного мнения о том, как необходимо разрешить дело, основанного на детальном изучении его материалов и активном участии в исследовании доказательств, а также реализации иных правомочий лица, участвующего в деле, установленных в ст. 35 ГПК РФ. В связи с этим предлагается дополнить ст. 45 ГПК РФ п. 5 следующего содержания: «Заключение прокурора по делу должно быть мотивированным. Для составления заключения прокурор знакомится с материалами дела, принимает участие в судебных заседаниях, реализует правомочия, установленные статьей 35 настоящего Кодекса».

Особый научный интерес представляет правовая природа заключения прокурора по делу. Поскольку действующее процессуальное законодательство (ст. 55 ГПК РФ) не относит его к числу средств доказывания, однако его представление является обязательным для отдельных категорий дел, вопрос о процессуальном статусе данного акта приобретает не только теоретическую, но и практическую значимость. Буквальное толкование норм ГПК РФ позволяет прийти к выводу, что заключение прокурора не может быть признано доказательством по делу, т.к. не перечислено среди прочих в вышеупомянутой статье, а также в связи с моментом дачи заключения – после исследования всех доказательств по делу.

При рассмотрении заключения прокурора как процессуального документа анализа заслуживают требование к его форме и содержанию. Действующее процессуальное законодательство не содержит требований к форме заключения прокурора по делу, тогда как приказ Генпрокуратуры от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия

[1] См.: СПС «КонсультантПлюс».

прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» включает данное заключение в состав документов наблюдательного производства, что предполагает его письменное оформление. В доктрине высказываются критические замечания относительно императивности письменной формы, поскольку ее соблюдение сопряжено с необходимостью отложения судебного разбирательства для составления прокурором мотивированного заключения, что влечет необоснованное затягивание процесса [8, с. 55].

Кроме того, высказываются предложения сделать заключение прокурора обязательным для суда, что предполагает в случае несогласия дополнительную мотивировку судебного решения [9, с. 41].

Анализируя позиции авторов по данным вопросам, хотелось бы обратить внимание на то, что обязательная письменная форма действительно приведет к затягиванию судебного процесса. Однако возможно направление прокурором оформленного письменного заключения уже после оглашения позиции в течении установленного в законе или приказе Генпрокуратуры срока для включения в судебное делопроизводство (например, 10 дней). Кроме того, приказ Генпрокуратуры от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» закрепляет требование о его мотивированности. По вопросу структуры и содержания заключения считаем, что именно Генеральная прокуратура уполномочена формулировать такие требования и считать их достаточными, тогда как закрепление в гражданском процессуальном кодексе требования о мотивированности будет достаточным при утверждении единой детальной формы Генеральной прокуратурой РФ.

Относительно обязательности заключения прокурора считаем неуместным какое-либо противостояние суда и прокуратуры по существу рассматриваемого дела. Специфика заключения – стороннее мнение государственного органа, который может уже при изучении мотивировочной части судебного решения согласиться с выводами суда и изменить свою позицию. Это обусловлено тем, что прокурор дает свое заключение на основе собственного анализа и суд знает о данной позиции, в то время как выводы суда, которые формируются на основании закона, установления фактических обстоятельств и внутреннего убеждения, становятся известны только после составления судебного решения в окончательной форме.

Таким образом, заключение прокурора по делу представляет собой процессуальный документ, содержащий мотивированное мнение прокурора по существу рассматриваемого спора, который направляется в оформленном виде для включения в материалы дела в течение 10 дней с момента оглашения на судебном заседании.

В заключение отметим, что сформированная трехмерная концепция участия прокурора в гражданском процессе через вступление в начатое дело для дачи заключения проявляется в единстве трех сущностных аспектов: как процессуальная форма (юридически регламентированная процедура и условия реализации прокурорских полномочий), как процессуальное действие (активное волеизъявление прокурора, включающее анализ дока-

зательств и формирование правовой позиции) и как процессуальный документ (письменный акт с формальными и содержательными требованиями).

Вступление в уже начавшийся процесс для дачи заключения по делу определяет процессуальный статус прокурора в качестве лица, участвующего в деле, т.е. обладающего служебной заинтересованностью участника, не являющегося стороной процесса, который формирует свое мнение по результатам рассмотрения дела.

Дать заключение по делу означает совершить процессуальное действие, которое основывается на предварительном участии в исследовании доказательств, формировании своего мнения посредством ознакомления с материалами, реализации права задавать вопросы участникам процесса и др. При этом прокурор не подменяет судью, не осуществляет правосудие, а лишь представляет позицию государства по наиболее значимым для общества делам. Само заключение по делу является процессуальным документом, отвечающим четким требованиям относительно формы и содержания.

Библиографический список

1. *Акулова Н.А.* Коллизии процессуального статуса прокурора в гражданском судопроизводстве // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2. С. 127–132.

2. *Литвинова Т.А.* Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами проверочных инстанций // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 19 (7). С. 86–100.

3. *Михайлова Е.В.* О некоторых аспектах участия прокурора в цивилистическом процессе // Юрист. 2024. № 7. С. 53–58.

4. *Мхитарьянц Д.О., Гринь Е.А.* Заключение прокурора в гражданских делах, возникающих из семейных правоотношений: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). С. 315–318.

5. *Михайлова Е.В.* «Процессуальные истцы» в цивилистическом процессе: проблемы правового положения // Администратор суда. 2023. № 3. С. 15–19.

6. *Токарева Е.В.* Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе: дис. … канд. юрид. наук. СПб, 2015. 215 с.

7. *Извеков Ю.Н.* Заключение прокурора по гражданскому делу // Вестник БелЮИ МВД России. 2016. № 2. С. 51–54.

8. *Ергашев Е.Р.* Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 2. С. 53–60.

9. *Михайлова Е.В.* Система гражданско-процессуальных актов и направления совершенствования российского процессуального законодательства // Нотариус. 2024. № 3. С. 38–42.

Reference

1. *Akulova N.A.* Conflicts of the Procedural Status of the Prosecutor in Civil Proceedings // Education. Science. Scientific Personnel. 2025. No. 2. P. 127–132.

2. *Litvinova T.A.* Participation of the Prosecutor in the Consideration of Civil Cases by Courts of Review // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19, No. 7. P. 86–100.

3. *Mikhailova E.V.* On Some Aspects of the Prosecutor's Participation in Civil Procedure // Jurist. 2024. No. 7. P. 53–58.

4. *Mkitaryants D.O., Grin E.A.* The Prosecutor's Opinion in Civil Cases Arising from Family Relations: A Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 3 (231). P. 315–318.

5. *Mikhailova E.V.* “Procedural Claimants” in Civil Procedure: Problems of Legal Status // Court Administrator. 2023. No. 3. P. 15–19.

6. *Tokareva E.V.* Protection of Public Interest by the Prosecutor in Civil Proceedings: Diss ... of Cand. of Legal Sciences. St. Petersburg, 2015. 215 p.

7. *Izvekov Yu.N.* The Prosecutor’s Opinion in a Civil Case // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2. P. 51–54.

8. *Ergashov E.R., Pankova A.A.* Problems of the Prosecutor’s Participation in the Consideration of Cases by Arbitration Courts // Electronic Supplement to the Russian Law Journal. 2020. No. 2. P. 53–60.

9. *Mikhailova E.V.* The System of Civil Procedure Acts and Directions for Improving Russian Procedural Legislation // Notary. 2024. No. 3. P. 38–42.

А.Г. Блинов,
соискатель кафедры административного и муниципального права
имени профессора Василия Михайловича Манохина
Саратовской государственной юридической академии

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обеспечения функционирования товарных рынков в состоянии естественной монополии в правовых рамках для реализации интересов их участников. Предметом исследования выступили нормы законодательства об административной ответственности. Цель статьи состоит в выявлении проблем формулирования статей КоАП РФ, закрепляющих составы административных правонарушений субъектов естественных монополий. Использованы методы анализа, синтеза, а также формально-юридический метод. Результатом исследования послужили обоснованные предложения по внесению изменений в КоАП РФ. Практическая значимость работы состоит в том, что выработанные автором предложения при условии их учета законодателем положительно отразятся на справедливости привлечения субъектов естественных монополий к административной ответственности. Сделан вывод о необходимости расширения диспозиции ст. 9.21 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушение субъектами естественных монополий правил недискриминационного доступа; дополнения ст. 14.6 КоАП РФ отдельной ч. 4, устанавливающей ответственность за иное нарушение порядка ценообразования; повышения ответственности за нарушение порядка предоставления ходатайств и уведомлений (заявлений) в органы регулирования естественных монополий.

Ключевые слова: естественные монополии, административный штраф, административная ответственность, злоупотребление доминирующим положением, нарушение порядка ценообразования, антимонопольное законодательство, административное правонарушение, административное наказание, недискриминационный доступ, тариф.

A.G. Blinov,
Applicant for the degree of Candidate of Law at the Department
of Administrative and Municipal Law
named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin,
Saratov State Law Academy

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR OFFENCES IN THE FIELD OF ACTIVITIES OF NATURAL MONOPOLY SUBJECTS

Abstract. The relevance of the research topic is conditioned by the necessity of ensuring the functioning of commodity markets in a state of natural monopoly within a legal framework for the realization of the interests of their participants. The subject of the study comprises the norms of legislation on administrative liability. The purpose of the article is to identify problems in the formulation of the articles of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation establishing the elements of administrative offences of natural monopoly subjects. The methods of analysis and synthesis, as well as the formal legal method, were used. The result of the study comprises substantiated proposals for introducing amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The practical significance of the work lies in the fact that the proposals developed by the author, provided they are taken into account by the legislator, will have a positive effect on the fairness of bringing natural monopoly subjects to administrative liability. A conclusion is drawn on the necessity of expanding the disposition of Article 9.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, which establishes liability for violation by natural monopoly subjects of the rules of non-discriminatory access; of supplementing Article 14.6 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation with a separate Part 4 establishing liability for other violations of the pricing procedure; and of increasing liability for violation of the procedure for submitting petitions and notifications (applications) to the bodies regulating natural monopolies.

Keywords: natural monopolies, administrative fine, administrative liability, abuse of dominant position, violation of the pricing procedure, antimonopoly legislation, administrative offence, administrative punishment, non-discriminatory access, tariff.

Административная ответственность не может наступить без наличия оснований – нормативного, фактического, процессуального [1, с. 10].

В качестве нормативного основания административной ответственности естественных монополий выступают законодательные акты, которые закрепляют составы правонарушений. Осуществляя предпринимательскую и иную экономическую деятельность, они могут выступать субъектами правонарушений по гл. 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[1] (далее – КоАП РФ). Родовым объектом данных правонарушений будет выступать установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности.

Ряд составов правонарушений, связанных с деятельностью субъектов естественных монополий, помещен в гл. 19 КоАП РФ (административные правонарушения против порядка управления). Родовым объектом данных правонарушений являются общественные отношения, которые складываются в рамках установленной деятельности субъектов публичного управления при реализации ими своих функций. Однако следует признать, что обозначенные деяния одновременно посягают на права и законные интересы иных участников хозяйственной деятельности. Например, невыполнение предписания органа регулирования естественных монополий может препятствовать своевременному пресечению нарушения прав потребителей услуг субъекта естественной монополии.

[1] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1; 2026. № 24, ст. 3101.

Ввиду специфики отраслей деятельности субъектов естественных монополий ряд составов правонарушений также включен в содержание гл. 9 КоАП РФ (административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике). Тем не менее вызывает сомнение отнесение состава по ст. 9.15 КоАП РФ (нарушение стандартов раскрытия информации субъектами оптового рынка электрической энергии и мощности, розничных рынков электрической энергии) к данным правонарушениям, т.к. объектом посягательства в указанном случает выступает установленный порядок раскрытия информации. Свободный доступ к информации субъектов естественных монополий имеет существенное значение как для органов регулирования, так и для потребителей, их контрагентов, поэтому корректно отнесение соответствующего деяния к правонарушениям в области информации.

Для того чтобы определить, какое конкретное административное правонарушение было совершено, необходимо установить признаки его состава [2, с. 315]. Однако рассмотрение положений КоАП РФ позволяет сделать вывод о наличии конкурирующих составов правонарушений. При этом санкции за их совершение различаются. Примером может служить нарушение субъектом естественной монополии правил недискриминационного доступа по ст. 9.21 КоАП РФ и злоупотребление доминирующим положением по ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ.

Как следует из разъяснения ФАС России[1], субъектами административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 9.21 КоАП РФ, являются субъекты естественных монополий, осуществляющие свою деятельность в сферах транспортировки нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам (нефтепроводам, нефтепродуктопроводам); транспортировки газа по газопроводам; оказания услуг по передаче электрической энергии; оказания услуг по передаче тепловой энергии; водоснабжения и водоотведения с использованием централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения, водоотведения.

Тем не менее существуют Правила недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий в аэропортах[2], Правила недискриминационного доступа на товарный рынок услуг общедоступной почтовой связи[3], Правила недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий в портах[4]. Ввиду отсутствия данных сфер в ст. 9.21 КоАП РФ имеется практика привлечения субъектов естественной моно-

[1] См.: Разъяснение Президиума ФАС России № 7 «Порядок применения закона о защите конкуренции с учетом правил технологического присоединения, правил недискриминационного доступа, правил подключения и законодательства о теплоснабжении» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 30 ноября 2016 г. № 15) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Постановление Правительства РФ от 29 мая 2025 г. № 784 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий в аэропортах» (в ред. от 27 октября 2025 г.) // СЗ РФ. 2025. № 22, ч. 1, ст. 2901; 2025. № 44, ст. 6609.

[3] См.: Постановление Правительства РФ от 28 мая 2025 г. № 742 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа на товарный рынок услуг общедоступной почтовой связи» (в ред. от 27 октября 2025 г.) // СЗ РФ. 2025. № 22, ч. 1, ст. 2868; 2025. № 44, ст. 6609.

[4] См.: Постановление Правительства РФ от 30 мая 2025 г. № 796 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий в портах» (в ред. от 27 октября 2025 г.) // СЗ РФ. 2025. № 22, ч. 1, ст. 2906; 2025. № 44, ст. 6609.

полии к ответственности по ст. 14.31 КоАП РФ, которая характеризуется более строгими санкциями[1].

Объективная сторона правонарушений по ст. 9.21 и ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ не всегда совпадает. Правила недискриминационного доступа закрепляют обязанность обеспечивать доступность информации об услугах естественной монополии. Однако нарушение данной обязанности не может свидетельствовать о злоупотреблении доминирующим положением, что обусловливает недопустимость назначения чрезмерно строгих санкций в зависимости от выручки правонарушителя.

Изложенное позволяет судить о недостаточном качестве правового регулирования административной ответственности в рассматриваемой сфере, в то время как его повышение рассматривается в качестве основного направления совершенствования правоохранительной политики в области противодействия административной деликтности [3, с. 102].

В нормах КоАП РФ не всегда соблюдается принцип соразмерности наказания степени общественной вредности правонарушения. Примером может служить ч. 1 ст. 19.8 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за непредставление ходатайств и уведомлений (заявлений) в органы регулирования естественных монополий, если это является обязательным, а также за представление ходатайств и уведомлений (заявлений), содержащих заведомо недостоверные сведения, нарушение установленных законодательством РФ о естественных монополиях порядка и сроков подачи ходатайств и уведомлений (заявлений). Для должностных лиц предусмотрен штраф в размере от 3 до 5 тыс. рублей, а для юридических лиц – от 100 до 500 тыс. рублей.

Признание важности соблюдения антимонопольных требований выразилось во внесении в законодательство об административной ответственности изменений, направленных на повышение размера административного штрафа за непредставление в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган ходатайств, предусмотренных антимонопольным законодательством РФ, представление ходатайств, содержащих заведомо недостоверные сведения, а равно нарушение установленных антимонопольным законодательством РФ порядка и сроков подачи ходатайств. Федеральным законом от 29 декабря 2025 г. № 562-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»[2] в ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ закреплено наказание в виде административного штрафа для должностного лица от 70 до 100 тыс. рублей, а для юридического лица – от 800 тыс. до 1 млн рублей.

Аналогичные изменения не затронули ч. 1 ст. 19.8 КоАП РФ. Однако данное нарушение способно причинить существенный вред охраняемым законом отношениям.

Исследователи подчеркивают важность обеспечения антимонопольных органов необходимой информацией[3].

[1] См.: Решение Арбитражного суда Сахалинской области от 31 марта 2022 г. № А59-2445/21. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/73bf905a-26a3-4d0c-a3a8-2b9a7c770170 (дата обращения: 15.06.2026).

[2] См.: СЗ РФ. 2025. № 52, ч. 1 ст. 8349.

[3] См.: Разъяснение Президиума ФАС России от 29 августа 2017 г. № 10 «О применении антимонопольными органами антимонопольного законодательства в целях выявления и пресечения нарушений порядка ценообразования» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 29 августа 2017 г.

Невыполнение предусмотренной законодательством о естественных монополиях обязанности уведомить орган регулирования естественных монополий о сделке или инвестиции, которые подлежат согласованию, препятствует контролю государства за эксплуатацией стратегических активов в целях бесперебойного обеспечения потребителей жизненно важными услугами. Согласование необходимо для оценки их соответствия утвержденным проектам по модернизации инфраструктуры, а также предотвращения роста тарифов для потребителей и недопущения необоснованных трат компании, которая в отсутствие конкурентов может перенести свои издержки на счет потребителей. Контроль за инвестициями естественных монополий требуется также для предотвращения использования средств в целях негативного влияния на смежные конкурентные рынки. Таким образом, в рассматриваемом случае КоАП РФ устанавливает ответственность за неправомерные действия, посягающие на порядок осуществления полномочий государства по вмешательству в деятельность субъектов естественных монополий для защиты публичных интересов. Обозначенные обстоятельства подтверждают необходимость повышения размера административного штрафа по ч. 1 ст. 19.8 КоАП РФ по аналогии с ч. 3 соответствующей статьи.

Стоит обратить внимание на размер санкций, предусмотренный в случае нарушения порядка ценообразования со стороны субъектов естественных монополий. Занижение регулируемых государством цен, а также иное нарушение установленного порядка ценообразования влечет наложение административного штрафа на должностных лиц – 50 тыс. рублей или дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц – 100 тыс. рублей.

В КоАП РФ объективная сторона рассматриваемого состава правонарушения четко не определена. Однако Разъяснения ФАС России и материалы практики свидетельствуют, что в качестве иного нарушения порядка ценообразования рассматривается «самостоятельное определение цен (тарифов, расценок, ставок, надбавок) без обращения в установленном порядке в регулирующий орган»[1]; применение тарифа, не подлежащего применению в отношениях с конкретным потребителем; неправомерное установление платы за подключение к электросетям с учетом государственного регулирования цен на присоединение[2]. Данные деяния сопряжены с возможностью получения субъектом естественной монополии незаконной выручки, которая может существенно превышать фиксированный размер административного штрафа по ч. 2 ст. 14.6 КоАП РФ. Поэтому требуется закрепление новой ч. 4 ст. 14.6 КоАП РФ «иное нарушение порядка ценообразования» с возможностью выбора санкции за соответствующие де-

№ 17) // СПС «КонсультантПлюс»; определение Верховного Суда РФ от 23 января 2024 г. № 309-ЭС23-15823 по делу № А60-64679/20220 (утв. протоколом Президиума ФАС России от 29 августа 2017 г. № 17) // СПС «КонсультантПлюс».

[1] См.: Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере (утв. Президиумом ВС РФ 16 марта 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.

[2] См.: Обзор правоприменительной практики ФАС России по вопросам нарушения установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования. URL: https://docs.cntd.ru/document/420264247 (дата обращения: 15.06.2026).

яния, учитывающей размер незаконно полученной выручки или повторность совершения нарушения. В качестве ориентира следует руководствоваться санкцией ч. 1 рассматриваемой статьи, устанавливающей ответственность за завышение регулируемых государством цен для должностных лиц в виде штрафа в размере 50 тыс. рублей или дисквалификации на срок до трех лет, а для юридических лиц – штрафа в двукратном размере излишне полученной выручки от реализации товара (работы, услуги) вследствие неправомерного завышения регулируемых государством цен (тарифов, расценок, ставок и тому подобного) за весь период, в течение которого совершалось правонарушение, но не более одного года.

Подводя итог рассмотрению вопросов административной ответственности за правонарушения в области деятельности субъектов естественных монополий, можно сделать следующие основные выводы:

1) административная ответственность за правонарушения в области деятельности субъектов естественных монополий представляет собой применение органами государственного контроля (надзора) и судом административных наказаний к субъектам естественных монополий и уполномоченным ими должностным лицам с целью предупреждения нарушений антимонопольного законодательства и обязательных требований, установленных законодательством о естественных монополиях;

2) необходимо расширить диспозицию ст. 9.21 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушение естественными монополиями правил недискриминационного доступа. Субъектами этого правонарушения, помимо установленных в данной статье, должны выступать субъекты естественных монополий, оказывающие услуги в аэропортах, портах и услуги общедоступной почтовой связи. Реализация соответствующего предложения будет препятствовать их необоснованному привлечению к ответственности по ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ (злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке);

3) требуется дополнить ст. 14.6 КоАП РФ отдельной ч. 4, устанавливающей ответственность за иное нарушение порядка ценообразования с возможностью выбора санкции, учитывающей размер незаконно полученной выручки или повторность совершения нарушения, что будет способствовать обеспечению соответствия наказания характеру и степени общественной вредности деяния;

4) следует повысить ответственность за непредставление ходатайств и уведомлений (заявлений) в органы регулирования естественных монополий, если это является обязательным, а также за представление ходатайств и уведомлений (заявлений), содержащих заведомо недостоверные сведения, нарушение установленных законодательством о естественных монополиях порядка и сроков подачи ходатайств и уведомлений (заявлений). Данное предложение обусловлено важностью обеспечения государственного контроля за сделками и инвестициями естественных монополий. Административное наказание за соответствующее деяние должно быть выражено в виде административного штрафа для должностного лица – от 70 до 100 тыс. рублей, а для юридического лица – от 800 тыс. до 1 млн рублей.

Библиографический список

1. Административная ответственность в Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2014. 148 с.

2. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: ДМК Пресс, 2025. 635 с.

3. *Соколов А.Ю., Лакаев О.А.* Правоохранительная политика в сфере противодействия административной деликтности: основные тенденции и вопросы модернизации // Государство и право. 2022. № 12. С. 99–105.

Reference

1. Administrative liability in the Russian Federation: a textbook. 2nd ed., revised and supplemented. Saratov: Publishing House of Saratov State Law Academy, 2014. 148 p.

2. Administrative Law of the Russian Federation: a textbook for bachelors / edited by A Yu. Sokolov. Moscow: DMK Press Publishing House, 2025. 635 p.

3. *Sokolov A.Yu., Lakaev O.A.* Law enforcement policy in the sphere of countering administrative delinquency: main trends and issues of modernization // State and Law. 2022. No. 12. P. 99–105.

Ю.А. Гончарова,
магистрант Института магистратуры и заочного обучения
Саратовской государственной юридической академии

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ СДЕРЖИВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРОПОРЯДКА

Аннотация. В статье исследуется эволюция механизмов защиты конституционной идентичности в условиях экспансии международных институтов. На основе сравнительно-правового анализа практики Германии, Италии, Индии, США и России предлагается авторская типология моделей сдерживания, различающихся по институциональному носителю и степени жесткости реагирования.

Цель статьи состоит в определении конституционной идентичности как инструмента сдерживания международных институтов. Предметом исследования выступили нормы конституционного законодательства. Использованы методы анализа, синтеза, а также формально-юридический метод.

Предложенная классификация может быть использована в правоприменительной деятельности, судебной практике, законотворчестве и учебном процессе. С теоретической точки зрения исследование демонстрирует, что конституционная идентичность утрачивает сугубо охранительную функцию и приобретает статус нормативного критерия, задающего новые параметры взаимодействия национального и международного права в полицентричном миропорядке. Особое внимание уделено российской модели, которая характеризуется максимальной формализацией и прямым конституционным закреплением механизма защиты.

Сделан вывод, что конституционная идентичность выступает универсальной теоретической рамкой, позволяющей легитимизировать ограничение действия наднациональных актов без отрицания ценности международного права.

Ключевые слова: конституционная идентичность, международные институты, государственный суверенитет, международное право, наднациональные институты, судебно-диалоговая модель, политизация международных механизмов, конституционный контроль, полицентричный миропорядок, ограничение суверенитета.

Yu.A. Goncharova,
Master's student of the Institute of Master's Programmes
and Distance Learning, Saratov State Law Academy

CONSTITUTIONAL IDENTITY AS AN INSTRUMENT OF RESTRAINING INTERNATIONAL INSTITUTIONS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF MODELS OF PROTECTION IN A POLYCENTRIC WORLD ORDER

Abstract. The article examines the evolution of mechanisms for protecting constitutional identity under conditions of the expansion of international

institutions. On the basis of a comparative legal analysis of the practice of Germany, Italy, India, the United States and Russia, the author's typology of models of restraint is proposed, differing in their institutional bearer and in the degree of rigidity of response. The purpose of the article is to define constitutional identity as an instrument of restraining international institutions. The subject of the study comprises the norms of constitutional legislation. The methods of analysis and synthesis, as well as the formal legal method, were used. The proposed classification may be used in law enforcement activity, judicial practice, law-making and the educational process. From a theoretical standpoint, the study demonstrates that constitutional identity is losing its purely protective function and acquiring the status of a normative criterion setting new parameters for the interaction of national and international law in a polycentric world order. Particular attention is paid to the Russian model, which is characterized by maximum formalization and direct constitutional consolidation of the mechanism of protection. A conclusion is drawn that constitutional identity acts as a universal theoretical framework making it possible to legitimize the restriction of the operation of supranational acts without denying the value of international law.

Keywords: constitutional identity, international institutions, State sovereignty, international law, supranational institutions, judicial-dialogical model, politicization of international mechanisms, constitutional control, polycentric world order, restriction of sovereignty.

На современном этапе развития международных отношений международные институты (межправительственные организации, международные суды, договорные органы) последовательно расширяют сферу своего влияния, вторгаясь в области, традиционно относившиеся к внутренней компетенции государств. В ответ государства демонстрируют сопротивление такой экспансии, ссылаясь на свой суверенитет и конституционную самобытность. При этом необходимо подчеркнуть следующее: если на рубеже веков, как отмечал О.Н. Хлестов, доминирующим трендом являлось «добровольное ограничение суверенных прав государств» в условиях глобализации [1, с. 28], то современная практика в отдельных случаях демонстрирует прямо противоположную тенденцию – усиление защиты национального суверенитета. Как указывают З.М. Суонова и Р.Р. Габрилян, это обусловлено политизацией международных механизмов и избирательным применением права отдельными государствами [2, с. 510]. Данное противоречие носит глобальный характер и может усматриваться в практике Федерального конституционного суда Германии, Конституционного суда Италии, Верховного суда Индии, Верховного суда США, а также в конституционных поправках Российской Федерации 2020 г.

Преобладание в научной литературе страноведческих исследований и абстрактно-теоретических работ не позволяет системно оценить перспективы формирования новой парадигмы взаимодействия международного и национального права.

Основная цель настоящей работы – определить соотношение конституционной идентичности (в ее российской версии) с иными институциональными мо-

делями защиты государственного суверенитета от экспансии международных институтов, а также на основе этого сформулировать универсальную типологию механизмов сдерживания.

В статье отстаивается позиция, что конституционная идентичность является не просто одной из моделей защиты суверенитета, а объединяющей теоретической рамкой, позволяющей систематизировать различные институциональные механизмы, используемые государствами для сдерживания международных институтов. На основе сравнительного анализа опыта Германии, Италии, Индии, США и России предлагается авторская типология моделей защиты. Российская модель рассматривается как наиболее системное воплощение данного тренда, поскольку именно здесь прослеживается переход защиты с уровня судебного усмотрения на уровень прямого конституционного закрепления.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу, следует раскрыть содержание ключевого понятия «конституционная идентичность». Конституционная идентичность представляет собой качественную характеристику Основного Закона, которая выражает самотождественность конституции и проявляется в тех ее положениях и принципах, что образуют неизменное ядро правопорядка и не могут быть пересмотрены в рамках действия этой конституции [3, с. 21–22]. По своей сути данное понятие сводится к категории «сущности» государства. Французский исследователь М. Тропер развивает эту мысль, подчеркивая, что конституционная идентичность актуализируется именно через выделение сущностных принципов, которые, отличаясь от иных правовых норм, служат юридическим основанием для защиты конституционного строя как от внутренних реформ, так и от внешних угроз [4, с. 190–193].

В контексте заявленной проблематики особый интерес представляет внешнеправовое измерение доктрины. В отличие от внутриправовой, ориентированной на защиту конституционного строя от неконституционных реформ национального законодателя, внешнеправовая функция определяет пределы делегирования полномочий международным организациям и условия инкорпорации их актов во внутреннее право. Именно эта функция трансформирует конституционную идентичность в механизм сдерживания наднациональных институтов, позволяя государству оценивать совместимость международно-правовых обязательств с неизменяемым ядром национального правопорядка. Как отмечает Д.Г. Шустров, идентичность затрагивается всякий раз, когда выполнение международных обязательств требует пересмотра конституционных положений, составляющих основное содержание конституции и не подлежащих изменению [3, с. 21].

Реализация внешнеправовой функции конституционной идентичности демонстрирует существенные различия в зависимости от национальных правовых традиций и институциональных особенностей конкретных государств. Германия является родоначальницей доктринальных механизмов защиты конституционной идентичности в условиях европейской интеграции. Основополагающее значение имеет решение Федерального конституционного суда ФРГ (далее – ФКС)

от 29 мая 1974 г. по делу «Соланж I». Суд постановил, что пока право Европейских сообществ не обеспечит сопоставимый с национальным уровень защиты основных прав, ФКС сохраняет полномочие проверять акты Сообществ на соответствие Основному закону[1]. А.С. Исполинов подчеркивает, что данная формула закрепила «последнее слово» ФКС в исключительных случаях при сохранении резервного контроля. В решении «Соланж II» (1986 г.) Суд констатировал достижение эквивалентного стандарта защиты прав в ЕС, в связи с чем регулярный контроль был приостановлен [5, с. 77]. Впоследствии ФКС развил две взаимосвязанные доктрины: ultra vires, предполагающую проверку выхода институтов ЕС за пределы делегированных полномочий [6], и конституционной идентичности, основанную на «оговорке о вечности» (ст. 79.3 Основного закона). В решении по Лиссабонскому договору Суд прямо указал, что передача суверенных прав не может затрагивать идентичность конституционного строя ФРГ [3, с. 21]. Отдельные элементы контроля, впоследствии оформившиеся в доктрину идентичности, прослеживаются уже в ранних решениях ФКС [7, с. 117]. Таким образом, германская модель опирается на три инструмента: формулу Solange, доктрину ultra vires и защиту конституционного ядра. ФКС не противопоставляет правопорядки, а выстраивает с Судом ЕС конструктивный диалог, сохраняя резервный контроль в исключительных ситуациях [8, с. 257]. Данный баланс позволяет квалифицировать подход ФРГ как судебно-диалоговый.

В Итальянской Республике наиболее жесткой формой защиты выступает доктрина «контрлимитов» (controlimiti). Ее генезис, по мнению О.С. Белослудцева, обусловлен стремлением Суда ЕС утвердить абсолютный примат коммунитарных норм [6, с. 100]. Правовой основой стала ст. 11 Конституции Италии, допускающая ограничение суверенитета на условиях паритета. Конституционный суд Италии в делах «Фронтини» (№ 183/1973) и «Гранитал» (№ 170/1984) установил, что интеграционные ограничения допустимы лишь при соблюдении основополагающих принципов конституционного строя и неотъемлемых прав человека [6, с. 100–101]. Эти принципы образуют непреодолимый барьер для правовой интеграции. Принципиальное значение имеет распространение доктрины на все международно-правовые обязательства государства. Кульминацией такого подхода стало постановление от 22 октября 2014 г. № 238[2], где Суд распространил controlimiti на обязательства перед универсальными органами, включая Международный суд ООН, прямо отказав в исполнении решений, противоречащих конституционному ядру [6, с. 98]. В отличие от германского подхода, итальянская модель исключает процедурный диалог и фиксирует абсолютный приоритет внутренних конституционных принципов, что позволяет говорить о судебно-жестком варианте защиты.

[1] См.: Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichtes. Band 37. Seite 271 (Solange I-Beschluss vom 29. Mai 1974 – 2 BvL 52/71). URL: https://www.bverfg.de/e/rs19740529_2bvl052171.html (дата обращения: 01.04.2026).

[2] См.: Corte Costituzionale. Sentenza n. 238 del 22 ottobre 2014. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documents/download/doc/recent_judgments/S238_2014_en.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

В индийской практике сформировалась доктрина «базовой структуры» (basic structure doctrine), закрепленная в решении Kesavananda Bharati v. State of Kerala (1973 г.). Она предполагает наличие в Конституции фундаментальных ценностей, не подлежащих изменению даже парламентскими поправками [3, с. 21]. Верховный суд Индии последовательно увязывает данную доктрину с конституционной идентичностью. В деле Minerva Mills Ltd. v. Union of India (1980 г.) Суд подчеркнул, что Конституция представляет собой наследие, идентичность которого неизменна [7, с. 117]. В последующей практике защита была распространена на оценку совместимости международных обязательств с конституционным ядром. Как отмечает Д.Г. Шустров, индийская юриспруденция исходит из того, что уничтожение конституционной идентичности равносильно отмене основного строя Конституции [3, с. 21]. Индийская модель представляет собой системно-судебную защиту: Верховный суд охраняет незыблемое ядро конституции, создавая универсальный защитный контур, действующий как против внутренних реформ, так и против внешних нормативных воздействий.

В американской правовой системе сдерживание международного права реализуется преимущественно через законодательный механизм. Институт разграничения самоисполнимых (self-executing) и несамоисполнимых (non-self-executing) договоров, сформулированный Верховным судом США в деле Foster v. Neilson (1829 г.) [9, с. 81], предполагает инкорпорацию международных обязательств во внутреннее право лишь при наличии имплементационного акта Конгресса либо явного намерения сторон придать договору прямое действие. Правоприменительной кульминацией стало решение Medellin v. Texas (2008 г.), где Верховный суд отказал в прямом применении ст. 94 Устава ООН и Факультативного протокола к Венской конвенции о консульских сношениях, подчеркнув, что договоры не становятся нормами внутригосударственного права без законодательного акта Конгресса[1]. Президент не вправе придавать договору внутригосударственную силу – это прерогатива законодателя. Таким образом, США используют законодательный «фильтр», где Конгресс определяет границы применимости международного права, а Верховный суд выступает арбитром в пограничных ситуациях.

Российская Федерация прошла эволюцию от конституционной открытости к формированию системного механизма защиты конституционной идентичности. Часть 4 ст. 15 Конституции РФ установила приоритет международных договоров над законами[2], однако правоприменительная практика выявила необходимость дополнительных гарантий. Переломным стало постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П[3], впервые использовавшее по-

[1] См.: Medellin v. Texas, 552 U.S. 491 (2008). URL: https://www.law.cornell.edu/supct/cert/06-984 (дата обращения: 01.04.2026).

[2] См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.05.2026).

[3] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России”» // СПС «КонсультантПлюс».

нятие конституционной идентичности и указавшее на невозможность имплементации международных актов, наносящих ущерб основам конституционного строя [2, с. 506]. В декабре 2015 г. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» был дополнен нормой, наделившей Суд полномочием разрешать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов.

За примером формирования механизма защиты конституционной идентичности стоит обратиться к постановлению Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П по делу «Анчугов и Гладков против России». ЕСПЧ требовал предоставить право голоса всем осужденным, включая отбывающих наказание в виде лишения свободы. Конституционный Суд РФ, в свою очередь, занял компромиссную позицию в отношении предписания Страсбургского суда, – он признал возможным и реализуемым исполнение постановления ЕСПЧ, однако исключительно в части, не затрагивающей прямой запрет, установленный ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. КС РФ не усмотрел оснований для внесения изменений в законодательство, мотивировав это тем, что российская правовая система уже предусматривает дифференциацию наказаний: лишение свободы и, как следствие, ограничение избирательных прав назначаются по приговору суда за более тяжкие преступления, в то время как для менее серьезных проступков эта мера не применяется. Позднее, в 2020 г., поправки к ст. 79 и 125 Конституции РФ закрепили принцип неисполнимости в России решений межгосударственных органов, противоречащих Основному Закону, а также определили роль КС в их проверке.

Как отмечают исследователи, поправки направлены не на отказ от международного сотрудничества, а на защиту от актов, не соответствующих Конституции РФ [2, с. 506; 10, с. 11]. Б.С. Эбзеев квалифицирует данный подход как гарантию непротиворечивого взаимодействия правопорядков и верховенства Конституции [10, с. 18].

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что выявленные национальные практики группируются по двум основаниям: институциональному субъекту защитного контроля и степени допустимого ограничения действия международных актов. В германской практике, квалифицируемой как судебно-диалоговая, ФКС реализует механизм резервного контроля в рамках кооперативного взаимодействия с Судом ЕС, оставляя за собой право на окончательную оценку лишь при системных противоречиях. Итальянская доктрина примыкает к судебно-жесткой модели: Конституционный суд применяет прямое недопущение международных норм, противоречащих основополагающим принципам, исключая процедурный диалог. В США, где основную роль играет Конгресс, функционирует законодательная модель сдерживания, при которой инкорпорация обязательств обусловлена актом самого Конгресса, а Верховный Суд выполняет функцию арбитра. Индия использует доктрину базовой структуры, которая создает универсальную защиту конституционного ядра – и от внутренних реформ, и от внешнего давления. Российская модель характеризуется максимальной нормативной формализацией: проверка

исполнимости решений межгосударственных органов возведена на конституционный уровень, что обеспечивает процедурную определенность и минимизирует риски произвольного толкования.

Исследование показало, что в условиях полицентричного мира национальное и международное право начинают выстраивать иные формы взаимодействия. Конституционная идентичность на сегодняшний день не ограничивается ролью внутреннего защитного механизма – она приобретает также функцию внешнего сдерживания наднациональных структур. Это сдерживание можно описать как своего рода нормативный фильтр: он допускает ограничение действия международных актов, но при этом не требует полного отказа от них. То, что государства избирают разные стратегии защиты, не говорит о распаде правопорядка, а скорее отражает их попытки приспособиться к глобальным вызовам. В российской модели, которая отличается наиболее высокой степенью формализации, Конституция прямо закрепляет проверку исполнимости решений межгосударственных органов, хотя при этом сохраняется пространство для диалога между судами. Предложенная в статье типология позволяет увидеть общую тенденцию к укреплению конституционного суверенитета и может служить основой для прогнозов о том, как далее будут развиваться отношения между национальным и международным правом.

Библиографический список

1. *Хлестов О.Н.* Прогнозы развития международного права в XXI веке // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 24–38.

2. *Суонова З.М., Габрилян Р.Р.* Проблемы взаимодействия национального и международного права в современных реалиях // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 506–512.

3. *Шустров Д.Г.* Конституционная идентичность и изменение конституции // Проблемы конституционного и муниципального права: сб. ст. / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. С. 21–28.

4. *Тропер М.* За конституцией? Принцип конституционной идентичности во Франции // Конституционная топография: ценности и конституции / под ред. А. Сажо, Р. Уитса. Гаага: Eleven International Publishing, 2010. С. 187–205.

5. *Исполинов А.С.* Вопросы взаимодействия международного и внутреннего права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 73–93.

6. *Белослудцев О.С.* Доктрина «контрлимитов» и доктрина «ultra vires» в контексте защиты национальной конституционной идентичности // Социально-политические науки. 2020. Т. 10, № 6. С. 98–105.

7. *Умнова-Конюхова И.А.* Национальное правосудие и международное правосудие: современные доктрины взаимодействия // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3, № 4. С. 116–139.

8. *Новичич Ж.* Европейская интеграция в доктрине немецкого Конституционного суда: чье слово последнее? // Институт международной политики и экономики. 2022. № 80. С. 255–278.

9. *Осминин Б.И.* Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 80–90.

10. *Абашидзе А.Х., Ильяшевич М.В.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права // Обозреватель–Observer. 2020. № 8. С. 5–21.

Reference

1. *Khlyestov O.N.* Prognozy razvitiya mezhdunarodnogo prava v XXI veke // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2001. No. 2. P. 24–38.

2. *Suonova Z.M., Gabriyan R.R.* Problemy vzaimodeystviya natsional'nogo i mezhdunarodnogo prava v sovremennykh realiyakh // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. 2025. Vol. 12, no. 3. P. 506–512.

3. *Shustrov D.G.* Konstitutsionnaya identichnost' i izmeneniye konstitutsii // Problemy konstitutsionnogo i munitsipal'nogo prava: sbornik statey / otv. red. S.A. Avak'yan. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2020. P. 21–28.

4. *Troper M.* Behind the Constitution? The Principle of Constitutional Identity in France // Constitutional Topography: Values and Constitutions / ed. by A. Sajo, R. Uits. Hague: Eleven International Publishing, 2010. P. 187–205.

5. *Ispolinov A.S.* Voprosy vzaimodeystviya mezhdunarodnogo i vnutrennego prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2017. No. 1. P. 73–93.

6. *Belosludtsev O.S.* Doktrina "kontrlimitov" i doktrina "ultra vires" v kontekste zashchity natsional'noy konstitutsionnoy identichnosti // Sotsial'no-politicheskiye nauki. 2020. Vol. 10, no. 6. P. 98–105.

7. *Umnova-Konyukhova I.A.* Natsional'noye pravosudiye i mezhdunarodnoye pravosudiye: sovremennyye doktriny vzaimodeystviya // Pravosudiye/Justice. 2021. Vol. 3, no. 4. P. 116–139.

8. *Novičić Ž.* Evropske integracije u doktrini nemačkog Ustavnog suda: čija reč je poslednja? // Institut za međunarodnu politiku i privredu. 2022. No. 80. P. 255–278.

9. *Osminin B.I.* Voprosy samoispolnimosti mezhdunarodnykh dogovorov (na primere SShA, Niderlandov i Rossii) // Zhurnal rossiyskogo prava. 2012. No. 6. P. 80–90.

10. *Abashidze A.Kh., Ilyashevich M.V.* Sootnosheniye i vzaimodeystviye mezhdunarodnogo i natsional'nogo prava // Obozrevatel'–Observer. 2020. No. 8. P. 5–21.

Т.Ф. Кляндина,
аспирант Новосибирского государственного университета
экономики и управления «НИНХ»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ САМОЗАПРЕТА НА ПОЛУЧЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Аннотация. Предмет исследования составляют нормы гражданского законодательства, регулирующие самозапрет на получение потребительских кредитов. Целью статьи является исследование правового института самозапрета на заключение договоров потребительского кредита (займа), введенного Федеральным законом от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях” и Федеральный закон “О потребительском кредите (займе)”». Установлено, что, несмотря на высокую социальную востребованность данного механизма (около 20 миллионов заявлений за первый год функционирования), его внедрение выявило злоупотребления как со стороны заемщиков, например, использование времени между подачей заявления о самозапрете и датой начала его действия для получения займа (кредита) с последующим отказом от обязательств, так и со стороны кредиторов, выражающиеся в игнорировании запрета, технических и идентификационных нарушениях. Методологическую основу составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также метод эмпирического анализа пяти судебных актов судов общей юрисдикции субъектов РФ за 2025–2026 гг., отобранных по критериям непосредственной связи спора с применением самозапрета, наличия в материалах дела оценки волеизъявления сторон при дистанционном заключении кредитного договора, доступности полного текста судебного акта. Обобщение указанных судебных актов в совокупности с разъяснениями Банка России и положениями Гражданского кодекса РФ позволило проанализировать правовую природу самозапрета как одностороннего потестативного волеизъявления и превентивной меры самозащиты, выявить механизмы его обхода и игнорирования, а также привести примеры квалификации действий заемщиков и кредиторов как злоупотребление правом (ст. 10 Гражданского кодекса РФ) и потребительский экстремизм. Отмечено, что комплексная количественная оценка эффективности института на дату подготовки статьи в открытых источниках отсутствует, что определяет задачу эмпирического исследования эффективности как направление дальнейших научных работ. Предложены конкретные меры по совершенствованию правового регулирования с целью достижения баланса интересов участников кредитных правоотношений, минимизации рисков потребительского экстремизма, совершенствования правового регулирования межбюро взаимодействия, усиления стандартов идентификации заемщиков: дополнение ч. 3 ст. 10.1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях» обязанностью квалифицированного бюро кредитных историй предоставить сведения о запрете (снятии запрета) по межбюро запросу не позднее одного рабочего дня со дня поступления такого запроса; дополнение ч. 4.5 ст. 7 Федерального закона от 23 июля 2025 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» обязанностью кредитора проводить повторную проверку

наличия запрета непосредственно перед передачей денежных средств заемщику в случае, если между датой проведения проверки и датой передачи денежных средств прошло более одного календарного дня, с фиксацией подтверждения проверки в электронном виде, а также обязанностью использования не менее двух независимых факторов идентификации (биометрические данные, усиленная квалифицированная электронная подпись, подтвержденная учетная запись на портале «Госуслуги») при дистанционном кредитовании; принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего применение ст. 10 ГК РФ к случаям обхода самозапрета.

Ключевые слова: самозапрет, потребительский кредит, злоупотребление правом, потребительский экстремизм, потестативное право, кредитная история, идентификация заемщика, судебная практика, защита прав потребителей, дистанционное кредитование.

T.F. Klyandina,
Postgraduate student, Novosibirsk State University
of Economics and Management

LEGAL REGULATION OF SELF-BAN ON OBTAINING CONSUMER CREDITS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND PROBLEMS OF ABUSE OF RIGHT

Abstract. The subject of the study comprises the norms of civil legislation regulating self-prohibition on obtaining consumer credits. The purpose of the article is to study the legal institution of self-prohibition on concluding consumer credit (loan) agreements, introduced by Federal Law No. 31-FZ of 26 February 2024 “On Amendments to the Federal Law “On Credit Histories” and the Federal Law “On Consumer Credit (Loan)”. It is established that, despite the high social demand for this mechanism (about 20 million applications during the first year of its operation), its introduction has revealed abuses both on the part of borrowers – for example, the use of the time between the filing of a self-prohibition application and the date of its entry into force to obtain a loan (credit) with subsequent non-fulfilment of obligations – and on the part of creditors, manifested in ignoring the prohibition, technical and identification violations. The methodological basis comprises the formal legal and comparative legal methods, as well as the method of empirical analysis of five judicial acts of courts of general jurisdiction of the subjects of the Russian Federation for 2025–2026, selected according to the criteria of the direct connection of the dispute with the application of self-prohibition, the presence in the case materials of an assessment of the expression of the will of the parties upon remote conclusion of a credit agreement, and the availability of the full text of the judicial act. The generalization of these judicial acts in conjunction with the explanations of the Bank of Russia and the provisions of the Civil Code of the Russian Federation made it possible to analyse the legal nature of self-prohibition as a unilateral potestative expression of will and a preventive measure of self-protection, to identify mechanisms for circumventing and ignoring it, and to provide examples of qualifying the actions of borrowers and creditors as abuse of right (Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation) and consumer extremism. It is noted that a comprehensive quantitative assessment of the effectiveness of the institution as of the date of preparation of the article is absent in open sources, which determines the task of empirical research into effectiveness as a direction for further scientific work. Specific measures are proposed for improving legal regulation with a view to achieving a balance of interests of participants in credit legal relations, minimizing the risks of consumer extremism, improving the legal regulation of inter-bureau interaction, and strengthening the standards of borrower identification: supplementing Part 3 of Article 10.1 of Federal Law No. 218-FZ “On Credit Histories” with the obligation of a qualified credit history bureau to provide

information on the prohibition (lifting of the prohibition) upon an inter-bureau request no later than one working day from the date of receipt of such a request; supplementing Part 4.5 of Article 7 of Federal Law No. 353-FZ "On Consumer Credit (Loan)" with the obligation of the creditor to conduct a repeated check for the existence of a prohibition immediately before transferring funds to the borrower if more than one calendar day has elapsed between the date of the check and the date of transfer of funds, with the confirmation of the check recorded in electronic form, as well as the obligation to use at least two independent identification factors (biometric data, enhanced qualified electronic signature, confirmed account on the "Gosuslugi" portal) in remote lending; and the adoption of a Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation explaining the application of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation to cases of circumvention of self-prohibition.

Keywords: self-prohibition, consumer credit, abuse of right, consumer extremism, potestative right, credit history, borrower identification, judicial practice, consumer rights protection, remote lending.

С 1 марта 2025 г. в Российской Федерации начал действовать механизм самозапрета на заключение договоров потребительского кредита (займа), введенный Федеральным законом от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О кредитных историях" и Федеральный закон "О потребительском кредите (займе)"»[1]. Институт призван защитить граждан от мошеннических схем, импульсивного кредитования и долговой кабалы.

Самозапрет представляет собой одностороннюю волевую меру субъекта кредитной истории – физического лица, направленную на ограничение заключения с ним договоров потребительского займа (кредита)[2]. Запрет может распространяться на заключение договоров потребительского займа (кредита) в целом либо отдельно на заключение договоров способом, не предполагающим личную явку заемщика. Исключения составляют ипотечные кредиты, автокредиты под залог транспортного средства, а также основные образовательные кредиты с государственной поддержкой.

В соответствии с ч. 1 ст. 5.1 ФЗ № 218-ФЗ заявление о самозапрете подается во все квалифицированные бюро кредитных историй (КБКИ) через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) или с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг. КБКИ обязано включить сведения о запрете в состав кредитной истории в день получения заявления (при получении до 22:00 по московскому времени) либо на следующий календарный день (при получении после 22:00). Датой начала действия запрета является календарный день, следующий за днем включения сведений в состав кредитной истории. Кредитные и микрофинансовые организации обязаны проверять наличие запрета до заключения договора[3].

При наличии действующего запрета договор не может быть заключен, а в случае его заключения кредитор лишается права требовать возврата долга и уплаты процентов.

[1] См.: СЗ РФ. 2024. № 10, ст. 1306.

[2] См.: Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1, ч. 1, ст. 44; 2026. № 32, ст. 4531.

[3] См.: Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 2013. № 51, ст. 6637; 2026. № 27, ст. 366.

Регуляторная позиция Банка России подчеркивает, что запрет не распространяется на ранее выданные кредитные карты, а также не освобождает заемщика от обязательств по действующим договорам[1]. При этом кредитные и микрофинансовые организации обязаны проверить наличие запрета во всех квалифицированных бюро кредитных историй не ранее чем за тридцать календарных дней до даты заключения договора потребительского кредита (займа).

По данным Банка России[2], за первый год функционирования механизма подано около 20 млн заявлений на установку запрета[3], что свидетельствует о высокой социальной значимости новеллы. Цифровизация кредитного рынка, выразившаяся в возможности оформления потребительских займов посредством подачи заявок на интернет-сайтах кредитных и микрофинансовых организаций без личного присутствия заемщика, многократно усилила риски несанкционированного кредитования. В этих условиях самозапрет фактически становится единственным превентивным барьером, препятствующим заключению договора, что обусловливает как его высокую социальную значимость, так и повышенный интерес к механизмам его обхода со стороны недобросовестных заемщиков. Однако правоприменительная практика 2025–2026 гг. выявила системные проблемы, связанные с использованием заемщиками времени между подачей заявления о самозапрете и датой начала его действия для получения кредитов с последующим отказом от обязательств, а также с игнорированием кредиторами в отдельных случаях требований проверки кредитной истории[4]. Данные явления судами квалифицируются как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) и потребительский экстремизм [1].

Судебная практика исследовалась методом эмпирического анализа пяти опубликованных судебных актов судов общей юрисдикции субъектов РФ за 2025–2026 гг., отобранных по критериям непосредственной связи спора с применением самозапрета или ссылками на п. 14 ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях», наличию в решении оценки волеизъявления сторон при дистанционном заключении кредитного договора, доступности полного текста судебного акта. В выборку вошли ре-

[1] См.: Письмо Банка России от 5 марта 2025 г. № 44-19/1691 «О вопросах, связанных с применением положений законодательства о запрете заемщика на заключение договоров потребительского кредита (займа)». URL: https://cbr.ru/ckki/self-prohibition_credit/acts/ (дата обращения: 13.02.2026); письмо Банка России от 6 марта 2025 г. № 44-19/1761 «О нераспространении положений о запрете на ранее выданные кредитные карты». URL: https://cbr.ru/ckki/self-prohibition_credit/acts/ (дата обращения: 13.02.2026).

[2] См.: Письмо Банка России от 5 марта 2025 г. № 44-19/1691; письмо Банка России от 6 марта 2025 г. № 44-19/1761.

[3] См.: Набиуллина Э.С. Выступление на пленарном заседании Государственной Думы «Отчет Банка России за 2025 год». URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=25678 (дата обращения: 31.05.2026).

[4] См.: Решение Торбеевского районного суда Республики Мордовия от 13 апреля 2026 г. по делу № 2-33/2026 (УИД 13RS0022-01-2026-000026-48) // СПС «КонсультантПлюс»; определение Белгородского районного суда Белгородской области от 9 февраля 2026 г. № 2-168/2026 (УИД 31RS0002-01-2025-004583-66) // СПС «КонсультантПлюс»; решение Замоскворецкого районного суда города Москвы от 26 декабря 2025 г. по делу № 2-3332/2025 (УИД 77RS0007-02-2025-010764-40) // СПС «КонсультантПлюс»; заочное решение Алексинского городского суда Тульской области от 10 декабря 2025 г. по делу № 2-1245/2025 (УИД 77RS0003-02-2025-005135-67) // СПС «КонсультантПлюс».

шения Торбеевского районного суда Республики Мордовия, Белгородского районного суда Белгородской области, Замоскворецкого районного суда города Москвы, Алексинского городского суда Тульской области, Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области. Выборка носит ограниченный характер ввиду отсутствия полной открытой статистики по данной категории дел (по состоянию на дату подготовки статьи единый реестр споров о самозапрете не сформирован), что обусловливает предварительный характер сделанных обобщений. Вместе с тем географическая распределенность выборки (пять субъектов РФ), разнообразие правовых позиций сторон и типичность выявленных моделей споров позволяют расценивать обнаруженные тенденции как формирующуюся правоприменительную практику по спорам о самозапрете.

Целью исследования является определение правовой природы самозапрета, систематизирование выявленных форм злоупотреблений со стороны заемщиков и кредиторов и предложение конкретных мер нормативного совершенствования.

Законодатель определяет самозапрет как «меру, принимаемую субъектом кредитной истории – физическим лицом, направленную на ограничение заключения с ним договоров потребительского займа (кредита)» (п. 14 ст. 3 ФЗ № 218-ФЗ), однако не раскрывает его гражданско-правовую сущность, что порождает доктринальную неопределенность.

С позиции теории односторонних сделок (ст. 154–156 ГК РФ)[1] самозапрет может рассматриваться как односторонняя сделка, направленная на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако данная квалификация представляется неполной, поскольку самозапрет не порождает обязательства в классическом смысле, а создает отрицательный правовой эффект – запрет на совершение действий по заключению договора.

Более точной представляется квалификация самозапрета как реализации потестативного права – управомочивающей нормы, предоставляющей субъекту возможность односторонним волеизъявлением изменить правовое положение неопределенного круга контрагентов, лишив их возможности заключить договор потребительского займа [2]. Потестативный характер проявляется в том, что для возникновения правового последствия (запрета на заключение договора) не требуется встречного волеизъявления кредитора или иного лица.

А.Б. Иванов рассматривает самозапрет как институт превентивной защиты прав потребителей в цифровой среде, в котором государство через механизм квалифицированных БКИ обеспечивает оперативное ограничение возможности заключения кредитных договоров с конкретным гражданином [3, с. 54–58]. М.В. Петрова, в свою очередь, акцентирует внимание на запретительной функции самозапрета, сближая его с институтом самозащиты гражданских прав (ст. 14 ГК РФ), но отмечая, что в отличие от классической самозащиты самозапрет реализуется не в момент нарушения, а превентивно, до возникновения конкретного правоотношения [4].

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2026. № 24, ст. 3099.

Полагаем, что самозапрет обладает сложной правовой природой, сочетающей признаки: одностороннего потестативного волеизъявления; превентивной меры самозащиты; публично-правового регистрационного акта (поскольку фиксация осуществляется через государственную инфраструктуру – портал «Госуслуги» и КБКИ, включенные в государственный реестр бюро кредитных историй). Подобная комплексная природа требует от законодателя более детального нормативного закрепления последствий, в частности – четкого определения момента вступления запрета в юридическую силу для третьих лиц.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в определении от 13 октября 2022 г. № 2669-О, устанавливает, что в условиях дистанционного кредитования бремя обеспечения безопасности сделки смещается на кредитора как профессионального участника рынка[1]. Эта позиция коррелирует с доктриной потестативных прав: самозапрет, являясь односторонним волеизъявлением заемщика, порождает для кредитора корреспондирующую обязанность – проверять наличие запрета до заключения договора. Таким образом, самозапрет трансформируется из сугубо защитной меры в элемент стандарта должной осмотрительности кредитора, несоблюдение которого влечет неблагоприятные последствия в виде признания сделки недействительной и применения санкций по ч. 6 ст. 13 ФЗ № 353-ФЗ.

Наиболее выраженной проблемой первых месяцев действия механизма стало использование заемщиками времени между подачей заявления о самозапрете и датой начала его действия. В соответствии с ч. 19 и ч. 21 ст. 5.1 ФЗ № 218-ФЗ максимальный промежуток между подачей заявления и началом действия запрета составляет два календарных дня: запись включается в кредитную историю в день получения заявления (при подаче до 22:00 по московскому времени) либо на следующий календарный день (при подаче после 22:00), а запрет начинает действовать со следующего календарного дня после включения записи.

Алгоритм обхода выглядит следующим образом: гражданин подает заявление на самозапрет, в течение промежутка до начала действия запрета обращается за кредитом, а после вступления запрета в силу отказывается от возврата долга, ссылаясь на формальное наличие запрета на момент заключения сделки[2].

По данным ПАО МФК «Займер»[3], в марте 2025 г. фиксировалось до 200 подобных случаев в день, преимущественно со стороны мужчин 20–27 лет. Такие действия подпадают под признаки злоупотребления правом (ч. 1 ст. 10 ГК РФ) и квалифицируются в доктрине и правоприменении как потребительский экстремизм – осознанное исполь-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юшковой Ксении Андреевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Самозапрет на заключение договоров потребительских кредитов (займов): портрет пользователя. URL: https://cbr.ru/ckki/self-prohibition_credit/information_portrait_citizen/ (дата обращения: 22.08.2026).

[3] См.: Самозапрет в действии: как недобросовестные заемщики пытаются обмануть систему. URL: https://rvzrus.ru/blog/2970 (дата обращения: 22.08.2026).

зование защитного механизма для уклонения от исполнения обязательств[1].

Суды отказывают в признании договоров недействительными, если установлено, что заемщик действовал добровольно, получил денежные средства и впоследствии намеренно ссылался на формальный запрет[2]. В таких случаях договор признается заключенным, а требования кредитора о взыскании задолженности удовлетворяются.

Отдельные исследователи предлагают квалифицировать систематический обход как форму мошенничества (ст. 159 УК РФ) либо неосновательного обогащения (ст. 1102 ГК РФ), однако на практике добросовестность кредитора и доказанность воли заемщика являются решающими факторами.

Обратной стороной правоприменения стало игнорирование самозапрета со стороны кредитных и микрофинансовых организаций. Нарушения проявляются в трех наиболее встречающихся формах: выдача займа без проверки кредитной истории; технические сбои в обмене данными с БКИ; умышленное игнорирование запрета в погоне за объемом выдач.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ[3] и Верховного Суда РФ[4], банк и МФО несут предпринимательский риск за последствия ненадлежащей идентификации и аутентификации клиента. Заключение договора в электронной форме с использованием простой электронной подписи (SMS-коды, вход в приложение) требует от кредитора принятия повышенных мер предосторожности, особенно при одновременном получении кредита и незамедлительном переводе средств третьим лицам.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 8 июля 2025 г. № 45-КГ25-7-К7[5] сформулировала правовую позицию, имеющую ключевое значение для споров о самозапрете: банк, действуя добросовестно и осмотрительно, обязан принять во внимание несоответствие устройства, характера и параметров операций обычным поведенческим паттернам клиента и предпринять соответствующие меры предосторожности, чтобы убедиться, что операции совершаются клиентом в соответствии с его волеизъявлением. Формальное соблюдение порядка идентификации при наличии подозрительных операций не освобождает кредитора от ответственности.

Банк России прямо указывает на обязанность кредитора проверять наличие запрета до заключения договора[6]. Несоблюдение данного требования влечет признание сделки недействительной (п. 2 ст. 168 ГК РФ), освобождение заемщика от обязательств и взыскание убытков с кредитора. При этом технический сбой или ошибка оператора не освобождает кредитную организацию от ответственности перед потребителем.

[1] См.: Установившие самозапрет на получение кредита все равно пытаются оформить займы. URL: https://www.finmarket.ru/main/article/6356726 (дата обращения: 22.08.2026).

[2] См.: Решение Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области от 3 марта 2026 г. по делу № 2-123/2026 (УИД 33RS0008-01-2025-002741-83) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О.

[4] См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 июля 2025 г. № 78-КГ25-12-К3 (УИД 78RS0022-01-2023-000364-77) // СПС «КонсультантПлюс».

[5] См.: Там же.

[6] См.: Письмо Банка России от 5 марта 2025 г. № 44-19/1691.

Анализ пяти отобранных судебных актов позволяет выделить устойчивые тенденции определения наличия или отсутствия злоупотребления правом и сформировать четыре модели споров.

1. Признаки отсутствия воли заемщика (взлом и фишинг).

Если установлено, что договор заключен третьими лицами в результате взлома аккаунтов, подмены SIM-карт или фишинга, суды признают сделку недействительной (ст. 168 ГК РФ) на основании отсутствия волеизъявления. При этом двусторонняя реституция не применяется, т.к. денежные средства фактически не поступали заемщику.

В решении Торбеевского районного суда Республики Мордовия от 13 апреля 2026 г. по делу № 2-33/2026 суд удовлетворил иск заемщика М. к АО «ТБанк», установив факт взлома аккаунта на портале «Госуслуги» неустановленным лицом, которое оформило кредитную карту с лимитом 299 тыс. рублей и совершило 20 QR-транзакций на общую сумму около 225 тыс. рублей за 8 минут. Ключевыми доказательствами отсутствия воли послужили: несовпадение IP-адресов (вход в мобильное приложение банка осуществлялся с IP, зарегистрированного в Уфе, тогда как истец находился в рабочем поселке Торбеево, Республика Мордовия; вход в «Госуслуги» – с IP, зарегистрированных в Москве и Амстердаме), а также нетипичность операций. Установка истцом самозапрета 11 августа 2025 г. (на следующий день после взлома) была расценена судом как элемент последовательного добросовестного поведения, подтверждающего отсутствие намерения кредитоваться. Договор признан недействительным, истец освобожден от обязательств, сведения удалены из кредитной истории, взысканы компенсация морального вреда (10 тыс. рублей) и штраф (5 тыс. рублей).

Аналогично, в заочном решении Алексинского городского суда Тульской области от 10 декабря 2025 г. по делу № 2-1245/2025 суд отказал АО «ТБанк» во взыскании задолженности, установив, что SMS-сообщения, использованные при заключении договора кредитной карты, направлялись на телефонный номер, не принадлежащий ответчику Ф.С., а принадлежащий третьему лицу – родственнице лица, использовавшего паспортные данные Ф.С. Суд указал, что банк не предоставил сведения о способе идентификации Ф.С. и о лице, которому была вручена кредитная карта, несмотря на неоднократные запросы суда. Самозапрет, установленный Ф.С. через МФЦ, расценен как превентивная мера на фоне массовых заявок мошенников (не менее девяти кредитных заявлений с использованием данных ответчика). Суд применил принцип предпринимательского риска банка (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

2. Социальная инженерия и доказательственное значение самозапрета.

Наиболее дискуссионной является категория дел, связанных с социальной инженерией, когда заемщик сам передает коды или предоставляет удаленный доступ к устройству. В решении Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 26 декабря 2025 г. по делу № 2-3332/2025 суд отказал истцу Г. в признании кредитных договоров недействительными. Суд прямо указал: «При заключении Кредитного договора в Кредитной истории Истца отсутствовала информация о запрете Истца на заключение с ним догово-

ров потребительского кредита (займа). Банк, при заключении Кредитного договора, добросовестно руководствовался данными Кредитной истории Истца об отсутствии соответствующего самозапрета». Суд также сослался на Пояснительную записку к проекту ФЗ № 31-ФЗ, отметив, что целью введения самозапрета является именно предупреждение практик социальной инженерии.

Таким образом, в условиях повсеместной социальной инженерии судебная практика фактически начинает рассматривать наличие установленного самозапрета как ожидаемый стандарт осмотрительности самого гражданина. Его отсутствие при формально безупречном соблюдении банком процедур (ввод SMS-кодов, голосовое подтверждение операций) лишает истца оснований для ссылки на порок воли.

3. Пределы действия самозапрета (ранее возникшие обязательства).

Самозапрет распространяется только на заключение новых договоров (п. 14 ст. 3, ч. 2 ст. 5.1 ФЗ № 218-ФЗ) и не действует в отношении ранее выданных кредитных карт[1].

В решении Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области от 3 марта 2026 г. по делу № 2-123/2026 суд отказал истцу Т. в признании кредитного договора и перевыпущенной карты недействительными. Истец, установивший самозапрет 1 мая 2025 г., впоследствии под влиянием мошенников самостоятельно перевыпустил существующую кредитную карту (договор от 23 октября 2024 г.) и перевел 244 555 рублей третьим лицам. Суд указал, что перевыпуск карты в рамках ранее заключенного договора не является заключением нового договора, а значит, самозапрет на него не распространяется. Данное решение выявляет уязвимость механизма: самозапрет не защищает от компрометации уже имеющихся финансовых инструментов.

4. Технологический промежуток и превентивный эффект.

В определении Белгородского районного суда Белгородской области от 9 февраля 2026 г. по делу № 2-168/2026 кредит был оформлен 13 августа 2025 г. – на следующий день после подачи истцом В. заявления на самозапрет (12 августа 2025 г.), т.е. в период до вступления запрета в силу. Кредитор (ООО МФК «Т-Финанс») добровольно аннулировал кредитный договор до вынесения судебного решения, что повлекло прекращение производства по делу в связи с отказом истца от иска (ст. 39, 220 ГПК РФ). Данный пример демонстрирует, что институт самозапрета обладает мощным досудебным превентивным эффектом, побуждая кредиторов к саморегулированию во избежание применения санкций по ч. 6 ст. 13 ФЗ № 353-ФЗ.

При нарушении прав потребителей суды взыскивают компенсацию морального вреда (ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей») и штраф в размере 50 % от присужденной суммы за несоблюдение досудебного порядка.

Таким образом, анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что фокус с формального соблюдения процедур в настоящее время смещается на проверку действительной воли, добросовестности кредитора, соответствия операций обычным поведенческим паттернам клиента. При этом самозапрет трансформируется в доказательственный маркер добросовест-

[1] См.: Письмо Банка России от 6 марта 2025 г. № 44-19/1761.

ности: его наличие подтверждает последовательность поведения жертвы мошенничества, а отсутствие – возлагает риск социальной инженерии на самого потребителя при условии добросовестности банка.

По состоянию на дату подготовки статьи комплексная количественная оценка эффективности самозапрета (число предотвращенных мошеннических операций, динамика снижения числа несанкционированных кредитов, доля удовлетворенных исковых требований против кредиторов) в открытых источниках не опубликована. Выступление Председателя Банка России Э.С. Набиуллиной на пленарном заседании Государственной Думы 26 марта 2026 г. содержит данные об общем числе поданных заявлений (около 20 млн), однако не включает дифференцированную статистику по предотвращенным нарушениям.

Вместе с тем косвенным индикатором востребованности института служит сам масштаб обращений: 20 млн заявлений за первый год при общей численности экономически активного населения порядка 76 млн человек свидетельствуют о том, что механизм затронул значительную часть потенциальных заемщиков. Одновременно данные ПАО МФК «Займер» (до 200 случаев обхода в день в марте 2025 г.) подтверждают устойчивый характер злоупотреблений механизмом самозапрета.

Отсутствие полной судебной статистики по данной категории дел (на момент написания статьи единый реестр споров о самозапрете не ведется) не позволяет дать окончательный вывод об эффективности института. Эмпирическое исследование эффективности с использованием количественных показателей представляет собой задачу для дальнейших научных работ по данной тематике.

Проведенный анализ правового регулирования института самозапрета на заключение договоров потребительского кредита (займа), обобщение судебной практики 2025–2026 гг. и выявленные системные проблемы позволяют сформулировать конкретные меры нормативного совершенствования, направленные на достижение баланса интересов участников кредитных правоотношений, минимизацию рисков потребительского экстремизма и повышение эффективности защитного механизма:

1. Необходимо совершенствование межбюро взаимодействия квалифицированных бюро кредитных историй. Часть 3 статьи 10.1 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях» устанавливает обязанность квалифицированного бюро кредитных историй предоставлять сведения о запрете (снятии запрета) по запросу другого квалифицированного бюро кредитных историй, однако не фиксирует предельный срок предоставления указанных сведений. Порядок и форма взаимодействия делегированы Банку России, но отсутствие законодательно закрепленного срока создает правовую неопределенность и риски задержки предоставления сведений, что может повлечь выдачу кредита при наличии действующего запрета.

В связи с этим предлагается дополнить ч. 3 ст. 10.1 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях» предложением следующего содержания:

«Квалифицированное бюро кредитных историй, получившее запрос другого квалифицированного бюро

кредитных историй о предоставлении сведений о запрете (снятии запрета), обязано предоставить указанные сведения не позднее одного рабочего дня со дня поступления такого запроса.»

В качестве обоснования предложенного срока можно привести следующие доводы: сведения о самозапрете уже хранятся в квалифицированном бюро кредитных историй, и межбюро запрос представляет собой передачу имеющихся данных, а не их сбор или обработку; ч. 4 ст. 10 ФЗ № 218-ФЗ устанавливает общий срок включения сведений в кредитную историю в один рабочий день, и межбюро запрос не должен занимать больше времени; ч. 4.1 ст. 10 ФЗ № 218-ФЗ устанавливает прецедент обработки критически важных данных (антифрод-сведений) в срок не более 15 минут, что подтверждает техническую возможность оперативной обработки данных в системе кредитных историй.

Предложение не нарушает децентрализованную архитектуру системы кредитных историй, поскольку не предполагает создания централизованного реестра самозапретов, а лишь устанавливает предельный срок для уже существующего механизма межбюро взаимодействия, предусмотренного чч. 3–4 ст. 6.3 и ч. 3 ст. 10.1 ФЗ № 218-ФЗ.

2. Требуется усиление стандартов проверки и идентификации при дистанционном кредитовании.

Так, ч. 4.5 ст. 7 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» устанавливает обязанность кредитной организации, микрофинансовой организации запросить во всех квалифицированных бюро кредитных историй информацию о наличии в кредитной истории заемщика сведений о запрете (снятии запрета) не ранее чем за тридцать календарных дней до даты заключения договора потребительского кредита (займа). Вместе с тем имеется правовой пробел – между датой проведения проверки и датой передачи заемщику денежных средств может пройти значительное время, в течение которого заемщик вправе установить самозапрет. В соответствии с ч. 1 ст. 7 ФЗ № 353-ФЗ договор потребительского займа считается заключенным с момента передачи заемщику денежных средств. Если заемщик установил самозапрет после проведения проверки, но до передачи средств, кредитор формально выполнил обязанность по ч. 4.5 ст. 7, но фактически выдал кредит при наличии действующего запрета.

Предлагается дополнить ч. 4.5 ст. 7 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» абзацами следующего содержания:

«В случае если между датой проведения проверки, предусмотренной настоящей частью, и датой передачи заемщику денежных средств прошло более одного календарного дня, кредитор обязан провести повторную проверку наличия запрета непосредственно перед передачей денежных средств.

Кредитор обязан сохранить в электронном виде подтверждение проверки наличия запрета во всех квалифицированных бюро кредитных историй с фиксацией даты, времени и уникального номера запроса, присвоенного квалифицированным бюро кредитных историй. Указанное подтверждение хранится не менее пяти лет и предоставляется по требованию суда, Банка России или заемщика.

При дистанционном заключении договора потребительского кредита (займа) кредитор обязан использовать не менее двух независимых факторов идентификации заемщика из следующего перечня: биометрические персональные данные в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2024 г.)[1]; усиленная квалифицированная электронная подпись; подтвержденная учетная запись на едином портале государственных и муниципальных услуг; верификация через Единую биометрическую систему.»

В обоснование данного предложения представляется необходимым отметить следующее:

повторная проверка закрывает «окно уязвимости» между первичной проверкой и передачей средств. Это особенно актуально в свете данных судебной практики: в определении Белгородского районного суда Белгородской области от 9 февраля 2026 г. по делу № 2-168/2026 кредит был оформлен на следующий день после подачи заявления на самозапрет, т.е. в период до вступления запрета в силу. Повторная проверка непосредственно перед передачей средств исключает подобную ситуацию;

документальная фиксация перераспределяет бремя доказывания: при отсутствии подтверждения проверки презюмируется нарушение обязанности кредитора. Срок хранения в пять лет согласуется с общими сроками исковой давности и обеспечивает возможность проверки в случае судебного спора;

многофакторная идентификация корреспондирует правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в определении от 13 октября 2022 г. № 2669-О, и правовой позиции Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, сформулированной в определении от 8 июля 2025 г. № 45-КГ25-7-К7, о необходимости принятия повышенных мер предосторожности при дистанционном кредитовании.

3. Разъяснение Пленумом Верховного Суда РФ порядка применения ст. 10 ГК РФ к спорам о самозапрете.

Судебная практика 2025–2026 гг. демонстрирует формирование устойчивых подходов к квалификации обхода самозапрета как злоупотребления правом, однако отсутствует единообразие в применении ст. 10 ГК РФ к данной категории споров. Предлагается принять постановление Пленума Верховного Суда РФ, в котором закрепить следующие разъяснения:

установление гражданином самозапрета с последующим обращением за получением кредита в период до включения записи в кредитную историю и последующим отказом от исполнения обязательств квалифицируется как злоупотребление правом (п. 1 ст. 10 ГК РФ);

суд отказывает в защите права заемщика, злоупотребившего механизмом самозапрета (п. 2 ст. 10 ГК РФ);

заемщик, установивший самозапрет и получивший кредит до включения записи в кредитную историю,

[1] См.: СЗ РФ. 2023. № 1, ч. 1, ст. 19; 2024. № 53, ч. 1, ст. 8532.

лишается права ссылаться на наличие запрета как на основание недействительности сделки (запрет противоречивого поведения, п. 4 ст. 1 ГК РФ, п. 5 ст. 166 ГК РФ);

при установлении факта обхода самозапрета действует презумпция добросовестности кредитора; бремя доказывания обратного возлагается на заемщика (п. 5 ст. 10 ГК РФ);

при доказанном взломе аккаунтов, подмене SIM-карт или фишинге, повлекших заключение договора вопреки воли заемщика, наличие установленного самозапрета рассматривается как доказательство добросовестности заемщика и отсутствия у него намерения заключать кредитные договоры.

Данный подход основан на уже сложившейся судебной практике (решения Торбеевского районного суда Республики Мордовия от 13 апреля 2026 г. по делу № 2–33/2026, Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 26 декабря 2025 г. по делу № 2–3332/2025, Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области от 3 марта 2026 г. по делу № 2–123/2026). Он обеспечивает гибкость правоприменения и соответствует гражданско-правовой природе споров о самозапрете.

Проведенное исследование правового института самозапрета на заключение договоров потребительского кредита (займа), введенного Федеральным законом от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ, позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Самозапрет обладает сложной правовой природой, сочетающей признаки одностороннего потестативного волеизъявления, превентивной меры самозащиты и публично-правового регистрационного акта. Данная комплексная природа обусловливает необходимость более детального нормативного закрепления последствий, в частности четкого определения момента вступления запрета в юридическую силу для третьих лиц.

2. Правоприменительная практика 2025–2026 гг. выявила системные проблемы, связанные как с использованием заемщиками промежутка между подачей заявления о самозапрете и датой начала его действия для получения кредитов с последующим отказом от обязательств (до 200 случаев в день по данным ПАО МФК «Займер» в марте 2025 г.), так и с игнорированием кредиторами требований проверки кредитной истории. Указанные явления квалифицируются судами как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) и потребительский экстремизм.

3. Анализ пяти судебных актов судов общей юрисдикции субъектов РФ позволил выделить четыре модели споров:

а) признаки отсутствия воли заемщика (взлом и фишинг);

б) социальная инженерия и доказательственное значение самозапрета;

в) пределы действия самозапрета (ранее возникшие обязательства);

г) технологический промежуток и превентивный эффект. Самозапрет трансформируется в доказательственный маркер добросовестности: его наличие подтверждает последовательность поведения жертвы мошенничества, а отсутствие – возлагает риск социальной инженерии на самого потребителя при условии добросовестности кредитора.

4. Для достижения баланса интересов участников кредитных правоотношений и минимизации рисков потребительского экстремизма предложены следующие конкретные меры правового совершенствования:

а) дополнение ч. 3 ст. 10.1 ФЗ № 218-ФЗ «О кредитных историях» обязанностью квалифицированного бюро кредитных историй предоставить сведения о запрете (снятии запрета) по межбюро запросу не позднее одного рабочего дня со дня поступления такого запроса;

б) дополнение ч. 4.5 ст. 7 ФЗ № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» обязанностью кредитора проводить повторную проверку наличия запрета непосредственно перед передачей денежных средств заемщику в случае, если между датой проведения проверки и датой передачи денежных средств прошло более одного календарного дня, с фиксацией подтверждения проверки в электронном виде, а также обязанностью использования не менее двух независимых факторов идентификации (биометрические данные, усиленная квалифицированная электронная подпись, подтвержденная учетная запись на портале «Госуслуги») при дистанционном кредитовании;

в) принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего применение ст. 10 ГК РФ к случаям обхода самозапрета, с закреплением последствий в виде отказа в защите права, запрета противоречивого поведения, презумпции добросовестности кредитора и взыскания судебных расходов с недобросовестного заемщика.

5. Комплексная количественная оценка эффективности института самозапрета (число предотвращенных мошеннических операций, динамика снижения числа несанкционированных кредитов, доля удовлетворенных исковых требований против кредиторов) на дату подготовки статьи в открытых источниках отсутствует. Эмпирическое исследование эффективности с использованием количественных показателей представляет собой задачу для дальнейших научных работ по данной тематике. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются также сравнительно-правовой анализ механизмов самозапрета в зарубежных юрисдикциях и оценка влияния цифровизации на снижение транзакционных издержек кредитного рынка.

Библиографический список

1. *Ожегова Г.А.* К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. № 14. С. 15–19.

2. *Карапетов А.Г., Савельев А.И.* Потестативные права в российском гражданском праве // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8. С. 6–41.

3. *Иванов А.Б.* Самозапрет на кредитование как институт защиты прав потребителей в цифровой среде // Закон. 2025. № 4. С. 45–58.

4. *Петрова М.В.* Злоупотребление правом при заключении кредитных договоров: доктринальные аспекты и судебная практика // Хозяйство и право. 2025. № 6. С. 22–31.

Reference

1. *Ozhegova G.A.* On the concept of “consumer extremism” // Yurist. 2014. No. 14. P. 15–19.

2. *Karapetov A.G., Savelyev A.I.* Potestative rights in Russian civil law // Vestnik VAS RF. 2012. No. 8. P. 6–41.

3. *Ivanov A.B.* Self-ban on lending as an institution of consumer protection in the digital environment // Zakon. 2025. No. 4. P. 45–58.

4. *Petrova M.V.* Abuse of right in concluding credit agreements: doctrinal aspects and judicial practice // Khozyaystvo i pravo. 2025. No. 6. P. 22–31.

О.А. Матчонова,
аспирант кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ТАЙНЫ КАК ПРЕДМЕТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЪЕКТА ОХРАНЫ

Аннотация. Стратегически важное значение информации в современном быстро меняющемся мире определило необходимость разработки и применения эффективных средств ее охраны. Для достижения постановленной цели государством реализуется комплекс мероприятий в области обеспечения защищенности отечественного информационного пространства. Одним из направлений данной деятельности выступает образование безопасной среды для оборота отдельных видов тайны. Законодатель активно оперирует указанным термином, не раскрывая при этом его значения. Обозначенная ситуация приводит к обилию толкований категории «тайна», препятствующих единообразному применению норм материального и процессуального права. Предмет исследования составили нормы Конституции РФ и отечественного законодательства в области оборота сведений ограниченного доступа. Цель работы заключается в наполнении содержания тайны, порядок обращения которой регулируется действующими нормативными правовыми актами. Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ и синтез) и частноправовые (формально-юридический) методы. Новизна исследования аргументируется тем, что в результате его проведения выявлены и раскрыты ключевые признаки, образующие содержание тайны, а также изложено авторское понимание ее сущности. Основные результаты: предложена авторская дефиниция, включающая два основных признака изучаемой правовой категории. Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы для оптимизации в соответствующей части российского информационного законодательства и правоприменительной деятельности. Вывод: защита отдельных видов тайны в условиях обширного использования цифровых технологий диктует необходимость четкого осмыслении сущности тайны как юридической категории и определения ее признаков.

Ключевые слова: информация, общедоступная информация, информация ограниченного доступа, тайна, персональные данные, правовой режим, право на тайну, защита информации, информационная безопасность, правовые нормы.

O.A. Matchonova,
Postgraduate Student of the Department of Criminal
and Penitentiary Law, Saratov State Law Academy

THE CONCEPT AND FEATURES OF SECRECY AS A SUBJECT OF LEGAL REGULATION AND AN OBJECT OF PROTECTION

Abstract. The strategically important significance of information in the modern rapidly changing world has determined the necessity of developing and applying effective means of its protection. To achieve the set goal, the State implements

a complex of measures in the field of ensuring the security of the domestic information space. One of the directions of this activity is the formation of a safe environment for the circulation of certain types of secrecy. The legislator actively operates with the said term without disclosing its meaning. This situation leads to an abundance of interpretations of the category "secrecy", which hinder the uniform application of the norms of substantive and procedural law. The subject of the study comprises the norms of the Constitution of the Russian Federation and domestic legislation in the field of circulation of information of limited access. The purpose of the work is to fill the content of secrecy, the procedure for the circulation of which is regulated by current normative legal acts. The methodological basis of the study comprises general scientific methods (analysis and synthesis) and specific legal methods (formal legal). The novelty of the study is argued by the fact that, as a result of its conduct, key features forming the content of secrecy have been identified and disclosed, and the author's understanding of its essence has been set out. Main results: an authorial definition is proposed, including two main features of the legal category under study. The practical significance of the work lies in the fact that the results obtained may be used for optimizing the relevant part of Russian information legislation and law enforcement activity. Conclusion: the protection of certain types of secrecy under conditions of the extensive use of digital technologies dictates the necessity of a clear comprehension of the essence of secrecy as a legal category and the determination of its features.

Keywords: information, publicly available information, information of limited access, secrecy, personal data, legal regime, right to secrecy, information protection, information security, legal norms.

В условиях динамично развивающегося общества преобладающее значение для отдельного индивида, коллектива людей и государства приобретает информация. Она наряду с трудовыми, финансовыми, природными и энергетическими ресурсами относится к ключевым факторам эволюции человечества. В связи с этим государство расширяет возможности для ее поиска, обработки, передачи, накопления и распространения. Развивается высокоскоростной интернет, внедряются отечественные многофункциональные цифровые платформы, формируются книжные фонды библиотек и открываются центры исторической памяти. Благодаря реализуемому комплексу мероприятий появляются альтернативные источники информации, обновляются механизмы обмена знаниями и опытом, трансформируется система архивации данных.

Вместе с возникновением новых способов получения, анализа и хранения информации возрастает необходимость в ее защите. Одним из подходов к решению данной задачи является принятие мер по ограничению доступа к информации. К таковым относятся меры технического, организационного и юридического характера. Последние представлены в виде системы нормативных правовых актов, предметом регулирования которых являются отношения, возникающие по поводу оборота сведений ограниченного доступа. Они определяют права и обязанности граждан, организаций, публично-правовых образований, участвующих в информационных правоотношениях; полномочия государственных органов, осуществляющих контроль (надзор) за соблюдением порядка обращения с конфиденциальной информацией; правовые режимы, установленные в отношении отдельных видов тайны; правила хранения, комплектования и учета архивных документов, содержащих закрытые сведения. Для обеспечения сохранности государственных

секретов утверждена процедура засекречивания и предоставления допуска к ним[1].

Наряду с регулятивными нормами совершенствуется система охранительных предписаний, направленных на удержание лиц от совершения правонарушений и общественно опасных деяний. Так, для поддержания правового порядка в сфере оборота сведений ограниченного доступа нормы административно-деликтного законодательства устанавливают ответственность за неисполнение требований по обеспечению защиты информации (ст. 13.12 КоАП РФ), разглашение информации с ограниченным доступом (ст. 13.14 КоАП РФ), незаконное получение информации с ограниченным доступом (ст. 13.14.1 КоАП РФ) и т.д.[2]

Задачи по охране социально значимых интересов от преступных посягательств и их предупреждению стоят перед отраслью уголовного права. В настоящее время уголовный закон обеспечивает сохранность отдельных видов тайны. Речь идет о запретах на незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лиц, составляющих его личную или семейную тайну (ст. 137 УК РФ), разглашение тайны усыновления (ст. 155 УК РФ), незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ) и т.д.[3]

Важно отметить, что в нормативных правовых актах, предметом регулирования и охраны которых являются отношения, возникающие по поводу оборота сведений ограниченного доступа, законодатель активно оперирует понятием «тайна». Однако его содержание раскрывается применительно к конкретным видам тайны[4]. Отсутствие в официальных документах родового понятия тайны препятствует реализации участниками складывающихся правоотношений субъективных прав и исполнению обязанностей, исключает единообразную практику применения правовых норм. Изложенное обусловливает необходимость выработки определения тайны, которое будет пригодно для ее понимания в качестве предмета правового регулирования и объекта охраны.

По результатам проведенного анализа юридической литературы установлено, что в научной среде не представлено единое толкование тайны и ее ключевых признаков. Сформулированные на доктринальном уровне позиции относительно содержания

[1] См.: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 1997. № 41, ст. 8220–8235; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4945; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. 26 июля 2026 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451; 2026. № 30, ст. 4111; Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2025. № 32, ст. 4526.

[2] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ст. 1; 2026. № 30, ст. 4096.

[3] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2026 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2026. № 32, ст. 4497.

[4] См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 22 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102; 2024. № 18, ст. 2396; Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ«О коммерческой тайне» (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2004. № 32, ст. 3283; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4947.

рассматриваемого правового явления можно условно представить в виде двух основных подходов. Первая группа исследователей отождествляет тайну с информацией ограниченного доступа. В частности, И.В. Смолькова констатирует, что «тайна – это особым образом охраняемый законом блок секретной или конфиденциальной информации (сведений), известной или доверенной узкому кругу субъектов в силу исполнения служебных, профессиональных и иных обязанностей или отдельных поручений, разглашение которых может повлечь юридическую ответственность» [1, с. 36]. В свою очередь, И.В. Бондарь уточняет, что тайну образует «…имеющая потенциально духовно-нравственную, коммерческую либо иную общественно-значимую ценность информация, известная или доверенная ограниченному кругу лиц, доступ к которой ограничен действующим федеральным законодательством». Ценность информации, по мнению автора, заключается в ее полезности (коммерческая, научно-техническая) и неизвестности третьим лицам [2, с. 74].

Разделяя подход названных ученых к пониманию тайны в той части, что она представляет собой ценную информацию, известную ограниченному количеству лиц, тем нее менее хотелось бы внести дополнения. Во-первых, приведенный круг субъектов, получивших доступ к сведениям конфиденциального и секретного характера, является незавершенным. Он не исчерпывается лицами, которым тайна была доверена или стала известна ввиду исполнения ими профессиональных или служебных обязанностей. Возможность предоставления отдельных видов тайны может определяться наличием семейных отношений (семейная тайна) и др. Во-вторых, определение И.В. Смольковой содержит указание только на одно противоправное действие, совершаемое в отношении тайны (разглашение). Вместе с тем анализ норм охранительного законодательства в данной сфере позволяет говорить и об иных вредоносных действиях и общественно опасных деяниях, нарушающих утвержденный порядок оборота сведений ограниченного доступа. Так, административно-деликтное законодательство устанавливает ответственность за ведение деятельности в области защиты информации, составляющей государственную тайну, без лицензии (ст. 13.13 КоАП РФ); незаконное получение информации ограниченного доступа (ст. 13.14.1 КоАП РФ). Уголовный закон позволяет говорить о следующих действиях, образующих объективную сторону отдельных преступлений, посягающих на информацию ограниченного доступа: незаконное собирание, разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), выдача сведений, составляющих государственную тайну (ст. 275 УК РФ), нарушение правил обращения с содержащими государственную тайну документами (ст. 284 УК РФ) и т.д. В-третьих, не следует ограничивать ценность образующей тайну информации только ее полезностью (коммерческая, научно-техническая) и неизвестностью другим лицам. Помимо экономической составляющей она содержит и другие нематериальные ориентиры: личные (здоровье, свобода); семейные (доверие, уважение к старшим); профессио-

нальные (ответственность, честность) и т.д. Так, испытывая потребность в обеспечении национальной безопасности и обороноспособности, государство засекречивает стратегически важную информацию, образующую государственную тайну.

Другие авторы раскрывают содержание тайны сквозь призму правового режима информации. Так, М.В. Пермяков дает следующее толкование тайны: «правовой режим информации, доступ относительно или абсолютно определенных субъектов к которой строго регламентирован правом, затрагивает интересы конкретных лиц, общества или государства, а причинение вреда или угроза его причинения влечет юридическую ответственность» [3, с. 61]. По мнению Л.А. Ловцова, ключевым элементом понятия тайны выступает совокупность правил сокрытия, хранения, доступа и использования составляющей тайну информации [4, с. 194].

Следует согласиться, что регулирование оборота отдельных видов тайны осуществляется комплексом специальных юридических средств. Вместе с тем необходимо оговориться, что в основе тайны находится информация. Для ее защиты законодателем установлен правовой режим, определяющий правила оборота сведений конфиденциального и секретного характера.

Принимая во внимание приведенные замечания, считаем возможным сформулировать собственную дефиницию тайны как юридической категории – это информация, в отношении которой установлен специальный правовой режим, определяющий требования к хранению, доступу, использованию, уничтожению соответствующих сведений. Предложенное определение основывается на следующих ключевых признаках. Первый из них констатирует, что содержание тайны составляет информация. Она является результатом отражения фактов, событий, явлений и процессов окружающей действительности. Дефинитивная норма, раскрывающая суть информации, закреплена в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 26 июня 2026 г.)[1]. Согласно ей под информацией следует понимать сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления.

В основу тайны входит информация, представляющая материальную и иную социальную ценность для ее обладателя. Так, ценность образующих личную тайну сведений о состоянии здоровья, имущественном положении заключается в том, что они отражают наиболее важные стороны частной жизни. По смыслу дефиниции, содержащейся в п. 1 и 2 ст. 3 Федерального закона № 98-ФЗ, ценность составляющей коммерческую тайну информации обусловлена ее неизвестностью третьим лицам. В случае доведения данных сведений до широкого круга лиц они потеряют свою важность, позволяющую обладателю указанного вида тайны увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке или получить иную коммерческую выгоду.

Второй признак призван разъяснить, что в отношении информации, составляющей тайну, установлен правовой режим. Обращаясь к их видам, следует

[1] См.: СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448; 2026. № 26, ст. 3464.

признать, что на доктринальном уровне традиционно в зависимости от пределов доступности сведений выделяют «правовой режим доступа к открытой информации» и «правовой режим ограничения свободного доступа». Первый из них распространяется на общедоступные сведения. Правовой режим информации ограниченного доступа является трансформацией общего режима и включает дополнительные дозволения, ограничения, запреты [5, с. 175–176].

Обозначенная в юридической литературе идея о действии правового режима информации находит отражение в отечественном законодательстве. В частности, Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (далее – Федеральный закон № 98-ФЗ) характеризует коммерческую тайну как режим конфиденциальности информации. Однако в связи с тем, что требование о сохранении конфиденциальности сведений распространяется не на все виды тайны, целесообразно говорить об установлении в отношении тайны правового режима информации ограниченного доступа. Он представляет собой специальный комплекс правовых средств, определяющих в целях обеспечения защиты отдельных видов тайны, персональных данных, иной информации ограниченного доступа правила их хранения, использования, распространения и доступа к ним.

По результатам исследования можем констатировать, что тайна представляет собой информацию со специальным правовым режимом. Сформулированное определение тайны пригодно для ее понимания в качестве предмета правового регулирования и объекта охраны, что является важным шагом для формирования надежного механизма юридического обеспечения прав, свобод и законных интересов участников правоотношений в области оборота сведений ограниченного доступа.

Библиографический список

1. *Смолькова И.В.* Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998. 404 с.

2. *Бондарь И.В.* Тайна по российскому законодательству: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 203 с.

3. *Пермяков М.В.* Категория «тайна» в системе правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 234 с.

4. *Ловцов Д.А.* Системология правового регулирования информационных отношений в инфосфере: монография. М.: РГУП, 2016. 316 с.

5. *Бачило И.Л.* Информационное право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. 419 с.

Reference

1. *Smolkova I.V.* Problems of legally protected secrets in criminal proceedings: dis. … Dr. of legal sciences. Irkutsk, 1998. 404 p.

2. *Bondar I.V.* Secret under Russian legislation: dis. … cand. legal sciences. N. Novgorod, 2004. 203 p.

3. *Permyakov M.V.* The category “secret” in the system of legal regulation: dis. ... cand. legal sciences. N. Novgorod, 2006. 234 p.

4. *Lovtsov D.A.* Systemology of the Legal Regulation of Information Relations in the Infosphere: a Monograph. Moscow: RGUP, 2016. 316 p.

5. *Bachilo I.L.* Information Law: a textbook for universities. Moscow: Yurayt, 2026. 419 p.

К.В. Музалевская,
преподаватель кафедры конституционного права
имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной юридической академии

МЕХАНИЗМ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению механизма конституционно-правового регулирования высшего образования в Российской Федерации как целостной правовой категории. Актуальность исследования обусловлена конституционной реформой 2020 г., существенно расширившей ценностные ориентиры государственной образовательной политики. Предметом исследования выступают структурные элементы обозначенного механизма, методы его воздействия и аксиологическое измерение. Цель статьи – раскрыть содержание данного механизма и обосновать его авторское определение. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный и метод правового моделирования. В статье раскрыта структура механизма, включающая четыре функционально сопряженных элемента: систему конституционных норм-принципов, норм-гарантий и норм-задач; конституционно-правовые отношения; методы императивного, дозволительного и ограничительного воздействия; иерархию актов реализации конституционных норм. Особое внимание уделено аксиологическому измерению механизма через категории образовательного суверенитета и конституционной идентичности. В результате предложено авторское определение механизма, позволяющее разграничить конституционный уровень регулирования и образовательное право как комплексную отрасль. Выводы могут быть использованы при оценке конституционности реформы высшего образования и совершенствовании критериев соразмерности ограничений академических прав и свобод.

Ключевые слова: конституционно-правовое регулирование, высшее образование, механизм правового регулирования, образовательный суверенитет, конституционная идентичность, академическая свобода.

K.V. Muzalevskaya,
Lecturer of the Department of Constitutional Law
named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev,
Saratov State Law Academy

THE MECHANISM OF CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION OF HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article is devoted to the study of the mechanism of constitutional legal regulation of higher education in the Russian Federation as an integral legal category. The relevance of the study is conditioned by the constitutional reform of 2020, which

significantly expanded the value guidelines of State educational policy. The subject of the study comprises the structural elements of the mechanism, the methods of its influence and its axiological dimension. The purpose of the article is to reveal the content of this mechanism and to substantiate its authorial definition. The methodological basis comprises the formal legal method, the systemic-structural method and the method of legal modelling. The article reveals the structure of the mechanism, comprising four functionally interconnected elements: a system of constitutional norms-principles, norms-guarantees and norms-objectives; constitutional legal relations; methods of imperative, permissive and restrictive influence; and a hierarchy of acts implementing constitutional norms. Particular attention is paid to the axiological dimension of the mechanism through the categories of educational sovereignty and constitutional identity. As a result, an authorial definition of the mechanism is proposed, making it possible to distinguish the constitutional level of regulation from educational law as a complex branch. The conclusions may be used in assessing the constitutionality of the reform of higher education and in improving the criteria of proportionality of restrictions on academic rights and freedoms.

Keywords: constitutional legal regulation, higher education, mechanism of legal regulation, educational sovereignty, constitutional identity, academic freedom.

Конституционно-правовое регулирование высшего образования традиционно исследуется в науке либо через призму субъективного права граждан на образование, закрепленного ст. 43 Конституции РФ, либо через анализ отдельных полномочий органов публичной власти в образовательной сфере. Целостная концепция механизма конституционно-правового регулирования высшего образования – с выявлением его структурных элементов, характеристикой методов воздействия и аксиологического измерения – в отечественной доктрине до настоящего времени не получила системного обоснования. Между тем именно такой подход позволяет оценить конституционно-правовое регулирование высшего образования как единую систему, все элементы которой функционально взаимозависимы: изменение любого из них – введение новой конституционной нормы, формулирование правовой позиции Конституционного Суда РФ, принятие нового федерального закона – неизбежно влечет корректировку всей системы. Конституционная реформа 2020 г., преобразовавшая основания государственной образовательной политики и существенно расширившая конституционный массив применительно к высшей школе, делает разработку данной концепции особенно актуальной. Цель настоящей статьи – раскрыть содержание механизма конституционно-правового регулирования высшего образования как целостной правовой категории и обосновать его авторское определение.

Теоретическое осмысление механизма конституционно-правового регулирования высшего образования невозможно без обращения к общетеоретическим основам, формировавшимся в отечественной юридической науке на протяжении нескольких десятилетий. Понятие механизма правового регулирования было введено в научный оборот С.С. Алексеевым, определившим его как «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения» [1, с. 9]. Принципиальное значение этого подхода состоит в преодолении нормативистской редукции: право перестает восприниматься исключительно как система норм-правил и начинает описываться как процесс, включающий и статические элементы (нормы, принци-

пы), и динамические (правоотношения, акты реализации). Несколько иначе расставил акценты В.М. Горшенев, сосредоточившийся на инструментальной стороне механизма – на вопросе «как» право воздействует на общественные отношения [2, с. 14]. Оба измерения – состав механизма (по С.С. Алексееву) и логика его функционирования (по В.М. Горшеневу) – сохраняют актуальность сегодня и в совокупности дают методологическую основу для характеристики конституционно-правового механизма в конкретной сфере. Н.И. Матузов и А.В. Малько определяют механизм правового регулирования как «систему правовых средств, с помощью которых осуществляется упорядоченность общественных отношений в соответствии с целями и задачами правового государства» [3, с. 346], что отражает его телеологическую природу: механизм не существует сам по себе, он подчинен конечной цели – приведению реальных отношений в соответствие с нормативными предписаниями. В.Д. Перевалов акцентирует динамический характер механизма, рассматривая его как инструментарий, объединяющий нормы права, правоотношения и акты реализации в последовательных стадиях движения права от абстрактного предписания к конкретному правоотношению [4, с. 177].

Вместе с тем для целей настоящего исследования принципиально важной является конституционно-правовая специфика данного механизма. Раскрывая общий состав механизма конституционно-правового регулирования, С.А. Авакьян выделяет конституционные нормы и принципы, акты конституционного законодательства, конституционно-правовые отношения, субъекты конституционного права, метод конституционного регулирования, а также конституционные гарантии и средства защиты прав [5, с. 61]. О.Е. Кутафин дополняет систему элементов механизма конституционно-правового регулирования правовыми позициями Конституционного Суда РФ, рассматривая их как самостоятельный элемент, восполняющий нормативное содержание конституционных норм применительно к конкретным ситуациям [6, с. 84]. В.Е. Чиркин, ссылаясь на сравнительно-правовой опыт, обращает внимание на то, что конституционно-правовой метод в социальном государстве включает не только классические публично-правовые инструменты, но и элементы «мягкого права» – рекомендательные нормы, программные положения, ориентирующие отраслевое законодательство [7, с. 112]. Данное наблюдение в полной мере применимо к конституционно-правовому регулированию высшего образования, где стратегические документы оказывают на систему высшей школы регулирующее воздействие, не сводимое к жесткому нормативному предписанию, но и не остающееся без правовых последствий для законодателя и правоприменителя.

Конституционно-правовой механизм регулирования высшего образования обладает чертой, принципиально отличающей его от механизма правового регулирования в рамках образовательного права как комплексной отрасли. Последний действует в плоскости конкретных образовательных отношений и ориентирован прежде всего на регулирование деятельности непосредственных участников образовательного процесса [8, с. 47–48].

Конституционно-правовой механизм задает конституционные параметры для самой системы образовательного права в целом – определяет ее ценностные ориентиры, конституционные пределы и иерархию нормативных источников. Именно в этом смысле конституционно-правовое регулирование выступает самостоятельным уровнем правового воздействия на высшее образование, а не просто совокупностью норм Конституции, которые наряду с отраслевыми нормами регулируют образовательные отношения. Его объектом выступают публичные по своей природе отношения, в которых государство является конституционно обязанным субъектом, – и именно это обстоятельство определяет специфику всех элементов данного механизма. Общетеоретический перечень элементов механизма, обозначенный выше, нуждается в уточнении применительно к предмету настоящего исследования и может быть представлен в виде четырех функционально сопряженных элементов, где субъекты конституционного права раскрываются через содержание конституционно-правовых отношений, а гарантии и средства защиты прав пронизывают одновременно нормативную и правоприменительную составляющие механизма.

Первым и системообразующим элементом механизма конституционно-правового регулирования высшего образования выступает система конституционных норм. Применительно к высшему образованию представляется целесообразным дифференцировать конституционные нормы по их функциональному назначению на нормы-принципы, нормы-гарантии и нормы-задачи.

Нормы-принципы применительно к высшему образованию закрепляют исходные начала организации данной сферы. В их числе: принцип социального государства (ст. 7 Конституции РФ), обязывающий государство создавать условия для получения образования социально уязвимыми категориями граждан; принцип идеологического многообразия (ст. 13 Конституции РФ), исключающий принудительную идеологическую унификацию в академической среде; принцип светского характера государственного образования (ст. 14 Конституции РФ); принцип равенства прав и свобод (ст. 19 Конституции РФ), на котором Конституционный Суд РФ основывает признание недопустимости дискриминации при поступлении в образовательные организации; принцип федерализма (ст. 71 и 72 Конституции РФ), определяющий разграничение предметов ведения в сфере образования. Каждый из названных принципов задает конституционный вектор для соответствующих норм отраслевого законодательства и образует ценностный ориентир для Конституционного Суда РФ при разрешении образовательных споров.

Нормы-гарантии содержат конкретные конституционные обязательства государства в сфере высшего образования. Центральной среди них является ч. 3 ст. 43 Конституции РФ, устанавливающая право каждого на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении. Часть 5 той же статьи возлагает на Российскую Федерацию обязанность устанавливать федеральные государственные образовательные стандарты, обеспечивая тем

самым конституционную основу единства образовательного пространства. Статья 44 Конституции РФ гарантирует свободу научного творчества и преподавания как основу академической автономии образовательных организаций. Конституционная реформа 2020 г. существенно дополнила эту систему: подп. «в1» ст. 114 Конституции РФ возложил на Правительство РФ конституционную обязанность «обеспечивать государственную поддержку научно-технологического развития страны, сохранение и развитие ее научного потенциала», тем самым переведя эту задачу из плоскости государственной политики в плоскость конституционной обязанности. Б.С. Эбзеев, раскрывая двойственную природу конституционного механизма обеспечения прав, обоснованно указывает, что государство несет как позитивные обязанности – активно содействовать реализации конституционных прав, так и негативные – воздерживаться от произвольного вмешательства в права граждан [9, с. 203]. Оба аспекта в полной мере реализуются применительно к высшему образованию.

Нормы-задачи определяют конституционные ориентиры государственной образовательной политики. Статья 67.1 Конституции РФ, введенная поправками 2020 г., закрепила задачи сохранения исторической памяти, воспитания патриотизма и трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей, наделив тем самым систему высшего образования воспитательной функцией конституционного уровня. Принципиально важно, что реформа 2020 г. изменила и редакцию ст. 71 Конституции РФ: вместо «установления основ федеральной политики и федеральных программ» в образовательной сфере к ведению Федерации было отнесено «установление единых правовых основ системы воспитания и образования». Тем самым компетенция федерального законодателя переместилась из сферы программного целеполагания в сферу обязательного нормативного регулирования. В.Д. Зорькин, обобщая практику Конституционного Суда РФ, обосновывает, что конституционные нормы выполняют не только регулятивную, но и ценностно-интегративную функцию: они «цементируют» правовую систему государства, задавая ей единый аксиологический вектор [10, с. 89]. Введение норм-задач в конституционный текст применительно к воспитанию и историческому сознанию наглядно иллюстрирует эту функцию.

Вторым структурным элементом механизма являются конституционно-правовые отношения в сфере высшего образования. Они складываются на нескольких уровнях, каждый из которых обладает самостоятельным конституционным содержанием. Отношения между государством и гражданами образуют конституционно-правовое ядро образовательных правоотношений: именно здесь конституционная гарантия ст. 43 Конституции РФ имеет наибольшее практическое значение, поскольку государство выступает конституционно обязанным субъектом, а гражданин – носителем соответствующего субъективного права. Отношения между федеральными и региональными органами власти порождаются закрепленным в ст. 71–73 Конституции РФ разграничением предметов ведения и обнаруживают устойчивое тяготение к федеральному полюсу: основные регулятивные полномочия в сфере

высшего образования сосредоточены на федеральном уровне. Отношения между государством и образовательными организациями определяют конституционные параметры университетской автономии в ее соотношении с государственными стандартами и контрольными полномочиями: конституционный дуализм академической свободы (ст. 44 Конституции РФ) и государственного регулирования (ст. 43 и 71) составляет постоянную точку напряжения в данном уровне отношений.

Третьим элементом механизма выступают методы конституционно-правового воздействия. Как справедливо указывает В.С. Нерсесянц, соотношение методов в конкретной отрасли права не является статичным и определяется балансом публичных и частных интересов [11, с. 476]. Применительно к высшему образованию три основных конституционно-правовых метода сочетаются своеобразно. Императивный метод проявляется в безусловном характере гарантии ч. 3 ст. 43 Конституции РФ: государство обязано обеспечить бесплатное конкурсное высшее образование, и это обязательство не подлежит усмотрению публичной власти. Дозволительный метод действует применительно к организации частного высшего образования и платных форм обучения: государство определяет допустимые пределы, но не предписывает единственную модель. Ограничительный метод закрепляет конституционные пределы усмотрения в образовательной сфере – в том числе пределы университетск й автономии, которые Конституционный Суд РФ устанавливает исходя из принципа соразмерности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Современный период характеризуется смещением баланса методов в сторону усиления императивного воздействия: введение предельных объемов платного приема (Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”»[1]), расширение обязательного воспитательного компонента федеральных государственных образовательных стандартов – все это свидетельствует об усилении публично-правовых начал сферы высшего образования, требующей конституционно-правовой оценки с позиций принципа соразмерности.

Четвертым элементом механизма являются акты реализации конституционных норм, иерархию которых применительно к высшему образованию образуют: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» как акт первичной законодательной конкретизации конституционных норм; указы Президента РФ, определяющие стратегические приоритеты государственной образовательной политики; постановления Правительства РФ, утверждающие порядок лицензирования, аккредитации и распределения контрольных цифр приема; приказы Минобрнауки России об утверждении федеральных государственных образовательных стандартов. В.И. Шкатулла обоснованно указывает на многоуровневый характер образовательного законодательства и необходимость строгой иерархической согласованности между конституционными предписаниями и подзаконными нормативными актами [12, с. 44]. Наряду с этим, как отмеча-

[1] См.: СЗ РФ. 2025. № 21, ст. 2535.

ет О.Е. Кутафин, правовые позиции Конституционного Суда РФ занимают самостоятельное место в системе актов реализации, восполняя нормативное содержание конституционных норм применительно к конкретным жизненным ситуациям [6, с. 84].

Единство названных элементов обеспечивается идейно-ценностным измерением механизма, раскрываемым через категорию конституционной идентичности и пронизывающим каждый из них. Так, нормы-принципы наполняются через нее конкретным ценностным содержанием, методы воздействия – прежде всего усиление императивного метода – ограничены задачей защиты образовательного суверенитета, а акты реализации соотносятся с конституционной идентичностью. Данная категория приобрела особую значимость после конституционных поправок 2020 г., наполнивших ст. 67.1, 68, 69 и подп. «в1» ст. 114 Конституции РФ положениями о традиционных духовно-нравственных ценностях, исторической памяти и культурной преемственности. Т.Я. Хабриева указывает, что современная Конституция РФ является «не просто юридическим актом, регулирующим организацию власти, но и ценностным документом, выражающим цивилизационную идентичность российского общества» [13, с. 47]. Данный тезис имеет прямое значение для характеристики механизма конституционно-правового регулирования высшего образования: если Конституция является ценностным документом, то и механизм ее реализации в конкретной сфере неизбежно приобретает аксиологическое измерение, не сводимое к совокупности нормативных предписаний.

Применительно к высшему образованию конституционная идентичность проявляется в закреплении русского языка как языка преподавания в государственных образовательных организациях (ст. 68 Конституции РФ), в ориентации содержания образования на традиционные российские ценности и в принципе образовательного суверенитета как направлении обеспечения самодостаточности национальной системы высшего образования. Применительно к идейно-ценностному измерению конституционно-правового механизма в образовательной сфере это означает следующее: принцип образовательного суверенитета является не просто нормативным началом, закрепленным в образовательном законодательстве, но конституционно-аксиологической рамкой, определяющей содержательное наполнение всех элементов механизма – от конкретных стандартов до методов государственного воздействия [14, с. 139].

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующие выводы. Механизм конституционно-правового регулирования высшего образования в России представляет собой самостоятельную правовую категорию, не сводимую ни к совокупности конституционных норм об образовательных правах, ни к системе полномочий органов публичной власти в образовательной сфере. Данный механизм охватывает четыре взаимосвязанных элемента: систему конституционных норм-принципов, норм-гарантий и норм-задач; конституционно-правовые отношения, складывающиеся на нескольких уровнях; методы конституционно-правового воздействия – императивный, дозволительный и ограничительный; акты реа-

лизации конституционных норм в их иерархической системе. Помимо этого, механизм обладает идейно-ценностным измерением, раскрываемым через категорию конституционной идентичности и наполняющим нормативные элементы аксиологическим содержанием.

На основании изложенного механизм конституционно-правового регулирования высшего образования может быть определен как система взаимосвязанных конституционных норм-принципов, норм-гарантий и норм-задач, конституционно-правовых отношений, методов конституционно-правового воздействия – императивного, дозволительного и ограничительного, а также актов конституционной реализации, опосредующих публичные отношения с участием государства как конституционно обязанного субъекта, функционирование которой обеспечивает упорядочение общественных отношений в сфере высшего образования в соответствии с конституционными ценностями социального государства, академической свободы и образовательного суверенитета РФ. Предложенное определение позволяет разграничить конституционно-правовой механизм регулирования высшего образования и механизм правового регулирования в рамках образовательного права как комплексной отрасли, отражает системный характер конституционно-правового воздействия и подчеркивает его аксиологическое измерение. Практическая значимость сформулированных выводов определяется возможностью их использования при оценке конституционности реформ в сфере высшего образования, разработке критериев соразмерности ограничений академических свобод, а также совершенствовании образовательного законодательства в части его конституционной обоснованности.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с изучением объема конституционной гарантии права на высшее образование применительно к новой национальной модели высшего образования, а также с разработкой критериев соразмерности при конституционно-правовой оценке новых правовых режимов в данной сфере.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.

2. *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.

3. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.

4. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 552 с.

5. Конституционное право России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция»: в 2 т. / С.А. Авакьян. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. Т. 1. 863 с.

6. *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 542 с.

7. *Чиркин В.Е.* Конституционное право: учебник для бакалавриата. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 304 с.

8. *Сырых В.М.* Содержание образовательных отношений как правовых отношений // Право и образование. 2003. № 2. С. 47–61.

9. *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005. 574 с.

10. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса: монография. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 536 с.

11. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2027. 560 с.

12. *Шкатулла В.И.* Образовательное право России: учебник. 2-е изд., испр. М.: Юстицинформ, 2016. 774 с.

13. *Хабриева Т.Я.* Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: Наука РАН, 2016. 320 с.

14. *Святогорова А.Э., Сорокина Е.В.* Конституционно-правовые основы реализации образовательного суверенитета // Юридическая наука. 2023. № 10. С. 137–141.

Reference

1. *Alekseev S.S.* The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1966. 187 p.

2. *Gorshenev V.M.* Methods and Organizational Forms of Legal Regulation in a Socialist Society. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1972. 258 p.

3. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of State and Law: a textbook. Moscow: Jurist Publishing Group, 2004. 512 p.

4. Theory of State and Law: a textbook / ed. by V.D. Perevalov. 5th ed., rev. and add. Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. 552 p.

5. Constitutional Law of Russia: a training course: a textbook for university students studying in the field and specialty “Jurisprudence”: in 2 vols. 5th ed., revised and supplemented. Moscow: Norma: INFRA-M, 2014. Vol. 1. 863 p.

6. *Kutafin O.E.* Russian Constitutionalism. Moscow: Norma, 2008. 542 p.

7. *Chirkin V.E.* Constitutional Law: a textbook for bachelor’s degree. Moscow: Norma: INFRA-M, 2018. 304 p.

8. *Syrykh V.M.* The content of educational relations as legal relations // Law and Education. 2003. No. 2. P. 47–61.

9. *Ebzeev B.S.* Man, People, State in the Constitutional System of the Russian Federation. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 2005. 574 p.

10. *Zorkin V.D.* Law versus Chaos: a monograph. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. 536 p.

11. *Nersesyants V.S.* General Theory of Law and the State: a textbook for universities. Moscow: Norma: INFRA-M, 2027. 560 p.

12. *Shkatulla V.I.* Educational Law of Russia: Textbook. 2nd ed., rev. Moscow: Yustitsinform, 2016. 774 p.

13. *Khabrieva T.Ya.* Constitutional reform in the modern world: a monograph. Moscow: Nauka RAS, 2016. 320 p.

14. *Svyatogorova A.E., Sorokina E.V.* The constitutional and legal foundations of the realization of educational sovereignty // Legal Science. 2023. No. 10. P. 137–141.

Е.В. Риве,
аспирант, преподаватель
кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КОНТРАКТ КАК СРЕДСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Аннотация. Актуальность темы связана с возросшей в последние годы востребованностью специального инвестиционного контракта для придания веса российской экономике на мировом рынке. Предмет исследования составляют нормы гражданского законодательства, предусматривающие контракт как средство государственного стратегического планирования. Цель работы – провести анализ специального инвестиционного контракта в качестве инструмента государственного стратегического планирования. Методологическую основу исследования составили традиционные методы, используемые для юридических исследований: всеобщие (философские), общенаучные, специальные методы научно-юридического познания. Новизна работы заключается в предложении решения проблемы по манипулированию инвесторами второй стороной заключаемого специального инвестиционного контракта путем внесения изменения в положения законодательства об ответственности сторон. Практическая значимость работы состоит в возможности использования сделанных на основе нормативно-правовой базы и теории выводов и положений в практической деятельности юристов, педагогов-цивилистов и обучающимися в процессе изучения данной темы. В результате исследования выявлен недостаток системы применения специального инвестиционного контракта.

Ключевые слова: специальный инвестиционный контракт, стратегическое планирование, средство, инвестиции, инвестор, меры поддержки, система государственного стратегического планирования, развитие государства, импортозамещение.

E.V. Rive,
Postgraduate Student, Lecturer of the Department
of Civil Law Saratov State Law Academy

SPECIAL INVESTMENT CONTRACT AS A MEANS OF STATE STRATEGIC PLANNING

Abstract. The relevance of the topic is connected with the increased demand in recent years for the special investment contract as a means of strengthening the position of the Russian economy in the world market. The subject of the study comprises the norms of civil legislation providing for the contract as a means of State strategic planning. The purpose of the work is to analyse the special investment contract as an instrument of State strategic planning. The methodological basis of the study comprises the traditional methods used for legal research: universal (philosophical), general scientific, and special methods of scientific legal cognition.

Novelty of the work: it consists in proposing a way of solving the problem of manipulation by investors by the second party to the special investment contract being concluded, by introducing amendments to the provisions of legislation on the liability of the parties. The practical significance of the work lies in the possibility of using the conclusions and provisions made on the basis of the normative legal framework and theory in the practical activity of lawyers, civil law scholars and students in the process of studying this topic. The study revealed a shortcoming in the system for applying a special investment contract.

Keywords: special investment contract, strategic planning, means, investments, investor, support measures, system of State strategic planning, development of the State, import substitution.

В 2014 г. был принят Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». После его вступления в силу возникла потребность в поиске средств его реализации. Такая необходимость объясняется невозможностью развития системы государственного стратегического планирования при отсутствии требуемых инструментов. Одним из них выступает специальный инвестиционный контракт (сокращенно – СПИК). Данное явление имеет большое значение для экономики нашего государства. Это обусловливается целью СПИК по стимулированию инвестиций для создания или изменения (модернизации) уже существующего промышленного производства.

В то же время в условиях современной России система государственного стратегического планирования – важный элемент государственного управления в сфере экономики. Высокая эффективность данной системы показывает степень суверенности государства и его возможность в условиях конкуренции стран решать задачи по управлению будущим [1, с. 5].

Для дальнейшего изучения данного вопроса необходимо определиться со значением термина «стратегическое планирование». По смыслу ст. 3 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1], это деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию развития РФ, ее субъектов и муниципальных образований и т.д.

Согласно Федеральному закону от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»[2], специальный инвестиционный контракт подразумевает, что инвестор, выступающий первой стороной, обязуется создать либо модернизировать, освоить производство промышленной продукции в определенные сроки, а вторая сторона – Российская Федерация, субъект РФ обязуется осуществлять меры стимулирования указанной деятельности (ст. 16). Меры государственной финансовой поддержки предусмотрены российским законодательством и призваны привлечь частный капитал отечественных и иностранных инвесторов [2, с. 18].

Инвесторами могут выступать как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели. В отношении инвесторов второй стороной применяются меры стимулирования, предусмотренные законодательством. Однако важно, что СПИК – это регуляторная мера поддержки, а не финансовая [3, с. 37]. На какие меры они

[1] См.: СЗ РФ. 2014. № 26, ст. 3378.

[2] См.: Там же. 2015. № 1, ч. 1, ст. 41.

могут рассчитывать, зависит от уровня заключения СПИК: федеральные и (или) региональные меры поддержки. В число первых входят, например, пониженная ставка налога на прибыль, статус «Сделано в России», статус единственного поставщика. Ко вторым относятся снижение региональной части ставки налога на прибыль до 0 %, снижение ставок налога на имущество, земельного и транспортного налогов и т.д. [4, с. 153–154].

При шатком положении государственной экономики налоговые льготы могут не достичь той эффективности, которая ожидалась от них как от способа стимулирования инвестиций [5, с. 96].

На практике СПИК начал применяться не сразу. Первый контракт был подписан в июне 2016 г. Стороной выступил завод «КЛААС», находящийся в Краснодаре. Заключение контракта означало для завода возможность производства зерноуборочного комбайна TUCANO [6, с. 78].

Когда СПИК только был введен в действие, он отвечал требованиям того времени, но со временем необходимо было произвести его модернизацию. Так, был введен механизм СПИК 2.0. Контракт «нового образца» впервые был заключен в июне 2021 г. [7, с. 52].

Отметим ключевые нюансы в различиях механизма СПИК 1.0 и 2.0:

1) цель заключения контракта: 1.0 – создание, модернизация или освоение производства промышленной продукции; 2.0 – освоение серийного производства на основе современной технологии;

2) размер инвестиций и срок действия: 1.0 – минимальный порог инвестиций – 750 млн рублей на срок до 10 лет; 2.0 – до 50 млн рублей при заключении контракта на срок до 15 лет и более 50 млн на срок до 20 лет;

3) порядок заключения: 1.0 – заявительный (подача заявки и принятие решения межведомственной комиссией); 2.0 – конкурсный отбор.

Введение СПИК в середине 2010-х гг. в управленческую практику РФ обусловлено выбранным курсом на импортозамещение. Из этого следует, что необходимо стимулировать инвестиционный процесс. Специальный инвестиционный контракт призван решить вопрос о недостатке вложения денежных средств. Он занимает позицию важного инструмента, направленного на мотивацию бизнеса по развитию промышленного потенциала государства и его регионов [8, с. 107].

Недостаток СПИК как инструмента стратегического планирования заключается в возможном манипулировании инвестором второй стороной. Такие ситуации могут возникнуть при составлении плана по доходности промышленного производства, налоговых отчислениях, т.е. тех параметров, на основе которых принимается решение о заключении контракта либо об отказе в его заключении [5, с. 96]. Для решения данной проблемы представляется возможным внесение некоторых изменений в положения ст. 18.6 ФЗ № 488-ФЗ об ответственности сторон специального инвестиционного контракта. Автор предлагает ввести ответственность предполагаемого инвестора за преднамеренное предоставление недостоверных данных о планируемых результатах промышленного производства, если такая разница составляет 35 % и выше от представленных данных на этапе

принятия решения о заключении контракта. Это связано с возможным упущением со стороны государства или его субъекта выгоды. Размером ответственности для инвестора предлагается установить упущенную выгоду.

СПИК в роли инструмента системы государственного стратегического планирования был принят как ответ на вызовы, стоящие перед экономикой нашего государства, т.к. встал вопрос о поиске и привлечении ресурсов для дальнейшего развития страны при ограниченности доступа к иностранному капиталу [6, с. 76]. Такая система будет эффективна при условии наличия соответствующих правовых институтов, цель которых заключается в формировании и контроле исполнения такой стратегии [1, с. 10]. При внесении необходимых поправок в механизм СПИК российская экономика будет более устойчивой и иметь большее значение на мировой арене.

Библиографический список

1. Стратегическое планирование в государственном секторе экономики: монография / под ред. С.Н. Сильвестрова. М.: ИНФРА-М, 2023. 344 с.

2. *Исаев А.Г.* Правовое регулирование государственной финансовой поддержки при реализации специальных инвестиционных контрактов в России и инвестиционных приоритетных проектов в Казахстане: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 211 с.

3. *Кузнецова С.Н.* Концепция реализации механизма для развития инноваций и внедрения современных технологий индустриальных парков // E-FORUM. 2020. № 4 (13). С. 33–47.

4. *Евстафьева Ю.В.* Опыт применения и совершенствования специального инвестиционного контракта // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 152–167.

5. *Вэй Иян, Тинякова В.И.* Преимущества и ограничения специальных инвестиционных контрактов в условиях российской экономики // Интеллектуальная инженерная экономика и индустрия 5.0. (экопром) сб. тр. по матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. (17-18 ноября 2023 г., Санкт-Петербург). С. 95–98.

6. *Исаев Н.В.* Специальный инвестиционный контракт в России: становление, современные реалии и перспективы развития // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Юридические науки: науч. журнал. 2022. № 2 (101). Т. 1. С. 76–83.

7. *Евстафьева Ю.В.* Специальные инвестиционные контракты нового поколения – СПИК 2.0: особенности использования и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 99. С. 49–61.

8. *Евстафьева Ю.В.* Инструменты реализации государственного стратегического планирования. Специальный инвестиционный контракт // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 65. С. 102–122.

Reference

1. Strategic Planning in the Public Sector of the Economy: monograph / ed. by S.N. Silvestrov. Moscow: INFRA-M, 2023. 344 p.

2. *Isaev A.G.* Legal Regulation of State Financial Support for the Implementation of Special Investment Contracts in Russia and Priority Investment Projects in Kazakhstan: cand. sci.: diss. … cand. legal sciences. Moscow, 2023. 211 p.

3. *Kuznetsova S.N.* Concept for Implementing a Mechanism for Developing Innovations and Implementing Modern Technologies in Industrial Parks // E-FORUM. 2020. No. 4 (13). P. 33–47.

4. *Evstafieva Yu.V.* Experience in Applying and Improving a Special Investment Contract // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 3. P. 152–167.

5. *Wei Yiyang, Tinyakova V.I.* Advantages and Limitations of Special Investment Contracts in the Russian Economy // Intelligent Engineering Economy and Industry 5.0. (Eco-Industry): Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference (November 17-18, 2023, St. Petersburg). P. 95–98.

6. *Isaev N.V.* Special investment contract in Russia: formation, current realities and development prospects // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. Legal sciences: scientific journal. 2022. No. 2 (101). Vol. 1. P. 76–83.

7. *Evstafieva Yu.V.* New generation special investment contracts – SPIC 2.0: features of use and prospects // Public administration. Electronic Bulletin. 2023. No. 99. P. 49–61.

8. *Evstafieva Yu.V.* Instruments for implementing state strategic planning. Special investment contract // Public administration. Electronic Bulletin. 2017. No. 65. P. 102–122.

Р.П. Храмков,
ассистент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

ОСНОВАНИЕ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ И ЕГО УСТАНОВЛЕНИЕ СУДАМИ

Аннотация. 15 лет назад в отечественном уголовном праве появилась возможность отсрочить реальное отбывание наказания в виде лишения свободы наркозависимым осужденным в случае добровольного прохождения ими лечения, медицинской и социальной реабилитации. Однако статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а также результаты анализа судебной практики показывают, что в течение всего времени действия ст. 82[1] УК РФ отсрочка отбывания наказания больным наркоманией стабильно маловостребована. Одним из объяснений этому может служить недостаточная теоретическая разработанность сущностных аспектов данной меры уголовно-правового воздействия, включая основание ее применения. Предмет исследования составляют нормы уголовного законодательства, регламентирующие отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, материалы практики их применения, данные уголовно-судебной статистики. Цель работы: определить основание отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, выявить факторы, лежащие в основе соответствующего вывода суда, и раскрыть их содержание. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод, применявшийся в совокупности с общенаучными (анализ, синтез, обобщение) и частнонаучными (формально-юридический, статистический) методами. Научная новизна определяется полученными результатами и выводами. Основные результаты: исследуемый феномен выступает наглядным примером того, как перспективная идея законодателя, облеченная в нечеткую форму и лишенная необходимых правовых и иных условий для реализации, способна «растерять» значительную часть заложенного в ней потенциала. Сделан вывод о том, что расплывчатое представление правоприменителя об основании отсрочки отбывания наказания больным наркоманией во многом обусловливает ее крайне редкое применение на практике. Область применения и практическая значимость: сформулированный вывод может быть принят во внимание при совершенствовании соответствующих положений уголовного закона и профильного постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также при принятии судами решений о предоставлении отсрочки отбывания наказания лицам, признанным больными наркоманией, либо об отказе в ее предоставлении.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, основание отсрочки отбывания наказания, интересы правосудия, лечение от наркомании, медицинская реабилитация, социальная реабилитация.

R.P. Khramkov,
Assistant of the Department of Criminal and Penal Law,
Saratov State Law Academy

THE GROUNDS FOR DEFERMENT OF SERVING A SENTENCE BY A DRUG ADDICT AND ITS ESTABLISHMENT BY COURTS

Abstract. Fifteen years ago, Russian criminal law introduced the possibility of deferring the actual serving of a sentence of imprisonment for drug-dependent convicted persons in the event of their voluntary undergoing of treatment, medical and social rehabilitation. However, statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the results of an analysis of judicial practice, show that throughout the entire period of the operation of Article 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the deferment of serving a sentence by a drug addict has been consistently in low demand. One explanation for this may be the insufficient theoretical elaboration of the essential aspects of this measure of criminal law influence, including the grounds for its application. The subject of the study comprises the norms of criminal legislation regulating the deferment of serving a sentence by a drug addict, materials of the practice of their application, and data of criminal judicial statistics. The purpose of the work is to determine the grounds for the deferment of serving a sentence by a drug addict, to identify the factors underlying the corresponding conclusion of the court, and to disclose their content. The methodological basis of the study comprises the dialectical method, applied in conjunction with general scientific methods (analysis, synthesis, generalization) and specific scientific methods (formal legal, statistical). The scientific novelty is determined by the results and conclusions obtained. Main results: the phenomenon under study is a vivid example of how a promising legislative idea, clothed in an unclear form and deprived of the necessary legal and other conditions for implementation, is capable of losing a significant part of the potential inherent in it. A conclusion is drawn that the vague understanding of the grounds for the deferment of serving a sentence by a drug addict on the part of the law enforcer largely determines its extremely rare application in practice. Scope of application and practical significance: the formulated conclusion may be taken into account in improving the relevant provisions of the criminal law and the corresponding resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as when courts adopt decisions on granting a deferment of serving a sentence to persons recognized as drug addicts, or on refusing to grant it.

Keywords: deferment of serving a sentence by a drug addict, grounds for deferment of serving a sentence, interests of justice, treatment for drug addiction, medical rehabilitation, social rehabilitation.

Многие годы Российская Федерация борется с наркотизацией населения. Пагубное пристрастие нередко провоцирует зависимого на нарушение закона для удовлетворения потребности в употреблении запрещенных психоактивных веществ. Подобное поведение порождает наркотическую и иную преступность, создавая эффект замкнутого круга. Для преодоления указанных и других негативных последствий наркотизации государством сформирован и реализуется масштабный комплекс мер, в том числе правового характера.

Одной из таких мер является отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, предусмотренная ст. 82[1] УК РФ и предполагающая освобождение осужденного от реального отбывания наказания или оставшейся части наказания при условии прохождения им курса лечения от наркомании, медицинской и социальной реабилитации, достижения объективно подтвержденной ремиссии. Ключевая идея создания данной разновидности отсрочки состояла в обосновании государством необходимости вести антинаркотическую деятельность не только

путем сокращения предложения наркотиков, но и сокращения спроса на них (подп. «б» п. 5, подп. «е» п. 6, п. 22, абз. 2 п. 24 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года; подп. «к» п. 11, подп. «в» п. 12, подп. «з» п. 17 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года[1]).

Таким образом, исходя из положений документов стратегического планирования в сфере обеспечения антинаркотической безопасности, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией призвана быть социально-правовым инструментом, благодаря, в том числе, которому получится если не разорвать, то значительно сузить тот самый замкнутый круг, о котором шла речь ранее. Однако, несмотря на показанные благоприятные перспективы и довольно весомый потенциал отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, она на протяжении всего пятнадцатилетнего периода действия ст. 82[1] УК РФ остается одной из наименее востребованных мер уголовно-правового воздействия. Объяснением этому может служить, в частности, недостаточная теоретическая разработанность сущностных аспектов отсрочки, прежде всего основания ее предоставления, вкупе с нормативной неопределенностью и отсутствием на этот счет разъяснений высшей судебной инстанции.

Итак, ни законодатель в ст. 82[1] УК РФ, ни Пленум Верховного Суда РФ в профильном постановлении «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» (далее – ППВС № 47)[2] основание отсрочки отбывания наказания больным наркоманией не раскрывают. Лишь некоторые положения указанных правовых актов позволяют делать в этом отношении определенные выводы (например, ч. 3 ст. 82[1] УК РФ, абз. 2 п. 1, п. 17 ППВС № 47).

В доктрине уголовного права по данному вопросу сложились различные точки зрения. Одни ученые полагают, что с учетом содержания отсрочки, предусмотренной ч. 1 ст. 82[1] УК РФ, основанием ее применения выступает заболевание наркоманией, а целью – излечение осужденного [1, с. 9]. Другие исследователи усматривают такое основание в добровольном желании осужденного пройти лечение от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию, что в определенной степени способно уменьшить вероятность рецидива заболевания и, как следствие, снизить шанс совершения новых преступлений, нивелировать собственную общественную опасность [2, с. 80–81]. Представленные позиции аккумулируются в рамках третьего подхода, согласно которому основанием отсрочки является признание осужденного больным наркоманией и его добровольное желание лечиться, пройти медицинскую и социальную реабилитацию [3, с. 30].

[1] См.: Указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 24, ст. 3015; Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 48, ст. 7710.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2023 г. № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» // СПС «КонсультантПлюс».

Давая оценку приведенным мнениям, следует отметить, что, действительно, рассматриваемый вид отсрочки применяется исключительно к наркозависимым в целях достижения их выздоровления, и в этом смысле определяющее значение имеет желание осужденного пройти соответствующий курс лечения и реабилитации. Добровольное волеизъявление лица особенно важно еще и потому, что спецификой болезни обусловлено нарушение волевой сферы, отвечающей за принятие решений и самоконтроль. Необходимо понимать, что желание лица пройти курс лечения и реабилитации само по себе не свидетельствует о его готовности исправиться в уголовно-правовом смысле, т.е. изменить внутренние качества, психологические установки, нравственные ориентиры настолько, чтобы в дальнейшем навсегда отказаться от совершения преступлений.

Е.В. Косьяненко полагает, что основаниями отсрочки отбывания наказания больным наркоманией являются объективные обстоятельства, содержащиеся в уголовном законодательстве, в то время как под условиями следует понимать субъективные обстоятельства, связанные с личностью преступника [4, с. 209]. С подобным подходом нельзя согласиться, поскольку, во-первых, основание не может иметь множественный характер, во-вторых, отнесение к основанию правовых факторов, а к условиям – социальных, медицинских ведет к смешению основания и условий отсрочки (как разновидности освобождения от наказания) в их правовом понимании.

Ряд ученых под основанием отсрочки отбывания наказания больным наркоманией понимает универсальный для всего института освобождения от уголовного наказания факт, свидетельствующий о нецелесообразности реального отбывания наказания и возможности исправления осужденного и (или) достижения других целей наказания без использования средств уголовной репрессии [5, с. 13; 6, с. 233; 7, с. 14; 8, с. 23; 9, с. 86]. Действительно, принцип рациональной экономии уголовной репрессии играет важную роль в понимании основания отсрочки отбывания наказания, однако он не учитывает наличие социального аспекта лечения и реабилитации наркозависимых, связанного с избавлением от болезни и возвращением лица в здоровую среду, восстановлением утраченных социальных связей.

Сторонники еще одного заслуживающего внимания подхода усматривают основание отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в незначительной степени общественной опасности виновного, при которой суд сочтет возможным исправление осужденного без реального отбывания наказания [10, с. 41–42]. Так, по мнению С.Ю. Скобелина, основанием отсрочки, применяемой в порядке ст. 82^1 УК РФ, выступает невысокая степень общественной опасности личности осужденного, обусловленная тяжестью совершенного преступления, намерением в добровольном порядке пройти лечение, медицинскую и социальную реабилитацию, положительной характеристикой личности, социально-демографическими детерминантами успешной реализации выраженного намерения (нормальные бытовые условия, трудоустроенность, наличие профессиональных навыков, прочных семейных связей, отсутствие

противопоказаний к лечению и. т.д.) [11, с. 55].

Оценивая последнюю группу мнений, следует отметить, что авторы, несомненно, правы в том, что связывают основание рассматриваемой разновидности отсрочки отбывания наказания с категорией общественной опасности. Именно исходя из общественной опасности должен осуществляться выбор любой меры уголовно-правового воздействия, включая отсрочку отбывания наказания больным наркоманией [12, с. 544]. Одновременно с этим важно понимать, что в рамках основания отсрочки подразумевается не какая-то застывшая, константная «невысокая общественная опасность» личности виновного (С.Ю. Скобелин, Д.В. Гамидов, Т.В. Васильева и др.), а ее развитие, позволившее достичь определенного, менее выраженного состояния.

Лицо, к которому может быть применена отсрочка отбывания наказания, обладает невысокой общественной опасностью априори – уже в силу принадлежности всех перечисленных в ч. 1 ст. 82^1 УК РФ преступлений к категории небольшой тяжести (ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ). Главный упор при решении вопроса об освобождении от наказания, включая отсрочку его отбывания, должен быть сделан судом именно на установлении трансформации степени общественной опасности личности виновного в сторону ее снижения по сравнению с моментом совершения преступления.

На основании изложенного приходим к выводу, что основанием отсрочки отбывания наказания больным наркоманией следует признавать убежденность суда в снижении степени общественной опасности личности виновного в той мере, при которой его исправление и несовершение им в будущем новых преступлений достижимы без реального отбывания назначенного наказания при одновременной его готовности реализовать добровольно выраженное желание пройти лечение, медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию и достичь ремиссии. Предложенное понимание основания отсрочки отбывания наказания больным наркоманией раскрывает ее правовое и социальное назначение, согласующееся с документами стратегического планирования и способствующее обеспечению интересов как правосудия, так и лиц, больных наркоманией, а в итоге здоровья населения в целом.

Определившись с понятием основания исследуемого вида отсрочки, важно сформировать представление о том, на каких факторах должна строиться убежденность суда в возможности ее применения. Правильное установление таких факторов является залогом успешной реализации рассматриваемой меры уголовно-правового воздействия.

По результатам проведенного исследования полагаем, что основу убежденности суда в снижении степени общественной опасности личности виновного должны составлять факторы, совокупно указывающие на: 1) возможность его исправления без реального отбывания наказания и несовершения им новых преступлений в будущем; 2) высокую вероятность его успешного излечения от наркомании.

К таким факторам, на наш взгляд, относятся:

позитивное постпреступное поведение виновного, которое может, на-

пример, выражаться в изобличении им каналов и способов приобретения наркотических средств, предоставлении информации о лицах, осуществляющих их незаконный сбыт, ином активном способствовании раскрытию и расследованию преступления, самостоятельном добровольном начале прохождения лечения и реабилитации от наркомании и т.д. Например, отсрочив Е., осужденному по ч. 1 ст. 228 УК РФ, отбывание наказания до окончания лечения и медицинской и социальной реабилитации, Тимашевский районный суд Краснодарского края принял во внимание, что после совершения преступления в течение нескольких месяцев Е. добровольно проходил лечение от наркомании, осуществлял трудотерапию, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления[1];

данные о личности больного наркоманией, которые раскрываются через его качества, дифференцируемые на три релевантные группы:

индивидуальные – внутренние скрытые задатки, склонности, способности, темперамент, характер, волевые черты, свидетельствующие не только о желании, но и о способности пройти курс лечения и реабилитации, сменить сформировавшиеся за время зависимости деструктивные установки на социально одобряемое поведение;

социальные – свойства, определяющие специфику взаимодействия осужденного с окружающими людьми. В их ряду выделяются нравственные качества, активность, коммуникабельность, толерантность, трудолюбие и т.д., благодаря которым лицо трудоустраивается, повышает своей профессиональный уровень, продвигается по службе, восстанавливается на учебе, улучшает жилищные условия, восстанавливает семейные связи, формирует здоровый круг общения, иным образом проявляет свою положительную социальную активность и законопослушный образ жизни;

медицинские – непродолжительный стаж употребления наркотических средств и психотропных веществ, характеристика зависимости (зависимость от одного вида наркотических средств, а не от нескольких – полинаркомания), прохождение в прошлом лечения и реабилитации с установлением длительных ремиссий, количество попыток излечиться, добровольность таковых, поддержка данной инициативы со стороны родственников и иных близких осужденному лиц и др.

Факторы, отражающие позитивную динамику общественной опасности виновного, не лежат на поверхности и в самом неблагоприятном случае могут даже инсценироваться осужденным, поэтому при работе с ними нужно проявлять максимальную внимательность. Большим подспорьем для суда служат обстоятельства, формирующие своего рода «индекс доверия» к выделенным группам факторов. В качестве таковых, по нашему мнению, выступают характер и степень общественной опасности совершенного преступления, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства. При этом уровень обозначенного доверия обратно пропорционален характеру и степени общественной опасности совершенного преступления: доверие тем выше, чем ниже опасность.

[1] См.: Приговор Тимашевского районного суда Краснодарского края от 21 марта 2022 г. по делу № 1-5/2022 // СПС «Гарант».

В соответствии с абз. 3 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[1] (далее – ППВС № 58) характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. Поскольку отсрочка может быть применена только при совершении преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 82[1] УК РФ, то, кто бы ни совершил эти преступления, характер их опасности для общества будет неизменен. Следовательно, для отсрочки отбывания наказания больным наркоманией характер общественной опасности принципиального значения не имеет.

Что касается степени общественной опасности, то она может проявляться на индивидуальном уровне и при ее определении в соответствии с абз. 4 п. 1 ППВС № 58 необходимо учитывать характер и размер наступивших последствий, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла (прямой или косвенный). Наличие смягчающих (совершение преступления впервые, несовершеннолетие и т.д.) и отсутствие отягчающих (рецидив, особо активная роль в совершении преступления и др.) наказание обстоятельств также позволяют судить о степени общественной опасности содеянного.

Для преодоления неопределенности в части понимания основания отсрочки отбывания наказания больным наркоманией и облегчения процесса установления его наличия или отсутствия правоприменителем необходимо внести изменения в ст. 82[1] УК РФ, включив в ее текст положения об основании отсрочки, а также в ППВС № 47, дополнив его перечнем факторов, подлежащих учету при установлении соответствующего основания.

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие ключевые выводы:

1. Основание отсрочки отбывания наказания больным наркоманией представляет собой убежденность суда в снижении степени общественной опасности личности виновного в той мере, при которой его исправление и несовершение им в будущем новых преступлений достижимы без реального отбывания назначенного наказания при одновременной его готовности реализовать добровольно выраженное желание пройти лечение, медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию и достичь ремиссии.

2. Подобное понимание отсрочки коррелирует с интересами правосудия и интересами лиц, страдающих наркоманией, выражает заботу о криминальной безопасности и здоровье населения, а также гуманное отношение к больным людям.

Обеспечение интересов правосудия конкретизируется в выводах суда: о возможности исправления осужденного без изоляции от общества, которая в соответствии с принципом экономии мер уголовной репрессии должна применяться лишь в крайних случаях; о высокой вероятности несовершения им новых преступлений в последующем, что в совокупности с предшествующим выводом отвечает целям наказания, указанным в ч. 2 ст. 43 УК РФ.

[1] См.: СПС «КонсультантПлюс».

Обеспечению интересов больных наркоманией служат выводы суда: о способности, желании и стремлении осужденного наркозависимого на добровольной основе пройти лечение от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию; о возможности излечения и возвращения осужденного в социум в качестве полноценного члена общества.

3. Часть 1 ст. 82[1] УК РФ после слов «но не более чем на пять лет,» необходимо дополнить словами «*в случае снижения степени общественной опасности личности виновного в той мере, которая свидетельствует о возможности его исправления и несовершения преступлений в будущем, готовности излечиться от наркомании*».

5. Абзац 1 п. 14 ППВС № 47 необходимо изложить в следующей редакции:

«14. Обратить внимание судов на то, что отсрочка отбывания наказания больным наркоманией возможна лишь при условии положительного поведения лица. С учетом этого, разрешая при постановлении приговора или на стадии его исполнения, а также при проверке приговора (постановления суда) в апелляционном, кассационном порядке вопрос об отсрочке отбывания наказания указанным в части 1 статьи 82[1] УК РФ лицам, *суд принимает во внимание сведения о личности подсудимого (осужденного), его поведении после совершения преступления, в том числе в период отбывания наказания, наличии у лица прежней судимости за наркотические преступления, длительность употребления наркотических средств и психотропных веществ, нахождение на учете у нарколога, его период, прохождение в прошлом лечения от наркомании, его результаты, наличие образования, работы, заработка, жилья и другие*».

Библиографический список

1. *Сысоев Р.А.* О сущности института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Вестник института: Преступление, наказание, исправление. 2015. № 1. С. 7–10.

2. *Васильева Т.В.* Институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в российском уголовном праве // Теология. Философия. Право. 2021. № 2. С. 78–87.

3. Освобождение от уголовного наказания: закон, теория, практика: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: Юрлитинформ, 2023. 526 с.

4. *Косьяненко Е.В.* Основания и условия применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4, № 4. С. 209–214.

5. *Антонов А.Г.* Отсрочка отбывания наказания: проблемы правового регулирования // Вестник Кузбасского института. 2012. № 4. С. 12–17.

6. *Григорьева Л.В.* Отсрочка отбывания наказания лицам, больным наркоманией, как вид уголовно-правового воздействия на осужденных // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5. С. 231–238.

7. *Епихин А.Ю.* Основания и порядок применения нового вида отсрочки уголовного наказания больным наркоманией осужденным // Наркоконтроль. 2012. № 2. С. 11–15.

8. *Жевлаков Э.Н.* Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. 2012. № 3. С. 23–28.

9. *Кашуба Ю.А., Повеликин Ю.Ю.* Возможность применения отсрочки отбывания наказания к больным наркоманией // Юристъ-правоведъ. 2017. № 4. С. 84–89.

10. *Гамидов Д.В.* Снижение степени общественной опасности осужденного как основание предоставления отсрочки отбывания наказания больному наркоманией (ст. 82[1] УК РФ) // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2. С. 39–44.

11. *Скобелин С.Ю.* Юридическая природа и потенциал отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1. С. 54–61.

12. *Разгильдиев Б.Т.* Фундаментальные аспекты уголовного наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 542–550.

Reference

1. *Sysoev R.A.* On the essence of the institution of deferment of serving a sentence for patients with drug addiction // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2015. No. 1. P. 7–10.

2. *Vasilyeva T.V.* The institution of deferment of serving a sentence for patients with drug addiction in Russian criminal law // Theology. Philosophy. Right. 2021. No. 2. P. 78–87.

3. Exemption from Criminal Punishment: Law, Theory, Practice: a monograph / ed. by Yu.E. Pudovochkin. Moscow: Yurlitinform, 2023. 526 p.

4. *Kosyanenko E.V.* Grounds and Conditions for Applying a Delay in Serving Sentence for Persons Suffering from Drug Addiction // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2018. Vol. 4, No. 4. P. 209–214.

5. *Antonov A.G.* Deferral of Serving a Sentence: Problems of Legal Regulation // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2012. No. 4. P. 12–17.

6. *Grigorieva L.V.* Deferral of serving punishment for persons suffering from drug addiction as a type of criminal-legal measure against convicts // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 5. P. 231–238.

7. *Epikhin A.Yu.* Grounds and procedure for applying a new type of deferment of criminal punishment for convicts suffering from drug addiction // Narkokontrol. 2012. No. 2. P. 11–15.

8. *Zhevlakov E.N.* Deferral of serving a sentence for patients with drug addiction // Criminal Law. 2012. No. 3. P. 23–28.

9. *Kashuba Yu.A., Povelikin Yu.Yu.* The possibility of applying a deferment of serving a sentence to patients with drug addiction // Yurist-Pravoved. 2017. No. 4. P. 84–89.

10. *Gamidov D.V.* Reduction in the degree of public danger posed by a convicted person as a basis for granting a deferment of serving a sentence to a person suffering from drug addiction (Article 821 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2017. No. 2. P. 39–44.

11. *Skobelin S.Yu.* The Legal nature and potential of suspending the serving of punishment for persons suffering from drug addiction // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2013. No. 1. P. 54–61.

12. *Razgildiev B.T.* Fundamental Aspects of Criminal Punishment // All-Russian Criminological Journal. 2017. Vol. 11, No. 3. P. 542–550.

Г.Ц. Хугаев,
преподаватель кафедры финансового,
банковского и таможенного права имени
профессора Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной юридической академии

СУБЪЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Аннотация. В условиях ограниченности налоговых инструментов и бюджетных кредитов субъекты РФ вынуждены обращаться к рыночным заимствованиям для финансирования дефицита бюджета, однако действующее бюджетное законодательство ограничивает возможность их производительного использования. Предмет исследования составляют нормы Бюджетного кодекса РФ, регулирующие государственные внутренние заимствования субъектов РФ, а также практика их применения, включая выпуск целевых («зеленых») облигаций. Цель работы: анализ правового режима государственных заимствований субъектов РФ и обоснование необходимости его либерализации для реализации социально-экономического потенциала регионов. Методологическую основу исследования составляют диалектический метод как универсальный инструмент познания, дополненный общенаучными (анализ, синтез, обобщение) и частнонаучными методами (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, метод анализа правоприменительной практики). Научная новизна определяется выявлением квазипроизводительного характера целевых региональных облигаций и обоснованием необходимости допуска доходных облигаций и иных инструментов производительного финансирования. Основные результаты: установлено, что из трех доступных инструментов заимствований (эмиссия ценных бумаг, бюджетный кредит, кредит от кредитных организаций) только бюджетный кредит может использоваться производительно, однако он не является рыночным и ограничен возможностями федерального бюджета. Сделан вывод о том, что эмиссия государственных ценных бумаг субъектов РФ обладает значительным потенциалом, но ограничена целями финансирования дефицита бюджета и погашения долговых обязательств. Область применения и практическая значимость: выводы могут быть использованы в законотворческой деятельности по совершенствованию бюджетного законодательства, а также в дальнейших научных исследованиях, посвященных краудфандингу, цифровым финансовым активам и либерализации института государственных ценных бумаг субъектов РФ.

Ключевые слова: государственные заимствования субъектов РФ, производительные заимствования, бюджетный кредит, государственные ценные бумаги, «зеленые» облигации, доходные облигации, финансирование дефицита бюджета, региональное развитие.

G.C. Hugaev,
Lecturer of the Department of Financial, Banking
and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva,
Saratov State Law Academy

SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF PRODUCTIVE BORROWINGS

Abstract. Under conditions of limited tax instruments and budget credits, the subjects of the Russian Federation are compelled to turn to market borrowings to finance the budget deficit; however, current budget legislation restricts the possibility of their productive use. The subject of the study comprises the norms of the Budget Code of the Russian Federation regulating State internal borrowings of the subjects of the Russian Federation, as well as the practice of their application, including the issuance of targeted ("green") bonds. The purpose of the work is to analyse the legal regime of State borrowings of the subjects of the Russian Federation and to substantiate the necessity of its liberalization for realizing the socio-economic potential of the regions. The methodological basis of the study comprises the dialectical method as a universal instrument of cognition, supplemented by general scientific methods (analysis, synthesis, generalization) and specific scientific methods (formal legal, comparative legal, statistical, and the method of analysing law enforcement practice). The scientific novelty is determined by identifying the quasi-productive nature of targeted regional bonds and by substantiating the necessity of admitting income bonds and other instruments of productive financing. Main results: it is established that of the three available borrowing instruments (issuance of securities, budget credit, credit from credit institutions), only budget credit can be used productively; however, it is not a market instrument and is limited by the capacities of the federal budget. A conclusion is drawn that the issuance of State securities of the subjects of the Russian Federation possesses significant potential but is limited to the purposes of financing the budget deficit and repaying debt obligations. Scope of application and practical significance: the conclusions may be used in law-making activity for improving budget legislation, as well as in further scientific research devoted to crowdfunding, digital financial assets and the liberalization of the institution of State securities of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: state borrowings of the subjects of the Russian Federation, productive borrowings, budget credit, State securities, "green" bonds, income bonds, financing of the budget deficit, regional development.

В рамках финансовой деятельности государство осуществляет функции по планомерному образованию (формированию), распределению и использованию денежных фондов (финансовых ресурсов) в целях обеспечения реализации задач социально-экономического развития, обороноспособности и безопасности страны, а также деятельности государственных органов [1, с. 87]. При осуществлении указанной деятельности публично-правовые образования могут столкнуться с необходимостью обращения к источникам финансирования дефицита бюджета. В любом обществе существуют объективные и субъективные противоречия между размером бюджетных доходов и расходами [2, с. 71]. Одним из инструментов, с помощью которого возможно финансировать дефицит бюджета, является обращение к публичным заимствованиям. Особый интерес в этой связи представляют субъекты РФ, которые, в отличие от Российской Федерации (как федерального центра), не имеют возможности разрешать противоречие между доходами и расходами за счет изменений в налоговой политике (за счет повышения налогов). Вместе с тем и Российская Федерация ограничена в использовании указанного инструмента эффектом Лаффера, в соответствии с которым увеличение налоговой ставки первоначально приводит к увеличению бюджетных

доходов от налогов, но после определенного уровня приводит к падению [3, с. 383].

Положение субъектов РФ, нуждающихся в источниках финансирования дефицита бюджета, осложняется в связи с масштабными санкциями и мировой напряженностью, что в целом является вызовом для всей бюджетной системы России. Однако это не является основанием для отказа от задач, стоящих перед публично-правовыми образованиями, в том числе перед регионами РФ, по социально-экономическому развитию соответствующих территорий. Более того, государственный долг может быть мощным катализатором экономического роста, позволяя финансировать необходимые инфраструктурные проекты, стимулировать инновации и поддерживать социальную стабильность [4, с. 241].

Не все виды государственных заимствований позволяют субъектам РФ использовать полученные временно свободные средства физических и юридических лиц производительно, т.е. для финансирования различных проектов (инфраструктурных, социальных и иных). Пункт 9 ст. 103 Бюджетного кодекса РФ[1] закрепляет, что под государственными внутренними заимствованиями субъекта РФ понимается привлечение от имени субъекта РФ заемных средств в бюджет субъекта РФ путем размещения государственных ценных бумаг субъекта РФ и в форме кредитов из других бюджетов бюджетной системы РФ, от кредитных организаций, международных финансовых организаций и иностранных банков, по которым возникают долговые обязательства субъекта РФ как заемщика, выраженные в валюте РФ. Таким образом, регион России в целях достижения баланса доходов и расходов может использовать три инструмента: эмиссия государственных ценных бумаг субъекта РФ; бюджетный кредит; кредит от кредитных и иных организаций.

На сегодняшний день бюджетный кредит выступает как видом финансовой поддержки, оказываемой из бюджетных средств, и способом управления денежной ликвидностью на различных этапах развития данного института, так и особым самостоятельным видом финансовой деятельности публично-правовых образований [5, с. 7]. Бюджетный кредит может использоваться в производительных целях, т.е. направляться на конкретный проект, в связи с реализацией которого данный вид заимствований выделяется субъектам РФ на основе срочности, возмездности и возвратности. Вместе с тем настоящий вид заимствований не является «рыночным», т.к. условия его обслуживания значительно ниже рыночных – как правило, составляют 3 % годовых или 0,1 % годовых. Кроме того, «нерыночность» бюджетных кредитов также подтверждается практикой списания таких кредитов. Так, в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 20 августа 2025 г. № 2259-р[2]

[1] См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 1 сентября 2026 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3823; 2025. № 26, ч. 1, ст. 3488.

[2] См.: Распоряжение Правительства РФ от 20 августа 2025 г. № 2259-р «О списании задолженности Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Удмуртской Республики, Республики Хакасия, Астраханской области, Костромской области, Пензенской области, Саратовской области и Томской области перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам» // СЗ РФ. 2025. № 35, ст. 5251.

списана часть задолженности по бюджетным кредитам Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Удмуртской Республики, Республики Хакасия, Астраханской области, Костромской области, Пензенской области, Саратовской области и Томской области перед Российской Федерацией.

Более того, бюджетные кредиты как инструмент финансирования проектов социально-экономического развития (то есть как вид заимствований, который регионы России могут использовать в производительных целях) ограничены возможностями федерального бюджета, который, как отмечалось ранее, также ограничен в инструментах достижения баланса между доходами и расходами. Иными словами, бюджет РФ, его возможности поддержки субъектов РФ – ограничены.

Эмиссия государственных ценных бумаг субъекта, а также кредит от кредитных и иных организаций могут привлекаться только в целях финансирования дефицита бюджета субъекта РФ, погашения долговых обязательств субъекта РФ, на что указывает п. 11 ст. 103 БК РФ. Таким образом, настоящие виды заимствований не могут использоваться производительно. Отдельно необходимо отметить, что кредит от кредитных и иных организаций не является предпочтительным [6], поскольку условия таких заимствований наиболее невыгодные, а, кроме того, выдаются на короткий срок, что не позволяет реализоваться эффекту «длинных денег» в экономике. Указанная позиция – в части непредпочтительности коммерческих кредитов – прослеживается и в позиции Министерства финансов РФ, выраженной в Методических рекомендациях для субъектов Российской Федерации по осуществлению заимствований на финансовых рынках[1].

Таким образом, предпочтительным рыночным инструментом заимствований является эмиссия государственных ценных бумаг субъектов РФ, которую, между тем, нельзя использовать производительно. Вопреки указанному, ряд публично-правовых образований осуществили выпуск облигаций, имеющих целевой характер. Так, город федерального значения Москва в рамках осуществления бюджетной политики выпустил так называемые «зеленые» облигации, т.е. государственные ценные бумаги субъекта РФ с целевым характером – для обновления «зеленого» (экологичного) транспорта[2].

В рамках выпуска данных ценных бумаг была принята Концепция зеленых облигаций города Москвы[3], разработанная в целях демонстрации соответствия отдельных выпусков облигаций Городского облигационного (внутреннего) займа Москвы принципам зеленых облигаций 2018

[1] См.: Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/09/main/Rekomendatsii_Zaimstvovaniya_na_finrynkakh_16_1.docx (дата обращения: 22.09.2026).

[2] См.: Постановление Правительства Москвы от 18 апреля 2023 г. № 683-ПП «О Генеральных условиях эмиссии и обращения облигаций Городского облигационного займа Москвы для населения» // Вестник Москвы. 2023. № 23; постановление Правительства Москвы от 24 февраля 2021 г. № 207-ПП «Об утверждении Условий эмиссии и обращения облигаций Городского облигационного (внутреннего) займа Москвы с постоянным купонным доходом» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2021. № 13.

[3] См.: Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: https://www.mos.ru/upload/documents/files/2210/KoncepciyazelenihobligaciigorodaMoskvi(1).pdf (дата обращения: 01.04.2026).

(Green Bond Principles 2018) Международной ассоциации рынков капитала (International Capital Market Association, ICMA). Следует отметить, что в российском бизнес-сообществе наблюдается интерес к социально ответственному инвестированию [7].

Согласно распоряжению Правительства Москвы от 15 апреля 2025 г. № 277-РП «Об утверждении отчета об использовании эквивалента привлеченных от размещения "зеленых" облигаций города Москвы средств за 2024 год»[1], размещенные облигации являются «зелеными» инструментами финансирования устойчивого развития в соответствии с постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» (в ред. от 14 октября 2025 г.)[2]. Вместе с тем в Отчете об использовании эквивалента привлеченных от размещения «зеленых» облигаций города Москвы средств за 2024 год содержатся сведения о финансируемых проектах, а также об объемах финансирования. Аналогичные (по критерию целевого назначения) публичные ценные бумаги выпускались и в г. Краснодаре[3].

Несмотря на представленные ранее положения Бюджетного кодекса РФ, ряд публично-правовых образований осуществляет выпуск целевых ценных бумаг. Отметим также наличие позиции Минфина России по данному вопросу, изложенному в Методических рекомендациях для субъектов Российской Федерации по осуществлению заимствований на финансовых рынках, согласно которой концепция выпуска облигаций для финансирования проектов устойчивого (в том числе «зеленых» инициатив) развития не противоречит нормам Бюджетного кодекса РФ, если отсутствует непосредственная увязка средств, получаемых от размещения облигаций, с конкретными видами расходов бюджета. При этом Минфин России допускает, что на финансирование проектов устойчивого (в том числе «зеленых» инициатив) развития может направляться объем средств, эквивалентный полученному от размещения облигаций с последующим подтверждением осуществленных бюджетных расходов.

Из указанного следует, что, несмотря на декларацию целевого характера публичных ценных бумаг (в представленных примерах – зеленые облигации), фактически данные заимствования направляются в общий «котел» бюджета, и лишь объемы соответствующих расходов совпадают с объемами финансирования декларируемых инвестиций в разного рода проекты. Это может свидетельствовать о формальном подходе к данному вопросу, когда через использование формулировки «экви-

[1] См.: Портал «Открытый бюджет города Москвы». URL: https://budget.mos.ru/about/documents/download/12787 (дата обращения: 01.04.2026).

[2] См.: СЗ РФ. 2021. № 40, ст. 6818; 2025. № 42, ст. 6170.

[3] См.: Постановление администрации муниципального образования город Краснодар от 18 декабря 2020 г. № 5547 «Об утверждении Решения об эмиссии выпуска муниципальных ценных бумаг в виде облигаций муниципального образования город Краснодар 2020 года с фиксированным купонным доходом и амортизацией долга». URL: https://krd.ru/administratsiya/administratsii-krasnodara/departament-ekonomicheskogo-razvitiya-investitsiy-i-vneshnik/munitsipalnye-obligatsii/ (дата обращения: 24.09.2026).

валент» средства, полученные в связи с эмиссией государственных ценных бумаг субъектов РФ, направляются на цели, указанные в соответствующих документах.

Как отмечалось ранее, бизнес-сообщество заинтересовано в покупке таких квазипроизводительных региональных ценных бумаг. Интерес также проявляют и инвесторы, которые являются физическими лицами, проживающими на территории публично-правового образования. Последнее напрямую связано с положительными социально-экономическими последствиями эмиссии такого рода ценных бумаг и последующей реализации соответствующих проектов.

В то время как в отечественной практике возможно выделить разве что квазипроизводительные региональные ценные бумаги, используемые для реализации проектов лишь «эквивалентно», в зарубежных странах временно свободные денежные средства, полученные в результате эмиссии региональных и даже муниципальных облигаций, могут направляться не только на производственные цели как таковые (обновление общественного транспорта, создание социальной инфраструктуры), но и на инвестиционные цели (посредством выпуска инвестиционных облигаций) [8]. Речь идет о так называемых доходных облигациях (Revenue bond), которые являются видом публичных ценных бумаг, выплаты по которым зависят от коммерческого успеха реализации проекта, на который и направляются денежные средства, полученные в результате эмиссии таких ценных бумаг. Такие облигации являются структурными, поскольку размер выплат и дохода по ним зависит от наступления или ненаступления заранее определенных условий.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 121.2 БК РФ, государственные (муниципальные) ценные бумаги могут быть выпущены в виде облигаций в документарной или бездокументарной форме, удостоверяющих право их владельца на получение от эмитента указанных ценных бумаг денежных средств или в зависимости от условий эмиссии указанных ценных бумаг иного имущества, установленных процентов от номинальной стоимости либо иных имущественных прав в сроки, предусмотренные условиями указанной эмиссии. Из указанного следует, что и такого рода ценные бумаги (доходные облигации) для регионов России недоступны.

Таким образом, правовой режим государственных заимствований субъектов РФ несовершенен и не позволяет использовать весь экономический потенциал соответствующих регионов. Из трех доступных инструментов – эмиссия ценных бумаг, бюджетный кредит, кредит от кредитных и иных организаций – только бюджетный кредит возможно использовать производительно. Однако он, во-первых, не является рыночным инструментом, что подтверждается практикой, а, во-вторых, ограничен возможностями кредитора – Российской Федерации, который также нуждается в источниках финансирования дефицита бюджета в целях достижения баланса доходов и расходов.

На сегодняшний день, несмотря на наличие практики выпуска квази-производительных облигаций рядом публично-правовых образований, отечественное законодательство не допу-

скает выпуск государственных ценных бумаг субъектами РФ в иных целях, кроме как в целях финансирования дефицита бюджета и погашения долговых обязательств. Эмиссия региональных ценных бумаг выступает инструментом-заплаткой и не позволяет в полной мере реализовывать деятельность, направленную на социально-экономическое развитие соответствующих субъектов РФ. Вместе с тем региональные ценные бумаги имеют большой потенциал и представляют собой пружину, сжатую пресекательным правовым регулированием. Либерализация соответствующих правовых норм позволит реализоваться государственным ценным бумагам субъектов РФ как инструменту социально-экономического развития.

Вопросами для дальнейшего изучения в этой связи могут стать: использование краудфандинг-платформ в целях привлечения временно свободных денежных средств физических и юридических лиц, долговые цифровые финансовые активы субъектов РФ как новелла отечественного законодательства, либерализация института государственных ценных бумаг субъектов РФ с точки зрения юридической техники.

Библиографический список

1. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 800 с.

2. *Покачалова Е.В.* Публичный долг: теоретические и практические аспекты российского финансового права: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 326 с.

3. *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: принципы, проблемы и политика: учебник: пер. с 17-го англ. изд. М.: ИНФРА-М, 2009. 916 с.

4. *Корнилов А.А.* Феномен «государственный долг» и его влияние на экономику Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 240–244.

5. *Швецова И.В.* Бюджетное кредитование как самостоятельное направление финансовой деятельности публично-правовых образований в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 245 с.

6. *Осипова О.Н.* Особенности кредитных отношений в бюджетной сфере // Известия ВУЗов ЭФиУП. 2013. № 2 (16). С. 20–28.

7. *Цареградская Ю.К.* «Зеленые» инвестиции в контексте устойчивого развития: особенности правового регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 8 (96). С. 116–123.

8. *Сырбу А.П.* Повышение инвестиционной привлекательности региона с помощью успешного конструирования и размещения выпуска субфедеральных и муниципальных облигаций // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 9 (77). С. 128–135.

References

1. Financial Law: textbook / executive editors N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 800 p.

2. *Pokachalova E.V.* Public Debt: Theoretical and Practical Aspects of Russian Financial Law: diss. … doc. of legal sciences. Saratov, 2007. 326 p.

3. *McConnell C.R., Brue S.L.* Economics: Principles, Problems and Policies: textbook: trans. from the 17th English ed. Moscow: INFRA-M, 2009. 916 p.

4. *Kornilov A.A.* The Phenomenon of “Public Debt” and Its Impact on the Economy of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 6. P. 240–244.

5. *Shvetsova I.V.* Budget Lending as an Independent Direction of Financial Activity of Public-Legal Entities in the Russian Federation: diss. ... cand. of legal sciences. Saratov, 2023. 245 p.

6. *Osipova O.N.* Features of Credit Relations in the Budget Sphere // Proceedings of Universities. Economics, Finance and Production Management. 2013. No. 2 (16). P. 20–28.

7. *Tsaregradskaya, Yu.K.* "Green" Investments in the Context of Sustainable Development: Features of Legal Regulation // Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. No. 8 (96). P. 116–123.

8. *Syrbu A.P.* Increasing the Investment Attractiveness of the Region through Successful Construction and Placement of Subfederal and Municipal Bond Issues // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2009. No. 9 (77). P. 128–135.

П.А. Шетогубов,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
кафедра административного и муниципального права
имени профессора Василия Михайловича Манохина
Саратовской государственной юридической академии

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Аннотация. Актуальность темы статьи определена наличием практических проблем противодействия распространению экстремистского контента в сети «Интернет» средствами административной ответственности. Предметом исследования послужили нормы КоАП РФ, имеющие отношение к административной ответственности за нарушение порядка ограничения доступа к информации экстремистского содержания и ее удаления. Цель статьи заключается в выработке предложений по совершенствованию ст. 13.41 КоАП РФ, устанавливающей административные наказания для субъектов интернет-пространства, обязанных исполнять требования по удалению экстремистской информации и ограничению доступа к ней. В рамках достижения цели исследования применялись такие методы, как анализ, синтез, формально-юридический метод. Результатом исследования послужили обоснованные предложения по внесению изменений в КоАП РФ. Практическая значимость работы состоит в возможности использования выработанных предложений в законотворческой деятельности. Сделаны выводы о необходимости корректировки ст. 2.6 КоАП РФ, устанавливающей порядок ответственности иностранных компаний по ст. 13.41 КоАП РФ; закрепления отдельной ответственности организатора сервиса обмена мгновенными сообщениями; установления одинакового размера административного штрафа за неисполнение обязанности по ограничению доступа к информации, содержащей как призывы к осуществлению экстремистской деятельности, так и обосновывающей или оправдывающей ее необходимость.

Ключевые слова: административная ответственность, экстремизм, провайдер хостинга, владелец сайта, сеть «Интернет», иностранные компании, административное правонарушение, административный штраф, административное расследование, административное приостановление деятельности.

P.A. Shetogubov,
Applicant for the degree of Candidate of Law,
Department of Administrative and Municipal Law
named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin,
Saratov State Law Academy

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION OF THE PROCEDURE FOR RESTRICTING ACCESS TO INFORMATION OF AN EXTREMIST NATURE

Abstract. The relevance of the topic of the article is determined by the presence of practical problems of counteracting the spread of extremist content on the Internet

by means of administrative liability. The subject of the study comprises the norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation relating to administrative liability for violation of the procedure for restricting access to information of an extremist nature and its deletion. The purpose of the article is to develop proposals for improving Article 13.41 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, which establishes administrative punishments for subjects of the Internet space obliged to comply with requirements for the deletion of extremist information and restriction of access to it. In the framework of achieving the purpose of the study, such methods as analysis, synthesis, and the formal legal method were used. The result of the study comprises substantiated proposals for introducing amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The practical significance of the work lies in the possibility of using the developed proposals in law-making activity. Conclusions are drawn on the necessity of adjusting Article 2.6 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, which establishes the procedure for the liability of foreign companies under Article 13.41 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation; of consolidating separate liability for the organizer of an instant messaging service; and of establishing an identical amount of administrative fine for failure to fulfil the obligation to restrict access to information containing both calls for the commission of extremist activity and information substantiating or justifying its necessity.

Keywords: administrative liability, extremism, hosting provider, website owner, Internet, foreign companies, administrative offence, administrative fine, administrative investigation, administrative suspension of activity.

В действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации справедливо отмечается, что «...рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, а также к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека»[1]. В силу изложенного в числе задач правоохранительной политики в сфере противодействия административной деликтности исследователями выделяются «предупреждение и пресечение экстремистской деятельности граждан и организаций, включая правонарушения, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий [1, с. 100].

Ввиду быстрого развития информационных технологий и сложности их нормативного регулирования законодательная база в данной части продолжает развиваться [2, с. 510]. Тем не менее масштабы интернет-пространства выступают фактором, существенно осложняющим противодействие распространению информации экстремистского характера. Большое количество пользователей и высокая скорость их взаимодействия приводят к тому, что она быстро становится доступной неопределенному кругу лиц, поэтому законодательство предусматривает механизмы оперативного пресечения противоправных деяний в сети «Интернет».

Нарушение порядка ограничения доступа к информации экстремистского содержания влечет ответственность, предусмотренную ст. 13.41 КоАП РФ[2]. Это побуждает провайдеров хостингов, владельцев сайтов и информационных ресурсов своевременно реагировать на размещение противоправной информации. Тем

[1] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1; 2026. № 24, ст. 3101.

самым административная ответственность выполняет превентивную функцию [3, с. 39]. Вместе с тем остается ряд вопросов, требующих решения.

Так, основной проблемой привлечения иностранных компаний к административной ответственности за несоблюдение требований законодательства о противодействии экстремизму выступает сложность исполнения постановления о назначении административного штрафа при отсутствии на территории РФ их представительств. Российское законодательство не предусматривает эффективных инструментов, которые гарантируют уплату суммы административного штрафа в данной ситуации.

В письме Минобрнауки России от 28 апреля 2014 г. № ДЛ-115/03[1] отмечено, что поскольку «существующий механизм не обеспечивает надежного ограничения доступа к информационным интернет-ресурсам, размещенным за пределами Российской Федерации, требуется организация международного взаимодействия по вопросам борьбы с распространением запрещенной информации». Однако в текущих политических условиях перспектива реализации данного предложения сомнительна.

А.Ю. Соколов и О.А. Лакаев считают целесообразной «коррекцию законодательных формулировок с установлением возможности применения вместо административного штрафа карательных мер организационного характера в случае, если исполнение постановления об административном наказании затруднительно» [4, с. 38]. Разделяя позицию исследователей, следует констатировать возможность дополнения системы административных наказаний запретом деятельности юридического лица. Данная мера уже предусмотрена законодательством о противодействии экстремизму. Она применяется за неоднократное совершение деяний экстремистского характера, а ее назначение выражает отрицательную оценку совершенного деяния. В связи с этим Верховный Суд РФ обоснованно относит ее к мерам публично-правовой ответственности[2].

Далее следует обратить внимание на пробел законодательства, выраженный в отсутствии указания на ст. 13.41 КоАП РФ в ст. 2.6 КоАП РФ, устанавливающей порядок привлечения иностранных юридических лиц к административной ответственности. Так, согласно ее ч. 2.1, «иностранное юридическое лицо, совершившее за пределами Российской Федерации административное правонарушение, предусмотренное ст. 15.27.3 или 19.28 КоАП РФ и направленное против ее интересов, подлежит административной ответственности на общих основаниях». Остается неясным ограничение специфики ответственности юридических лиц данными составами. На обозначенное обстоятельство также обращало внимание правовое управление Государственной Думы РФ при рассмо-

[1] Письмо Минобрнауки России от 28 апреля 2014 г. № ДЛ-115/03 «О направлении методических материалов для обеспечения информационной безопасности детей при использовании ресурсов сети Интернет» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» (в ред. от 9 декабря 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

трении Законопроекта № 989758-7[1]. Совершение правонарушения экстремистской направленности посягает на интересы государства, создавая реальную угрозу его жизнедеятельности. В связи с этим логично внесение в ст. 2.6 КоАП РФ необходимых изменений. Соответствующее дополнение также требуется внести в ч. 3 ст. 1.8 КоАП РФ, определяющей специфику действия законодательства об административных правонарушениях в пространстве.

Актуальность решения данного вопроса обусловлена тем, что согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в ред. от 9 декабря 2025 г.)[2] (далее – Постановление № 5), «местом совершения административного правонарушения является место совершения противоправного действия независимо от места наступления его последствий, а если правонарушение совершено в форме бездействия, то местом его совершения следует считать место, где должно было быть совершено действие, выполнена возложенная на лицо обязанность».

Объективная сторона деяний по ст. 13.41 КоАП РФ выражается в бездействии, а соответствующие правонарушения считаются оконченными с момента истечения срока, который установлен уполномоченным субъектом для выполнения решения об ограничении доступа к информации или ее удалении. Из этого следует, что бездействие иностранных юридических лиц совершается за пределами России – по месту нахождения юридического лица. В то же время обязанность соблюдать требования российского законодательства о противодействии экстремизму не должна зависеть от места нахождения юридического лица.

В связи с этим вряд ли можно согласиться с позицией А.Э. Ганзера, что «отсутствие у привлекаемого к административной ответственности юридического лица регистрации на территории Российской Федерации, а также представительств выступает в качестве достаточного аргумента об отсутствии компетенции российского суда по рассмотрению дел» [5].

При рассмотрении дел об административных правонарушениях стороной защиты нередко указывается на факт непроведения административного расследования[3]. Действительно, совершение правонарушения по ст. 13.41 КоАП РФ выступает в качестве основания для его проведения согласно требованиям законодательства об административных правонарушениях. В то же время решение о проведении административного расследования принимает исключительно административный орган в случае усмотрения необходимости данного процессуального действия.

[1] Законопроект № 989758-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (об установлении ответственности за нарушение порядка удаления и (или) ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/989758-7 (дата обращения: 10.07.2026).

[2] СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: Постановление мирового судьи судебного участка № 422 Таганского района г. Москвы от 22 апреля 2022 г. по делу об административном правонарушении № 5-1588/22. URL: https://mos-sud.ru/422/cases/docs/content/7d7daa80-6e21-475d-ba9d-960e74d22804 (дата обращения: 10.07.2026).

Соответствующая позиция нашла выражение в содержании п. 3 Постановления № 5.

Тем не менее вызывает сомнение целесообразность проведения административного расследования по данным деяниям. Специфика сети «Интернет» обусловливает необходимость их скорейшего пресечения, поскольку несвоевременное удаление информации или ограничение доступа к ней способно привести к ее неконтролируемому распространению. В то же время срок проведения административного расследования составляет до одного месяца, а при необходимости может быть продлен. Кроме того, анализ судебной практики свидетельствует о том, что административное расследование по ст. 13.41 КоАП РФ не проводится[1]. Таким образом, следует исключить проведение административного расследования при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях по ст. 13.41 КоАП РФ.

Рамками ст. 13.41 КоАП РФ осталось не охваченным деяние, связанное с неисполнением обязанностей организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями. Так, согласно ст. 4.2 Закона № 149-ФЗ, в качестве такового рассматривается «организатор распространения информации в случае осуществления деятельности по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для обмена электронными сообщениями исключительно между пользователями этих информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, при котором отправитель электронного сообщения определяет получателя или получателей электронного сообщения и не предусматривается размещение пользователями общедоступной информации». Он обязан в течение суток с момента получения соответствующего требования Роскомнадзора ограничить возможность осуществления пользователем сервиса обмена мгновенными сообщениями запрещенной информации. Следует дополнить ст. 13.41 КоАП РФ соответствующей частью, устанавливающей ответственность за неисполнение названной обязанности в виде административного штрафа в размере от ста тысяч до двухсот тысяч рублей; для должностных лиц – от четырехсот тысяч до восьмисот тысяч рублей; для юридических лиц – от трех миллионов до восьми миллионов рублей. Аналогичная ответственность уже установлена для владельца сайта или владельца информационного ресурса.

Требуется также обратить внимание на то обстоятельство, что специальные ч. 3 и ч. 4 ст. 13.41 КоАП РФ устанавливают ответственность лишь за неисполнение обязанности по ограничению доступа к информации или удалению информации, если она содержит призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Так, ООО «Мэйл.Ру», являясь владельцем информационного ресурса «Одноклассники» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в нарушение За-

[1] См.: Постановление мирового судьи судебного участка № 422 Таганского района г. Москвы от 22 апреля 2022 г. по делу об административном правонарушении № 5-1588/22. URL: https://mos-sud.ru/422/cases/docs/content/7d7daa80-6e21-475d-ba9d-960e74d22804 (дата обращения: 10.07.2026).

кона № 149-ФЗ в установленный срок не приняло мер по удалению информации, содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности, тем самым совершив административное правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 13.41 КоАП РФ[1].

Однако если информация не подразумевает прямого призыва к осуществлению экстремистской деятельности, в то же время обосновывая или оправдывая необходимость ее осуществления, то лицо подлежит ответственности по ч. 1 или ч. 3 ст. 13.41 КоАП РФ, которые устанавливают меньший размер административного штрафа. Данный подход вызывает сомнение, поскольку как призыв, так и обоснование, оправдание необходимости осуществления экстремистской деятельности могут побудить иных лиц к совершению противоправных деяний. Стоит учитывать, что соответствующей логики придерживается законодатель при формулировании ряда составов правонарушений. Так, примерами могут выступать ч. 6 ст. 13.15 КоАП РФ, устанавливающая одинаковый уровень ответственности за производство либо выпуск продукции средства массовой информации, содержащей публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость ее осуществления; ст. 13.37 КоАП РФ, закрепляющая ответственность владельца аудиовизуального сервиса за аналогичное деяние. Таким образом, в ст. 13.41 КоАП РФ требуется внести изменения, направленные на установление одинакового размера административного штрафа за неисполнение обязанности по ограничению доступа к информации, содержащей как призывы к осуществлению экстремистской деятельности, так и обосновывающей или оправдывающей ее необходимость.

Подводя итог, представляется возможным сделать следующие основные выводы:

1) поскольку совершение правонарушения экстремистской направленности посягает на интересы государства, создавая реальную угрозу его жизнедеятельности, следует внести в ст. 2.6 КоАП РФ дополнение, устанавливающее, что юридическое лицо, совершившее за пределами Российской Федерации административное правонарушение, предусмотренное ст. 13.41 КоАП РФ, подлежит административной ответственности на общих основаниях;

2) проведение административного расследования по деяниям экстремистского содержания, ответственность за которые закреплена ст. 13.41 КоАП РФ, нецелесообразно ввиду того, что специфика сети «Интернет» обусловливает потребность в их скорейшем пресечении. Необходимо исключить проведение административного расследования при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением порядка ограничения доступа к информации, не отвечающей требованиям противодействия экстремистской деятельности, и порядка ее удаления;

3) следует дополнить ст. 13.41 КоАП РФ отдельной частью, устанавливающей ответственность за неисполнение обязанностей организатором

[1] Решение Савеловского районного суда г. Москвы по делу об административном правонарушении от 23 декабря 2021 г. 12-1098/2022. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/savelovskij/services/cases/appeal-admin/details/51431251-6489-11ec-a171-9b24631e8bf0 (дата обращения: 10.07.2026).

сервиса обмена мгновенными сообщениями по ограничению возможности осуществления пользователем сервиса передачи электронных сообщений, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Реализация данного предложения будет направлена на устранение пробела, связанного с отсутствием ответственности организатора;

4) требуется установление одинакового размера административного штрафа за неисполнение обязанности по ограничению доступа к информации, содержащей как призывы к осуществлению экстремистской деятельности, так и обосновывающей или оправдывающей ее необходимость, ввиду равной общественной вредности соответствующих деяний.

Библиографический список

1. *Соколов А.Ю., Лакаев О.А.* Правоохранительная политика в сфере противодействия административной деликтности: основные тенденции и вопросы модернизации // Государство и право. 2022. № 12. С. 99–105.

2. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: ДМК Пресс, 2025. 635 с.

3. *Соколов А.Ю.* Административная ответственность в Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2014. 148 с.

4. *Соколов А.Ю., Лакаев О.*А. Отдельные вопросы правового регулирования административной ответственности иностранных агентов в контексте современных вызовов // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 31–40.

5. *Ганзер А.Э.* Применение национального территориального принципа действия КоАП к деяниям, вменяемым иностранным лицам // Адвокатская газета. 2024. Вып. № 1 (402). С. 12–18.

Reference

1. *Sokolov A.Yu., Lakaev O.*A. Law Enforcement Policy in Combating Administrative Torts: Main Trends and Modernization Issues // State and Law. 2022. № 12. P. 99–105.

2. Administrative Law of the Russian Federation: textbook for Bachelors / ed. by A.Yu. Sokolov. Moscow: DMK Press Publishing House, 2025. 635 p.

3. *Sokolov A.Yu.* Administrative Liability in the Russian Federation: textbook. 2nd ed., revised and enlarged. Saratov: Saratov State Law Academy, 2014. 148 p.

4. *Sokolov A.Yu., Lakaev O.A.* Certain issues of legal regulation of the administrative liability of foreign agents in the context of modern challenges // Legal Policy and Legal Life. 2024. № 1. P. 31–40.

5. *Ganzer A.*E. Application of the National Territorial Principle of the Code of Administrative Offenses to Acts Imputed to Foreign Persons // Advocate Newspaper. 2024. Issue № 1 (402).